

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года
Выходит 4 раза в год

№ 38/2017

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40132 от 11.06.2010
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель, издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Кемеровский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. В. Шунков, доктор филологических наук,
доцент

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент

Технический редактор

О. В. Устимова

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Шербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт
культуры», 2017

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006
Published quarterly

№ 38/2017

The Mass Media Registration Certificate
ПИ No. ФС77-40132 of 11.06.2010 by the Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Founder, publisher

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
(FSFEI HE) «Kemerovo State University
of Culture»

The address of the founder, Publisher
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

A. V. Shunkov, Dr of Philological Sciences,
Associate Professor

Administrative Secretary

L. Yu. Egle, PhD in Culturology, Associate Professor

Technical editor

O. V. Ustimova

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeev*

Address of the Publisher:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© FSFEI HE «Kemerovo State
University of Culture», 2017

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», член Российского философского общества, член Научно-образовательного культурологического общества, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов России (г. Екатеринбург, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Department of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Acting Member of the International Academy of Sciences (Austria), Russian Academy of Natural Sciences and International Higher Education Academy of Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Ariarskiy Mark Arieovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Socio-cultural Activities, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation).

Astafyeva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department of Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Center "Civic Society and Social Communications," Member of the Russian Philosophic Society, and Scientific Education Culturologic Society, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozerova Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Department Chair of History and Theory of Performing Arts, Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Member of the Russian Composers Union (Yekaterinburg, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Culturology, Socio-cultural Anthropology and Social Communications, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation).

Wlodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of the Szczecin University (Szczecin, Poland).

Волк Павел Леонидович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музыкального и художественного образования, Томский государственный педагогический университет, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск, РФ).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор Российского нового университета, профессор кафедры социологии и рекламной коммуникации, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

Генова Нина Михайловна, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой театрального искусства и актерского мастерства, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Омск, РФ).

Демин Вадим Петрович, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования (г. Москва, РФ).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, член Российской Академии Естествознания, действительный член и член Президиума Отделения библиотекведения Международной академии информатизации, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Российский новый университет, академик Российской академии образования, действительный член Российской инженерной академии, академик Академии естественных наук Российской Федерации, почетный академик Международной академии науки, образования и технологий (Германия), академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Volk Pavel Leonidovich, Dr of Culturology, Professor, Department Chair of Musical and Art Education, Tomsk State Pedagogical University, Head of Department of Culture of the Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation).

Gavrov Sergey Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Russian New University, Professor of Department of Sociology and Advertising Communications, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Genova Nina Mikhaylovna, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Department Chair of Theater Art and Acting Skill, Dostoevsky Omsk State University, Member of the Theatre Union of the Russian Federation, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

Demin Vadim Petrovich, Dr of Art History, Professor, Academician-secretary of the Department of Education and Culture of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Nataliya Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian State Library, Member of the Russian Academy of Natural History, Acting Member and Member of Presidium of the Library Science Department International Informatization Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, International Informatization Academy, International Higher Education Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Department Chair of UNESCO, Russian New University, Academician of the Russian Academy of Education, Acting Member of the Russian Academy of Engineering, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Academician of International Academy of Science, Education and Technologies (Germany), Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствоведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук, вице-президент Русского отделения Международной академии наук, вице-президент Международной академии наук (Австрия), академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа в Хелме (г. Хелм, Польша).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, исполняющий обязанности ректора Красноярского государственного института искусств (г. Красноярск, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член Научного совета Российской академии наук по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Светлова Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории музыки, проректор по научной и творческой работе, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of the Institute of Music of the Faculty of Arts, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valeriy Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow University for the Humanities, Academician-secretary of Humanitary Sciences Section of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of the International Academy of Sciences (Austria), Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Honorary Worker of Higher Professional Education, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Mazur Pyotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Pedagogy, State School of Higher Education in Chelm (Chelm, Poland).

Moskalyuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Music and Art Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Acting Rector of Krasnoyarsk State Institute of Arts (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilyevich, Dr of Art History, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Complex Problem "History of World Culture," Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician-secretary of the National Academy of Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoy Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Svetlova Olga Aleksandrovna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Music History, Vice-rector for Scientific and Creative Work, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент Российской академии образования (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, руководитель Центра глобальных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, академик Международной академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Академии Российской словесности, член Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, член Общественного совета и Совета по науке при Министерстве культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Хандке Ришард, доктор искусствоведения, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель Секции информационной грамотности Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigoryevna, Dr of Philological Sciences, Professor, Department Chair of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ursul Arkadiy Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Academician of the International Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Uzhankov Aleksandr Nikolaevich, Dr of Philological Sciences, PhD in Culturology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Acting Member of Academy of Russian Literary Word, Member of of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Member of the Public Council and Council for Science of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Handke Ryszard, Dr of Art History, Professor, Rector of Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Section of Information Literacy of the International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA), Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Москва, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Казаков Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры театрального искус-

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatoliy Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovskiy Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Moscow, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Lesovichenko Andrey Mikhaylovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Folk Art, Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Section of Art History

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Theatre Art, Head of

ства, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Барнаул, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Союза композиторов России (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естественных наук, академик Петровской академии наук и искусств, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art History, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Stepanskaya Tamara Mikhaylovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Barnaul, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Member of the Russian Composers Union (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Head of Department of Orchestral, Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciences

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Academician of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of Petrovskiy Academy of Sciences and Arts, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Gendina Natalya Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, проректор по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, директор НИИ межкультурной коммуникации и социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Pilko Irina Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomaryev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Vice-rector for Scientific Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatyana Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Kostyuk Natalya Vasilyevna, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication and Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Миненко Г. Н., Латышев А. А. Реставрация культуры крестьянского хозяйствования как значимый вектор возрождения России.....	13
Морозов Н. М. Поликонфессиональная среда Кузнецкого края в пореформенный период. Статья I. Приходы Русской православной церкви.....	22
Манзырева Е. С. Образ Восточной Сибири и его отражение в региональной художественной культуре.....	33
Кениспаев Ж. К. Культура как элемент европейской экспансии.....	40
Шикалева И. А. Современные тенденции решения проблем культурной идентификации.....	46
Френк Г. Ю. Основные этапы образовательной политики Канады в отношении коренных народов.....	50
Труевцева О. Н. Университетский музей: главный вектор развития.....	56
Родионов С. Г., Глушкова П. В. Музеефикация архитектурного наследия шорцев.....	61
Юдин М. О., Глушкова П. В. Архитектурное наследие села Красное Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области: подходы к музеефикации.....	67
Басалаева О. Г., Лукина Н. П. Технологический уклад и культура в контексте концепции цивилизации конвергенции наук и технологий: методологический аспект.....	76

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Лесовиченко А. М. Н. В. Лысенко: у истоков детской оперы (к 175-летию со дня рождения композитора).....	81
Чигарева Е. И. А. В. Михайлов о проблеме слова и музыки.....	90
Синельникова О. В. Проблемы и перспективы развития композиторского творчества в Кузбассе.....	98
Монастыршина Ю. А. Основные постулаты интерпретационной философии Гульда.....	107
Ульмасов Ф. А. О внутреннем и внешнем планах многомерности восточной монодии.....	120
Татарнинова А. Д. Якутский круговой танец <i>ohyохай</i> в советских изданиях 1920–40-х годов.....	127
Прокопов В. Л., Прокопова Н. Л. Самораскрытие актера: содержание понятия и приемы эмоционального обнажения.....	134

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Коргожа Н. С. Научная школа профессора В. В. Туева: новые концептуальные подходы к исследованию социально-культурной деятельности.....	140
Юдина А. И. Досуговые предпочтения современных подростков: предупреждение социальных рисков.....	146
Васильковская М. И. Деятельность клубного объединения в развитии творческих способностей детей подросткового возраста.....	152
Зайцева Т. В. Инициативный клуб как форма организации студенческого самоуправления вуза культуры.....	159
Юдина А. И., Мухамедиева С. А., Родионова Д. Д., Тараненко Л. Г., Клюев Ю. В. Алгоритм социально-культурного прогнозирования деятельности организаций сферы культуры.....	166
Мухамедиева С. А. Социально-культурное прогнозирование как условие обеспечения качества социально-культурной деятельности в организациях сферы культуры.....	175
Слаутина Н. М., Лазарева М. В. Индивидуальная образовательная траектория профессионализма сотрудников учреждений культуры.....	183
Слаутина Н. М. Педагогические условия формирования маркетинговой компетенции студентов вуза.....	188
Белов В. Ф. Формирование ценностного отношения к будущей профессии в учреждениях среднего профессионального образования средствами социально-культурной деятельности.....	193
Черняк Е. Ф. Особенности коммуникационной деятельности вуза в интернет-пространстве.....	197
Бугрова Н. А. Ценностно-смысловые основы становления субъектности будущего педагога.....	202
Борздун В. Н., Григоренко Н. Н. Метод проектов в организации педагогической практики в творческом вузе.....	210
Алфавитный указатель авторов.....	221

CONTENTS

CULTUROLOGY

Minenko G.N., Latyshev A.A. Restoration of Peasant Culture Management as the Relevant Vector of Renaissance of Russia.....	13
Morozov N.M. Polyconfessional Environment of the Kuznetsk Region During the Post-reform Period. Article I. Parishes of Russian Orthodox Church.....	22
Manzyreva E.S. Image of Eastern Siberia and Its Reflection in the Regional Artistic Culture.....	33
Kenispaev Z.K. Culture as an Element of European Expansion.....	40
Shikaleva I.A. Modern Trends for Solving Problems of Cultural Identification.....	46
Frenk G.Y. Major Periods in Canadian Educational Policy Towards Aboriginal People.....	50
Truevtseva O.N. The University Museum: Main Vector of Development.....	56
Rodionov S.G., Glushkova P.V. Museumification of the Shor's Architecture Heritage.....	61
Yudin M.O., Glushkova P.V. Architectural Heritage of Krasny Village, Leninsk-Kuznetsk District of Kemerovo Region: Approaches to Museification.....	67
Basalaeva O.G., Lukina N.P. Technological Structure and Culture in the Context of Concept Civilization Convergence of Sciences and Technologies: Methodological Aspect.....	76

ART HISTORY

Lesovichenko A.M. N.V. Lysenko: the Source of Children's Opera (to 175th Anniversary of the Composer).....	81
Chigareva E.I. A.V. Mikhaylov and the Issue of the Word and Music.....	90
Sinelnikova O.V. Problems and Prospects of Development the Composer's Creative Work in Kuzbass... 98	
Monastyrshina Y.A. The Basic Postulates of Gould's Interpretive Philosophy.....	107
Ulmasov F.A. On the Inner and Outer Planes of Eastern Monody Multidimensionality.....	120
Tatarinova A.D. Yakut Circular Dance Ohuokhay in Editions of 1920-40s of Soviet Period.....	127
Prokopov V.L., Prokopova N.L. Actor's Self-Opening: The Concept and Methods of the Emotional Baring.....	134

PEDAGOGICAL SCIENCES

Korgozha N.S. Professor V.V. Tuev's Scientific School: New Conceptual Approaches to the Study of Socio-cultural Activities.....	140
Yudina A.I. Preference for Leisure of Modern Teenagers: Prevention of Social Risk.....	146
Vasilkovskaya M.I. Club Activities Associations in the Development of Creative Abilities of the Teenage Children.....	152
Zaytseva T.V. Initiative Club as a Form of Organization of the Student Government of the University of Culture.....	159
Yudina A.I., Mukhamedieva S.A., Rodionova D.D., Taranenko L.G., Klyuev Y.V. Algorithm of Socio-cultural Estimate of Cultural Institutions Activity.....	166
Mukhamedieva S.A. Socio-cultural Estimate as a Quality Assurance Condition of Socio-cultural Activities in Cultural Institutions.....	175
Slautina N.M., Lazareva M.V. Individual Educational Trajectories of Professionalism of Employees of Cultural Institutions.....	183
Slautina N.M. Pedagogical Conditions of University Students' Marketing Competence Building.....	188
Belov V.F. The Formation of the Value Attitude to the Future Profession in Institutions of Secondary Vocational Education by the Means of Socio-cultural Activities.....	193
Chernyak E.F. The Features of the Communication Activities of the University in the Internet.....	197
Bugrova N.A. Valuable and Semantic Bases for Forming the Subjectivity of a Future Teacher.....	202
Borzdun V.N., Grigorenko N.N. A Method of Projects in the Pedagogical Practice Organization at the Creative University.....	210
List of Authors in Alphabetical Order.....	221

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 130.2

РЕСТАВРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ КАК ЗНАЧИМЫЙ ВЕКТОР ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Латышев Андрей Адрианович, соискатель, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: latyshev-andrey@mail.ru

Причину низкой динамики цивилизационных реформ в России конца XX – начала XXI века авторы статьи видят в метафизике марксистских парадигм, господствующих в общественном сознании представителей русского этноса, что явилось результатом советских политических практик. Методологическая особенность концепта «общественно-экономические формации» состоит в отсутствии в его объяснительной модели субъективной составляющей человеческой индивидуальности. Трагические результаты большевистских управленческих практик и замедление цивилизационного развития российского этноса обусловлены отрицанием индивидуализма крестьян и их хозяйственно-бытового институционального устройства, что, в свою очередь, привело к утрате русскими способности к цивилизационной самоидентификации и коллапсу социально-эволюционного развития. Значимый вектор выхода из кризисного состояния авторы видят в реставрации крестьянского хозяйственного уклада русских и катализирующего влияния государства на его развитие.

Для анализа особенностей крестьянского уклада, который авторы считают особой культурной формой, в статье привлекается значительный материал дореволюционных исследователей экономического поведения русского крестьянства. Актуализируются также малоизвестные наблюдения представителей аграрной интеллигенции 1910–1930-х годов о политике российского государства в отношении крестьянского хозяйствования в последний период существования Империи. По мнению авторов, многое из взаимодействия аграрной науки и практики того периода применимо и в настоящее время.

Ключевые слова: человеческая индивидуальность, культурная форма, крестьянин, хозяин, крестьянский индивидуализм, крестьянский хозяйственный уклад.

RESTORATION OF PEASANT CULTURE MANAGEMENT AS THE RELEVANT VECTOR OF RENAISSANCE OF RUSSIA

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Latyshev Andrey Adrianovich, Applicant, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: latyshev-andrey@mail.ru

The reason for the low dynamics of civilization reforms in Russia in the late XX – early XXI century. The authors see in metaphysics of the Marxist paradigms that dominate the public consciousness of representatives of the Russian ethnos, which was the result of Soviet political practices. The methodological

feature of the concept of “socio-economic formation” is the absence in this explanatory model of the subjective component of human personality. The tragic results of Bolshevik management practices and slowing civilizational development of the Russian ethnos is due to the denial of farmers’ individualism and their household institutional arrangements, which, in turn, led to the loss of the ability to Russian civilizational identity and the collapse of social and evolutionary development. The authors see a significant vector exit from the crisis in the restoration of the peasant economic structure and catalyzing the Russian government influence on its development.

To demonstrate the features of the peasant way of life, which the authors consider specific cultural form, the article attracted considerable material of the pre-revolutionary researchers of economic behavior of the Russian peasantry. Actualized as a little-known observation of representatives of agricultural intelligentsia in the 1910-1930s of the Russian state policy in relation to peasant farming in the last period of the Empire. According to the authors, a lot of interaction between agricultural science and practice of the period is applicable to the present time.

Keywords: human individuality, cultural form, farmer, owner, peasant individualism, peasant economic structure.

Бедность большей части российского населения в сочетании с высокой степенью имущественной дифференциации является сегодня «питательным бульоном» социального напряжения, генерирующего внутреннюю угрозу безопасности государства и нации. Положение усугубляется отсутствием внятной, аналитически аргументированной, вытекающей из логики предыдущей событийности истории страны, проектной мысли о будущем устройстве нашего Отечества. Объяснить это можно, вероятно, цивилизационным изломом начала прошлого века.

Феномен власти-собственности [3] в советские времена лишил семью и личность статуса суверенного собственника производственно-поселенческой среды, что вело к блокированию родовой функции человека – продуцирования замыслов производства средств его жизнеобеспечения. Утрата в первой трети прошлого века населением России способности производственно-поселенческого саморазвития семьи явилась причиной деформации её смысложизненных стратегий и повседневных практик, что привело к смене вектора цивилизационного развития русских. Нормативно-институциональное изменение отношений собственности и политической системы в конце XX столетия не смогли привести к смене хозяйственно-бытового уклада, экономического поведения россиян.

Дебаты кандидатов в депутаты осенью 2016 года, повседневные политические дискуссии, демонстрируемые российским телевидением, действия правительства позволяют сделать вывод

о доминирующей в сознании россиян идеологии. Правящая элита, экспертное сообщество и активная часть населения, находясь в плену метафизики социологических парадигм второй половины XIX–XX веков, продолжают продуцировать в повседневных практиках смыслы и действия, не адекватные ни уровню их же социальных ожиданий, ни характеру функционирования новой техносферы, которая на видимом фоне массового производства в своем перспективном тренде стремительно движется в сторону индивидуализации труда.

Алгоритм определения модели носителя будущего цивилизационного развития России вытекает из логики сложившейся ситуации. Во-первых, необходимо обнаружение несоответствия марксистских (коллективистски-массовидных) парадигм, доминирующих и сегодня в сознании россиян, антропологической (индивидуально-личностной) аксиоматике; во-вторых – определение аутентичного для русской семьи хозяйственного уклада; в-третьих – обнаружение мотивационно-целевых и поведенческих доминант носителя этнокультурного хозяйственного уклада русских.

Невозможность применения парадигм марксистского концепта «общественно-экономические формации» в анализе и управлении социальными практиками обусловлена отсутствием в её объяснительной модели субъектной составляющей человеческой индивидуальности. Этот аналитический конфуз был замечен ещё С. Н. Булгаковым, в его работе 1906 года «Карл Маркс как религи-

озный тип», где он писал: «Характерной особенностью натур диктаторского типа является их прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности, люди превращаются для них как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных целей, или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного воздействия. ...Это теоретическое игнорирование личности, устранение проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории необыкновенно характерно и для Маркса. Для него проблема индивидуальности, абсолютно неразложимого ядра человеческой личности, интегрального её естества не существует» [1, с. 314]. Базовой идеологемой марксизма является тотальное обобществление всех сторон жизни общества, его системообразующих составляющих.

Добывание потребного продукта в тот или иной момент жизни человек имеет обыкновение предвзято создавать его идеальной модели – своих потребностей, своих действий и пространственно-предметной среды, в которой будет воплощен замысел. А поскольку этим свойством обладает только индивид, то пространственно-предметная среда, формируемая замыслом, должна быть институционально индивидуализирована. Таким образом, феномен индивидуальной собственности есть порождение биоинтеллектуальной природы человека, и, в известной степени, является трансформацией его «территориального инстинкта». Индивидуальная собственность, ограничиваемая трудовыми возможностями физического тела индивида, обладает свойством эволюционной культурной константы, нарушение которой ведет к утрате им видовой качественной специфики. Следовательно, трактовка ликвидации личной собственности на средства производства как закономерного цивилизационного феномена есть нонсенс.

Феномен индивидуальности человека определяет вектор динамики эволюционных изменений в силу того, что только индивид в истоке обладает интеллектом, то есть способностью продуцировать идеальные модели в качестве инструмента своего жизнеобеспечения. «Коллективный разум» – это метафора, фиксирующая синхронность мышления, передачу информации между

индивидами и ее сохранение. Аксиоматический характер приведенного факта очевиден, но смысловая синхронизация его с нашей повседневностью требует фиксации в современных социальных практиках массовидного коллективизма как своего рода институционального вируса, угнетающего индивидуальный интеллект.

Блокирование индивидуального интеллекта коллективным промышленным производством с разделенным трудом было понято еще в XIX веке и многократно описано. Специфический же вклад современных образовательных и воспитательных методов в этот процесс не столь очевиден, поэтому требует аналитического подхода для их обнаружения. В условиях коллективно-группового воспитания молодого поколения (детсад, школа, начальное профессиональное образование, срочная служба в ВС) внутригрупповая иерархия складывается не по базовому, видовому для человека основанию («кто умнее» в стратегиях индивидуального и видового выживания), а по «кто сильнее». Последнее есть наследие животного царства, с которым с разной мерой успеха на протяжении тысячелетий борются мировые религии. Устойчивость «этологического рефлекса» определяется тем, что на выяснение того, «кто сильнее» достаточно от нескольких секунд до нескольких минут. Временные же параметры и механизмы интеллектуального обмена не сравнимы по энергетическим затратам и динамике с простым разглядыванием одноклассниками друг друга и скорым выяснением места «особи» в стайно-стадной иерархии группы. Выяснение «кто умнее» может не произойти никогда, ибо в группе для этого нет ситуативной необходимости. Но даже когда это происходит, то мало что меняет, ибо не находит практического деятельностного применения. Совместные действия группы не вырабатывают совокупный мыслительный продукт, качество которого влияло бы на благополучие всех членов группы, как это происходит в производственных бригадах, научных коллективах и т. д. Внутригрупповые иерархии детей, возникающие на этологической основе в дошкольный, школьный и начально-профессиональный период становления личности, обуславливают устойчивость животноподобных поведенческих стереотипов в их последующей жизни. Их основным инструментальным средством при этом яв-

ляется агрессия. Для сравнения отметим, что в самой архаичной крестьянской семье лидерство отца, авторитет матери, старших братьев и сестер строились, в первую очередь на их практическом интеллекте, умении вести хозяйство, выполнять все необходимые многообразные трудовые действия. Поэтому как социально-групповой феномен социализация молодого поколения в традиционной семье стоит выше на эволюционной шкале, чем существующая форма социализации подрастающих поколений.

Вывод следующий: нарушение естественно-природных форм механики социализации молодого поколения ведет к поведенческой редукции человека, что в сочетании с нынешними технологическими условиями увеличивает возможности катастрофических финалов жизни личности, социальной группы. Причинным источником этого является, в том числе, вполне безобидный, на первый взгляд, и, кажется, такой необходимый в нынешних условиях, городской детский садик. В условиях повседневности он лишает ребенка возможности видеть труд родителей, старших братьев и сестер, обеспечивающий жизнь семьи, их умственное превосходство и его жизненно-необеспечивающее значение.

К механическому угнетению интеллекта коллективностью следует присовокупить его мировоззренческое блокирование. Человек не может существовать без смысловой актуализации своей жизни, её начала и конца. При этом он сталкивается с фактом бесконечности, из которой он является миру и куда уходит, покидая его. Актуализация бесконечности в сознании личности, посильное ее постижение является базовой потребностью человека, удовлетворение которой обеспечивает сохранение видовой качественности личности. Этот тезис утверждает правоту толстовского текста:

«- Избави Бог жить только для этого мира. Чтобы жизнь имела смысл, надо, чтобы цель ее выходила за пределы постижимого умом человеческим...»

- Мое Я стремится расшириться и в стремлении сталкивается со своими пределами в пространстве... Кроме сознания пределов в пространстве, есть еще сознание себя – того, что сознает пределы. Что есть это сознание? Если оно чувствует пределы, то это значит, что оно по суще-

ству своему беспредельно и стремится выйти из этих пределов...

- Жизнь человека выражается в отношении конечного к бесконечному.

- Бесконечное, которого человек сознает себя частью, и есть Бог» [2, с. 34–35].

Практики российского социализма развивались в контексте марксистских идей, что явилось идеологическим основанием массового физического истребления трудовой элиты русских, уничтожения ее институциональных и культурных форм жизнедеятельности. Главное, тотальностью коллективизма была реализована в значительной степени «перезагрузка» средового мышления русского человека. Индивидуально-средовое мышление, направленное на природу, как объект труда, источник потребляемого продукта и основание духовного самоопределения было заменено коллективно-средовым, при котором потребностные мотивы личности направлены на социум, дающий жизнеобеспечивающий продукт в виде зарплаты, пенсии, криминального дохода, ценности самоидентификации, ограниченные социальной средой. Результатом явилась утрата русскими как индивидами эволюционного социально-культурного инструментария и резкое снижение динамики цивилизационного развития.

Реставрация хозяйственного уклада русских возможна только в этнокультурной традиции, которая вернет им индивидуализированные деятельностные практики. Понимание этого факта происходит ныне на практически-бытовом уровне и обусловлено острой ситуативной необходимостью трудоустройства больших масс населения, и прежде всего молодежи, о чем свидетельствуют, в том числе, появляющиеся федеральные и региональные законодательные акты. При этом возникает множество требующих своего решения вопросов, в частности, проблема теоретического обоснования цивилизационного ресурса культурных форм индивидуального (семейного) производственного домохозяйства. Теоретические соображения на этот счет были представлены в наших публикациях [6; 8]. Результаты исследований говорят о том, что мелкое сельское хозяйство (крестьянство) в силу укорененной в прошлом этнокультурной традиции, территориальных особенностей и производственной ситуативности в наибольшей степени может

претендовать на массовое внедрение в ходе нынешних российских цивилизационных реформ.

Обратимся к историческому материалу. Носители этой производственно-поселенческой культурной формы представляли самую многочисленную часть населения дооктябрьской России. Во второй половине XVII – начале XX века на долю крестьянства приходилось от 80 до 90 % всего населения Европейской части страны без Польши и Финляндии [9, с. 130]. В силу этого обстоятельства нынешние россияне в наибольшей степени представлены потомками русских крестьян и, следовательно, являются носителями их фенотипических свойств. В контексте нашего рассмотрения крайне значимым является один аспект социального поведения русского крестьянина – степень его хозяйственного индивидуализма. От того, «единоличниками» ли были предки нынешних россиян, или безнадежными коллективистами, на чем настаивают нынешние адепты советского прошлого, зависит их предрасположенность к хозяйственному укладу прадедов, а, следовательно, его уместность в нынешней российской действительности. «Едиличность» русских крестьян в советские времена осуждалась, поэтому поиск её объективных оценок надо искать в текстах исследователей дооктябрьского времени.

В первую очередь, вероятно, необходимо вспомнить оценки национального характера великороссов В. О. Ключевского в его известном курсе лекций по русской истории, поскольку обусловленность хозяйственного индивидуализма наших пращуров он видит в природных условиях их существования [5, с. 313–315]. Исторического факта, обосновывающего природу русского коллективизма «раскорчевкой леса при освоении земли, пригодной для хлебопашества», не было, равно как и «осушения болот» [5, с. 24–25], поскольку это было физически невозможно. Да и необходимости такой не было. Пашни устраивались на опушках леса, о чем пишет Ключевский, и удалялся только кустарник, если он мешал.

Развернутую характеристику технологического мышления крестьян, их духовного состояния, рождающего хозяйственный индивидуализм, дает Г. И. Успенский в цикле очерков «Власть земли» [13]. Повествование о жизни крестьянина Ивана Босых Успенский заключает следующим:

«Миллионы самых тончайших хозяйственных ничтожностей, ни для кого, как мне казалось, не имевших решительно ни малейшего значения, не оставлявших, как мне казалось, даже возможности допустить к себе какое-либо внимание, вдруг выросли неодолимой преградой на пути ко всеобщему благополучию... Человек, который при “хорошей жизни”, “на воле”, “на свободе” не жалует денег на пьянство, не находит возможности чем-нибудь наполнить свое существование, кроме распутства, – человек, который “швыряет”, как барин, деньги, когда ему легко жить, – вдруг, как скупец, дрожит над каким-то куриным наземом, не соглашается уступить зерна, ежели оно возросло на ненадлежащем удобрении...» [13, с. 478].

Удивительную гипотезу на этот счет выдвигает А. Н. Энгельгардт в письмах «Из деревни»: «Все крестьяне сознают, что жить большими семьями выгоднее, что разделы являются причиной обеднения, а между тем все-таки делятся. Есть же, значит, этому какая-нибудь причина? Очевидно, что в семейной крестьянской жизни есть что-то такое, чего не может переносить все переносящий мужик. Не в мужике ли оно? ... Не оттого ли мужик делится, не оттого ли стремится к отдельной жизни, что он более человек, чем поэт, более идеалист?» [14, с. 203–204].

Надобно заметить, что и Александр Николаевич Энгельгардт и Глеб Иванович Успенский по своему социальному мышлению были если не социалистами, то убежденными коллективистами. Их исследования русского крестьянства были обусловлены желанием усовершенствовать жизнь народа посредством реализации «прогрессивных идей» общественного устройства. Автор писем «Из деревни» искренне надеется, что зажиточность наступит, если обрабатывать землю сообща, и когда люди додумаются о выгоде совместного труда, «то и земля, и все хозяйство неминуемо перейдут в их руки» [14, с. 203]. В отличие от Маркса, умозрительно представлявшего социализацию земли, Энгельгардт делал выводы на основе своих хозяйственных практик. Общение с крестьянами, наблюдения за их мировосприятием делали его гипотетические предположения более точными в понимании видовых свойств человека. Экономическая выгода – это социальная ценность, к тому же относительная в своем измерении. Освоение же природы, себя самого в про-

изводственным хозяйственным труде является системообразующим основанием общества и стоит выше в системно-масштабном измерении мироустройства, обладая, при этом, статусом константы [7, с. 54–57].

Очевидно, интуитивное миропостижение в процессе повседневных хозяйственно-трудовых практик человеческой индивидуальностью может рассматриваться в статусе атрибутивной составляющей всякого обществоведческого исследования, наряду с отвлеченным умозрением, поскольку именно в этой совокупности знание достигает высокой степени достоверности.

Индивидуализм крестьян не нарушал гармонии деревенского общественного устройства. Высокая нравственность личности являлась основанием системы социальной защиты членов деревенского общества, в центре которой стояла личность хозяина. Методы социальной защиты были направлены на его формирование и воспитание, на сохранение целостности хозяйства семьи. После смерти мужа жене не переходило право суверенного хозяина, она становилась только опекуном его детей. Крестьянин-толстовец Д. Е. Моргачев, 1892 года рождения, пишет: «Сельским сходом мать была избрана опекуницей сиротского имущества нас, двух маленьких братьев. Все имущество и скот были переписаны сельским старостой по предписанию волостного старшины и сданы моей матери под расписку. Опекун мог быть и посторонний. Ежегодно мать отчитывалась перед сельским сходом в присутствии волостного старшины» [10, с. 235]. Статус хозяина воспитывался в процессе управленческих практик общины: «Ещё будучи работником, с хозяином я ходил на общее собрание, на сходы всего села, и хотя туда ходили старики, против меня никто не возражал, так как все знали, что я являюсь хозяином дома...» [10, с. 244].

Смена внутри деревенской общины статусов её членов происходила довольно часто и вполне органично, не нарушая межличностного благорасположения деревенского общества и сохраняя все тонкости представлений крестьян о справедливости. Д. Е. Моргачев свидетельствует: «Николай когда-то жил у нашей матери в работниках. Опекун предложил меня им в работники, но они вечером уже пригласили мальчика, и выпили магарыч. Но жёны братьев в один

голос заявили, что тот Петька им не нужен, он рябой и у него есть отец и мать, а этого сироту надо взять. Так я и остался у них» [10, с. 236]. Институциональное устройство внутри деревенской общины, конечно, не могло избегнуть неурядиц, связанных с межличностными отношениями, но его аутентичная гуманность, воспитательная благотворность социализации и практическая рациональность в сохранении социально-средового кластера крестьянства несомненна.

Повествование Егора Моргачева опровергает устоявшееся общественное мнение о политике царского правительства в отношении крестьян как сугубо эксплуататорской и ведущей к антагонизмам. Например, сюжет его рассказа о событиях осени 1910 года свидетельствует об обратном. На сельском сходе, приехавший агроном сообщил собравшимся, что Елецкое земство ставит вопрос о поднятии сельского хозяйства. Для этого крестьянам давали бесплатно «быка симментальской породы», «хряка йоркширской породы» и «барана шерстистого». Предлагалось открыть прокатный пункт сельскохозяйственных машин и орудий – плугов двухлемешных, запашников четырехлемешных, сортировку для отборки лучших семян. На первый случай давались бесплатно минеральные удобрения костяная мука, суперфосфат, томас-шлак. На приусадебные участки давали бесплатно для молочного скота несколько фунтов семян люцерны, которую можно косить до четырех раз в лето, и семян кормовой свеклы [10, с. 244]. Мы приводим все детали рассказа Моргачева, чтобы проиллюстрировать не только сам факт содействия правительства развитию аграрной технологии крестьянских хозяйств, но и показать его довольно высокий научный технико-технологический уровень в сравнении даже с её нынешним состоянием.

Приведённые мероприятия не исчерпывали всех мер содействия властей развитию крестьянского хозяйствования. В Ельце уездное земство открыло сельскохозяйственные курсы на 50–60 дней с бесплатным питанием и квартирой, на которых читались лекции по аграрной технологии и организации потребительской кооперации. Курсы проводились ежегодно. В Ельце работало «Императорское общество птицеводства», откуда Моргачев получал яйца для вывода цыплят породистых кур [10, с. 244–246].

В рассказе Моргачева внимание исследователя привлекают два факта, иллюстрирующие отношение к крестьянам представителей, как тогда говорили, «образованного класса». На молчаливое сомнение нашего героя в необходимости траты денег на поездку, агроном достал бумажник, вынул три рубля и подал ему. В селе Стегаловке, Тербуновской волости, Елецкого уезда, Орловской губернии помещик Бедров, умирая, завещал своё небольшое имение и земли Елецкому земству с тем, чтобы оно устроило садоводческую школу для крестьянских детей [10, с. 247].

Сомнения в нерепрезентативности приведенных фактов снимают свидетельства из Сибирского региона времен Гражданской войны. Крупный специалист по конезаводству Дмитрий Викторович Поляков, служивший с 1914 года в должности управляющего Томской государственной конюшней, был смещён с должности 6 февраля 1920 года по распоряжению Томского уездного ревкома. На запрос Ново-Николаевского губземотдела Поляков даёт весьма подробное разъяснение происшедшего. По его мнению, причиной освобождения от должности была реквизиция белыми 16 и 17 декабря 1919 года 30 жеребцов. Удивляет логика и характер объяснений бывшего управляющего. В условиях террора революционного руководства, когда вполне были уместны, с точки зрения самосохранения, живописания бесчинств и угроз отступающих колчаковцев, Поляков ничего подобного не делает. Единственное его стремление – внести ясность в происшедшее. Он одинаково сдержан и уважителен и к белым, и к ревкому, верит в справедливость государственной власти, в необходимость подчинения ее, хотя и новым, но законам. Поляков догадывается, что дело, видимо, в его политической ориентации и высказывает свою позицию на этот счет: «Что касается моих политических убеждений, то до сих пор я оставался по роду своей деятельности и специальности внепартийным, ибо считаю, что всякое дело, обслуживающее нужды трудящегося крестьянства, есть та равнодействующая, на которой должны сходиться все партии, а удовлетворение насущных жизненных вопросов трудящейся крестьянской массы является залогом прочности и авторитета всякой власти» [15]. И далее, нет ни малейшей попытки защитить себя выражением своих политических симпатий или антипатий. Если чем и пытается защититься бывший управ-

ляющий, так это подробным и полным описанием своей научной деятельности. Во взглядах Полякова с очевидной определенностью обнаруживается видение мира, в котором политическим отношениям отводится второстепенная роль. Определяющей системой его миропонимания выступает взаимодействие «человек – природа» и, следовательно, все многообразие отношений, возникающих при этом, оценивается как намного более важное, чем различные политические коллизии.

Гуманизм в обслуживании нужд трудящегося крестьянства как мировоззренческая доминанта и целеполагающий мотив профессиональной деятельности аграрной интеллигенции царской России формировался, в том числе, в её высших учебных заведениях. Высокий уровень гуманитарного образования считался в порядке вещей и являлся одним из официальных критериев интеллектуала-агрария. В этом смысле представляет интерес сюжет отчета ректора Сибирского ветеринарного института за 1925–1926 год профессора А. Ф. Дорофеева: «Уровень общего развития поступающих по сравнению с прошлыми годами значительно поднялся. Однако стоит еще на очень низкой ступени по сравнению со старым временем. Наиболее слабая подготовка в смысле каллиграфии, затем стили и изложения. Вполне развитых тем очень мало, к таковым преимущественно относятся общественно-политические темы. Литературные темы очень слабы и конспективны. Очевидно, оригиналы произведений не читались. Знакомство с классической художественной литературой в общем очень слабое, с современной литературой ещё более того поверхностное» [16]. На тот момент институт просуществовал шесть лет. Профессура была представлена специалистами, приглашенными из Казанского ветеринарного института [11, с. 14].

Нельзя не отметить, что борьба мировоззрений и поведенческих культур была довольно острой. В книге 1928 года, посвященной десятилетию высшей ветеринарной школы г. Омска, в разделе «Настроение студенчества» обнаруживаем описание ситуации, похожее на сводки с фронта. Раскол студентов на два лагеря – «лучшую, передовую часть, объединившуюся вокруг партиячейки» и «остальную», исключение и высылка 22 бывших белых офицеров, деление на «старое» студенчество, имевшее 46 голосов, и

«новое» с 44 голосами, при выборе правления на студенческой курии в 1922/23 учебном году. «Религиозное настроение не изжито. Так, например, в прениях по докладу о „дьяволе” братьями К. была зачитана целая декларация в духе Бердяева и Трубецкого, отрицающая классовую борьбу...». Старое студенчество избегало пользоваться словом «товарищ», как не гармонирующим с духом высшей школы. Обращение на «Ты» между ними также не было распространено, преобладало обращение на «Вы» и оценивалась авторами книги негативно [12, с. 68–69].

Как крестьянин Моргачев оценивал роль попечителей тогдашнего крестьянского хозяйствования? В конце жизни, в 1973 году, он писал: «Прошло более пятидесяти лет с того времени, и я вспоминаю с благодарностью, какие большие усилия делала русская общественность для развития сельского хозяйства и тем самым для повышения благосостояния крестьянства» [10, с. 247].

Вернёмся к современности. Общеизвестен факт, что хозяйства населения в субъектах Российской Федерации производят сегодня от 44 % до 70 % валовой продукции сельского хозяйства России (кроме зерна). В контексте изложенного, было бы вполне уместно, а с точки зрения ситуативной необходимости и чрезвычайно актуально в нынешних социальных практиках наших соотечественников реализовать модель организации крестьянского хозяйственного уклада и его государственной поддержки, сложившуюся в дооктябрьской России. При этом к интуитивному осознанию этого факта было бы полезно присовокупить аналитические рассуждения современных исследователей о феномене крестьянствования как особой «культурной форме», а также эмпирические наблюдения аграриев-практиков.

И, наконец, последнее. Статья была написана и фактически сдана в печать, как вышел очередной номер газеты «Аргументы недели» со статьёй известного экономиста, доктора экономических наук Н. А. Кричевского с хлёстким названием: «Хрущев – могильщик СССР» [17]. Автор анализирует многочисленные стратегические просчеты правителя. Центральный для нас раздел в публикации называется «Агу единоличника». В нем представлен материал о том, как в СССР, начиная с 1956 года, поэтапно было фактически ликвидировано разрешенное после коллективизации ЛПХ (личное подсобное хозяйство) – слабый аналог дореволюционного крестьянского хозяйствования, долго, особенно в военные годы, державший страну на плаву. Автор убедительно показывает, что вызванный этим деянием окончательный упадок российской деревни явился исходным и базовым фактором в дальнейшей цепи причин крушения СССР.

Таким образом, как отмечается во множестве прогнозных разработок (зарубежных и отечественных), в близкой перспективе в глобальном масштабе меняется соотношение приоритетов «жизненных ценностей». Не столько «высокие технологии», приносящие ныне баснословные прибыли, сколько «экзистенциальные» ценности выходят на первый план. Это, прежде всего, триада «вода – еда – территория». Полным набором этих условий обладает в первую очередь Россия, в том числе Российское Зауралье. Было бы большим «недосмотром» упустить из государственной политики тему введения в более интенсивный сельскохозяйственный оборот этих территорий. Конечно, всё это можно делать лишь с учётом печальной практики «освоения целинных и залежных земель». Культурной подоплёке этого возможного проекта посвящена наша статья.

Литература

1. Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип // Булгаков С. Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – С. 310–342.
2. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художеств. лит., 1967. – Т. 9. – С. 5–165.
3. Васильев Л. С. Феномен власти собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на востоке в средние века. – М.: Наука, 1982. – С. 60–99.
4. Казарезов В. В. Крестьянский вопрос в России (От древних славян до отмены крепостного права). – М.: Росинформ-агротех, 2003. – Т. 4. – 508 с.
5. Ключевский В. О. Соч.: в 6 т. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1956. – Т. 1. – 427 с.

6. Латышев А. А. Аграрный тупик: есть ли выход? Семейное (индивидуальное) трудовое домохозяйствование // Идеи и идеалы. – 2015. – № 3, т. 2. – С. 150–161.
7. Маркс К. Национализация земли // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 18. – С. 54–57.
8. Миненко Г. Н. Метаисторическое измерение «кризиса нашего времени» // Социокультурная динамика: теорет.-методол. и ист. аспекты. – Кемерово: КемГАКИ, 2001. – С. 103–116.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX века). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 583 с.
10. Моргачев Д. Е. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы. – М.: Кн., 1989. – С. 233–308.
11. Сибирские вузы и техникумы в г. Омске. – Омск. Изд-во горбюро пролетстуда, 1926. – 32 с.
12. Сибирский ветеринарный институт 1918–1928. – Омск. Изд. Сибир. ветеринар. ин-та, 1928. – 82 с.
13. Успенский Г. И. Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М.: Современник, 1987. – С. 464–493.
14. Энгельгардт А. Н. Из деревни (Письмо седьмое) // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М.: Современник, 1987. – С. 146–235.
15. Государственный архив Томской области. – Ф. 180. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 42, 42 об., 44 об., 45–45 об., 46, 53–53 об., 54.
16. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 353. – Л. 58.
17. Аргументы недели. – 22.12.2016. – № 50. – С. 22–23.

References

1. Bulgakov S.N. Karl Marks kak religioznyy tip [Karl Marx as a religious type]. *Bulgakov S.N. Filosofiya khozyaystva [Philosophy of Economy]*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 310-342. (In Russ.).
2. Bunin I.A. *Sobr. soch.: v 9 t. Tom 9. Osvobozhdenie Tolstogo [Collected works. Vol. 9. Exemption Tolstoy]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967, pp. 5-165. (In Russ.).
3. Vasilyev L.S. Fenomen vlasti sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [Phenomenon own power. On the problem of the typology of pre-capitalist structures]. *Tipy obshchestvennykh otnosheniy na vostoke v srednie veka [Types of public relations in the East in the Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 60-99. (In Russ.).
4. Kazarezov V.V. *Krest'yanskiy vopros v Rossii (Ot drevnikh slavyan do otmeny krepostnogo prava) [Peasant question in Russia (From ancient Slavs before the abolition of serfdom)]*. Moscow, Rosinform-agrotekh Publ., 2003, vol. 4. 508 p. (In Russ.).
5. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 6 t. [Works: 6 vol.]*. Moscow, Gos. izd. polit. lit. Publ., 1956, vol. 1, 427 p. (In Russ.).
6. Latyshev A.A. Agrarnyy tupik: est' li vykhod? Semeynoe (individual'noe) trudovoe domokhozyaystvovanie [Agrarian stumped: Is there a way out? Relationship (individual) labor domokhozyaystvovanie]. *Idey i ideally [Ideas and ideals]*, 2015, no. 3, vol. 2, pp. 150-161. (In Russ.).
7. Marks K. Natsionalizatsiya zemli [Nationalization of the land]. *Marks K., Engel's F. Sobr. soch. [Collected Works]*. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 18, pp. 54-57. (In Russ.).
8. Minenko G.N. Metaistoricheskoe izmerenie "krizisa nashego vremeni" [Meta-historical dimension "of our time of crisis"]. *Sotsiokul'turnaya dinamika: teoretiko-metodologicheskie i istoricheskie aspekty [Socio-cultural dynamics: theoretical, methodological and historical aspects]*. Kemerovo, KemGAKI Publ., 2001, pp. 103-116. (In Russ.).
9. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVII - nachalo XX veka) [Social History of Russian Empire period (XVII - the beginning of the XX century)]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003, vol. 1. 583 p. (In Russ.).
10. Morgachev D.E. *Moya zhizn' [My life]. Vospominaniya krest'yan-tolstovtsev. 1910-1930 gody [Memories Tolstoyans peasants. 1910-1930]*. Moscow, Kniga Publ., 1989, pp. 233-308. (In Russ.).
11. *Sibirskie VUZy i tekhnikumy v g. Omske [Siberian universities and technical schools in the city of Omsk]*. Omsk, Izdatel'stvo gorbyuro proletstuda Publ., 1926. 32 p. (In Russ.).
12. *Sibirskiy veterinarnyy institut 1918-1928 [Siberian Veterinary Institute 1918-1928]*. Omsk, Izdanie Sibirskogo veterinarnogo instituta Publ., 1928. 82 p. (In Russ.).
13. Uspenskiy G.I. Iz tsikla "Vlast' zemli" [Assumption GI From the "Land Authority"]. *Pis'ma iz derevni: Ocherki o krest'yanstve v Rossii vtoroy poloviny XIX veka [Letters from the village: Essays on the Russian peasantry in the second half of the XIX century]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 464-493. (In Russ.).

14. Engel'gardt A.N. Iz derevni (Pis'mo sed'moe) [From the village (Letter to the 7th)]. *Pis'ma iz derevni: Ocherki o krest'yanstve v Rossii vtoroy poloviny XIX veka [Letters from the village: Essays on the Russian peasantry in the second half of the XIX century]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 146-235. (In Russ.).
15. Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State archive of Tomsk region], F. 180, Op. 2, D. 1, L. 42, 42 ob., 44 ob., 45-45 ob., 46, 53-53 ob., 54. (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region], F. 47, Op. 1, D. 353, L. 58. (In Russ.).
17. Argumenty nedeli [Arguments of the week], 22.12.2016, no. 50, pp. 22-23. (In Russ.).

УДК 908(571.17) «1860/1880»

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СРЕДА КУЗНЕЦКОГО КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья I. Приходы Русской православной церкви

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено отсутствием специальных исследований, посвящённых культурологическому анализу состояния поликонфессиональной среды, включавшей институты всех мировых религий, присутствовавших на территории Кузнецкого края в пореформенный период, важный для понимания истоков трансформации духовной сферы, которая произошла на этапе строительства индустриальной базы в Кузбассе. Определены структурные особенности общего религиозного ландшафта края в части определения численности духовенства во всех конфессиях, размеров групп верующих и количества действовавших храмов.

Выделена система приходов Русской православной церкви, объединённых в благочиния. Рассмотрены особенности богослужбной деятельности местных священников, уровень их материального обеспечения, участие в культурной жизни приходов и в образовательном процессе. Рассмотрены примеры многолетнего ревностного служения церкви, как со стороны лиц духовного звания, так и церковнослужителей и рядовых прихожан.

Отмечено многообразие проявлений религиозности, обусловленное увлечением населения обрядовой стороной служб в ущерб их внутреннему переживанию верующими, удалённостью местожительства от храма, проживанием в городе или сельской местности, соседством со старообрядцами. Установлено особо возвышенное отношение жителей края к святым образам (Архангела Архистратига Михаила, Святого Николая Чудотворца, Пророка Илии, Богородиц), символизирующим защиту и заступничество.

Ключевые слова: Кузнецкий край, Мариинский округ, Кузнецкий округ, поликонфессиональная среда, Русская православная церковь, духовенство.

POLYCONFESSIONAL ENVIRONMENT OF THE KUZNETSK REGION DURING THE POST-REFORM PERIOD

Article I. Parishes of Russian Orthodox Church

Morozov Nikolay Mikhaylovich, PhD in History, Sr. Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Office of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oven.777@mail.ru

The attention to a subject is caused by lack of the special researches devoted to the culturological analysis of a condition of the polyconfessional environment including the institutes of all world religions which were

present at the territory of Kuznetsk region during the post-reform period is important for understanding the sources of transformation of the spiritual sphere which happened at the stage of constructions of industrial base in Kuzbass. Structural features of the general religious landscape of the territory regarding the determination of number of clergy in all the faiths, the sizes of groups of believers and the number of the operating temples are defined.

The system of parishes of the Russian Orthodox Church united in deaneries is allocated. Features of liturgical activity of local priests, the level of their material security, participation in cultural life of parishes and in educational process are considered. Examples of long-term zealous service to the church, as are reviewed from persons of a ministry, and clergymen and ordinary parishioners.

The variety of manifestations of religiousness caused by admiring the rituals of the population for the ceremonial party of services to the detriment of their internal experience by believers, remoteness of a residence from the temple, residence in the city or rural areas, the neighbourhood with Old Believers is noted. Especially sublime relation of residents of the region to the sacred images (the Archangel Arkhistratiga Mikhail, Saint Nicholas The Wonderworker, Eli the Prophet, the Virgin symbolizing the protection and protection is established.

Keywords: Kuznetsk region, Mariinsky district, Kuznetsk district, polyconfessional environment, Russian Orthodox Church, clergy.

Конфессиональная проблематика является одной из базовых в понимании истоков культуры народов, специфики их общественной организации, глубинных и многих лежавших на поверхности мотивов движения духовной и материальной жизни, предопределявших отношения и поступки людей, находившихся на различных ступенях социальной иерархии. В этой связи изучение в культурологическом контексте деятельности конфессий на территории Кузнецкого края открывает возможности не только выделить традиции и механизмы их наследования поколениями верующих, но и выявить местную специфику возникавших между ними (конфессиями) неформальных отношений, степень их включенности в повседневную жизнь населения в данный период истории.

В пореформенное время (1860–1880) на фоне существенных политических и экономических изменений в Российской империи, захвативших и Сибирь, активной экспансии в просвещённые отечественные умы научных и либеральных идей, религиозная культура традиционно продолжала занимать центральное место в духовной жизни всего населения Кузнецкого края. Более того, его многоконфессиональный облик формировался благодаря ссыльным и усилившемуся притоку добровольных переселенцев из европейской части страны. Ответной реакцией самодержавной власти на новые веяния явилась деятельность гу-

бернской и окружных властей, по-прежнему нацеленная на сохранение господствующих позиций православной церкви.

Для русского населения Сибири христианские каноны в православной версии, послужившие в XIV–XVI веках духовным фундаментом объединения народов, составивших ядро Московского царства и нарождающейся российской цивилизации, и в XIX веке оставались основополагающими в сохранении традиционных ценностей, идеальных представлений о человеке и его месте в окружающем мире. В повседневной жизни верующие люди, в том числе и крещёные инородцы, старались соотносить свои мысли и поступки с заповедями Божиими, центром их духовных исканий были размышления о душе, покаянии и подготовке к испытаниям, когда наступит время предстать перед вратами Небесного царства.

Самой многочисленной низовой структурой официальной церкви, организующей религиозную жизнь населения, являлись приходы Томской епархии. В их границах на территории Мариинского и Кузнецкого округов, согласно опубликованной губернской статистике, в 1869 году проживали чуть более 163 тысяч душ обоёго пола православного вероисповедания, или 90,01 % от общей численности жителей. В 1882 году их количество возросло до 230 тысяч, но доля снизилась до 84,3 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Конфессии в Мариинском и Кузнецком округах [14, с. 55, 57, 101; 15, с. 26–29, 31]

Округа	1869 год				1882 год			
	г. Мариинск	Мариинский округ	г. Кузнецк	Кузнецкий округ	г. Мариинск	Мариинский округ	г. Кузнецк	Кузнецкий округ
Численность духовенства (муж.)								
Православное белое	10	204	24	237	9	143	17	215
Единоверческое	-	4	-	8	-	-	-	-
Римско-католическое	2	-	2	-	-	-	-	-
Иудейство	-	-	-	-	-	-	-	-
Мусульмане	-	8	-	-	-	5	-	-
Численность жителей по вероисповеданию (муж./жен.)								
Православие	3198 2419	30033 27382	1725 1635	48412 48312	6315 5021	44426 42033	3740 3521	61685 63282
Единоверчество	-	-	-	568 590	12 2	37 24	-	-
Старообрядцы	83 62	458 421	-	197 205	307 93	293 310	-	146 148
Католицизм	129 51	1069 284	10 4	-	307 93	973 625	8 12	-
Протестантство	-	-	-	-	10 5	-	-	-
Иудаизм	165 108	174 168	-	-	277 141	227 214	3 1	-
Мусульманство	14 13	688 627	1	-	135 153	770 646	-	4559 2944
Язычество	-	-	-	3665 3440	-	672 608	-	3238 3285
Всего населения	3589 2453	32422 28832	1736 1639	52841 57547	7155 5540	47398 44460	3751 3534	69938 90995
Количество церквей (камен./дерев.)								
Православные церкви	1 1	3 29	3 -	2 40	1 1	3 34	4 -	2 41
Православные часовни	-	1 6	- 2	- 101	-	- 1	- 2	- 101
Единоверческие	-	-	-	-	-	-	-	1
Синагоги	-	-	-	-	1	2	-	-
Мечети (дерев.)	-	2	-	-	-	3	-	-

Вызовы, с которыми в середине XIX века столкнулось общество и господствующая конфессия, способствовали поиску со стороны светских и церковных властей новых решений в её организационном устройстве на местном уровне, соответствующих основной цели – духовного окормления стремительно прибывающего населения. Святейшим Синодом и иерархами осознавалась необходимость более пристального внимания к строительству новых и ремонту обветшавших церквей и часовен, обеспечению их инвентарём для ведения богослужбной деятельности в полном объёме. Не решённой оставалась проблема дефицита священнослужителей и повышения уровня их квалификации. С ростом количества вновь образованных приходов для прихожан объективно повышалась доступность храма. Но ещё много крестьян проживало в отдалённых деревнях, и им приходилось преодолевать путь к священнику, длиною в несколько десятков и более вёрст, надолго отрываясь от жизненно важной хозяйственной деятельности. Поэтому у некоторых сельских и городских обывателей перерывы в общении с духовными наставниками по различным причинам измерялись не только годами, но и десятилетиями, что не способствовало укреплению в их сознании православной веры.

В XIX веке в звене непосредственного руководства и контроля за священно- и церковнослужителями наметились существенные изменения. При духовных правлениях, соотносимых с уездным уровнем, учреждались благочиния, включавшие от 9 до 13 церквей. В 1869 году наименование благочиний по фамилии их глав было заменено нумерацией. В 1871 году на территории Кузбасса в с. Пачинском располагался центр благочиния № 7 с приписанными к нему 4 церквями южной части Томского округа и 10 – Кузнецкого. В Мариинском округе действовали три благочиния: № 9 (9 церквей с центром в с. Кольонское); № 10 (13 церквей, благочинный – священник Александр Стольпинский, пребывание в с. Туендинском); № 11 (9 церквей, с. Итат).

В Кузнецком округе находились три благочиния: № 12 (16 церквей, священник Анемподист Станков, центр – с. Бачатское); № 13 (13 церквей, священник Захарий Кротков, г. Кузнецк); № 14 (9 церквей Кузнецкого округа и 1 – Барнаульского, священник Иоанн Бенедиктов, центр – г. Кузнецк) [14, с. 25, 29, 52–53]. Согласно Ин-

струкции 1857 года, кроме широкого круга обязанностей, связанных со строительством (ремонт) храмов и материальным обеспечением богослужбной деятельности, благочинный контролировал численность населения в приходах, поведение причта¹ на службе и в быту, полноту выполнения священниками и их штатными помощниками возложенных обязанностей, вёл установленную отчётность, отвечал за правильность ведения исповедных и метрических книг и другой разнообразной документации [1, с. 61].

Должность благочинного являлась выборной. На епархиальных съездах проходила процедура обсуждения и голосования за наиболее соответствующую на данную вакансию кандидатуру священника, имеющего солидный стаж церковной службы, богатый жизненный опыт и безупречную нравственную репутацию. Томский епископ утверждал вновь избранного благочинного в должности на три года и этот срок продлевался, если иерархом и его администрацией (консисторией) отмечались успехи и отсутствие существенных недостатков в управлении закреплёнными приходами. Таким способом были отмечены заслуги протоиереев Преображенского собора г. Кузнецка Павла Стабникова (прослужившего в храмах России 50 лет) и Захария Кроткова, которые проработали в должности благочинного продолжительное время, соответственно: первый – с 1857 по 1869 год, и второй – с 1870 по 1885 год [18, с. 101–102].

Трудно переоценить влияние священнослужителей на умы городских обывателей и сельских жителей сибирской глубинки, какой ещё оставалась территория Кузнецкого и Мариинского округов в пореформенный период. Со стороны верующих к лицам духовного звания было обращено повышенное внимание, и к ним предъявлялись особые требования. Если прихожане важными считали такие качества иерея, как душевность и нравственная чистота, то церковные власти имели ввиду гораздо больший перечень моральных и деловых достоинств.

Подавляющее большинство священников являлись выпускниками семинарий или духовных училищ. Дьяки, дьячки и псаломщики долж-

¹ Причт – священнослужители (священник, дьякон) и церковнослужители (устар. причетники), не имеющие священного сана (псаломщик, пономарь (устар. дьячок), певчие, сторожа, просвирни).

ны были иметь экзаменационные свидетельства о знании причетнических предметов и умении вести школьное дело. Вступая в духовное сословие, они не платили подушную подать и не несли рекрутскую повинность, но принимали присягу укреплять прихожан в православной вере и соблюдать законы российского государства. Запрещалось служить вместе с родственниками в одном храме, удаляться от него без разрешения благочинного более чем на 25 вёрст и более, чем на сутки, посещать увеселительные заведения, играть в азартные игры, принимать алкоголь, курить, браниться, вмешиваться в мирские дела, венчать незаконные браки и мн. др. [7, с. 108]. За проступки следовало наказание в виде штрафов, понижения в чине, вплоть до лишения сана.

Однако повседневная жизнь была намного богаче, чем прописанные в циркулярах ситуации. Нередко, чтобы прокормить семью, сельский батюшка наравне с крестьянами занимался хозяйственными делами, как единственный грамотный в округе писал за сельчан прошения и т. д., поэтому реальные отношения, конечно, не ограничивались только пастырскими.

В практике ставления на вакантный священнослужительский чин или место причетника ещё сохранялись отголоски бытовавшей в XVIII веке выборности. Прихожане выдавали претенденту своё «безобходное» письменное одобрение. И, наоборот, на имя Томского епископа можно было направить обоснованное прошение о замене клирика, скомпрометировавшего себя поступками, неприличными в обществе.

Состав причта регулировался штатным расписанием, согласно которому приходы, насчитывающие менее 700 душ мужского пола, должны обслуживать 2 клирика – священник и псаломщик, а более 700 душ – священник, дьякон и псаломщик.

Несомненно, их ревностное отношение к обязанностям питалось силой духа и стремлением достойно исполнить своё земное предназначение безропотным выполнением возложенного послушания. Тем не менее, для белого духовенства немаловажным источником служебного вдохновения являлось материальное обеспечение семьи. Скудность этого источника способствовала расхождению между должным и сущим в поведении некоторых священнослужителей,

нелицеприятные примеры которого становились предметом обывательских пересудов. Хронический дефицит и нестабильное поступление средств на содержание храма вели к нерегулируемому завышению платы за требы. Поэтому крестьяне нередко жаловались в консисторию по поводу чрезмерно дорогого венчания браков – за 40, 50 и более рублей, погребения – до 100 рублей, что для некоторых прихожан служило дополнительной причиной уклонения от уплаты прочих церковных сборов и проживания в невенчанном браке [2, с. 177–178].

Как отмечал в 1868 году секретарь Томского губернского статистического комитета князь Н. А. Костров, «сельский священник может считать себя материально обеспеченным только тогда и в той мере, в какой он умел приобрести себе расположение прихода, хотя такое расположение в большей части случаев приобретает не иначе, как пожертвованием самих священников обязанностей духовного служения. Правда, у сельского священника есть для жительства общественный дом, на содержание своё он получает в известном размере хлебную ругу², наконец, он пользуется от них вознаграждением за исполнение духовных треб. Но для того, чтобы дом находился в должном состоянии, <...> приходится иногда кланяться обществу, угождать ему, смотреть сквозь пальцы на его духовные проступки, – чтобы собрать ругу, – ездить по деревням, составляющим приход, снова кланяться, и, таким образом, унижать себя и терять время, которое при другом порядке вещей могло быть с пользой употреблено на распространение слова Божия <...> Понятно, что всё это несколько не ведёт к укреплению тех уз взаимного доверия, уважения и любви, которые должны существовать между пастырем и его духовным чадом» [10, с. 531–532].

Типичной выглядела ситуация с причтом Ильинской церкви (Кузнецкое благочиние), где к началу 1860-х годов вместо положенных по штату пяти должностей (два священника (один из них старший), дьячок, пономарь, причетник), службы при отсутствии гарантированного жалования вели: один священник, дьячок и пономарь. Батюшка пользовался общественным домом, а дьячок снимал жильё за свой счёт. Выделенными десятинами сенокосной и пашенной земли они

² Руга – выделение храму земельного надела, выплата духовенству жалования деньгами или зерном.

не пользовались, но вместо того получали от прихожан добровольное подаяние хлебом [20].

Светские и церковные власти признавали недопустимость неудовлетворительного материального благосостояния большинства священников, которое полностью зависело от достатка прихода. В эпоху реформ 1860–1870-х годов составлялись проекты по активному привлечению общественности к участию в хозяйственной жизни церкви, предусматривавшие, в том числе, умножение способов денежного обеспечения клира. Однако намерения правительства повсеместно выплачивать фиксированное жалование из-за дефицита средств в казне так и не были реализованы.

В Положении от 16 апреля 1869 года о составе приходов и причтов было изложено требование пересмотра границ приходов и оптимизации состава клира, что неизбежно вело к увеличению его служебной нагрузки. Предусматривалось увеличение доходов приходских церквей за счёт сокращения их общего количества с учётом, главным образом, численности закреплённого населения, вместимости храма, расстояния между деревнями и ближайшей церковью [16, с. 520–521]. Храмы, не отвечавшие требованиям, переводились в приписные церкви к более крупным приходам с сокращением дьяконских мест. Намеченные изменения были проведены в Томской епархии в первой половине 1870-х годов. В этот период существенно сократились штаты приходов Мариинска и Кузнецка. Общий итог проведённой кадровой реформы можно представить по отчётам Томского губернского статистического комитета, согласно которым в семьях священнослужителей количество душ мужского пола сократилось с 32 (1872) до 17 (1874), а в сельской местности указанных округов – с 447 до 407 [4, л. 3; 3, л. 2] и далее в текущем десятилетии почти не изменялось.

Основу содержания причта составляли даяния прихожан за исполнение треб: крещение, исповедь, венчание, отпевание и т. д. Определённые суммы поступали от кружечных и кошельковых сборов, продажи свечей и огарков. Главным распорядителем средств, ответственным за приобретение и сохранность церковного имущества и зданий, содержание кладбища, исполнение работ церковнослужителями (сторожами, женщинами, пекущими просвири и другими нанятыми на работу лицами) являлся церковный староста. Кандидат на эту должность избирался мирянами

из числа жителей прихода в присутствии причта и благочинного на три года (с правом переизбрания на следующий срок) из лиц мужского пола не моложе 25 лет. При вступлении в должность он принимал присягу. В уездных городах и сёлах староста из крестьянского сословия носил особый кафтан и освобождался от всех обязательных отработок и телесных наказаний. Представителю из других сословий (мещан, купцов) полагался мундир X класса.

По окончании срока и за исправное несение службы староста получал от епархиального архиерея похвальный лист. Беспорочное служение в течение более длительного времени поощрялось сообразно званию и заслугам. Плодотворной была признана деятельность старосты Одигитриевской церкви (г. Кузнецк) мещанина А. И. Винтовкина (1865–1884), награждённого нагрудной серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте. Андрей Аверкиев Ожигов – староста Николаевской церкви с. Тяжинского – при избрании на третий срок был представлен к награде со стороны Святейшего Синода за неоднократные личные пожертвования и значительное увеличение церковного капитала [1, с. 48].

Поступавшие в церковную казну деньги учитывались в приходно-расходных книгах. Суммы, накопленные в размере до 200 и более рублей, обязательно помещались в Государственный банк.

Уровень материального обеспечения городских священнослужителей, в сравнении с сельскими, существенно не отличался. Об этом красноречиво свидетельствуют архивные документы, как, например, «Ведомость о Градокузнецкой Одигитриевской церкви за 1866 год», сообщавшая, что: «Пахотной и сенокосной земли отведено 99 десятин³, на которую имеется межевая книга и план, выданный из Барнаульского Горного правления от 14 декабря 1864 года. Дома: у священника, диакона и пономаря собственные. На содержа-

³ Согласно Положению 1869 года, городским и сельским причтам выделялось по 99 десятин сенокосной и пахотной земли, на которых священно- и церковнослужители могли вести хозяйственную деятельность, часть сдавать в аренду крестьянским обществам, получая взамен оговорённые объёмы зерна (ржи) в качестве хлебной руги. В действительности, далеко не все клирики имели возможность или навыки заниматься сельским хозяйством, но и крестьяне редко нуждались в церковной земле, имея свою в достатке [21, с. 18].

ние священно-церковнослужителей жалования не откуда не получается, но по завещанию умершей вдовы Кузнецкой мещанки Акилины Зайковой, на помин души ея, в пользу причта имеется билет в 500 рублей. Содержание прескудное» [19, с. 109].

В окружных центрах доходы церквей хотя и были выше, но соразмерно высокими являлись и обязательные траты на повседневную богослужебную деятельность и текущее содержание храмов. Сюда же чаще поступали крупные суммы добровольных пожертвований. Так, в пользу Одигитриевской церкви и Собора во имя Преображения Господня (г. Кузнецк) в различные годы были перечислены средства: от мещанина З. Фамильцева – 2500 руб. серебром, надворной советницы А. Н. Катанаевой – 500 руб., купеческой вдовы А. И. Куртегешевой – 500 руб., купца Минусинского округа Г. Ананьина – 500 руб., мещанина П. А. Шебалина – 150 руб. и др. [18, с. 63].

Если доброхот не оговаривал порядок распределения средств, то доходы делились следующим образом: деньги могли быть положены в банк под проценты с последующим их использованием с разрешения прихода и консистории для текущих нужд, на ремонтно-строительные работы. Даяния, выделенные для оплаты труда, по официально установленному порядку делились в следующих пропорциях: священнику – 3 части, дякону – 2 части и псаломщику – 1 часть.

Между мирянами и причтом складывались неоднозначные отношения. С одной стороны, нерегулярное соблюдение частью прихожан православных обрядов сочеталось с традиционным отношением к церкви «как неотъемлемой части общих забот по благоустройству селения» [1, с. 74]. С другой – наряду с многочисленными примерами самоотверженной заботы клира о поддержании духовных сил верующих его отдельными представителями в атмосфере наличия устойчивого шлейфа девиантного поведения в повседневной жизни обывателей допускались выходки, противоречащие чину священнослужителя. Но, при всём при этом, «местные священники обычно пользовались поддержкой и защитой местной паствы» [12, с. 126, 128].

Своё понимание имеющегося многообразия проявлений религиозности на территории Томской епархии образно изложил в начале 1890-х годов протоиерей А. А. Мисюрев, писавший: «В сельских приходах со смешанным населением

православных с раскольниками относятся (по-прежнему) холодно к церкви и к совершаемому богослужению, “грубы и непочтительны к духовенству”, здесь не заметно, чтобы уменьшалось зазорное и незаконное сожительство между собою, вопреки уставам святой церкви. Между тем как в захолустных деревнях “слово вразумления и назидания” глубоко западает в сердце православных сибирских крестьян. Не так благоприятна почва для пастырской проповеди в городах, где “Слово Божие падает при пути и тотчас же озобается птицами”. В глухих деревнях под влиянием христианской проповеди “простые, хотя и невежественные, люди посыпают голову”, по собственному выражению владыки “перетью и плачут слезами умиления и покаяния” <...> Как ни странным может показаться, но в действительности, по мере удаления из деревенской глуши, на пути встречается всё больше и больше нежелательных теней, сгущающихся между собою до чувствительной формы» [13, с. 67].

Большим событием в жизни каждого прихода являлись крестные ходы, наиболее ярко свидетельствовавшие о народном характере православия. Они устраивались по случаю церковных праздников, в честь святых с ношением чудотворных икон, и не только символизировали, но и в действительности демонстрировали единение верующих. В течение многих лет в приходах сложились местные традиции, касающиеся повода и времени их совершения. Так, в г. Кузнецке каждый новый год отмечался крестным ходом одновременно от Спасо-Преображенской и Одигитриевской церквей к р. Томи и его повторением 1 августа. В течение года крестные ходы от тех же храмов организовывались: в день равноапостольных Константина и Елены (21 мая) с хождением до места, где ранее стояла деревянная Одигитриевская церковь; 28 июля – во имя Иконы Богородицы Одигитриевской, и в девятую после Пасхи пятницу – с иконой Святого Пророка Ильи (шествие проходило вокруг всего города); 18 августа в день Фрола и Лавра – из Одигитриевской церкви – к часовне, названной в честь этих святых; на 40-й день после Пасхи (день Вознесения Господня) и 14 сентября (день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня) – к Вознесенской часовне на крепостной горе. Шествия сопровождалась молебнами с коленопреклонением и колокольным звоном.

Избирательное отношение горожан к периодически организуемым крестным ходам в феврале 1866 года выразил благочинный протоиерей Павел Стабников в письме Томскому епископу Виталию: «При постоянном участии в совершении их истинно усердствующие к общественному богослужению могут удовлетворить вполне своему религиозному чувству; а между тем заметно, что и к существующим ходам многие из граждан относятся холодно, это видно из того, что когда совершаются ходы по нижней части города, то немногие из них следуют за Святыми Иконами и служителями церкви, а остаются простыми зрителями – ждали на верхней части города» (см. [18, с. 96–97]).

Представители духовенства принимали участие в местной общественной и культурной жизни. В окружных городах она интенсивнее насыщалась событиями, чем в сельской местности, оставляя человеку больше возможностей для проявления талантов. Заметной фигурой уездного Кузнецка был настоятель Одигитриевской церкви протоиерей Евгений Исаакович Тюменцев, отличавшийся образованностью и широтой интересов. Его стараниями при храме комплектуется обширная по тем временам библиотека, доступная прихожанам для чтения. Успехи священника в разведении цветов и плодовых деревьев, селекции редких и полезных растений стали известны далеко за пределами округа (см. [11, с. 13–14]).

Именно к нему, 28–29-летнему клирику, уже знакомому с романами «Бедные люди» и «Записки из мёртвого дома», проникся Ф. М. Достоевский, в феврале 1857 года приехавший на две недели к своей невесте в Кузнецк. Их душевное общение, наполненное переживанием нарастающих в обществе нравственных проблем, оставило глубокий след в жизни каждого: у классика – в сюжетах, списанных из жизни провинциального Кузнецка и рассказов отца Евгения о местных праведниках Зосиме и Василиске; у священника, совершившего обряд венчания молодых – способствовало дальнейшему развитию духовной и общественной деятельности.

Как человек деятельный, он состоял в переписке с известными садоводами, алтайским краеведом С. И. Гуляевым, являлся членом-корреспондентом Санкт-Петербургского ботанического сада, исполнял должность «градского депутата и увещателя» при ратуше. В 1864 году

по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири назначается преподавателем Закона Божьего в Кузнецкое уездное училище. Благодаря его стараниям уже в должности благочинного было завершено строительство Иверской и Фроловской часовен, нескольких молитвенных домов, в деревнях открывались приходские школы (см. [18, с. 80–81]).

Талантливым проповедником зарекомендовал себя протоиерей Спасо-Преображенского собора Захарий Матвеевич Кротков, по благословению Томского епископа написавший 41 катехизическое поучение. Они предназначались для разъяснения простым людям доступным языком канонических сюжетов с вытекающими нравственными наставлениями. Священники преподавали в церковно-приходских школах. В Кузнецке, например, протоиереи избирались законоучителями и катехизаторами уездного училища, директорами Кузнецкого попечительства о тюрьмах, принимали участие в работе оспенного комитета (см. [19, с. 104–107]).

Приближению жителей удалённых деревень к месту отправления треб объективно способствовало строительство новых храмов. В начале пореформенного периода на территории Мариинского и Кузнецкого округов существенно возросло количество церквей, что духовенством связывалось с активной деятельностью Томских епископов Парфения (1854–1860) и Порфирия (1860–1864). Так, если до 1850 года в Кузнецком уезде функционировало 17 сельских и городских приходов, то за период с 1850 по 1880 год там появилось как минимум 33 новых путём дробления прежних приходов. Соответственно, в Мариинском округе к 11 старым добавились 22 приходских храма, а в южных волостях Томского округа вместо прежних 6 стало 16 [8].

Инициаторами строительства церквей, молитвенных домов и часовен традиционно выступали миряне, направлявшие через благочинного ходатайство епископу с обоснованием их необходимости, гарантиями своего участия в задуманном мероприятии и дальнейшего содержания здания и причта, а также с просьбой о направлении в будущем на новое место священнослужителей.

В подавляющем большинстве это были деревянные сооружения на каменном фундаменте, которые возводились прихожанами в течение 2–5 лет. С каменной церковью весь процесс

мог затянуться до 15 и более лет. Так случилось со строительством с 1848 по 1872 год придела во имя иконы Пресвятой Богородицы «Казанская» при соборе во имя Святого Николая Мирликийского Чудотворца в с. Кийском (Мариинске), сопровождавшимся частой сменой мастеров каменной кладки, церковных старост, медленным сбором необходимых средств с последующими разбирательствами по поводу их использования [6, с. 396–403].

Были случаи, когда инициаторами и финансовыми гарантами становились отдельные прихожане. Так, в феврале 1873 года на имя Бачатского благочинного А. Станкова была подана докладная записка от Степана Васильевича Чебоксарова, отставного (с 1861 года) урядника Гурьевского завода, с просьбой разрешить выделить личные средства на строительство церкви в заводской деревне с населением 1442 человек. Уже 10 ноября 1874 года новая Троицкая церковь была освящена. Всего заявителем было израсходовано 2139 руб. 60 коп., и 622 руб. на приобретение церковной утвари собрали остальные жители. Заслуги В. С. Чебоксарова были отмечены представлением к награждению серебряной медалью, которая должна была пополнить уже имевшуюся коллекцию его наград, состоявшую из серебряной медали на Андреевской ленте – за участие в восстановлении (после пожара 1839 года) Зимнего дворца и светло-бронзовой медали на Владимирской ленте в память о войне 1853–1856 годов [5, с. 35–36].

В Кузнецком крае сложилась общая для Сибири традиция в выборе православного символа, в честь которого освящались храмы. До 1850 года среди 33 сельских и городских приходских церквей 13 носили имя Святого Николая Мирликийского Чудотворца, у остальных названия (за исключением двух Троицких храмов) не повторялись и были посвящены Двенадцатым праздникам: Господским (Рождества Господа, Богоявления, Вознесения Господня, Преображения Господня, Сошествия Святого Духа) и Богородичным (Введения во храм Пресвятой Богородицы, Успения Пресвятой Богородицы); а также в честь великих праздников (Покрова Пресвятой Богородицы), особо почитаемых икон (Спаса Нерукотворного образа, Пресвятой Богородицы «Казанская», Пресвятой Богородицы «Одигитрия Смоленская»), ангельских чи-

нов (Архистратига Михаила), апостолов (Петра и Павла), пророков (Иоанна Предтечи, Илии), великомучеников (Дмитрия Солунского, бесребреников Косьмы и Дамиана, Фрола и Лавра) и святых (Преподобного Онуфрия, Святого Прокопия Блаженного Устюжского Чудотворца, Феодота Исповедника епископа Кириинийского, Святителя Иннокентия Иркутского).

В течение следующих 30 лет новые церкви стали чаще именоваться в честь Святой Троицы (13), Архистратига Михаила (8), Николая Чудотворца (6), Правоверных апостолов Петра и Павла (5).

В прославлении богородичных икон верующие выражали благодарность за принятие Матерью Божьей под своё покровительство новопокорённых сибирских земель и включение их в Святую православную Русь. В пореформенный период эта традиция получила развитие в практике освящения построенных приходских храмов: во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы (2), Успения Пресвятой Богородицы (2), иконы Пресвятой Богородицы «Казанская» (3), иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия Смоленская» (1), и особенно – Покрова Пресвятой Богородицы (6) [8].

Особое отношение жителей Кузнецкого края к Николаю Чудотворцу, закреплённое в названии храмов, было связано с ожиданиями многих поколений простых людей, волей судеб оказавшихся в далёкой Сибири, облегчения страданий в многотрудном деле освоения новых территорий в условиях сурового климата, острого дефицита продовольствия и военной опасности. В молитвах они обращались к Святителю в надежде на заступничество перед властью всеильных воевод, исцеления от физических недугов. С начала XVIII века широко известными стали передаваемые народной молвой чудеса, связанные с выздоровлением пяти «болезных» жителей Томска, совершивших паломничество к местной Семилужской иконе Николая Чудотворца [17]. Жители всего Притомья благоговейно почитали этот образ.

В народном сознании Архангел Архистратиг Михаил – глава небесного воинства и победитель зла, ассоциировался с образом защитника православных перед наступающими силами антихриста. Не случайно в пореформенный период, после унижительного поражения России в Крымской войне 1853–1856 годов, отмеченный

крестьянскими волнениями, серией необходимых, но не всегда удачных в реализации реформ, радикализацией городской молодежи и общим снижением в обществе нравственных барьеров, на территории Мариинского и Кузнецкого округов восьмикратно – с 1 до 9 возросло количество приходских церквей, освященных во имя Архистратига Михаила. В своё время таким же грозным воителем, сражающимся с врагами православия, представлялся верующим Пророк Илья. В течение всего XVII и первой половины XVIII века набеги кочевников (енисейских кыргызов, телеутов и представителей других тюркоязычных групп Притомья) несли с собой реальную опасность для жителей Кузнецка и окрестных волостей. В честь Пророка село Красноярское было переименовано в Ильинское и построена приходская церковь [9, с. 22–23].

Как видим, в пореформенный период Русская православная церковь духовно окормляла

подавляющее большинство населения Кузнецкого края. Заметное увеличение количества храмов повысило их доступность для жителей ранее отдалённых деревень, а в наименовании приход часто звучал религиозный отклик людей на пережитые события государственного масштаба. Особое место занимал Богородичный культ, с почитанием богородичных икон. Многие храмы помимо традиционного для прихожанина места обращения в молитвах ко Всевышнему и православно-нравственного воспитания превращались в центры обучения грамоте. Традиционное общество, каким являлось население Кузнецкого края, демонстрировало своё стабильное состояние многочисленными примерами добровольных пожертвований церкви, сохранением традиции обязательного посещения служб и исполнения обрядов, участия в церковных праздниках. Тем не менее, в городской среде уже были заметны ростки расслоения на верующих и атеистов.

Литература

1. Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 190 с.
2. Беликов Д. Н. Томский раскол. – Томск: Типография П. И. Макушина, 1901. – 247 с.
3. Государственный архив Томской области. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 41.
4. Государственный архив Томской области. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 51.
5. Гурьевск: Страницы истории. – Кемерово: КемГУ, 2008. – 180 с.
6. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 годы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 743 с.
7. Инструкция Благочинному приходских церквей // Церковное благоустройство: сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к Духовному Ведомству. – М., 1901. – С. 98–120.
8. Коллекция метрических книг (фонд Д-60) Государственного архива Кемеровской области / авт.-сост. А. М. Адаменко. – Кемерово, 2008. – 68 с.
9. Конюхов И. С. Кузнецкая летопись. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 78 с.
10. Костров Н. А. О расколе в Томской губернии // Томские епархиальные ведомости. – 1883. – № 17. – С. 497–503.
11. Макарьева Е. Б. Участие православного духовенства в развитии светского образования и формировании социокультурной среды дореволюционного сибирского города // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2010. – № 2 (42). – С. 10–15.
12. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX века. – Новосибирск: Наука, 1975. – 308 с.
13. Мисюрев А. А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. – Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1897. – 76 с.
14. Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. – Томск: Губернская типография, 1871. – 286 с.
15. Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. – Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1884. – 175 с.
16. Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. – М.: О-во любителей церковной истории, 1999. – 568 с.
17. Сказание о явлении образа святителя Христова Николая Чудотворца града Томска в веси Семилужской, еже бысть в лето от Р. Х. 1702 год // Томские епархиальные ведомости. – 1881. – № 6. – С. 83–89.
18. Тресвятский Л. А., Шадрин А. С. Очерки по истории православия в Сибири (региональный аспект). – Новокузнецк: ИПК, 2004. – 105 с.

19. Шадрина А. С. Из истории благочиния № 14 и православные храмы Кузнецкого края // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. – Вып. 3. – С. 99–117.
20. Шадрина А. С. Ильинская церковь и её приход [Электронный ресурс]. – URL: <http://ipk-cdnvio.narod.ru/rods1.htm> (дата обращения: 06.12.2016).
21. Щёголев М. К вопросу о материальном обеспечении духовенства Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. – 1885. – № 7. – С. 17–20.

References

1. Adamenko A.M. *Prikhody Russkoy pravoslavnoy tserkvi na yuge Zapadnoy Sibiri v XVII nachale XX veka [Arrivals of Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia in XVII – the beginning of the 20th century]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 190 p. (In Russ.).
2. Belikov D.N. *Tomskiy raskol [Tomsk split]*. Tomsk, Tipografiya P.I. Makushina Publ., 1901. 247 p. (In Russ.).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State Archive of Tomsk Region]*, F. 243, Op. 1, D. 41. (In Russ.).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State Archive of Tomsk Region]*, F. 243, Op. 1, D. 51. (In Russ.).
5. *Guryevsk: Stranitsy istorii [Guryevsk: Pages of history]*. Kemerovo, KemGU Publ., 2008. 180 p. (In Russ.).
6. Ermolaev A.N. *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gody [District Mariinsk. 1856-1917]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2008. 743 p. (In Russ.).
7. *Instruktsiya Blagochinnomu prikhodskikh tserkvey [Instruction Decent parish churches]. Tserkovnoe blagoustroystvo: sbornik deystvuyushchikh tserkovno-grazhdanskikh zakonopolozheniy, otnosyashchikhsya k Dukhovnomu Vedomstvu [Church accomplishment: a collection of the existing church and civil legal provisions relating to the spiritual department]*. Moscow, 1901, pp. 98–120. (In Russ.).
8. Adamenko A.M. *Kollektsiya metriceskikh knig (fond D-60) Gosudarstvennogo arkhiva Kemerovskoy oblasti [Collection of registers of births (D-60 fund) of the State archive of the Kemerovo region]*. Kemerovo, 2008. 68 p. (In Russ.).
9. Konyukhov I.S. *Kuznetskaya letopis' [Kuznetsk chronicle]*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1995. 78 p. (In Russ.).
10. Kostrov N.A. O raskole v Tomskoy gubernii [About split in the Tomsk province]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette]*, 1883, no. 17, pp. 497–503. (In Russ.).
11. Makarcheva E.B. Uchastie pravoslavnogo dukhovenstva v razvitii svetskogo obrazovaniya i formirovaniy sotsiokul'turnoy sredy dorevolutsionnogo sibirskogo goroda [Participation of orthodox clergy in development of secular education and formation of the sociocultural environment of the pre-revolutionary Siberian city]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2010, no. 2 (42), pp. 10–15. (In Russ.).
12. Minenko N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII pervoy polovine XIX veka [Northwest Siberia in XVIII – the first half of the 19th century]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 308 p. (In Russ.).
13. Misyurev A.A. *Kratkiy istoriko-statisticheskiy ocherk Tomskoy eparkhii [Short historical and statistical sketch of the Tomsk diocese]*. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina Publ., 1897. 76 p. (In Russ.).
14. *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1871 god [The memorable book of the Tomsk province for 1871]*. Tomsk, Gubernskaya tipografiya Publ., 1871. 286 p. (In Russ.).
15. *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1884 god [The memorable book of the Tomsk province for 1884]*. Tomsk, Tipolitografiya Mikhaylova i Makushina Publ., 1884. 175 p. (In Russ.).
16. Rimskiy S.V. *Rossiyskaya tserkov v epokhu Velikikh reform [The Russian church during an era of Great reforms]*. Moscow, Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii Publ., 1999. 568 p. (In Russ.).
17. Skazanie o yavlenii obraza svyatitelya Khristova Nikolaya Chudotvortsya grada Tomska v vesi Semiluzhskoy, ezhe byst' v leto ot R. Kh. 1702 god [The legend of the miraculous appearance of the image of St. Nicholas in the city of Tomsk to the village of Semiluzhskaya, which occurred in the summer, from Christmas, 1702]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette]*, 1881, no. 6, pp. 83–89. (In Russ.).
18. Tresvyatskiy L.A., Shadrina A.S. *Ocherki po istorii pravoslaviya v Sibiri (regional'nyy aspekt) [Sketches on Orthodox history in Siberia (regional aspect)]*. Novokuznetsk, IPK Publ., 2004. 105 p. (In Russ.).
19. Shadrina A.S. Iz istorii blagochiniya № 14 i pravoslavnye khramy Kuznetskogo kraya [From history of deanery No. 14 and Orthodox churches of the Kuznetsk region]. *Kuznetskaya starina [Kuznetsk old]*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1999, vol. 3, pp. 99–117. (In Russ.).
20. Shadrina A.S. *Il'inskaya tserkov i ee prikhod [Ilyinsky church and its arrival]*. (In Russ.). Available: <http://ipk-cdnvio.narod.ru/rods1.htm>.
21. Shchegolev M. K voprosu o material'nom obespechenii dukhovenstva Tomskoy eparkhii [To a question of material security of clergy of the Tomsk diocese]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette]*, 1885, no. 7, pp. 17–20. (In Russ.).

УДК 94 (57): 008

ОБРАЗ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Манзырева Екатерина Сергеевна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, РФ). E-mail: ketrinm1@rambler.ru

В статье проводится культурологический анализ художественного образа Восточной Сибири. Главная цель статьи – выявить факторы, которые повлияли на формирование художественного творчества и образа региональной культуры. В начале статьи автор дает определение понятию региональная художественная культура. Это область духовно-практической деятельности людей, направленная на создание, распространение и освоение произведений искусства, отражающих культурные и исторические особенности конкретного региона. Далее автор переходит к описанию тех факторов, которые, по его мнению, сформировали образ Восточной Сибири. Прежде всего это природный фактор, то есть географические и климатические особенности региона. Следующий фактор – это многоконфессиональность и полиэтничность. Третий фактор, который влиял на образ Восточной Сибири, – это использование края в качестве места ссылки и каторги. Характеризуя каждый фактор, автор поясняет, каким образом он смог повлиять на художественный процесс. По мнению автора, это влияние выразалось, прежде всего, в содержании произведений искусства, а также в выразительных средствах и стилистике произведений. Например, природные особенности нашли свое отражение в поэзии, пейзажном жанре и декоративно-прикладном искусстве. Особенности ландшафта и религиозные воззрения влияли на архитектурный облик городов Восточной Сибири. Тема традиционного образа жизни народов региона распространена в литературе и живописи. В статье проводятся сравнение художественных процессов происходивших как в дореволюционный период, так и в советское время. В итоге автор приходит к выводу, что художественный образ Восточной Сибири сложился в начале XX века и отразил в себе все особенности историко-культурного развития региона.

Ключевые слова: культура, региональная культура, художественная культура, искусство, художественный образ, художественная жизнь, Восточная Сибирь.

IMAGE OF EASTERN SIBERIA AND ITS REFLECTION IN THE REGIONAL ARTISTIC CULTURE

Manzyreva Ekaterina Sergeevna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Culturology and Study of Art, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ketrinm1@rambler.ru

This article is about cultural analysis of the art image of Eastern Siberia. The main purpose of the article is to identify the factors that influenced the formation of artistic creation and the image of the regional culture. At the beginning of the article the author gives a definition of the concept of regional culture. This is the field of spiritual and practical activity aimed at the creation, dissemination and exploitation of art works that reflect the cultural and historical characteristics of a particular region. Then, the author goes on to describing the factors that, on her opinion, formed the image of Eastern Siberia. First of all, it is a natural factor, i.e. geographic and climatic characteristics of the region. The next factor is the multi-confessional and multi-ethnicity. The third factor which influenced the image of Eastern Siberia is using the edge as a place of exile and hard labor. Characterizing each factor, the author explains how it could influence the artistic process. According to the author, this influence is expressed primarily in the content of art works, as well as means of expression and style of works. For example, the natural characteristics are reflected in the poetry, the landscape genre, and

arts and crafts. Features of landscape and religious beliefs affect the architectural appearance of the city of Eastern Siberia. The theme of the traditional way of life of the folk of the region is common in literature and painting. The paper compares the artistic processes taking place in the pre-revolutionary period and during the Soviet era. In the end, the author concludes that the art image of the East Siberia developed in the early twentieth century and reflected all the features of the historical and cultural development of the region.

Keywords: Culture, regional culture, artistic culture, art, art image, arts life, East Siberia.

Любой российский регион обладает как общими, так и специфическими характеристиками существования и развития, что и определяет сущность региональной культуры. И если общероссийские тенденции прослеживаются в таких сферах, как экономика, политика или образование, то художественная деятельность отражает чаще всего локальные особенности местности. *Под региональной художественной культурой мы понимаем ту часть духовно-практической деятельности людей, которая направлена на создание, распространение и освоение произведений искусства, отражающих культурную, ментальную и историческую специфику конкретного региона.* В контексте пространственных и временных границ, а также под влиянием внешних факторов, художественные процессы региона обретают свои специфические черты и особенности. Поэтому, на наш взгляд, через произведения искусства формируется определенный образ региона, который помогает знакомиться с особенностями его истории и культуры.

В рамках статьи мы не можем осуществить подробный анализ концепта «художественный образ», хотя эта проблема интересна не только своей многозначностью, но и междисциплинарностью, так как предполагает философско-эстетический, культурологический и искусствоведческий дискурсы. Поэтому данному понятию сложно дать однозначное, исчерпывающее определение. Однако в обобщенном виде под художественным образом мы будем понимать *форму отражения жизни и выражения мыслей и чувств посредством художественных форм и приемов.* При этом в каждом виде искусства художественный образ формируется по-своему. Вместе с тем следует иметь в виду, что, о каком образе не шла бы речь, в нем неразрывно соединены объективные, гносеологические знания и субъективные, эмоционально-творческие переживания. Именно через образы, представленные в произведениях искусства, зритель, читатель или слушатель получает представления о чем-либо, формирует

собственное мировоззрение и миропонимание. Не случайно поэтому представление о любом регионе, его истории и культуре зачастую формируется именно посредством знакомства с художественным наследием края.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу описания произведений искусства. Основной нашей задачей является лишь выявление тех уникальных региональных особенностей, которые стали источником творческого вдохновения и сформировали в итоге художественный образ Восточной Сибири.

По нашему мнению, художественная культура как целостная система начала складываться в Восточной Сибири в XIX веке. Именно в это время содержательные и стилевые особенности произведений искусства приобретают не только этнические, но и ярко выраженные региональные черты, которые мы находим как в произведениях местных художников, так и в работах приезжих мастеров.

Первоначальным фактором, влияющим на формирование образа любого региона, является *окружающая природа.* В этом аспекте восточно-сибирский регион, с его разнообразием географических и климатически проявлений, уникален. Тайга и степи, горные хребты и плоскогорья, обилие рек и жемчужина региона – озеро Байкал, вот то, что чаще всего встречается на живописных полотнах или в литературных зарисовках. Эти географические особенности в сочетании с резко-континентальным климатом сформировали особенности флоры и фауны. Неповторимая, или, как часто можно встретить в описаниях, суровая красота всегда поражала приезжавших в край людей и была источником вдохновения как для народных мастеров художественного творчества, так и для профессионалов.

Природные особенности региона нашли свое отражение в фольклоре и литературе, декоративно-прикладном искусстве и живописи: «Развитие пластики малых форм и декоративно-прикладного искусства, взаимосвязано между собой

в использовании исконно традиционных материалов (дерево, кость, мех, кожа, серебро и др.) и техник выполнения (резьба, чеканка, вышивка и др.), а главное – в творческой разработке фольклорной тематики и декоративных приемов народного искусства» [2, с. 136–137]. Пейзажный жанр был и остается, на наш взгляд, преобладающим живописным жанром в системе художественной культуры региона, а разнообразные виды озера Байкал, пожалуй, самый узнаваемый образ восточносибирского региона. В качестве примера можно упомянуть такие полотна, как «Восход над Байкалом» К. Померанцева, «Зимой на Ангаре» Н. Лодейщикова, «Тайга (Сибирская тайга)» С. Бирнбаума и мн. др.

Излюбленными темами как фольклорных, так и литературных произведений также было поэтическое воспевание красоты степей и лесов родного края, стихи и песни о Байкале, проблемы рационального использования природных ресурсов, борьба против бездумного, потребительского отношения к богатствам природы. И, конечно же, особенности ландшафта напрямую влияли на месторасположение и архитектурный облик восточносибирских городов. Таким образом, природа Восточной Сибири является одной из главных отличительных характеристик ее художественного образа.

Следующей составляющей художественного образа стал *полиэтнический состав* Восточной Сибири. Как отмечает А. В. Спиридонова, «огромная территория с различными природно-климатическими зонами давала возможность заниматься несколькими видами хозяйственной деятельности, что стало причиной формирования этнического многообразия региона и длительного, бесконфликтного проживания здесь разных народов» [7, с. 86].

В отличие от других российских регионов, исторически так сложилось, что в Восточной Сибири проживают не только представители различных этносов и субэтносов, но и представители разных рас и языковых групп. У доктора культурологии Т. Ф. Ляпкиной мы находим следующее описание: «Регион являлся родиной древнейших культур охотников, рыболовов, кочевников-скотоводов, которые заселяли обширные просторы сибирского края. В целом, до XVII века пространство Восточной Сибири занимало тунгусоязычное, тюркоязычное и монголоязычное

население, причем последние занимали доминирующее положение. Находясь в прямой зависимости от географических условий, автохтонные культуры всегда характеризовались органической встроенностью в мир природы, отличались особыми взаимоотношениями с ней. Именно природный фактор определил тип и характер этнических культур порождаемой людьми в процессе освоения данного региона, воздействовал на главные характеристики и особенности народного художественного творчества» [4, с. 199–204].

К концу XVII века, в связи с освоением территории Сибири казаками, мы уже можем говорить о воздействии русского фактора на этническую историю рассматриваемого региона. Исследователь региональной культуры А. В. Спиридонова отмечает, что среди русских переселенцев в Восточную Сибирь были: беглые крестьяне и выходцы из казачьих вольниц; служилые люди; раскольники, прятавшиеся от преследований официальной церкви; проштрафившиеся дворяне, ссылаемые в гарнизоны далеких сибирских острогов; купцы, привлекаемые торговлей пушниной; священнослужители, ссыльнопоселенцы и каторжане [7, с. 85–86]. В результате этих этнических процессов к началу XVIII века, по мнению ученых, сформировались две больших общности – автохтонные народы (эвенки, сойоты, якуты, тувинцы, тофалары, буряты и др.) и переселенцы. К переселенцам мы, вслед за Т. Ф. Ляпкиной, относим старожилов, старообрядцев, казаков, евреев, поляков, то есть представителей славянских и не только народов, которые привнесли в регион и сохранили свою традиционную культуру [4, с. 210–211]. Следует отметить, что в XX веке процессы этнического смешения и взаимодействия активно продолжались. Во многом это было связано с Гражданской войной и Великой Отечественной войной, а в мирное время – с массовым приездом в регион строителей и молодых специалистов, большинство из которых оставались здесь уже навсегда.

В результате длительного этнического и историко-культурного процесса складывается еще одна отличительная особенность культуры Восточной Сибири – *многоконфессиональность*. В регионе мы встречаем сложное переплетение религиозных представлений, среди которых основными стали шаманизм, буддизм в северной форме и христианство. Причем христианство

здесь представлено всеми основными направлениями. Доктор исторических наук С. В. Васильева пишет: «Так уж получилось, что наряду с православными русскими, буддистами бурятами и шаманистами эвенками, сюда в XVIII веке были сосланы старообрядцы. Затем две волны сосланных в XIX веке после революционных восстаний поляков составили основу католической общины. Еще раньше здесь появились немцы-лютераны, а на рубеже XVIII–XIX веков формируются крупные мусульманские общины: сначала выходцы из Поволжья, а потом Кавказа и средней Азии. Тогда же появляются и «еврей-иудеи» [1, с. 110]. Однако, следует особо подчеркнуть, что подобные процессы аккультурации не привели к ассимиляции или конфликтам, а напротив, способствовали взаимопроникновению и взаимообогащению культур, сформировали толерантное, уважительное отношение к людям другой национальности, что в принципе сохраняется до сих пор.

Полиэтничность и многоконфессиональность Восточной Сибири, бесспорно, не могли не повлиять на специфику художественной культуры края. Например, историк Мария Ивановна Литвин отмечает, что «если обратиться к сибирской иконе, то в ней, наряду с сохранением иконописного канона, можно увидеть отражение монголоидных черт автохтонного населения в образе Богоматери, святых, в иконах, посвященных крещению местного населения» [3, с. 20–21]. Описание жизни и быта автохтонного населения станет одним из излюбленных сюжетов литературных произведений. Например, в XIX веке это романтические очерки из жизни бурят-монголов Н. Бобылева – «Чингисов столб» (1838), «Сибирские скицы» (1841), а в XX веке монументальные исторические произведения И. Калашникова «Жестокий век», М. Жигжитова «Подлеморье» и др. Темы пастушеского и чабанского труда, традиционного быта, религиозных обрядов и праздников часто встречались в работах приезжих художников XIX века, а в последующий период стали одной из основных в творчестве местных живописцев (Ц. Сампилов, А. Б. Даржаев, С. Р. Ринчинов и др.).

Архитектура восточносибирских городов также отличалась своим неповторимым обликом благодаря этим факторам. Художественно-стилевые особенности строились на сочетании

азиатских, русских и европейских традиций. Так, русские срубы изб сочетались у местных архитекторов с бурятскими орнаментальными мотивами или деталями буддийской культовой архитектуры, а в XIX веке стали применяться и отдельные западные технологии (например, элементы ордерной системы). Заимствованные элементы приобретали свое собственное «лицо», что позволяет искусствоведам говорить о существовании в регионе так называемого «сибирского барокко» как самостоятельного архитектурного стиля. Особенно хорошо памятники этого стиля сохранились в Иркутске.

Таким образом, несмотря на то, что в процессе исторического развития многие традиционные элементы культуры разных народов, населяющих Восточную Сибирь, во многом утратили свои исконные смыслы, ассимилировались, преобразовались и интегрировались в контексте новой художественной системы, они стали неисчерпаемым источником творческого вдохновения, постепенно приобретая то самое региональное своеобразие, аналогов которого сложно найти где-либо еще.

Другим уникальным фактором в формировании художественного образа Восточной Сибири было *восприятие края как места каторги и ссылки*. Причиной этого являлось не только удаленность региона от центральных областей России, но и то, что здесь уже в начале XIX века начинает развиваться горнорудная промышленность, для которой были необходимы дополнительные трудовые ресурсы. Как отмечено в «Энциклопедии Забайкалья», «правительство использовало ссылку как способ заселения края, комплектования воинских гарнизонов, обеспечения рабочими промышленные предприятия. Благодаря использованию труда каторжников на рудниках и приисках, страна получила громадное количество серебра и золота» [8, с. 183].

Определить точное количество ссыльных в Восточной Сибири за более чем два века практически невозможно. Многие деревни, а затем и города были заселены ссыльнопоселенцами и их потомками. Среди ссыльных были как уголовные преступники, так и политические заключенные. Прежде всего речь идет о декабристах, находящихся на поселении в Восточной Сибири (И. А. Анненков, Н. А. и М. А. Бестужева, А. М. Муравьев, М. К. и В. К. Кюхельбекеры

и др.), и участниках польских революционных выступлений (С. Е. Вронский, Л. Немировский, Ю. Беркман и др.). О неоспоримом вкладе декабристов и ссыльных поляков в развитие региона написано уже не мало. Нам хотелось бы лишь подчеркнуть, что именно эта часть ссыльных поселенцев привнесла в регион национальную культуру, дала толчок для развития собственно профессиональной художественной культуры в XIX веке.

Отражение тяжелой жизни каторжан станет одним из самых распространенных сюжетов в региональной живописи и литературе конца XIX – начала XX века. Особенно эта тема была близка людям, прошедшим каторгу. Так, художник А. Сохачевский, польский ссыльный, отбывавший каторгу на солевых разработках в Усолье, в своих картинах изображал жуткие сцены, свидетелем которых он был: «Наказание розгами», «Смерть на тачке», а ссыльный Ф. Гладков написал цикл рассказов «На каторге». Благодаря этим и многим другим работам образ Восточной Сибири как места каторги и ссылки надолго установился в сознании не только русских людей, но и иностранцев.

Значение ссылки сказалось и в формировании облика сибиряка. Т. Ф. Ляпкина под сибиряками понимает «субэтнос (народно-областной тип), сформировавшийся в результате синтеза русских переселенцев с коренным населением Восточной Сибири» [4, с. 267]. На становление подобного типа населения повлияли все упомянутые нами выше факторы, а именно природно-климатические, этнорелигиозные и социально-исторические условия сибирского региона. Как следствие, сочетание всех этих факторов выработали у местного населения своеобразный менталитет со своими устойчивыми ассоциациями и культурными стереотипами. Например, этнограф Л. Р. Павлинская отмечает: «Существенная отдаленность от европейской части России позволила сформироваться более свободному, демократичному образу жизни сибиряков, где человек ценился, прежде всего, за свои качества. Данная черта нашла свое проявление и в художественной культуре. Сибиряк в его буднях и праздниках стал героем литературных и публицистических произведений сибирских авторов, особенно во второй половине XIX века, а также в портретной и бытовой живописи. Демократизм

как стиль взаимоотношений определял стремление к неформальности общения, что приводило к распространению непрофессиональных видов художественной деятельности, любительству (например, любительские театральные постановки по праздникам)» [5, с. 22].

Образ сибиряка можно рассматривать как необходимый элемент в исследовании региональной художественной культуры, так как он создает первооснову самоидентификации культуры региона и ее идентификации в культуре страны. Это находит свое отражение и в искусстве. Так, историк Т. В. Паликова отмечает, что в произведениях писателя начала XX века. С. С. Шилова, был создан образ типичного забайкальского мужика-хлебороба, пастуха, охотника, старателя («Перед урожаем», «Самородок», «Быль», «В деревне»), а А. П. Васильеву в трехтомном труде «Забайкальские казаки» (1916–1917) удалось создать образ целого сословия. Это произведение по праву можно назвать серьезным вкладом в дело изучения края и живущих в нем народов [6, с. 146–147]. Портрет был вторым после пейзажа по популярности жанром живописи. Распространение портретной живописи поддерживалось самими сибиряками, желавшими запечатлеть себя для потомков. Живописцы донесли до наших дней облик многих жителей городов, политиков, общественных деятелей и купцов.

Отвлекаясь от темы нашей статьи, следует отметить, что в сибирском обществе жесткие условности, регламентирующие жизнь в столице, не имели определяющего значения. Стремление к неформальности общения выразилось в создании на рубеже XIX–XX веков разнообразных художественных объединений по интересам: Кружок любителей музыки и литературы в Нерчинске и Иркутске; Троицкосавское литературно-музыкальное общество; Общество художников в Иркутске и др., в рамках деятельности которых складываются предпосылки формирования художественной интеллигенции. И хотя деятельность этих обществ не вышла за рамки любительства, она всё же значительно оживила и разнообразила художественную жизнь региона.

Данная традиция нашла свое продолжение и в советское время, когда развитие самодеятельности стало одним из основных направлений культурной политики государства. Например, театральная художественная самодеятельность в

Бурятия связана с созданием народных театров. Наибольшей известностью пользовались Закаменский и Барагханский сельские народные театры, заводские театральные кружки, театральные коллективы Дома культуры «Текстильщик» и др. В народных театрах в середине 60-х XX века стали создаваться молодежные и детские студии.

В 70-е годы существенные сдвиги произошли и в качественном состоянии художественной самодеятельности. Возникают народные любительские коллективы, которые успешно осваивали новые жанры и виды самодеятельного искусства. Но самое главное, на наш взгляд, что в системе региональной художественной культуры самодеятельность выполняла функцию формирования творческих способностей и их реализации. Она способствовала не только художественному и нравственному воспитанию участников, но и снижала монотонность деревенского быта, делала досуг более полезным и интересным, повышала общественную активность населения и компенсировала недостаток профессионального обслуживания на селе, взяв на себя значительную часть работы по пропаганде искусства, стимулировала творческий потенциал личности, способствовала росту и проявлению талантов. Из самодеятельности после подготовки в вузах и училищах в профессиональное искусство пришли десятки талантливых артистов и художников. Одним из характерных примеров этого является переход к профессиональной деятельности в качестве оркестра Бурятского радио и телевидения самодеятельного народного ансамбля «Байкальские волны» (см. [2, с. 182–184]).

Таким образом, на протяжении XIX–XX веков шло интенсивное развитие художественной культуры Восточной Сибири: от фольклора к стилевому и жанровому многообразию изобразительного искусства и художественной литературы; от народной песни – к симфонической музыке; от народных представлений и танцев – к современному театру, оперному и балетному искусству, получившим широкое признание в стране и за рубежом. Однако сюжеты художественных произведений искусства со временем мало изменились. Требование видеть и слышать окружающую жизнь предполагало отражение местного колорита в искусстве, а это в свою очередь, вело к поиску особой системы выразительных средств художественного творчества, которая наиболее

полно соответствовала бы избранной задаче. Некоторые творческие личности имели в подтексте своих увлечений идею сибирского искусства как искусства, родившегося на стыке двух культур «кинородческой», как тогда говорили, и русской, другие ограничивались видами старинных построек, пейзажей и зарисовок национальных типов.

В XX веке в среде художников и литераторов Восточной Сибири эти тенденции только укреплялись, что и выразилось в формировании специфики художественного образа региона. Суровая и прекрасная природа, традиционный быт и новые веяния жизни переплетаются между собой, определяют то своеобразие, которое находит своё отражение в творчестве региональных авторов (например, живописцев Ц. С. Сампилова, Р. С. Мардыгеева, А. В. Казанского и др., литераторов И. Калашникова, М. Жигжитова и др., скульпторов Г. Г. Васильева, М. Б. Эрдынеева и др.). В их работах прослеживается стремление запечатлеть окружающий мир эмоционально выразительно, с проникновением в глубины народной жизни, в истоки духовной культуры, складывавшейся на протяжении столетий, показать тесную связь с природой. В наше время эта тенденция лишь только укрепилась и получила дальнейшее развитие.

Таким образом, рассмотрев основные факторы, влияющие на формирование художественного образа Восточной Сибири, мы выявили, что каждый из них вносил определенные характерные черты и тем самым придавал уникальность художественной культуре края. В сюжетах произведений искусства в независимости от того, кто являлся автором – приезжие или местные мастера – как раз и отражались эти региональные особенности. К ним мы отнесли неповторимую природу Прибайкалья и Забайкалья, этнокультурное и религиозное многообразие, использование региона как места ссылки и каторги, сибирский менталитет. Конечно, может показаться, что большинство этих черт свойственны любому другому региону. Но все же, на наш взгляд, феномен художественного образа Восточной Сибири, выраженный в сочетании природы с уникальным сплавом западных и восточных, славянских и тюркских, шаманских, буддийских и христианских традиций, а также исторических условий, не имеет схожих аналогов.

Проведя сравнительный анализ двух эпох в истории региона – XIX и XX веков, мы пришли к выводу, что какими бы ни были политический строй, идейные установки, стили и уровни, тематика и содержание художественных произведений всегда отражает сложившийся историко-культурный образ края и способствует региональной идентичности его жителей. Поэтому изучение региональной художественной культуры, привлечение к ценностям художественного наследия с помощью образовательных учреждений и средств массовой информации широких слоев населения является, на наш взгляд,

эффективным средством патриотического и эстетического воспитания, обеспечения стабильности и социально-экономического развития региона. Кроме того, работая над данной статьей, мы выявили, что при наличии достаточного количества отдельных исследований, поставленная нами проблема не являлась предметом целенаправленного научного, в частности культурологического, осмысления. И хотя в рамках данной статьи мы остановились на самых ярко выраженных составляющих художественного образа Восточной Сибири, безусловно, заявленная тема требует дальнейшей глубокой рефлексии.

Литература

1. Васильева С. В. Конфессиональное пространство Верхнеудинска // Байкальский регион в переломные периоды истории (XIX–XXI века): мат-лы Всерос. науч. конф. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. – 257 с.
2. Культура Бурятии в условиях развитого социализма (в процессе взаимодействия с культурами других советских народов) / сост. С. А. Максанов, Г. Л. Санжиев, Л. Д. Шагдаров и др. – Новосибирск: Наука, 1983. – 222 с.
3. Литвин М. И. Художественная культура Восточной Сибири как социокультурный феномен // История и культура Восточной Сибири: гуманитар. исслед.: мат-лы Кирилло-Мефодиевских чтений в рамках междунар. форума «Встречи старообрядцев мира. Путь Аввакума», 24 мая 2007 года. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. – 226 с.
4. Ляпкина Т. Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири: конец XVII – начало XX века. – СПб.: ИНФО-ДА, 2006. – 387 с.
5. Павлинская Л. Р. Сибирь в контексте евразийской теории // Евразия: этнос, ландшафт, культура / отв. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб.: Европейский Дом, 2001. – С. 20–83.
6. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX века). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – 260 с.
7. Спиридонова А. В. Региональная культура: диалектика локального и универсального (на мат-ле Восточного Забайкалья): дис. ... канд. культурологии. – Чита, 2007. – 187 с.
8. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 2 т. Т. 1. Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2000. – 302 с.

References

1. Vasil'eva S.V. Konfessional'noe prostranstvo Verkhneudinska [The confessional space of Verkhneudinsk]. *Baykal'skiy region v perelomnye periody istorii (XIX–XXI veka): materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Baikal region in the crucial periods of history (XIX–XXI centuries). Proceedings of Russian scientific conference]*. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2006. 257 p. (In Russ.).
2. *Kul'tura Buryatii v usloviyakh razvitogo sotsializma (v protsesse vzaimodeystviya s kul'turami drugikh sovetskikh narodov) [Culture of Buryatia in the conditions of developed socialism (in the process of interaction with the cultures of other Soviet peoples)]*. Ed. S.A. Maksanov, G.L. Sanzhiev, L.D. Shagdarov i dr. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983. 222 p. (In Russ.).
3. Litvin M.I. Khudozhestvennaya kul'tura Vostochnoy Sibiri kak sotsiokul'turnyy fenomen [Artistic culture of Eastern Siberia as a sociocultural phenomenon]. *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Sibiri: gumanitarnye issledovaniya: materialy Kirillo-Mefodievskikh chteniy v ramkakh mezhdunarodnogo foruma "Vstrechi staroobryadtssev mira. Put' Avvakuma", 24 maya 2007 goda [History and culture of Eastern Siberia: Humanities research. Proceedings of the Cyril and Methodius readings in the framework of the international forum "the Meeting of old believers of the world. The Way Avvakuma" 24 may 2007]*. Ulan-Ude, IPK FGOU VPO VSGAKI Publ., 2007. 226 p. (In Russ.).
4. Lyapkina T.F. *Arkhitektonika kul'turnogo prostranstva Vostochnoy Sibiri konets: XVII – nachalo XX veka [Architectonic cultural space of Eastern Siberia: XVII – beginning of XX century]*. St. Petersburg, INFO-DA Publ., 2006. 387 p. (In Russ.).
5. Pavlinskaya L.R. Sibir' v kontekste evraziyskoy teorii [Siberia in the context of the Eurasian theory]. *Evraziya: etnos, landshaft, kul'tura [Eurasia: etnos, landscape, culture]*. Ed. L.R. Pavlinskaya. St. Petersburg, Evropeyskiy Dom Publ., 2001, pp. 20-83. (In Russ.).

6. Palikova T.V. *Razvitie kul'tury gorodov Zabaykal'skoy oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Cultural development of cities in the Transbaikalian region (second half of XIX – beginning of XX century)]*. Ulan-Ude, Buryatskiy gosuniversitet Publ., 2008. 260 p. (In Russ.).
7. Spiridonova A.V. *Regional'naya kul'tura: dialektika lokal'nogo i universal'nogo (na materiale Vostochnogo Zabaykal'ya): dis. kand. kul'turologii [Regional culture: the dialectics of local and universal (on the material of the Eastern Transbaikalia). Diss. PhD in Culturology]*. Chita, 2007. 187 p. (In Russ.).
8. *Entsiklopediya Zabaykal'ya: Chitinskaya oblast': v 2 tomakh. Tom 1. Obshchiy ocherk [Encyclopedia of Transbaikalia: Chita oblast: in 2 volumes. Vol. 1. General essay]*. Ed. R.F. Geniatulin. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000. 302 p. (In Russ.).

УДК 140.8

КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Кениспаев Жумагельды Кубжасарович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, РФ).
E-mail: kenispaev@mail.ru

В статье анализируется значение греческой культуры для современного мира. Автор утверждает, что доминирование греческой цивилизации есть результат целенаправленной экспансии, совершенной греками, которые таким образом распространили свое духовное влияние на весь мир. Господство одного типа цивилизации приводит к забвению множества других оригинальных форм культур, в частности, культур народов Сибири.

Доминирующая в нашем обществе культура не возникла в качестве эволюции культур местных народов, а была целенаправленно сформирована в качестве образца для подражания. Весь процесс социализации человека означает освоение им европейских ценностей: философии, науки, искусства и мн. др. Система образования представляет собой ретранслятор европейской системы ценностей, которая во многом противоречит существующим в обществе традициям. В этом смысле культура выступает в качестве главного элемента европейской экспансии в сторону Азии, Америки и других континентов. Культурная экспансия – это более цивилизованный, чем военное вторжение способ захвата новых территорий, расширения сферы влияния. Во всяком случае такой способ рассмотрения культуры в теоретическом плане возможен, так как наука обладает правом сомневаться в том, что у других сомнений не вызывает.

Если классические представления о культуре связаны с возможностью реализации высоких духовных запросов человека, то современное ее понимание можно обозначить как выражение интересов небольшой этнической группы, которые в концентрированном виде отражаются в их самобытной культуре. Именно она в дальнейшем вступает на арену борьбы за лидерство с культурами других этносов. Как известно, подобная борьба носит жестокий характер, так как должна остаться только одна картина мира, одни законы, правила, традиции, мифы и т. д. Не лучшую роль в этом сыграли такие особенности национального характера многих аборигенов, как открытость, доверчивость, наивность и любознательность. Так исчезли многие культуры, которые до встречи с европейской культурой вполне эффективно отвечали на вызовы и служили основой социальной системы. С другой стороны, приобщение разных народов к европейской культуре стало причиной массовой миграции, которая в настоящее время является главной проблемой европейских стран. Приобщившись к благам цивилизации, представители традиционных культур стали привыкать к торговым центрам, Интернету, комфортной по европейским меркам жизни, и такая трансформация сознания означает отказ от собственных корней, даже от своей Родины, и поиск счастья в Европе.

Ключевые слова: культура, Греция, Европа, Сибирь, человек, сознание.

CULTURE AS AN ELEMENT OF EUROPEAN EXPANSION

Kenispaev Zhmageldy Kubzhasarovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Department of Philosophy and Culturology, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kenispaev@mail.ru

The article analyzes the importance of the Greek culture for modern world. The author argues that the dominance of Greek civilization is the result of focused expansion, done by the Greeks, who thus extended their spiritual influence on the whole world. The dominance of a civilization leads to oblivion in many other original forms of cultures, in particular cultures of the peoples of Siberia.

Dominant in our society, culture arose as an evolution of the cultures of the local peoples, and was purposefully crafted as a role model. The whole process of socialization of a person means mastering them in European values: philosophy, science, art, and more. The education system is a repeater of the European system of values, which is contrary to existing in the society of tradition. In this sense, culture acts as a core element of European expansion in Asia, America and other continents. Cultural expansion is more civilized than the military intervention as a way of capturing the new territories, expansion of spheres of influence. In any case, this method of consideration of culture in theory is possible, since science has the right to doubt that the other is beyond doubt.

If the classical conception of culture associated with the realization of the high spiritual needs of people, the modern understanding can be described as an expression of the interests of small ethnic groups, which in concentrated form are reflected in their unique culture. It further enters into the arena of struggle for leadership with the cultures of other ethnic groups. As you know, this fight is brutal, as there can be only one picture of the world, the same laws, rules, traditions, myths and so on. Not the best role was played by such features of national character of many aboriginal people as openness, trustfulness, naivety and curiosity. It disappeared as a culture, though before meeting the European culture, it had been quite effectively answering the call and serving as the basis of the social system. On the other hand, inclusion of different peoples into European culture was the cause of mass migration, which currently is the main issue in European countries. Having adapted to the benefits of civilization, representatives of traditional cultures have become accustomed to shopping centers, Internet, comfortable by European standards of life, and the transformation of consciousness means giving up their own roots, even from their homeland and search for happiness in Europe.

Keywords: culture, Greece, Europe, Siberia, man, consciousness.

В следующем, 2018 году исполнится 100 лет известному стихотворению А. Блока «Скифы», в котором есть такие слова: «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами!» [1] Если Запад считает Россию варварской азиатской страной, то, по мнению А. Блока, он узнает, что такое настоящий варварский ответ, и, заканчивает свое политическое размышление выводом – Европа – смерть, а Россия – жизнь. Эмоциональная, но вполне справедливая претензия русского поэта к Западу, приговор его высокомерию и самолюбованию. Подобное проявление патриотизма в современном мире большая редкость, а политкорректность эпохи модерн уже граничит с отсутствием у человека элементарной гражданской по-

зиции по важным политическим вопросам. Наше обращение к этой теме связано с необходимостью прояснения вопроса о сущности культуры современной России.

Есть интересная история с почетным званием «Сибирские Афины», которое на протяжении многих десятилетий оспаривают между собой два очень близких моему сердцу города – Томск и Барнаул. Каждому из этих сибирских городов хочется быть похожим на столицу греческой цивилизации, колыбель западной культуры. На самом деле история непростая. Князь К. А. Вяземский, побывавший в Томске в 1891 году, действительно сравнивал Томск с Афинами, но не без определенной доли сарказма. По его мнению, Томск – один из самых больших городов Сибири. Посреди города – небольшой холм, с которого виден весь

город. Это, как утверждает князь, напоминает немного Акрополь Афинский, который тоже возвышается посреди города. Но греки, ценители красоты, ничем его не застроили, и вид оттуда чудесный. У сибиряков же тут сараи, лачуги да помойная яма. Согласитесь, есть в этом сравнении некоторая двусмысленность. Но за несколько десятилетий до этого впервые Сибирскими Афинами был назван город Барнаул, и сделал это известный ученый и путешественник П. Семенов-Тянь-Шанский. По его мнению, Барнаул – самый культурный уголок Сибири, и его можно назвать Сибирскими Афинами. Но это исторические факты, которые со временем были дополнены самой жизнью: Томск в прошлом веке стал признанным лидером в сфере высшего образования, студенческим городом и перехватил пальму первенства культурной столицы Сибири и по праву считается Сибирскими Афинами. Кстати, славный город Омск, по мнению П. Семенова-Тянь-Шанского, больше похож на Спарту. Но почему-то Омичи не подхватили это доброе слово великого ученого, и не стали проводить аналогии между своим городом и знаменитыми спартанцами. Хотя при желании, наличии социального заказа и тщательном изучении прошлого Сибири можно было бы и на Омской земле найти аналог великому подвигу трехсот спартанцев под Фермопилами, и это стало бы важной патриотической страницей в книге истории этого региона Сибири. Роль персов можно было бы возложить на многочисленных кочевников, например, джунгар, которые своими набегами постоянно беспокоили границы южной Сибири.

Исторические победы прошлого служат будущему, так как воспитывают патриотические чувства подрастающих поколений, гордость за свою Родину. Это хорошо знали в Античности, утверждая, что без поэтов не было бы героев. В этом смысле мы поступили не по-гречески, наверное, проявили самостоятельность. Так или иначе принадлежность к греческой культуре – признак хорошего тона, критерий цивилизованности. Напротив, отсутствие в обществе следов греческой культуры, философии, науки, мифологии расценивается нами как признак варварства, отсталости, дикости. Трудно определить точную дату, когда именно мы стали эпигонами греков, но

это произошло так давно, что мы об этом факте уже успели забыть.

Греки впервые теоретически обосновали свое превосходство над другими народами – оно заключалось в их особом статусе потомков олимпийских богов, в их мудрости и способности к философии. Миф об Атлантиде, поведенный Платоном, как раз отражает историю восхождения греков. Согласно легенде, Боги поделили между собой Землю. Территория Аттики досталась Афине – богине мудрости, поэтому город Афины был заселен благородными людьми с правильными представлениями о человеческой жизни, общественном устройстве. Атлантида же досталась Посейдону и ее жители стали подчиняться закону. Возникшая война между Афинами и Атлантидой привела, как известно, к гибели последней. Поиск легендарной Атлантиды стал важным элементом европейской культуры, трудно себе представить, куда бы трагично свою энергию искали приключений, если бы не было платоновского мифа об Атлантиде. Примечательно, что жители Эллады не называют себя греками, это название они получили от Римлян. Самоназвание греков – Эллина, свою родословную они ведут от самого сына Зевса – бога Эллина. Благородное происхождение означает и благородство души, и поэтому в отличие от других народов эллинам знакома философия, понятия государства, закона, демократии, которые получили глубокое теоретическое обоснование в трудах великих мыслителей. Постепенно греческая мысль превратилась в образец для подражания, многие народы считали своим долгом читать греческих авторов, вести философские беседы, изучать природу, писать книги. Так модель греческой культуры превращается в своеобразного Троянского коня, который, попав на новую территорию, захватывает ее, уничтожая все чужое, не похожее на греческий мир. При осаде Трои нашелся лишь один жрец, который усомнился в добропорядочности Греков и утверждал: «Бойтесь данайцев, дары приносящих», но троянцы не послушали его и потеряли свой мир. Примерно так исчезали и остальные культуры: поверив в греческие идеалы, они утратили свою самобытность, уникальность, свою естественную силу, что привело к современной эпохе глобализации. Россию, как показывает история, могут спасти ее бескрайние просторы, если речь идет о

военном вторжении недружелюбных соседей, но экспансия чужой культуры происходит по иным законам, не физическим. Мы, как и остальной цивилизованный мир, являемся частью великой греческой державы, границы которой определяются не пограничными демаркационными линиями, а едва уловимыми культурными символами, которые свидетельствуют о том, что мы принадлежим к одному миру. Например, идея демократии, зародившись в Элладе, в настоящее время объединяет всех людей, считающих себя цивилизованными. Своеобразный пропуск в узкий круг избранных европейский народов. Постоянное стремление России удовлетворить требования европейских держав в отношении устройства социального мира есть не что иное, как диктат одной очень маленькой, но гордой нации над всем остальным миром.

Верность греческой цивилизации проявляется во всех сферах нашей жизни. Мы очень внимательно вглядываемся в страницы истории далекой Греции, пропуская мимо своего внимания целые тома собственной истории и огромные пласты культур аборигенов территорий, на которых живем. Мало кто кроме краеведов знаком с сибирской мифологией, но все знают Геракла и других героев греческого мифа. Реанимируя в книгах и общественном сознании чужие ценности тысячелетней давности, мы одновременно хороним собственную культуру, которая гораздо моложе и ближе нам. Полагаю, что это положение дел рано или поздно будет меняться благодаря новым поколениям людей, свободных от рабского преклонения перед чужой культурой. Пора с большим уважением и вниманием относиться к великой истории Сибири. Мы свидетели и активные участники борьбы различных идей за господство в общественном сознании, но последние несколько веков греческие идеи одерживают убедительную победу. Пока нет человека (теории, книги, политического движения), который бы осмелился сказать своим современникам: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Троянского коня, стоящего у западных ворот, мы сами заносим на свою территорию, и это в истории России повторяется многократно. С периодичностью в несколько десятилетий у западных границ России появляется силуэт Троянского коня (в виде идей революции, справедливости, демократии, граждан-

ского общества и т. п.), который попадает к нам благодаря нашему любопытству и желанию воспользоваться результатами чужого труда. Особое рвение в этом проявляет читающая публика, интеллигенция, которая всегда увлекается модными западными идеями.

Многочисленные захватнические войны в истории человечества всегда имели целью освоить территории соседних государств, иметь пленных в качестве живого товара, обладать всей полнотой политической власти. Первый император Китая, Цинь Ши Хуанди, подчинив соседей, как известно, создал единое централизованное государство, многочисленные этносы которого впоследствии (в эпоху Хань) стали идентифицировать себя как один народ – Хань, жителей Поднебесной. Модэ – основатель империи Хуннов, которая всегда была угрозой северных границ Китая, также покорил все соседние царства и создал единое государство с унифицированными нормами жизни. Подобные истории с большим или меньшим успехом многократно повторялись в различных частях света. Но любая империя рано или поздно распадается, это закон природы, которому никто не в силах противостоять. Империя, созданная Греками, единственная в истории человечества, которая не только существует на протяжении тысячелетий, но и процветает, если судить по количеству сторонников греческого типа мышления. Благодаря своей проникающей способности греческие мудрецы поняли – чтобы победить соседей не обязательно подчинять себе их физическую, юридическую или политическую свободу, так как это всегда заканчивается восстаниями и освободительной борьбой. Но в структуре человеческой организации есть один элемент, контролировать который можно практически незаметно для постороннего взгляда – это сознание человека. С этого открытия начался процесс добровольного присоединения народов к греческому миру. Различные культуры без внешнего принуждения переносят на свою землю традиции и нравы греков. Переключившись от борьбы за превосходство в физическом пространстве, к борьбе в пространстве интеллекта, Греки совершили великую революцию, доказав всем, что подчинять людей можно без физического принуждения, без единого выстрела и на больших расстояниях. Для этого достаточно внести в их сознание нужные идеи и тогда сами побеж-

денные (не подозревая, что их уже покорили) станут верными защитниками греческих завоеваний. В подобном мировоззрении нет места толерантности – все, что негреческое, подвергается уничтожению. Например, почему нам не известны имена философов Древнего Египта, Месопотамии и других восточных цивилизаций? Причина одна – эти имена тщательно стерты со страниц истории, так как на первом месте должны быть имена Греков. Да, Древняя Индия и Китай сказали свое веское слово в философии и науке, мы знаем имена их великих мыслителей. Но, во-первых, не в таком количестве, как имена греческих философов, во-вторых, имена многих из них все-таки ничего не говорят подавляющему большинству образованных людей, в-третьих, философская мысль Индии и Китая до сих пор рассматривается нами как некая экзотика, к которой мы обращаемся в перерывах между чтением классических текстов Платона и Аристотеля.

Внутри самой греческой культуры существовала строгая цензура, не допускавшая вольнодумства. Самые известные философы не избежали ее влияния и давления. Аристотелю, как известно, всегда напоминали о его происхождении, ведь он не был настоящим греком, а всего лишь метэком, то есть переселенцем, не обладающим всеми правами гражданина полиса. Он еще при жизни проявил свой великий талант, но все равно не угодил жителям Афин и был вынужден на старости лет спасаться бегством. Пифагор, которого считают самым великим греком, на самом деле все свои знания получил в Египте и Вавилоне и, вернувшись на склоне лет на Родину, был убит своими же соотечественниками. Они не понимали и не принимали чуждых им восточных идей, которые проповедовал среди своих учеников Пифагор. Иначе говоря, основанием для приговора одному из самых мудрых людей стали не его противоправные действия, предательство или иное преступление, а только лишь идеи, которые, по мнению современников Пифагора, противоречили идеям, принятым в греческой культуре. Такая же история через сто лет приключилась и с настоящим во всех смыслах этого слова греком Сократом, которого приговорили к смерти из-за того, что он якобы учил неправильным взглядам молодежь Афин. Мы, их наследники, проявляем такую же жестокость по отношению к тем, чьи

взгляды не соответствуют нормам современной жизни, скопированным с греческих образцов. Система образования по большому счету не изменилась со времен средневековых монастырских штудий, а Средние века, как нам известно, это время господства идей Платона и Аристотеля. Несколько преувеличенными оказываются и идейные противоречия между классиками Античности. «Аристотелевская мысль, – пишет К. Поппер, – целиком находится под властью платоновской. Вопреки собственной воле он шел по следам своего великого учителя настолько тщательно, насколько это позволял ему его темперамент, – и не только в общем политическом мировоззрении, но практически везде. Так, он целиком принял и систематизировал платоновскую натуралистическую теорию рабства» [2, с. 8–9].

Заносчивость и чувство превосходства образованных людей по отношению к тем, кто не читал Гомера, чем-то напоминает высокомерное отношение греков к рабам и варварам. Греческая мысль, благодаря завоеваниям Александра, установлению торговых отношений, распространению книг, увеличению числа грамотных людей стала покорять все новые и новые территории. Экспансия продолжалась до тех пор, пока не осталось ни одного уголка на Земле, где бы, не знали имена великих Греков, где бы, не рассуждали по правилам формальной логики Аристотеля и где бы, не слышали миф об Атлантиде. Те же уголки Земли, куда еще не проникла греческая мысль, принято называть островками примитивных культур, первобытных отсталых племен, чьи дни уже сочтены. К ним с любовью и уважением относятся только этнографы и антропологи, да и то, преследуя свои сугубо научные интересы. Говоря о греческой экспансии достаточно вспомнить, что значительная часть слов европейских языков имеет греческое происхождение, самыми распространенными являются греческие имена, греческие мифы, а вся европейская философия – это лишь комментарии к трудам греческих мыслителей.

Великое достижение греков, на наш взгляд, заключается в том, что они первыми задумали и осуществили такую спецоперацию по захвату соседних территорий, что плененные соседи до сих пор не догадываются о том, что они уже давно потеряли свою свободу, уже более двух тысяч лет

Европа и весь остальной мир живут под диктатом греческих культурных смыслов, принимая их за свои. Захваченные в войнах территории рано или поздно возвращаются бывшим их хозяевам, как минимум мысль об освобождении витает в воздухе. Но интеллектуальная оккупация Греков продолжается до сих пор и мало кто ставит вопрос об освобождении от захватчиков, а духовный мир греков кажется нам родным. Более того, свое будущее мы видим только через призму демократии, свободы слова, просвещения и иных культурных артефактов греческой цивилизации. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что отказ от греческой культуры, скорее всего, будет означать возвращение в эпоху дикости и варварства. Именно в этом мы слабы – нам нечего противопоставить греческим достижениям, у нас атрофировались способности, связанные с созданием жизненных смыслов, мы их можем только заимствовать. «Благодаря» нашим греческим учителям мы приобрели привитую неспособность, термин, который согласно американскому социологу Т. Веблену, означает неспособность человека самостоятельно принимать решения, его полную зависимость от своих учителей. Нет сомнения в том, что сам греческий мир эпохи Платона уже давно исчез, что искать следы прошлого бессмысленно. Но живы идеи людей, имена которых уже давно канули в лету. Есть бессмертные произведения, которые переживают своих авторов и при любом удобном случае актуализируются благодаря человеческому сознанию, нашему стремлению познать тайны природы. Строго говоря, современный мир стал заложником не столько греков, сколько идей, которые когда-то наполняли греческую жизнь. Но здравый смысл подсказывает, что против чужих идей следует противопоставить свои родные, которые родились на этой земле и отражают наши коренные интересы. Их поиск, к сожалению, заканчивается безрезультатно, так как на протяжении нескольких столетий вместо своих идей мы пользовались суррогатами чужой культуры. Если рожденные в муках творчества идеи – это наши дети, то мы уже подверглись

стерилизации, не можем иметь свои оригинальные, отличные от европейских теории социального устройства, а наше предназначение в том, чтобы воспитывать и лелеять порождения чужой культуры.

Универсальность и тотальность греческих символов такова, что, несмотря на все антропологические, этнические или культурные различия между людьми, мы все относимся к одному интеллектуальному типу – греческому. «Объединение людей земного шара, – пишет К. Ясперс, – привело к процессу нивелирования, на который мы взираем с ужасом. Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное. К этому нивелированию стремятся, будто оно создает единение людей. В тропических плантациях и в северном рыбацком поселке демонстрируются фильмы столиц. Одежда всюду одинакова. Одни и те же манеры, танцы, одинаковый спорт, одинаковые модные выражения; месиво, составленное из понятий Просвещения, англосаксонского позитивизма и теологической традиции, господствует на земном шаре... Исторически сложившиеся культуры отрываются от своих корней и устремляются в мир технически оснащенной экономики, в пустую интеллектуальность» [3, с. 76].

Распространение своего влияния, в первую очередь политического, на соседние территории, как показывает история греческой цивилизации, не обязательно означает военное вторжение. Для этого существует греческий прием с Троянским конем, то есть постепенная «прививка» соседних народов агрессивными и в тоже время привлекательными идеями-вирусами, благодаря которым через несколько десятилетий границы нашего культурного мира будут совпадать с границами соседних уже дружественных нам народов. Подобную политику мягкого, культурного проникновения на территорию соседей в современном мире проводит Китай, авангардом их вирусной атаки является Конфуций, чьим именем названы институты, существующие уже в каждом крупном российском городе. Иначе говоря, новый Троянский конь стоит уже у наших восточных ворот.

Литература

1. Блок А. А. Скифы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Blok/147.htm>.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, 1992. – Т. 2. – 528 с.
3. Ясперс К. Духовная ситуация времени. – М.: Алгоритм, 2008. – 272 с.

References

1. Blok A. A. *Skify [The Scythians]*. (In Russ.). Available at: <http://www.stihi-rus.ru/1/Blok/147.htm>.
2. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi [The open society and its enemies]*. Moscow, Feniks Publ., 1992. 528 p. (In Russ.).
3. Yaspers K. *Dukhovnaya situatsiya vremeni [The Spiritual situation of time]*. Moscow, Algorithm Publ., 2008. 272 p. (In Russ.).

УДК 008

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Шикалева Ирина Анатольевна, преподаватель, Детская школа искусств № 69, аспирант, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: schik.irina@gmail.com

Рассмотрение вопросов социокультурной динамики современного мира осуществляется в соответствии с рядом тенденций, позволяющих обозначить постановку доминантных проблем идентификационных процессов в культуре, которые определяют основания ее трансформации. Усиление интенсивности идентификационной динамики в культуре диктуется кризисом идентичности, стимулирующим развитие новых форм фиксации опыта, влияющим на процесс формирования идентификационной программы мирового масштаба, и служит существенным импульсом в установлении единых критериев в объяснении идентификационных механизмов в самоопределении культуры как на уровне отношения к себе, так и на уровне отношения к другим культурам в контексте мирового масштаба.

Эти обстоятельства заставляют задуматься о последствиях данных процессов в культуре, что формирует необходимость изучения содержания категориальных дефиниций «идентичность» и «идентификация».

Целью статьи является возможность определения основных тенденций решения проблем осуществления идентификационных процессов, ориентированных на формирование «целостной мировой идентификационной модели» и ее модификации в локальных культурах. Эти тенденции обнаруживаются в изменениях идентификационных практик под влиянием институциональных механизмов идентификации в культуре, ориентированных на формирование коммуникативного потенциала и ценностных ориентиров самоотождествления, нравственное содержание которых диктуется удовлетворением духовных потребностей общества.

Ключевые слова: проблемы культурной идентичности, социокультурное пространство, идентификационный процесс, культурная идентификация, идентитарный дискурс.

MODERN TRENDS FOR SOLVING PROBLEMS OF CULTURAL IDENTIFICATION

Shikaleva Irina Anatolyevna, Teacher, Children's Art School No 69, Postgraduate, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: schik.irina@gmail.com

Considering the questions of socio-cultural dynamics, the modern world carried out according to a number of tendencies, defining the main problems for identification process in culture, designating the statement for significant role in its transformation. Strengthening the intensity of identification dynamics in culture is dictated by the identity crisis stimulating the development of new forms for fixing experience and, being the trigger influencing process for forming the global identification program, and works as an obstacle in establishing uniform criterion in explaining identification mechanism for culture self-determination at the

level of attitude towards itself, and at the level of attitude towards other cultures in the context of world scale. These circumstances force to think on consequences of these processes in culture forming necessity for studying the meaning of the definitions “identity” and “identification”.

The aim of article is the possibility for defining the main tendencies of solving the problems for implementing the identification processes focused on establishing “complete world identification model” and its modification in local cultures. These tendencies are found in changes for identification practices under the influence of institutional mechanisms of identification in culture, focused on establishing communicative potential and valuable reference points of self-identification, their moral content is dictated by satisfying spiritual needs of society and safety of a cultural space, demanding localization according to the set samples.

Keywords: problems of cultural identity, socio-cultural space, identification process, cultural identification, identity discourse.

Идентичность как научная категория является объектом изучения социально значимых дисциплин (философии, социологии, культурологии, политологии, психологии и др.), позволяющих выявить «уровни и механизмы взаимодействия людей и институтов в процессе коммуникации, оценить перспективу институциональной динамики современного общества» и т. д. [7, с. 12]. Вопросы, связанные с проблемами культурной идентичности в современном мире, заставляют задуматься о механизмах и формах ее осуществления. Процесс решения этих вопросов остается дискуссионным из-за «многоликости» термина «идентичность», провоцируя ученых «оставить идентичность политическому (публичному) языку и вывести из научного оборота» [9, с. 21].

Многие исследователи понимают «идентичность» как «виртуальность», на которую ссылаются, чтобы объяснить вещи, «не имеющие реального существования», другие понимают «идентичность» в прямо противоположном значении – как «самые устойчивые черты генезиса и эволюции культуры» [9, с. 20]. При этом в качестве доминанты идентификационных процессов может рассматриваться сама личность. Так, например, О. Ю. Астахов отмечает, что важным является изучение идентификационного механизма в отношении субъекта к самому себе, что формирует качественную определенность его реального отношения к культуре [1]. Одновременно основой идентификационных отношений выступает и социум. Например, Ю. Л. Качанов, приравнивая «идентичность» к процессу адаптации индивида к социуму, воспринимает данную категорию, как «признак “вхождения” индивида в социальную позицию» (см. [6, с. 13]).

Работы Н. В. Трубниковой и Е. Э. Суровой вносят определенную ясность в неоднозначный

смысл дефиниций «идентичность» и «идентификация». В работе Е. Э. Суровой процесс адаптации индивида к происходящим изменениям представляет собой «идентификацию»: «Идентичность предполагает устойчивость параметров соотношенности объектов в пространстве возможного опыта <...>. Она существует как мера должного в рамках традиции, социализируя индивида, и становясь основой для типологий <...>. “Идентификация” процессуально фиксирует порядки изменений данной соотношенности, что позволяет опознавать объекты по большей части вне зависимости от характера и скорости изменений» [8, с. 8–12].

Представляя идентичность «необратимым феноменом реальности», используемым как «объект политической пропаганды», Н. В. Трубникова предлагает ввести исследования идентичности «в контекст изучения динамики связанных с нею социальных и политических институтов» – что поможет понять, каким образом сформировавшиеся идентичности, смогли утвердиться в качестве «принципа самоопределения для группы индивидов» [9, с. 21]. Изучив институциональную динамику дискурсов руководящих институтов, исследователи смогут найти инструменты, способные «улавливать процессы усвоения и трансформации идентифицирующих признаков внутри социальных групп» [9]. В логике исследования должны преобладать тенденции, во многом определяющие идейные и ценностные ориентации современного мира, формирующие общественное сознание, первостепенной задачей которых является удовлетворение духовных потребностей общества, безопасность культурного пространства.

Воспринимая культурную идентификацию как возможность налаживания социокультурных связей между поколениями и разными людьми,

А. Л. Маршак обращает внимание на зависимость культурной идентичности от реформ всей системы культурной политики, которые должны осуществляться на основе «серьезного социокультурного анализа современной общественно-политической ситуации», опираться на «знания условий предотвращения кризисных явлений в культуре и на учет новых обстоятельств культурного контакта и диалога общества и власти». Поэтому он, акцентируя внимание на том, что осуществление данного процесса невозможно без культурного единства, призывает придерживаться тенденций, стремящихся к «интеллектуальному объединению», в основе которого и лежит культурная идентификация, и отдает особое предпочтение тенденции «созидания» [4, с. 5–7].

Аналитический обзор современных исследований приводит нас к выводу о том, что в решении проблем культурной идентификации основными тенденциями служат изменения в идентификационной практике, связанные с внедрением институциональных механизмов идентификации в область культурного поля, с применением тенденций нравственного содержания, синтезирующих гуманистические ценности [2; 4; 5; 9; 10]. Институциональный аспект, является актуальным механизмом регуляции культурной идентификации всего мирового пространства, способным позитивно воздействовать на процесс выстраивания действенных принципов в культуре. Но главная роль в решении идентификационных вопросов отводится тенденциям, участвующим в процессе формирования образных систем – «историко-культурных моделей идентичностей», в рамках которых «формируются идеализированные ценностные позиции, соответствующие наличествующей эпохе. Они включают в себя базовые ценности, специфику и интенсивность вероятных ценностных и нормативных тенденций, приоритетные образы презентативных практик» [8, с. 13].

Тесно связанные с социокультурными и политическими факторами, идентификационные модели активно развиваются на протяжении всей истории существования культуры. Значительно увеличив масштаб своего воздействия в последние десятилетия, в связи с изменением форм фиксации опыта, они влияют на развитие сложных социокультурных, политических, эко-

номических и других процессов, отражаясь как на идентификационных параметрах современной культуры, так и на всем социокультурном пространстве. Обозначим основные причины, способствующие их активному росту:

1. «Интенсивные информационные процессы» [3, с. 169].

2. Образование в ряде стран «иноэтничных анклавов», культивирующих свой особый тип самосознания и замедляющих процессы интеграции в культуру «титальной» нации [8, с. 19].

3. Мозаичность и фрагментарность культуры мира «постмодерн»; современное технологическое развитие, ориентированное «на унификацию, на единые стандарты и гомогенизацию», часто не вписывающиеся в культурные традиции [2, с. 7].

4. «Социальное неравенство, рост этнонационализма и антимодернизационные процессы в поляризованном социуме» [5, с. 280].

5. «Глобализационные процессы», меняющие правила экономической, финансовой активности национальных государств, предполагающие обмен социально и культурно значимой информацией, способствующие трудностям адаптации, развитию этничности и т. д. [2; 3]

6. Усиление «миграционных процессов», в результате которых государства становятся многокультурными [2; 3; 8; 9].

Ориентируясь на тенденцию развития информационных технологий и коммуникативных практик и обостряя при этом проблему столкновения различных идентификаций (игровых, региональных, этнических, конфессиональных, гендерных), формирование «идентификационных моделей» постоянно провоцирует создание новых типов идентичностей (например: «*легитимизирующий*» – порожден индустриальным обществом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства; «*идентичность сопротивления*» – связан с переходом к новому типу ценностей, создаваемый локальными общностями; «*проективный*» – определяется формированием личности, субъекта» и др.), предопределяя направление современных идентификационных образований.

Так, в начале XX века, наиболее сложные идентификационные образования, достигнув пика своего развития, спровоцировали кризис европейской культуры, результатом которого явля-

ется формирование «мировой идентификационной модели» (Н. Бердяев, Э. Мунье, Н. Элиас, Е. Э. Сурова), о чем, например, обстоятельно рассуждает в своих работах Е. Э. Сурова: «Кризис привел к необходимости изменений нормативных позиций и стимулировал развитие новых форм фиксации опыта. Эта тенденция привела к постепенному появлению целостной мировой идентификационной модели, одновременно предполагающей как принадлежность каждого индивида к абстрактному человеческому сообществу (глобальная тенденция), так и к самобытному культурному образу, избираемому по “мягкому” принципу с открытой возможностью изменения ситуации (локальная или региональная тенденция). Соответственно, обе эти тенденции характеризуют не только идентификационные, но и, по сути, все процессы современного культурного пространства, что дает возможность назвать современную эпоху эпохой глобализации» [8, с. 16].

Поэтому формирование «целостной общечеловеческой модели идентичности» расценивается учеными как «самая глобальная проблема современности» [5; 6; 8]. Новые типы идентичностей, определяя динамику развития модели, ее границы и в то же время представляя собой новые тенденции процесса формирования (на смену тенденции

«возвращения к истокам», приходит тенденция гомогенизации культурного пространства, активизируются локальные тенденции, обладающие высокой степенью групповой агрессивности), подвергаясь значительным трансформациям, занимают главные рычаги правления в социокультурном пространстве, то есть современные типы идентичностей производят тенденции, характеризующие становление идентификационных моделей современного порядка. Поэтому в настоящее время наиболее актуальной тенденцией является «снятие кризисной ситуации тотального отчуждения при осознании различий и интенсификации коммуникативных практик» [8, с. 17].

Таким образом, проблемы идентификационного характера невозможно устранить перечнем разовых действий, процесс ликвидации может занять годы и даже столетия, но зная их специфику, направленность и динамику развития, возможно уменьшение диапазона их негативного воздействия. На сегодняшний день наиболее перспективными тенденциями в этом процессе являются тенденции нравственного характера, обладающие коммуникативным потенциалом, аккумулирующие гуманистические ценности, способные не только образовывать гуманитарную среду планетарного масштаба, но и предотвращать кризисные явления в культуре.

Литература

1. Астахов О. Ю. Рефлексивность идентификации в культуре XX века // Русское Слово в культурно-историческом и социальном контексте: сб. ст. по мат-лам Рос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Рус. Слово в культур.-ист. контексте» (Кемерово – Далянь, 22 окт. 2010 года). – Далянь; Кемерово: КемГУКИ, 2010. – Т. 1. – С. 19–29.
2. Благородова Е. А. Культурная политика как возможность преодоления кризиса национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д.: Юж. федерал. ун-т, 2013. – 32 с.
3. Костина А. В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4. – С. 167–175. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/krizis-sovremennoy-identichnosti-i-dominiruyuschie-strategii-identifikatsii-v-granitsah-etnosa-natsii-massy-nachalo>.
4. Маршак А. Л. Культурная идентичность: поиски и пути решения проблемы // Власть. – 2012. – № 9. – С. 4–7.
5. Попов М. Е. Конфликты идентичностей и социокультурная интеграция в современной России // Вестн. Северо-Кавказ. федерал. ун-та. – 2015. – № 2 (47). – С. 277–280.
6. Попова О. В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа. – М.: ИМЭМО РАН. – 2010. – С. 13–29.
7. Семенов И. С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. – М.: ИМЭМО РАН. – 2011. – С. 8–13.
8. Сурова Е. Э. Идентификационный принцип в культуре // Политики культурной идентичности. – 2010. – № 1 (1). – С. 6–17.
9. Трубникова Н. В. Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»? // Политики культурной идентичности. – 2010. – № 1 (1). – С. 18–22.

10. Цыбиков Т. Г. Методологические подходы к исследованию культурной политики на современном этапе // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – Т. 14. – С. 146–150.

References

1. Astakhov O.Yu. Refleksivnost' identifikatsii v kul'ture XX veka [Identification reflexivity in culture of the XXth century]. *Russkoe Slovo v kul'turno-istoricheskom i sotsial'nom kontekste: sbornik statey po materialam nauchno-prakticheskoy Rossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Russkoe Slovo v kul'turno-istoricheskom kontekste" (Kemerovo – Dalian', 22 oktyabrya 2010 goda)* [Russian word in cultural and historical, social context. Collection of articles on materials of scientific-practical Russian conference with international participation "Russian Word in cultural and historical context" (Kemerovo – Dalian, October 22, 2010)]. Dalian, Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2010, vol. 1, pp. 19-29. (In Russ.).
2. Blagorodova E.A. *Kul'turnaya politika kak vozmozhnost' preodoleniya krizisa natsional'noy identichnosti: avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Cultural policy as a possibility for overcoming national crisis identity. Author abstract of the thesis of PhD in philosophy]. Rostov-na-Donu, Southern Federal University Publ., 2013. 32 p. (In Russ.).
3. Kostina A.V. Krizis sovremennoy identichnosti i dominiruyushchie strategii identifikatsii v granitsakh etnosa, natsii, massy [The crisis of modern identity and dominating strategies for identification within the framework ethnos, nation, people]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Digital journal Knowledge. Understanding. Skills], 2009, no. 4, pp. 167-175. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/krizis-sovremennoy-identichnosti-i-dominiruyushchie-strategii-identifikatsii-v-granitsah-etnosa-natsii-massy-nachalo>.
4. Marshak A.L. Kul'turnaya identichnost': poiski i puti resheniya problemy [Cultural identity: searching and ways for solving the problem]. *Vlast' [Power]*, 2012, no. 9, pp. 4-7. (In Russ.).
5. Popov M.E. Konflikty identichnostey i sotsiokul'turnaya integratsiya v sovremennoy Rossii [The conflicts of identities and social and cultural integration in modern Russia]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Vestnik of the North Caucasus Federal University], 2015, no. 2(47), pp. 277-280. (In Russ.).
6. Popova O.V. Razvitie teorii politicheskoy identichnosti v zarubezhnoy i otechestvennoy politicheskoy nauke [Developing theory for political identity in foreign and Russian political science]. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject for political analysis]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2010, pp. 13-29. (In Russ.).
7. Semenenko I.S. Identichnost' v predmetnom pole politicheskoy nauki [Identity in the subject field of political science]. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject of political analysis]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2011, pp. 8-13. (In Russ.).
8. Surova E.E. Identifikatsionnyy printsip v kul'ture [The principle of identification in culture]. *Politiki kul'turnoy identichnosti* [Politics of cultural identity], 2010, no. 1 (1), pp. 6-17. (In Russ.).
9. Trubnikova N.V. Nauchnyy i politicheskiy diskursy identichnosti: sposob samoopredeleniya ili "izobretenie traditsiy"? [Scientific and political discourses of identity: the path of self-determination or "invention of traditions"?]. *Politiki kul'turnoy identichnosti* [Politics of cultural identity], 2010, no. 1 (1), pp. 18-22. (In Russ.).
10. Tsybikov T.G. Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu kul'turnoy politiki na sovremennom etape [Methodological approaches to research of cultural policy at the present stage]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Burayt State University], 2012, no. 14, pp. 146-150. (In Russ.).

УДК 008

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Френк Галина Юрьевна, аспирант кафедры региональных исследований и международных отношений, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ). E-mail: galadav90@mail.ru

В статье рассмотрены основные этапы развития государственной политики Канады в сфере образования коренных народов. С момента образования доминиона Канада в 1867 году и до начала

1970-х годов эта политика сводилась к насильственной ассимиляции аборигенов в канадское общество. В основе этой политики лежали представления о необходимости приобщить аборигенов к «высшей» европейской культуре. Политика ассимиляции предполагала обучение детей-аборигенов в школах закрытого типа, насильственную христианизацию учащихся, запрет на использование аборигенных языков и следование аборигенным традициям и нормам жизни.

Большие трудности в функционировании школ-интернатов были связаны с проблемами их финансирования. Федеральное правительство не выделяло достаточно средств для организации обучения и создания благоприятных условий для проживания детей, вследствие чего хозяйственные работы по обслуживанию школ велись зачастую самими учениками. Это обернулось высоким уровнем заболеваемости и смертности среди учащихся.

В 1970-х годах процесс признания прав и свобод коренных народов на международном уровне затронул и Канаду. Наиболее активные аборигенные общины и общественно-политические организации, представляющие интересы коренного населения, вступили на путь переговоров с властями Канады, ввиду чего были достигнуты определенные соглашения, повлекшие за собой полную перестройку образовательной системы и утверждение нового правового статуса коренного населения. Среди прочего коренные народы Канады получили право на разработку и внедрение учебных программ, подготовку квалифицированных кадров, преподавание на родном языке, внедрение в учебный процесс курсов по изучению культуры аборигенов.

Ключевые слова: коренные народы, Первые нации, доминион Канада, насильственная ассимиляция, интеграция, самоуправление.

MAJOR PERIODS IN CANADIAN EDUCATIONAL POLICY TOWARDS ABORIGINAL PEOPLE

Frenk Galina Yuryevna, Postgraduate of Department of Area Studies and International Relations, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: galadav90@mail.ru

This article analyzes the major periods in Canadian educational policy towards Aboriginal people. With the formation of the Dominion of Canada in 1867 and until the beginning of the 1970s this policy was characterized by forced assimilation of Aboriginal people into Canadian society.

The policy of forced assimilation was based on the assumption that Aboriginal people should follow European cultural and social preferences. Aboriginal children were taught in residential schools where they were forcefully converted to Christianity. Students were forbidden to speak their languages or practice their culture.

The schools separated children from their parents and grandparents, but because of the strict separation of girls from boys, they also separated sisters from brothers.

Lack of care and supervision in the schools led to excessive physical punishment, and physical and emotional abuse. Thus, several generations of children were traumatized by their residential school experience. Moreover, constant underfunding left the schools dependent on student labour. All these factors contributed to high mortality rates, poor health, and low academic achievement.

A movement to quit the residential schools system began in the 1970s in response to deep dissatisfaction of Aboriginal people with the conditions and dramatically poor educational outcomes experienced by their children. Ongoing negotiations with both federal and provincial authorities have resulted in rebuilding the education system and establishment of a new legal status of Aboriginal people. They took control of their children's education, including the ability to decide the language of instruction, design the curriculum, hire teachers, and set school calendars.

Keywords: Aboriginal people, First Nations, Dominion of Canada, forced assimilation, integration, self-governance.

Во второй половине XX века в результате укрепления демократических ценностей и развития принципов социального равенства в развитых странах впервые были признаны права коренных народов. Это стало следствием возросшей социальной и политической активности самих представителей коренных народов, изменения отношения к этим группам населения в обществе, принятия новых концепций и норм международного права. В результате этих процессов США, Канада, Россия, Австралия, Новая Зеландия и ряд других государств вступили на путь формирования новых политических курсов и программ в отношении коренных народов.

Под коренными народами принято понимать исконное население той или иной территории, заселившее ее раньше других народов и ведущее традиционный образ жизни с сохранением традиционного способа хозяйствования [1]. В Канаде согласно Конституционному Акту 1982 года коренными народами признаны три группы населения: индейцы, инуиты (так в Канаде называют эскимосов) и метисы (потомки смешанных браков между индейцами и европейцами). По отношению к индейцам в Канаде также употребляется термин «First Nations» (Первые нации). В настоящее время коренные народы в Канаде насчитывают около 1,5 млн. человек, что составляет 4,3 % от общего населения страны [4]. Наиболее многочисленная категория аборигенного населения представлена индейцами – 2,6 %, 1,4 % коренного населения составляют метисы, 0,2 % – инуиты [4].

Ключевым моментом в истории Канады стал 1867 год, когда Канада была провозглашена доминионом Великобритании. Получив значительную долю независимости от Британской империи, власти Канады приступают к формированию собственной политики в отношении аборигенов. В 1880 году федеральное правительство учредило Министерство по делам индейцев. Одной из главных функций министерства становится контроль над осуществлением государственной политики в сфере образования коренного населения.

Педагогические идеи для формирования политического курса в отношении аборигенов власти Канады в целом заимствовали у США, где к тому времени уже был накоплен определенный опыт в данной области. Он строился на представлении о том, что учебно-воспитательный процесс

в рамках аборигенной культуры не способен подготовить детей к жизни и научить их чему-либо. В основе этой стратегии лежали расовые теории европейских историков, философов и социологов XIX века Жозефа Гобино, Фридриха Клемма, Людвиг Вольмана и других. Исходя из данных теорий, различия в уровне развития культуры разных народов напрямую связаны с их расовой принадлежностью. Согласно расовому принципу, представители разных рас генетически наследуют разные задатки и, тем самым, демонстрируют разные способности в тех или иных видах деятельности. Из данного мышления вытекает идея превосходства одних рас и народностей над другими, в частности, идея культурного и цивилизационного доминирования европейцев над аборигенами. Традиционный хозяйственный уклад и образ жизни аборигенов в Канаде рассматривается европейским населением как отсталый. Возникает необходимость приобщения автохтонов к «высшей», европейской культуре, европейским нормам жизни.

Стремление властей Канады постепенно ассимилировать коренное население привело к учреждению системы школ-интернатов для обучения детей-аборигенов. Соответствующий закон был принят в Оттаве в 1884 году. Первые школы-интернаты открылись в провинции Онтарио и впоследствии распространились по всей Канаде за исключением Ньюфаундленда, Нью-Брансуика и острова Принца Эдуарда. Управление школами-интернатами осуществляли различные церковные организации, финансирование поступало из федерального бюджета. Обучение в школах было принудительным, и, по решению властей, должно было осуществляться в изоляции детей от семей и племенных общин. В ноябре 1910 года Дункан Кэмпбелл Скотт, занимавший на то время должность главы Министерства по делам индейцев, заявил о необходимости продолжать работать, пока в Канаде не останется ни одного неассимилированного индейца и индейский вопрос не будет окончательно снят [3].

Образовательный процесс в школах-интернатах включал в себя основы грамоты, основы религии, а также практические навыки и элементарные знания сельского хозяйства и ремесла. Девочек обучали шитью, готовке, уборке, то есть навыкам ведения домашнего хозяйства, мальчи-

ков – земледелию, плотничному делу, сапожничеству и т. д. Большая часть учебного дня отводилась практической, нежели академической деятельности обучающихся. Это позволяет говорить о том, что государство изначально не пыталось готовить детей аборигенов к получению высшего образования и успешной карьере в канадском обществе. Обучение в школах было нацелено на создание из представителей молодого коренного населения трудового низшего класса.

Для достижения поставленной цели был взят курс на полное искоренение культурных и языковых традиций аборигенов, что представлялось возможным только в условиях максимальной изоляции детей от аборигенной общины. Именно поэтому общение на родных языках в школах-интернатах было строго запрещено. Переписка с семьей разрешалась исключительно на английском языке, которым значительная часть коренного населения поначалу не владела. Обязательным для всех учащихся было получение нового «европейского» имени, новая дата рождения, приобщение, а затем и строгое следование христианским религиозным традициям. Воспоминания бывших учеников и очевидцев свидетельствуют о том, что нарушение правил школьной дисциплины каралось жестокими телесными наказаниями. Родители, недовольные суровым обращением с детьми, редкими свиданиями, а также тем, что дети забывали родной язык и традиции, не стремились отсылать детей в школы. Для борьбы с этим в 1920 году в Канаде был принят закон, по которому обучение детей индейцев и метисов в школах-интернатах при достижении ими семилетнего возраста являлось обязательным. В случае неподчинения закону родителям детей грозило тюремное заключение.

Большие трудности в функционировании школ-интернатов были связаны с проблемами их финансирования. Федеральное правительство не выделяло достаточно средств для организации обучения и создания благоприятных условий для проживания детей, вследствие чего хозяйственные работы по обслуживанию школ велись преимущественно самими учениками.

Отсутствие надлежащих условий для содержания детей вело к высокому уровню заболеваемости и смертности среди учащихся. Халатное и равнодушное отношение к заболевшим усугубля-

ло сложившуюся ситуацию. По данным доклада, подготовленного доктором Питером Брайсом, медицинским инспектором Министерства по делам индейцев, только в одной определенной школе в период с 1894 по 1908 год от болезней (преимущественно туберкулеза) умерло 28 % обучающихся [7]. Эти и другие шокирующие данные, полученные в ходе проверок ряда школ-интернатов под руководством доктора Брайса, были разглашены в Канаде только в 1922 году.

Официальные данные тех лет свидетельствуют и о крайне низких показателях успеваемости среди учащихся школ-интернатов. Согласно данным 1930-го года, только 3 % учащихся-аборигенов сдали экзамены 6-го уровня средней школы, в то время как среди учащихся европейского происхождения данный показатель составил 33 %. В 1950 году разрыв был по-прежнему существенным: 10 % для учащихся-аборигенов при 30 % для рядовых канадских школьников [5].

Проблема низкой успеваемости учащихся школ-интернатов была тесно связана с недостатком квалифицированных преподавательских кадров: так, по результатам правительственного мониторинга от 1948 года, более 40 % работников школ-интернатов не имели какой-либо профессиональной педагогической подготовки [5].

Конец 40-х годов XX века ознаменован новыми тенденциями в сфере образования коренного населения. В 1949 году федеральные власти Канады заключили специальное соглашение с властями провинции Британская Колумбия, которое повлекло за собой закрытие ряда школ-интернатов на территории провинции и распределение учащихся в них детей-аборигенов в общеобразовательные государственные школы, где они начали обучаться совместно с детьми некоренного населения. В одном случае ряд старых школ-интернатов превращали в общежития для детей аборигенов, которые должны были, проживая в них, регулярно посещать ближайшую школу. В другом случае, детей из резерваций доставляли в школы на учебных автобусах. Хотя такая политика получила распространение и в других провинциях Канады, в 1953 году в школах-интернатах по-прежнему обучались около 10 тыс. человек [6].

В целом обучение детей аборигенов в общих школах первоначально не предусматривало созда-

ние для них каких-либо специальных адаптационных учебных программ или курсов. Культурные особенности, носителями которых являлись эти дети, в равной степени, как и их родные языки, в ходе обучения не признавались и игнорировались. По мнению ряда канадских исследователей, интеграция аборигенов в новую систему обучения сводилась лишь к физическому присутствию данных учащихся в школах нового для них типа.

С конца 1960-х – начала 1970-х годов проблемы в сфере образования стали ключевыми для представителей коренных народов в Канаде. Наиболее сильные общины и общественно-политические организации, среди которых Национальное братство индейцев Канады (*National Indian Brotherhood*) и Ассоциация ирокезов и союзных индейцев (*The Association of Iroquois and Allied Indians*), неоднократно обращались к правительству с докладами, в которых были сформулированы основные предложения и требования по переустройству существующей образовательной системы. В этих докладах затрагивались вопросы, касающиеся обучения детей-аборигенов в школах на территории резерваций без отрыва от семьи. Представители коренных народов выступали с требованием предоставить им возможность изучать аборигенные языки и культуру, готовить преподавателей из числа местного населения резерваций, допустить родителей и представителей общины к участию в осуществлении контроля над образовательным процессом и др.

Одним из первых проявлений социальной активности коренного населения Канады стал протест против решения канадских властей о закрытии индейской резервационной школы *Blue Quills* в провинции Альберта в 1970 году. Захватившие здание школы представители местных индейских общин потребовали от властей права самостоятельно контролировать функционирование данной школы. Это право было им предоставлено, что положило начало процессу возникновения на территории Канады целого ряда школ под руководством местных индейских общин, многие из которых, наряду с *Blue Quills First Nations College*, продолжают работать и сегодня.

В 1972 году Национальное братство индейцев Канады представило на рассмотрение Министерства по делам индейцев детально разрабо-

танную образовательную программу «Индийский контроль над индейским образованием» (*Indian Control of Indian Education*). Программа включала в себя предложения по созданию коренными народами новых школ на территории резерваций, подготовку высококвалифицированных учебных кадров из числа представителей Первых наций, а также составление учебных программ с изучением родного языка, истории и культуры коренных народов наряду с общепринятыми дисциплинами. В 1973 году глава Министерства по делам индейцев, а в дальнейшем премьер-министр Канады Жан Кретьен одобрил эту программу и выразил от лица канадских властей готовность способствовать ее реализации.

Программа «Индийский контроль над индейским образованием», заложившая основы новой государственной политики Канады в сфере образования коренных народов, основана на двух принципах: участие родителей в образовательном процессе и непосредственный контроль представителей Первых наций над функционированием образовательной системы на территории резерваций и аборигенных поселений. Программа официально признала за родителями, являющимися представителями коренных народов, те же права в принятии решений об образовании своих детей, которыми обладают все остальные родители на территории Канады. Вместе с тем, права, данные коренным народам в образовательной сфере, потребовали создания новой равноурвневой системы контроля над образованием коренных народов, в которой задействованы как федеральные, так и провинциальные власти, наряду с местными общинами. Так, например, помимо права создавать на территории резерваций собственные школы, коренные народы получили право иметь собственных представителей в школьных советах в провинциях и на территориях Канады, где также обучаются аборигенные дети.

Отдельное место в утвержденной программе было отведено вспомогательной роли федеральных и провинциальных властей в вопросе подготовки преподавателей, обучающихся детей аборигенов в федеральных и провинциальных учебных заведениях. Вслед за утверждением новой образовательной программы в ряде университетов провинций Онтарио, Манитоба, Саскачев

ван, Альберта, Новая Шотландия, Нью-Брансуик и Британская Колумбия были запущены программы для подготовки преподавателей из числа представителей коренных народов. Наряду с этим новая образовательная политика предусматривает необходимость прохождения специальной профессиональной подготовки для преподавателей, работающих с учащимися-аборигенами, в том случае, если сами преподаватели имеют иное происхождение.

Уже в 80-е годы проявились положительные результаты, достигнутые в ходе перехода к осуществлению новой политики в сфере образования коренных народов. Так, в 1980 году общее число индейских детей, обучающихся в резервационных школах, возросло на 50 % и составило около 81 тыс. человек [5].

Возросло и число студентов-индейцев, обучающихся в университетах Канады: к 1980 году оно составило уже около 4200 человек [5]. Позитивный сдвиг может быть отмечен и в сфере подготовки учебных кадров: в период с 1970 по 1980 год число преподавателей из числа коренных жителей возросло в три раза. В федеральных школах их число составило около 30 % от общего количества преподавателей [5].

Официальное признание прав коренного населения самостоятельно определять характер своего социально-экономического и культурного развития нашло отражение и в утвержденной в начале 80-х годов Хартии прав и свобод, ставшей частью Конституции Канады. В сфере образования за коренными народами окончательно закреплены права на разработку и реализацию специальных учебных программ, право иметь свои школы и учебные кадры. Следом за утверждением Хартии прав и свобод вновь возрасла политическая активность общественных организаций коренных народов Канады, среди которых

наибольшее влияние имеют организации общенационального уровня – Ассамблея коренных народов (Assembly of First Nations), представляющая на федеральном и местном уровнях интересы индейцев и метисов, Конгресс аборигенных народов (Congress of Aboriginal Peoples), членами которого являются преимущественно метисы и нестатусные индейцы; активную деятельность по продвижению различных социально-политических инициатив осуществляют и организации инуитов (**Inuit Tapirisat of Canada**), а также организации, созданные женщинами-представительницами аборигенных народов (**Native Women's Association of Canada**).

В 1990 году глава Ассамблеи Первых наций Фил Фонтейн настоял на признании факта геноцида над учащимися школ-интернатов. В 1991 году по инициативе Ассамблеи Первых наций и вышеупомянутых общественно-политических организаций, представляющих права коренных народов, правительство Канады создало королевскую комиссию по делам аборигенов, которая занялась рассмотрением проблем школ-интернатов. Результаты проведенного расследования привели к закрытию большинства школ к 1996 году. Правительство Канады признало факт геноцида коренных народов. В ответ на многочисленные иски, поданные выпускниками резервационных школ при поддержке Ассамблеи Первых наций, общественно-политических организаций и около 70 юристов, представлявших интересы пострадавших в суде, в ноябре 2005 года в Оттаве было объявлено о решении государства выплатить денежную компенсацию в размере 10 тыс. долларов на каждого из бывших учащихся школ-интернатов, а также 3 тыс. долларов сверх этой суммы за каждый год, проведенный в стенах школы. На сегодняшний день компенсацию получают около 86 тыс. человек [7].

Литература

1. Данилов С. Ю. История Канады. – М.: Весь мир, 2006. – 256 с.
2. Ташлыкova А. Л. Политика Канады в области образования коренных народов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.riatr.ru/2011/3/062-068.pdf> (дата обращения: 08.10.2016).
3. Чепелевский В. Печальная страница истории. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.riatr.ru/2011/3/062-068.pdf> (дата обращения: 12.09.2016).
4. Aboriginal people in Canada: First Nations people, Metis and Inuit. Statistics Canada. – URL: <https://www12.statcan.gc.ca/nhs-enm/2011/as-sa/99-011-x/99-011-eng.cfm> (дата обращения: 25.10.2016).
5. Kirkness Verna. Aboriginal Education in Canada: a retrospective and a prospective. – URL: <http://jaie.asu.edu/v39/V39I1A2.pdf> (дата обращения: 10.11.2016).

6. Ravina Bains. Myths and realities of First Nations Education. – URL: www.fraserinstitute.org/sites/default/files/myths-and-realities-of-first-nations-education.pdf (дата обращения: 12.10.2016).
7. They came for the children. The Truth and Reconciliation Commission of Canada. – URL: <http://www.slideserve.co.uk/2039-t-amp-r-eng-web-1> (дата обращения: 14.11.2016).

References

1. Danilov S.Y. *Istoriya Kanady [History of Canada]*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2006. 256 p. (In Russ.).
2. Tashlykova A.L. *Politika Kanady v oblasti obrazovaniya korennykh narodov [Policy of Canada in the field of Aboriginal education]*. (In Russ.). Available at: <http://www.riatr.ru/2011/3/062-068.pdf> (accessed 08.10.2016).
3. Chepelevskiy V. *Pechal'naya stranitsa istorii [A sad page of history]*. (In Russ.). Available at: <http://www.riatr.ru/2011/3/062-068.pdf> (accessed 12.09.2016).
4. *Aboriginal people in Canada: First Nations people, Metis and Inuit. Statistics Canada*. (In Engl.). Available at: <https://www12.statcan.gc.ca/nhs-enm/2011/as-sa/99-011-x/99-011-eng.cfm> (accessed 25.10.2016).
5. Kirkness Verna. *Aboriginal Education in Canada: a retrospective and a prospective*. (In Engl.). Available at: <http://jaie.asu.edu/v39/V39I1A2.pdf> (accessed 10.11.2016).
6. Ravina Bains. *Myths and realities of First Nations Education*. (In Engl.). Available at: www.fraserinstitute.org/sites/default/files/myths-and-realities-of-first-nations-education.pdf (accessed 12.10.2016).
7. *They came for the children. The Truth and Reconciliation Commission of Canada*. (In Engl.). Available at: <http://www.slideserve.co.uk/2039-t-amp-r-eng-web-1> (accessed 14.11.2016).

УДК 069.4

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МУЗЕЙ: ГЛАВНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Труевцева Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: truevtseva@yandex.ru

Статья посвящена изучению опыта деятельности музеев высших учебных заведений. Основное внимание автор уделяет определению места и роли университетского музея в подготовке будущих специалистов, сохранении и воспроизводстве культурного наследия. Используются материалы объединённой научной конференции Комитетов Международного совета музеев (ИКОМ): музеологии и университетских музеев «Научное, техническое и университетское культурное наследие», состоявшейся в ноябре 2016 года в городе Тайпее (Тайвань). В работе конференции приняли участие более 300 экспертов и ученых из 18 стран мира, включая Россию, Сингапур, Японию, Китай, Тайвань, Гонконг, Малайзию, Германию, Великобританию, Польшу, Чехию, Иран. Анализ исследований зарубежных ученых показывает, что функции университетских музеев в различных странах в основном совпадают. Их можно объединить в три группы. Первая группа связана с функциями, имманентными для всех музеев: выявление и отбор предметов для коллекций, изучение, систематизация, организация учёта и хранения музейных предметов, экспонирование, обеспечение музейной коммуникации. Вторая группа функций обусловлена использованием музейного потенциала для подготовки и воспитания будущих специалистов. Третья группа функций выводит музей за пределы университета. Она работает на окружающую социальную среду, формируя определённый позитивный имидж учебного заведения, рекрутируя новые поколения студентов. Однако, как показывает исследование, в отличие от зарубежных коллег, российские музеи значительно отстают в организации и проведении научных исследований, развитии межмузейного сотрудничества, организации совместных исследований ученых университетов и практических работников музеев.

Ключевые слова: музей, музеология, музей высших учебных заведений, наследие, формы и методы работы с посетителями, коммуникация.

THE UNIVERSITY MUSEUM: MAIN VECTOR OF DEVELOPMENT

Truevtseva Olga Nikolaevna, Dr of Historical Sciences, Professor, Department Chair of Heritage and Tourism, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: truevtseva@yandex.ru

The article is devoted to study of the university museum activity experience. The main attention is paid to defining the place and role of the University Museums preparing the future professionals for preservation and reproduction of cultural heritage. The main materials used from the Conference of the two Committees of the International Council of Museums (ICOM): Committee for museology (ICOFOM/ASPAC) and Committee of University museums (UMAC) “SCIENTIFIC, TECHNICAL, AND CULTURAL HERITAGE OF THE UNIVERSITY”, which was held in November 2016 in Taipei (Taiwan). More than 300 experts and scholars from 18 countries, including Russia, Singapore, Japan, China, Taiwan, Hong Kong, Malaysia, Germany, UK, Poland, Czech Republic, Iran took part in that conference. The analysis of researches of foreign scientists shows that the functions of University museums in different countries are mostly the same. They can be classified into three groups. The first group is associated with features inherent for all museums: the identification and selection of items for collections, study, organization of accounting and storage of museum objects, exposing, and securing the museum communication. The second group of functions is due to the use of the museum potential for training the future specialists. The third function group displays the museum outside of the university. The third function works on social and surrounding medium, forming the positive image of an institution, recruiting the new generations of students. However, as the study shows, the Russian museums are behind in organizing and conducting the scientific research, development of cooperation between museums, organization of joint researches of scientists of universities and practitioners of museums.

Keywords: museum, museology, museum institutions of higher education, heritage, forms and methods of work with visitors, communications.

Казалось бы, тематика конференции не столь актуальна: что вообще может произойти в музее, который десятки лет прячется за стенами университета. Однако современное общество весьма требовательно относится к качеству подготовки специалистов, оптимизации всех культурно-образовательных ресурсов. Да и сами университеты порой так «встряивают» общество, что оно начинает смотреть на стены студенческого кампуса, как на вражескую крепость, грозящую социальными потрясениями. Кажущаяся «необъятность» постановки вопроса для дискуссии естественным образом фокусировалась составом ее участников, которые, в первую очередь, были заинтересованы в определении места и роли университетского музея в подготовке будущих специалистов, сохранении и воспроизводстве культурного наследия.

Следует заметить, что многие вузовские музеи являются ровесниками университетов. И это наиболее естественный путь их зарождения: от учебной коллекции, через научную лабораторию к общедоступной экспозиции. Лучшей иллюстра-

цией счастливой судьбы может служить история создания и развития музейного комплекса старейшего в Сибири Томского университета, достойная более подробного описания [2, с. 8–10].

Томский университет был открыт в 1888 году. Однако уже в 1880 году, в процессе его создания, был основан Музей археологии, истории, этнографии и нумизматики, в 1885 году был заложен ботанический сад и гербарий, в 1887 – основан зоологический, в 1888 – минералогический, а затем и палеонтологический музей [1, с. 18–20].

В настоящее время в Томском университете действует музейный комплекс в составе девяти музеев: Зоологический музей, Гербарий им. П. Н. Крылова, Палеонтологический музей им. В. А. Хахлова, Минералогический музей им. И. К. Баженова, Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского, Музей истории физики, Отдел редких книг, Сибирский ботанический сад, Музей истории университета.

Чтобы представить объем хранимого и используемого в учебной и научной работе историко-культурного наследия можно привести не-

которые фрагменты описания фондов археологического музея, насчитывающих около 300 000 единиц хранения, что составляет более половины музейного фонда Томской области. Коллекции музея освещают древнюю историю Приуралья, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Монголии, Скандинавии, Причерноморья, содержат предметы духовной и бытовой сферы жизни народов Евразии, американских индейцев. Собрание оружия и средств боевой защиты включает уникальные образцы средневековых клинков испанских, немецких, восточных и русских мастеров-оружейников. Собрание русских икон и медной пластики располагает редкими и уникальными образцами XV–XX веков.

В археологическом фонде музея хранится ряд «кладов» эпохи раннего железа и Средневековья, которые первоначально составляли набор приношений на места поклонения родовым и племенным божествам. Среди пожертвованных оружие, культовая бронзовая пластика и ритуальные предметы. Елыкаевский клад насчитывает около 200 экспонатов и представляет собой крупный комплекс из культовой практики сибиряков начала – середины первого тысячелетия новой эры. Невероятно разнообразны в своем художественном воплощении предметы, относимые к скифо-сибирскому звериному стилю.

Музейный комплекс Национального исследовательского Томского государственного университета является уникальным в силу определенных исторических условий и научно-образовательных традиций. Большинство вузов Сибири были образованы в советское время, а многие университеты до сих пор не успели отметить свои полувековые юбилеи. Однако редкий вуз не имеет сегодня своего музея.

В Алтайском крае в настоящее время насчитывается более 30 различных музеев. Как правило каждый вуз имеет наряду с музеем собственной истории музеи, связанные с развитием базовой для него отрасли. Например, музей истории образования в Алтайском государственном педагогическом университете, музей истории медицины в медицинском университете, археологический и криминалистический – в классическом университете.

Судя по выступлениям участников международной конференции, функции университетских

музеев в различных странах в основном совпадают. Их можно объединить в три группы. Первая группа связана с функциями, имманентными для всех музеев: выявление и отбор предметов для коллекций, изучение, систематизация, организация учёта и хранения музейных предметов, экспонирование, обеспечение музейной коммуникации.

Вторая группа функций обусловлена использованием музейного потенциала для подготовки и воспитания будущих специалистов. Это введение в профессию, гражданское воспитание через ознакомление с историей отрасли, наивысшими достижениями, успешными практиками, выдающимися профессионалами, выпускниками вуза. Это непосредственная лабораторная работа с музейными предметами, их изучение, освоение методик описания и др. Это организация учебной практики, геологических, биологических, зоологических, ботанических, археологических, этнографических и других экспедиций. Это научно-исследовательская работа аспирантов, магистрантов, студентов, связанная с обработкой коллекций.

Третья группа функций выводит музей за пределы университета. Она работает на окружающую социальную среду, формируя определённый позитивный имидж учебного заведения, рекрутируя новые поколения студентов. Это проведение всевозможных форм профориентационной работы, разнообразных креативно-творческих конкурсов, просветительская работа среди населения [5, с. 23–59].

В зависимости от многообразных объективных и субъективных факторов, как то: востребованности и экономической состоятельности той или иной отрасли, уровней престижности вуза, прозорливости его руководства, финансирования и материальной базы музея, квалификации и профессиональной увлеченности его сотрудников, заинтересованности и энтузиазма преподавателей, их способности добывать гранты, сложившихся традиций и др. – университетские музеи с разной степенью успешности выполняют большинство этих функций.

Основные проблемы российских университетских, особенно провинциальных музеев, чаще всего проистекают из бедности: отсутствие необходимых помещений приводит к использова-

нию коридоров в качестве экспозиционных залов, а фондохранилища ютятся в тесных подсобках, не имея специального оборудования; низкая зарплата тянет за собой постоянную кадровую текучку директоров музеев и хранителей фондов, а это, в свою очередь, чревато их низкой квалификацией, слабой организацией учета музейных предметов, их утраты.

Довольно распространенный российский феномен: наиболее интересные музеи с уникальными экспонатами созданы и существуют благодаря фанатично преданным своей профессии преподавателям, прирожденным коллекционерам, которым удалось «выбить» у декана аудиторию под музей, и при этом он чаще всего не получает никакого финансирования. С уходом такого специалиста существует опасность утраты музея и коллекции.

Наиболее плодотворно реализуют учебно-исследовательские функции археологические музеи, поскольку они чаще других получают деньги на экспедиционные работы в зонах строительства, затопления, а по окончании полевого сезона обрабатывают свои находки. Экспедиционная работа позволяет существенно пополнять и этнографические коллекции краеведческих музеев.

Особая тема в университетских музеях – участие преподавателей в Великой Отечественной войне. В последние годы военно-патриотическая тематика во многих вузах заметно оживилась за счет активизации работы поисковых отрядов, которые выезжают в места боев для проведения раскопов, перезахоронения останков воинов, установления их имен, поиска родственников. Участники поисковых экспедиций не только привозят в музеи ценные экспонаты, но и сами, непосредственно соприкасаясь с героической историей через реальные находки, привносят в студенческую среду новое отношение к истории Родины и её познанию.

Основное организационно-технологическое отличие наших университетских музеев от зарубежных заключается в том, что последние не создаются и не функционируют без необходимых для этого ресурсов. Формирование фондов – основная забота учредителей музеев, обеспечивающих привлечение квалифицированного персонала, материально-техническую оснащенность поме-

щений и экспозиций, представление экспонатов в виртуальном пространстве.

Разумеется, и в зарубежных музеях имеются свои проблемы, в том числе и в фандрайзинге, но они, в большей степени, связаны с поисками оптимальных форм представления посетителям той части национального культурного наследия, которой они располагают, обеспечения максимально допустимого доступа посетителей к музейному предмету, их обеспечение информацией, соответствующей возрасту, образованию, владению языком экспозиции.

Кстати, коммуникационные проблемы во многих зарубежных музеях чаще всего обусловлены составом посетителей. Если в наших вузовских музеях в качестве «посторонних» посетителей можно встретить, в основном, школьников, особенно, во время «дней открытых дверей», то в зарубежных – двери открыты большинство дней недели. В некоторых странах, например, в Японии, приняты специальные государственные документы, обязывающие университетские музеи обслуживать все население.

При этом, несмотря на дополнительные расходы, которые в условиях рецессии японской экономики сказываются и на сокращении финансирования образовательных учреждений, некоторые музеи увидели для себя стимулы к развитию. Так, в Киото действуют 14 университетских специализированных музеев. Несмотря на содержательное тематическое развитие, они уже четыре года подряд устраивают совместные выставки. По словам директора объединенного музея университета Наоко Ивасаки, они за счет концентрации усилий не только сэкономили ресурсы для академического образования, но и сами осознали в процессе командной работы, каким должен быть университетский музей XXI века [4, с. 23–24].

Другой важной характеристикой музея высшего учебного заведения является участие в научных исследованиях и проведение самостоятельной научной работы в области истории, естествознания, техники. В своей статье, профессор Х. К. Виерегг пишет об опыте работы музеев университетов Германии. Сотрудничество ученых Берлинского Университета имени Гумбольдта и действующего до 2009 года в его структуре Музея естественной истории заключается в со-

вместных исследованиях по эволюции различных групп животных. Особенно интересны разработки по изучению скелетов динозавров. Большинство раскопок были проведены в период между 1920 и 1923 годами в юго-восточной части Танзании. Ученые университета и сотрудники музея совместными усилиями воссоздают историю планеты более 150 миллионов лет назад [3, с. 34–36]. В постоянной экспозиции Музея естественной истории, в зале динозавров, есть так называемые “Jugascopes” – это своеобразные медиателескопы, которые способны оживить скелет динозавра. Они показывают, как динозавры жили в Юрском периоде. С помощью этого устройства посетители могут узнать строение внутренних органов, скелета, мышц и кожи древнейших животных планеты. Животное как бы оживает в естественной природной среде обитания и, на удивление, начинает двигаться, есть, пить и действовать соответственно сложившейся ситуации. Эта анимация занимает всего 50 секунд, потом динозавр

возвращается в свое прежнее состояние – музейный предмет – скелет.

Музей Университета в Бонне был открыт в 2013 году. Сотрудники музея и студенты изучают историю, традиции и обычаи университета, имеющего 200-летнюю историю. Ведутся наблюдения за галактиками, исследуются движения планет с помощью телескопа, который находится в экспозиции музея и служит для измерения небесных тел. Подобные исследования способствуют воспитанию у студентов навыков научно-исследовательской работы, гордости за свой университет.

Музеи высших учебных заведений играют важную роль в сохранении культурного наследия страны, социальной памяти своего народа. Сотрудничество ученых университетов и музеев не только ломает бюрократические барьеры, но так же, как и междисциплинарное исследование в науке, сулит неожиданные открытия. Наверное, об этом стоит задуматься.

Литература

1. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. Первый Сибирский университет // Слово о земле Томской. – 2002. – № 1. – С. 15–20.
2. Томские музеи. Музеи университетов: мат-лы к энцикл. «Музеи и музейное дело Томской области» / под ред. С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Т. 56. – 388 с.
3. Hildegard Katharina Vieregg. Museums for Natural Sciences and Techniques, Science Centers, “Virtual Museums”. The Interrelationship with the University // The Triple Helix of Cultural Heritages of Sciences, Technology, and University. International University Museum Joint Conference – November 8-10, 2016. Organizer: The Magic School of Green Technologies, National Cheng Kung University University Museum & ICOM-ICOFOM/ASPAC. – Taipei, Tainan / Taiwan, 2016. – P. 18–37.
4. Iwasaki N. What is the university museum? Japan’s university museum history and the challenge in Kyoto // The Triple Helix of Cultural Heritages of Sciences, Technology, and University. International University Museum Joint Conference – November 8-10, 2016. Organizer: The Magic School of Green Technologies, National Cheng Kung University University Museum & ICOM-ICOFOM/ASPAC. – Taipei, Tainan / Taiwan, 2016. – P. 23–24.
5. The Triple Helix of Cultural Heritages of Sciences, Technology, and University. International University Museum Joint Conference – November 8-10, 2016. Organizer: The Magic School of Green Technologies, National Cheng Kung University University Museum & ICOM-ICOFOM/ASPAC. – Taipei, Tainan / Taiwan, 2016. – P. 1–73.

References

1. Nekrylov S.A., Fominykh S.F. Pervyy Sibirskiy universitet [The first Siberian university]. *Slovo o zemle Tomskoy [Tomsk lay of the land]*, 2002, no. 1, pp. 15-20. (In Russ.).
2. *Tomskie muzei. Muzei universitetov: materialy k entsiklopedii “Muzei i muzeynoe delo Tomskoy oblasti” [The Tomsk museum. Museums Universities: Contributions to the encyclopedia “Museums and museum of Tomsk region”]*. Ed. S.F. Fominykh, E.I. Chernyaka. Tomsk, Tomskiy universitet Publ., 2012, vol. 56. 388 p. (In Russ.).
3. Hildegard Katharina Vieregg. Museums for Natural Sciences and Techniques, Science Centers, “Virtual Museums”. The Interrelationship with the University. *The Triple Helix of Cultural Heritages of Sciences, Technology, and University. International University Museum Joint Conference*. November 8-10, 2016. Organizer: The Magic School of Green Technologies, National Cheng Kung University University Museum & ICOM-ICOFOM/ASPAC. Taipei, Tainan / Taiwan, 2016, pp. 18-37. (In Engl.).

4. Iwasaki N. What is the university museum? Japan's university museum history and the challenge in Kyoto. *The Triple Helix of Cultural Heritages of Sciences, Technology, and University. International University Museum Joint Conference*. November 8-10, 2016. Organizer: The Magic School of Green Technologies, National Cheng Kung University University Museum & ICOM-ICOFOM/ASPAC. Taipei, Tainan / Taiwan, 2016, pp. 23-24. (In Engl.).
5. The Triple Helix of Cultural Heritages of Sciences, Technology, and University. *International University Museum Joint Conference*. November 8-10, 2016. Organizer: The Magic School of Green Technologies, National Cheng Kung University University Museum & ICOM-ICOFOM/ASPAC. Taipei, Tainan / Taiwan. 2016, pp.1-73. (In Engl.).

УДК 069.295

МУЗЕЕФИКАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ШОРЦЕВ

Родинов Семен Григорьевич, аспирант кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: rodionov.smn@gmail.com

Глушкова Полина Валерьевна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

На сегодняшний день музеефикация недвижимых объектов историко-культурного наследия – одно из интенсивно развивающихся и перспективных направлений современного музееведения, однако методика музеефикации недвижимых объектов находится в стадии становления. Формирование коллекций по традиционной культуре шорцев зафиксировано с 1880-х годов, музеефикация же архитектурного наследия начинается только через сто лет. Архитектурное наследие шорцев представлено постройками различных типов: традиционным жилищем, бытовавшим до распространения русского влияния, постройками переходного типа и жилищем русского типа. Хозяйственные постройки сформированы также под влиянием русских. При музеефикации архитектурных объектов использовались различные методы сохранения и актуализации: объекты сохранялись в разные периоды посредством транслокации, на месте, методом реконструкций, мягкой музеефикации, использовались «как музей» и «под музей». В статье рассматривается специфика использования данных методов, выявляются периоды, когда доминировал тот или иной метод. Недвижимые архитектурные объекты шорцев сохраняются на базе только двух музеев: историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» и экомuzeя «Тазгол». На основе анализа процесса их музеефикации выявляются три основных периода сохранения шорского архитектурного наследия: доминирование метода транслокации, сохранение объектов в среде бытования, в том числе посредством мягкой музеефикации, прогрессирование метода реконструкции.

Ключевые слова: музей, историко-культурное наследие, шорцы, архитектурные объекты, музеефикация.

MUSEUMIFICATION OF THE SHOR'S ARCHITECTURE HERITAGE

Rodionov Semen Grigoryevich, Postgraduate of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rodionov.smn@gmail.com

Glushkova Polina Valeryevna, PhD in Culturology, Sr. Instructor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Today the preservation of immovable objects of historical and cultural heritage is one of the intensively developing and promising areas of modern museology, however, the methods of preservation of the immovable objects is in it is stages of formation. The creation of collections of the traditional culture of the Shors begins in the 19th century, the museumification of architectural heritage begins only a hundred years later.

The architectural heritage of the Shor presents buildings of different types: the traditional buildings, buildings that existed before the spread of the Russian influence, the transitional buildings, and the buildings of the Russian type. The economical buildings are also formed under the influence of the Russian. At museumification the architectural objects were used a various methods of preservation and actualization: the objects were saved in different periods through the translocation, in place, the reconstruction, the flexible museumification, and also was used “like a museum” and “as a museum”. The article discusses the specific use of these methods, identify periods of dominated by this or that method. Real architectural objects of the Shors culture were saved on the basis of only two museums: the historical, cultural and natural museum-preserve “Tomskaya Pisanitsa” and the ecomuseum “Tazgol”. Based on the analysis of the process of museification, the objects identified three major periods of Shor conservation of architectural heritage: the dominance of the method of translocation, conservation the objects in the environment of real existence, including through flexible museumification, and the progression of a method of reconstruction.

Keywords: museum, historical cultural heritage, shors, architecture object, museumification.

Музеефикация историко-культурного наследия шорцев берет свое начало с 1880-х годов. В этот период сотрудниками Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества организуются экспедиции в отдаленные районы Западной Сибири, в том числе в южную часть Томской губернии. В ходе экспедиций А. В. Адриановым были приобретены предметы, связанные с родовыми культурами шорцев, которые впоследствии были включены в состав фондов Российского этнографического музея Санкт-Петербурга (см. [5, с. 150]). Начиная с этого времени коллекции музеев России систематически пополнялись предметами музейного значения, отражающими традиционную культуру шорцев, приобретенными в ходе этнографических экспедиций. Музеефикация же недвижимых объектов историко-культурного наследия дистанцирована на целый век: только в конце XX века предпринимаются первые попытки сохранения данных объектов наследия. Это обусловило собой то, что многие из них безвозвратно утратились в среде бытования.

К архитектурным объектам шорцев относятся жилые и хозяйственные постройки. Жилище шорцев претерпевало изменения на разных этапах становления их истории. Традиционным жилищем шорцев до прихода русских в Сибирь являлся одаг: каркасное жилище в форме усеченной пирамиды, каркас которого был изготовлен из наклонно установленных бревен, крыт полубревнами и берестой. Рядом с одагом устраивалось хозяйственное сооружение – тастак в виде настила из досок, расположенного на четырех

бревнах-стойках. Русские приезжают на территорию Горной Шории в XIX – начале XX века, чему способствовало распространение ареала деятельности Алтайской духовной миссии, развитие на территории Горной Шории золотодобычи. Под влиянием русских у шорцев появляется такое жилище, как сенек, в виде прямоугольного сруба с двускатной самцовой крышей, напоминающее русскую избу, но с отсутствующим потолочным перекрытием [3, с. 100]. К началу XX века распространяются жилища русского типа эм, а сенек начинает использоваться в качестве хозяйственной постройки. Строить эм шорцы чаще всего приглашали русских плотников. Самыми распространенными типами жилищ были однокамерная изба и дом-пятистенки, рубленные в обло с самцовой или стропильной крышей [4, с. 117]. Также от русских шорцами заимствуются хозяйственные постройки, охотничьи лабазы.

Если методика комплектования музейных фондов на сегодняшний день полностью сформирована, то методика музеефикации недвижимых объектов историко-культурного наследия находится в стадии становления. Несмотря на то, что понятие «музеефикация» впервые было употреблено в работах Шмита в 1920-е годы, до сегодняшнего дня границы данного понятия четко определить не удастся. Большинство исследователей сходятся во мнении, что музеефикация – приведение объекта в музейное состояние [2, с. 44]. Но что именно стоит понимать под музейным состоянием, не уточняется. Музейное состояние предполагает утрату объектом первоначальной и приобретение музейной функции:

аккумуляции и трансляции культурно-значимой информации. Объект получает музейное использование, заключающееся в том, что он, являясь объектом музейного показа, включается в состав экспозиции под открытым небом, внутри объекта также располагается экспозиция. Музеефикация не сводится к включению объекта историко-культурного наследия в Единый государственный реестр. В то же время, необходимо обеспечить включение объекта в состав музейного собрания, обозначить его новый статус. Данная область музеефикации наименее разработана. Как правило, процесс ограничивается присвоением объекту статуса памятника, а музею отводится роль арендатора.

Методика музеефикации недвижимых объектов на сегодняшний день находится в процессе формирования. Музеефикация включает в себя два взаимосвязанных направления: сохранение и актуализацию. Можно выделить следующие методы сохранения недвижимых объектов на базе музея: музеефикация на месте первоначального нахождения объекта; музеефикация объекта посредством метода транслокации (переноса с первоначального местонахождения на новое место); реконструкция объектов историко-культурного наследия на месте первоначального их нахождения. Способами актуализации (которая в большинстве случаев сводится к экспозиционной интерпретации) можно считать использование недвижимого объекта «под музей», «как музей» и мягкая музеефикация. При использовании объекта «под музей» экспозиционер свободен в выборе темы и архитектурно-художественного решения экспозиции. Памятник «как музей» подразумевает превращение его в самостоятельный объект показа. Экспозиция в памятнике и вокруг него посвящена его истории, допускается минимальное вторжение в его облик [2, с. 60]. Метод мягкой музеефикации осуществляется с сохранением первоначальной функции, объект предполагает, как правило, только наружный осмотр.

Так как в Сибири в 1980-е годы набирает популярность метод транслокации, то он стал первым в области сохранения недвижимых объектов историко-культурного наследия шорцев. Транслокация – это изъятие архитектурных объектов культурного наследия из среды бытования и перемещение их на новое место, где на их основе соз-

дается экспозиция под открытым небом. По инициативе В. М. Кимеева, исполнявшего в то время обязанности директора историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница», на территорию обозначенного музея были вывезены жилые и хозяйственные постройки из улуса Кезек, за счет чего был сформирован комплекс типа скансен. Использование метода транслокации было обусловлено причинами репрезентативного характера. Исследователи хотели презентовать шорское наследие широкому кругу посетителей, а возможность реализовать это в глухом шорском улусе Кезек, где полностью отсутствует транспортная коммуникация, не было.

Вопрос о возможности и необходимости изъятия архитектурных объектов из среды бытования остается спорным. Сегодня большинство исследователей сходятся во мнении, что необходимо сохранять памятники на месте. Но в ряде случаев сохранение объектов на месте оказывается невозможным. В отечественном музееведении сложилось несколько подходов к проблеме транслокации памятника.

Ряд исследователей полагает, что памятник нельзя изымать из среды бытования, нужно развивать средовой подход, что позволит обеспечить баланс культурного и природного наследия. Объект, вырванный из среды бытования, теряет значимую часть свойств [2]. Согласно другой точке зрения, памятник можно по объективным причинам изъять из среды бытования, однако при перемещении необходимо сохранять его в географической области и в среде, подобной его первоначальному местонахождению [1, с. 18–19]. Сторонники третьего подхода полагают, что роль первоначальной среды не важна, так как среда изменчива, а опыт переноса построек известен с давних времен. Кроме того, иногда транслокация – это единственно возможный способ сохранения объекта [6, с. 12].

На территорию «Томской Писаницы» были перевезены жилой дом русского типа, переходный тип жилища сенек, используемый как хозяйственная постройка, хозяйственные амбары русского типа, кузница, баня, свинарник, телятник, курятник [9]. За счет свезенных объектов на территории музея-заповедника была смоделирована шорская усадьба начала XX века. Ключевым объектом моделируемой усадьбы является

дом Марфы Кисковой, построенный в начале XX века. Постройка отражает влияние русского деревянного зодчества. В плане дом представляет собой прямоугольную рубленую в обло клеть с самцовой крышей с холодной бревенчатой пристройкой и высоким крыльцом под навесом. Данный экспозиционный комплекс призван отразить изменения, произошедшие в шорской культуре к середине XX века, когда жилой постройкой стал дом русского типа эм, а сенеки стали использоваться в качестве хозяйственных построек. Влияние русских отражают также хозяйственный амбар, кузница.

В 1990-е годы под влиянием всеобщей тенденции увлечения новоделами комплекс «Кезек» был дополнен реконструкцией орехо-промыслового стана. Также в новоделе была воспроизведена культовая постройка – свадебный одаг. Использование метода реконструкции в данном случае обусловлено причинами, имеющими репрезентативный характер. Орехо-промысловые станы шорцев сохранились в среде бытования до сегодняшнего дня, однако их презентация ограничена, так как они труднодоступны. Единственно-возможным способом их музеефикации становятся в данном случае методы транслокации или реконструкции. Свадебное жилище, так как являлось ритуальной постройкой, возводилось исключительно на период пребывания в нем молодоженов. Традиция сооружать свадебные одаги существовала до XX века. Естественно, в среде бытования данный тип жилища шорцев не сохранился. Соответственно, единственно возможный метод музеефикации в данном случае – это реконструкция. Под реконструкцией в музееведении понимается научно обоснованное восстановление утраченного или руинированного культурного или природного объекта либо его частей [8]. По отношению к архитектурным объектам полностью восстановленное сооружение, отличающееся некоторыми отклонениями от воспроизводимого и не содержащее его подлинных остатков, принято называть новоделом. То, насколько правомерно использование данного метода в деятельности музея – вопрос открытый. Новодел никогда не сможет заменить подлинный объект историко-культурного наследия и, по сути, представляет собой не что иное, как материализованное воплощение, снятое с подлинного объекта. Решение о правомерности создания новодела на базе

музея должно быть тщательно обосновано, в противном случае нарушается основное требование к музейной экспозиции: доминирование подлинных объектов. Большинство исследователей негативно относятся к массовому увлечению новоделами в последнее время, так как такие реконструкции подрывают уважительное отношение к подлиннику, а новодел, возведенный на месте утраченного памятника, может нанести ему вред. Новодел может выступать исключительно как объект, дополняющий подлинный, включенный в экспозиционное пространство музея.

Большинство объектов, входящих в состав экспозиционного комплекса «Кезек», используются «как музей»: внутри размещена экспозиция, презентующая шорский быт середины XX века. Исключением является экспозиция, размещенная в жилище сенек, который использовался в среде бытования в качестве хозяйственной постройки, а экспозиция, размещенная в объекте, направлена на презентацию духовной культуры шорцев. Постройка интерпретируется как жилище шамана, хотя никогда к шаманизму данный объект отношения не имел. В данном случае, применяется смешанный тип использования объекта.

Следующим этапом музеефикации недвижимых объектов шорцев стало формирование экомузея непосредственно в среде бытования. Идея создания экомузеев проникла в Сибирь из Франции, где пиком ее популярности стали 1970-е годы [6]. При создании музейных комплексов экомузея «Тазгол» использовались различные методы музеефикации: ряд объектов был сохранен на месте, ряд – на основе метода транслокации, ограничено использован метод реконструкции, основная же часть объектов музеефицирована на основе метода мягкой музеефикации.

Экомузей «Тазгол» имеет несколько экспозиционных зон: миссионерский стан, отражающий деятельность Алтайской духовной миссии; усадьба русского плотника Иванова; орехо-промысловый стан и шорские усадьбы начала-середины XX века [4, с. 204]. За счет музеефикации части архитектурных объектов сформированы «традиционные» экспозиционные комплексы, остальные объекты сохранены на основе метода мягкой музеефикации и представляют собой «живую» экспозицию.

Комплекс «Миссионерский стан» отражает деятельность Алтайской духовной миссии, реали-

зуемой на территории поселка со второй половины XIX до начала XX века. Миссионерский стан Мрасского отделения Алтайской духовной миссии был обустроен в поселке Усть-Анзас в 1878–1881 годы последователями миссионера Василия Вербицкого иеромонахами Тихоном и Антонием, а также священником Гавриилом Оттыгашевым [4, с. 204–207].

Ключевым элементом данного комплекса является дом мрасского миссионера, построенный в 1881 году по завещанию Василия Вербицкого. Дом сохранен на месте. Однако на сегодняшний день его состояние требует принятия неотложных мер. Объект находится в критическом состоянии: потолочное перекрытие разрушено, частично обвалились стены. Кроме того, на фасаде дома был установлен синтетический баннер, под которым стремительно портится древесина. В течение нескольких лет дом может разрушиться полностью, что приведет к утрате уникальнейшего объекта историко-культурного наследия: подлинного сохранившегося архитектурного объекта, связанного с деятельностью Алтайской духовной миссии, имеющего не только историческую ценность, но и ценность мемориальную, так как дом принадлежал последнему мрасскому миссионеру П. Кадымаеву.

На основе фотоисточников удалось реконструировать внешний облик миссионерского стана, после чего решено было смоделировать его комплексный образ. На территорию был перевезен хозяйственный амбар, принято решение о реконструкции Троицкой церкви. Но восстановление церкви, после разработки детального проекта ее реконструкции, было ограничено закладкой фундамента. Так как на территорию бывшего миссионерского стана до создания музея уже был перевезен дом торговца Пай-Степана, было принято решение оставить его на месте и интерпретировать в экспозиционном пространстве как дом паштыка. Транслоцирован на территорию в 1995 году был дом псаломщика начала XX века. В непосредственной близости от данных объектов с целью воссоздания исторической среды были воссозданы хозяйственные постройки.

Экспозиционный комплекс «Усадьба русского плотника Иванова», родственника последнего мрасского миссионера шорца Павла Кадымаева, отражает быт и культуру местных русских при-

искателей и ремесленников, оказавших значительное влияние на культуру шорцев. В комплекс смоделированной усадьбы входит перевезенный из центра пос. Усть-Анзас подлинный дом с четырехскатной крышей. Кроме дома в усадьбе стоят два отреставрированных амбара. Один из них – двухъярусный под двускатной самцовой желобовой крышей на потоках и курицах используется по первоначальному назначению, второй – одноярусный. Новоделом в усадьбе является срубная баня, выполненная по аналогам начала XX века. Вся усадьба огорожена забором-полузаплатом.

В кедровом лесу на горе Кайчак местным шорцем Василием Карпушкиным воссоздан орехо-промысловый стан – точная копия его собственного стана. Он состоит из навеса со станком пабрык для размалывания кедровых шишек, временного жилища одаг, лабаза и бревенчатой эстакады для погрузки мешков с орехом на лошадей. Недалеко от одага срублены охотничья избушка с небольшим очагом из двух приставленных к стене плах, обмазанных глиной, и лабаз тастак для хранения продуктов.

Экспозиционная интерпретация объектов основывается на способах использования «как музей» и «под музей». В доме паштыка и псаломщика воссоздана традиционная обстановка данного периода. Дом Иванова используется в качестве гостевого: предполагается только экстерьерный осмотр дома, внутри же оборудованы две гостевые комнаты с деревянной мебелью, сделанной по старинным образцам. Один из амбаров усадьбы Иванова используется «под музей» – здесь собраны традиционные предметы шорцев, датируемые XX веком, начиная от орудий охоты, заканчивая предметами народной педагогики. Дом мрасского миссионера, два амбара не имеют интересной экспозиции.

Объекты, расположенные в селитебной части села, сохраняются и актуализируются на основе метода мягкой музеефикации, то есть продолжают использоваться по первоначальному назначению. Большинство усадеб включают в себя жилые дома-одноклети, сенок, используемый в качестве хозяйственной постройки, хозяйственные постройки. При использовании метода мягкой музеефикации существуют определенные сложности: необходимо совместить музейную и основную функцию, что не во всех случаях оказывается возможным.

Таким образом, можно выделить несколько этапов в музеефикации архитектурного наследия шорцев: первый из них связан с использованием метода транслокации как основного при музеефикации архитектурных объектов. Данный период характеризуется стремлением презентовать наследие шорцев широкому кругу посетителей, что сделать на месте не представлялось возможным. С 1990-х годов начинается второй этап музеефикации: когда осознается необходимость сохранять недвижимые объекты в среде бытования. Однако и на данном этапе не удается обойтись без метода транслокации, который используется с целью воссоздания историко-культурного ландшафта. Характерной особенностью данного периода является использование метода мягкой музеефикации как экспериментального метода. Третий этап музеефикации свя-

зан с формирующейся тенденцией распространения метода реконструкции при сохранении объектов. Учитывая то, что недвижимые объекты историко-культурного наследия, презентующие собственно шорскую традиционную культуру, утрачены в среде бытования, реконструкция становится единственно возможным методом в данном случае. На сегодняшний день назрела острая потребность в пересмотре взглядов на музеефикацию архитектурного наследия шорцев, кроме того, необходимо активизировать деятельность в данном направлении. Особого внимания требуют архитектурные объекты, включенные в состав экомuzeя «Тазгол». Ряд объектов нуждается в реставрационно-ремонтных работах и экспозиционной интерпретации. Метод мягкой музеефикации нуждается в осмыслении, разработке соответствующих критериев.

Литература

1. Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Музеи под открытым небом в СССР: развитие принципов формирования структуры. – М.: ГБЛ, 1987. – 40 с. – (Музейное дело и охрана памятников. Обзор. Информ; вып. 2).
2. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – Москва: Этерна, 2012. – 432 с.
3. Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Этногр. очерки. – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1989. – 189 с.
4. Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. – Кемерово: КемГУ; Томск: ТГПУ, 2008. – 452 с.
5. Кимеева Т. И., Родионов С. Г., Глушкова П. В. Этапы формирования шорских этнографических коллекций в музеях России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 34. – С. 148–158.
6. Красноречьев Л. Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославицы. – Великий Новгород: Новгород. гос. объедин. музей-заповедник, 2014. – 304 с.
7. Ривьер Ж. А. Эволюционное определение экомuzeя [Электронный ресурс] // Museum. – 1985. – № 148 – С. 2–4. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001273/127347rb.pdf> (дата обращения: 02.09.2015).
8. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.
9. Тематико-экспозиционный план «Шорский улус Кезек» // Архив музея-заповедника «Томская писаница». – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 81.
10. Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. – Л., 1929. – С. 135–138.

References

1. Gnedovskiy B.V., Dobrovolskaya E.D. *Muzei pod otkrytym nebom v SSSR: razvitie printsipov formirovaniya struktury. Yyp. 2. Museynoe delo i okhrana pamytnikov [Open-air museums in USSR: the principles of forming the structure. Iss. 2. Museology and protection of monuments]*. Moscow, GBL Publ., 1987. 40 p. (In Russ.).
2. Kaulen M.E. *Muzeefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii [Museefication historical and cultural heritage of Russia]*. Moscow, Eterna Publ., 2012. 432 p. (In Russ.).
3. Kimeev V.M. *Shortsy. Kto oni? Etnograficheskie ocherki [Shors. Who they are? Ethnographic essays]*. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989. 189 p. (In Russ.).
4. Kimeev V.M. *Ekomuzei Pritom'ya v postindustrial'nom obshchestve: genезis, arkhitektonika, funktsii [Ecomuseums of Pritom'ya in the post-industrial society: genesis, architectonic, function]*. Kemerovo, Kemerovo State University Publ.; Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2008. 452 p. (In Russ.).
5. Kimeeva T.I., Rodionov S.G., Glushkova P.V. *Etapy formirovaniya shorskikh etnograficheskikh kollektsey v muzeyakh Rossii [Stages of formation the Shor's collections in Russian museums]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarst-*

- vennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. Kemerovo, 2016, no. 34, pp. 148-158. (In Russ.).*
6. Krasnorechye L.E. *Narodnoe derevyannoe zодchestvo Novogorodchiny. Vitoslavlitsy [Popular wooden architecture of Novgorod]. Velikiy Novgorod, Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinenny muzey-zapovednik Publ., 2014. 304 p. (In Russ.).*
 7. Rivyer Zh.A. Evolyutsionnoe opredelenie ekomuzeya [Evolutionary definition ecomuseum]. *Museum [Museum]. (In Russ.). Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001273/127347rb.pdf> (accessed 02.12.2016).*
 8. *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya [Russian museum encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (accessed 02.12.2016).*
 9. Tematiko-ekspozitsionnyy plan "Shorskiy ulus Kezek" [Specialized exhibit plan "Shorskiy ulus Kezek"]. *Arkhiv muzeynaya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa" [Archive museum "Tomskaya Pisanitsa"], F. 1, Op. 1, D. 81. (In Russ.).*
 10. Shmit F. I. *Muzeynoe delo. Voprosy ekspozitsii [Museumology. Questions exposure]. Leningrad, 1929, pp. 135-138. (In Russ.).*

УДК 069.295

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕЛА КРАСНОЕ ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКОГО РАЙОНА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОДХОДЫ К МУЗЕЕФИКАЦИИ

Юдин Максим Олегович, аспирант кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: yudinmo@gmail.com

Глушкова Полина Валерьевна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Музеефикация архитектурных объектов во многих случаях оказывается единственно возможным способом их сохранения и актуализации. В Кемеровской области на сегодняшний день нет ни одного музея, презентующего архитектурное наследие русских. В то время как регион обладает большим историко-культурным потенциалом. Объекты деревянного зодчества стремительно утрачиваются в среде бытования, а создание на их базе музея под открытым небом позволит сохранить исчезающий пласт наследия. Село Красное Ленинск-Кузнецкого района является одним из старейших и крупнейших сел региона, в 1990-е годы в селе проводились этнографические исследования, архитекторами был разработан проект музея под открытым небом. Но проект так и не был реализован, а выявленные объекты продолжают разрушаться. В статье разрабатываются подходы к музеефикации архитектурных объектов: определяются методы сохранения, реставрации и экспозиционной интерпретации. При выборе методики музеефикации учитывались архитектурные особенности объектов, их степень сохранности и другие характеристики. В селе сохранились культовые, жилые и хозяйственные постройки. Культовый объект – Троицкую церковь – предлагается сохранять на основе метода мягкой музеефикации. Одну из наиболее значимых жилых построек – дом купца Пьянкова – предлагается музеефицировать на месте и использовать «как музей», подобная методика применима и к амбару Пьянкова. Жилые дома можно сохранять на основе мягкой музеефикации. А для восстановления историко-культурного ландшафта уместно применение методов реконструкции и транслокации. Предложенные меры позволят создать в селе «живой музей», который является эффективным и для сохранения историко-культурного наследия, и для его презентации, и для развития туризма в регионе. Кроме того, создание подобного музея позволит создать дополнительные рабочие места для местных жителей и вовлечь их в процесс сохранения наследия.

Ключевые слова: музей, архитектурное наследие, музеефикация, музей под открытым небом.

ARCHITECTURAL HERITAGE OF KRASNY VILLAGE, LENINSK-KUZNETSK DISTRICT OF KEMEROVO REGION: APPROACHES TO MUSEUMIFICATION

Yudin Maksim Olegovich, Postgraduate of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yudinmo@gmail.com

Glushkova Polina Valeryevna, PhD in Culturology, Sr. Instructor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Museumification of architectural sites in many cases is the only possible way of preserving and updating. In Kemerovo region to date there is no museum presenting the Russian architectural heritage while the region has a great historical and cultural potential. The objects of wooden architecture is rapidly lost in the medium of existence and creation on their basis of an open-air museum will preserve endangered heritage formation. The village of Red Leninsk-Kuznetsk area is one of the oldest and largest villages in the region in the 1990s in the village conducted ethnographic research, the project architects in the open-air museum has been developed. But the project was never implemented, and identified objects continue to deteriorate. The paper developed approaches to architectural objects museumification: defined conservation methods, restoration and interpretation of exposure. When choosing a museumification method, it is considering the architectural features of the objects, their state of preservation, and other characteristics. The village has preserved religious, residential and farm buildings. Trinity Church, a cult object is invited to keep using the method of soft museumification. One of the most important residential buildings, house of merchant Pyankov, museumification is offered on the site and used “as a museum”, this technique is applicable to the barn Pyankov. Residential buildings can be saved on the basis of soft museumification. And for the restoration of historical and cultural landscape is appropriate to use the methods of reconstruction and translocation. The proposed measures will create the village as “living museum”, which is effective for the preservation of historical and cultural heritage, and for its presentation, and for the development of tourism in the region. In addition, the creation of such a museum will create more jobs for local people and involve them in the process of preserving the heritage.

Keywords: museum, architectural heritage, museumification, open-air museum.

На сегодняшний день музеефикации недвижимых архитектурных объектов уделяется большое внимание, так как в большинстве случаев это единственный способ их сохранения. Под влиянием процессов урбанизации, индустриализации традиционная архитектура утрачивается в среде бытования, особенно уязвимо в данной ситуации оказывается деревянное зодчество. Так как дерево – недолговечный материал, для обеспечения его сохранности требуется предпринимать комплексные меры, обеспечивать регулярные реставрационные работы. Это возможно осуществить исключительно на базе музея.

Сохранение недвижимых архитектурных объектов деревянного зодчества начинается в России с начала XX века, в то время доминирующим методом являлся метод транслокации – перенос объекта с первоначального местонахождения на территорию музея. Большинство объектов на основе данного метода были сохранены в

период с 1960-х по 1980-е годы. Крупные музеи под открытым небом, в которых музеефицированы архитектурные деревянные объекты созданы на территории Новгородской, Костромской, Владимирской, Вологодской, Иркутской и других областей. В Кемеровской области идея создания этнографического музея под открытым небом зарождается в 1990-х годах, однако и сегодня ни одного музея подобного типа не создано. Исключением является экомuseum «Тазгол», в котором презентуется традиционная культура шорцев, а подавляющая часть недвижимых объектов сохраняется на основе метода мягкой музеефикации. В то время как регион обладает высоким историко-культурным потенциалом в данной области. Так, например, в старожильческих селах по сей день сохраняются жилые постройки и часть хозяйственных, датируемых концом XVIII – началом XX века. Одним из таких сел является село Красное Ленинск-Кузнецкого муниципального района.

Красное (первоначальное название – Брюханово) является одним из старейших и крупнейших сел региона. Предположительно, село было основано в начале XVII века (1926). Село характеризуется удачным месторасположением: оно находилось на пути бывшего Томско-Кузнецкого тракта. Наибольший расцвет общественной жизни село получило в конце XIX – начале XX века. В нем действовали церковно-приходская школа, народное училище, волостное правление, мелочные лавки, хлебозапасный магазин, казенная винная лавка, почтовое отделение, маслодельный и кирпичный завод, кустарные предприятия [5, с. 198–200].

Основная часть построек располагалась вдоль Трактовой улицы, однако в центральной части поселка сохранилась скудность домов. Все жилые и хозяйственные сооружения в селе были деревянные, исключением является дом купца Охотникова и склад-магазин купца Пьянкова. Для села была характерна одноэтажная застройка. Двухэтажные дома были у крестьян: Пантюхина, Романова, купцов Перевалова и Пьянкова, Богданова. В одном из таких двухэтажных домов купца Аникина долгое время размещалась почта. В центральной части села располагалась каменная церковь и деревянное здание волостного правления. Рядом с церковью находился дом священника, где также размещалась церковно-приходская школа. Рядом располагались аптека и фотография, гармонная мастерская, магазин, дом волостного писаря, напротив – купеческие дома и магазины, в том числе дом купца Пьянкова. По трактовой улице были размещены фельдшерский пункт, маслобойня, дом станового пристава, контора лесничего. По левую сторону трактовой улицы располагались купеческие дома, почтово-телеграфная контора, слесарная мастерская [4, с. 46–49].

Основная часть домов была построена из «красного» или «кондового» строевого хвойного леса, в основном из сосны и лиственницы. Для фасадного декора использовались кедр и сосна. Крыши изготавливали из ели и пихты, что характерно для Сибири в целом [1, с. 30]. Большая часть домов была рублена «в обло» или «в чашу». Конструкция крыши домов касьминских чалдонов варьировала от двухскатных самцовых до более поздних двух- и четырехскатных стропильных. Стыки верхних концов тесин закрывались

выдолбленным из бревна или сбитым под углом двух досок коньком [4, с. 51].

Наиболее распространенным типом жилищ в старожильческих селах до конца XIX века была изба-связь. К концу XIX века самцовая крыша таких домов была заменена на четырехскатную стропильную с большими свесами. Влияние северорусской традиции можно наблюдать в наличии в домах-связях подклета из 2–3 венцов, вход в который оформлялся голбцом. В притрактowych селах, как Брюханово, задняя изба или клеть часто оборудовалась под горницу с печью голландкой [13, с. 50–52]. К началу XX века у зажиточных чалдонов увеличенный подклет переоборудовался в первый этаж, а горница и жилая изба – во второй с лестничным входом через люк в потолке сеней или нижней избы.

Менее распространенным типом жилищ у чалдонов были дома-пятистенки со стропильными двух- или четырехскатными крышами, с подшивным карнизом. Пятистенки в селе Брюханово возводились, в основном, переселенцами с конца XIX века. Зажиточные крестьяне могли позволить себе дома крестовики. Купцы в высоких подклетах домов-крестовиков обустраивали лавки, винные магазины или мастерские, таким образом перестраивая дом в двухэтажный [4, с. 53]. В с. Брюханово подобных домов насчитывалось более двадцати, однако до сегодняшнего дня дошли только несколько. Примером двухэтажного крестового дома-связи может служить дом купца конозаводчика Ф. Пьянкова.

Фасады чалдонских домов в обязательном порядке декорировались. Чаще всего оформлялся передний конец охлупня, нижние концы куриц, которым придавалась форма головы коня или птицы. Верхняя карнизная доска окон крестьянских изб декорировалась городковым орнаментом из зубцов, квадратиков, столбиков или трехгранно-выемчатой долбленной резьбой с солярными мотивами круга и полукруга. К началу XX века появляются двусторчатые ставни [12, с. 11]. В начале XX века фасады декорируются в технике пропиленной резьбы. Подкарнизные доски также украшаются накладной резьбой с растительным орнаментом, зооморфными и реалистичными изображениями птиц, с узором в виде занавесей с тремя кистями. В технике накладной резьбы декорировались подзоры и бая-

сины крыльца [4, с. 54]. Примерами использования техники пропильной резьбы могут служить дома лесника, волостного пристава, почтово-телеграфной конторы, а также двухэтажный дом Ф. Пьянкова. У данных сооружений верхняя доска декорирована посредством пропильных фигур, а наличники – накладных резных балюсадов.

Постройки и планировочная структура данного периода частично сохранились в селе по сегодняшний день, но с каждым годом угроза их полного разрушения становится все реальнее. В 1995 году московским архитектором А. Г. Афанасьевым и группой этнографов и музееведов был подготовлен «Проект зон охраны и генеральная схема развития экомuzeя “Русское село Брюханово”» [8]. Проект устанавливал границы музея, определял состав объектов историко-культурного наследия и режим их содержания. В состав музея планировалось включить 14 сохранившихся на тот период объектов, имеющих историко-культурную ценность и соответствующих общепризнанным критериям отбора для приведения их в музейное состояние (подлинность, культурная и историческая ценность, архитектурно-художественная ценность, угроза уничтожения в естественной социокультурной среде, возраст, сохранность и др.). Но проект так и не был реализован, более того, большая часть объектов, которые предлагалось поставить на учет и включить в единый государственный реестр объектов историко-культурного наследия, так и не были признаны памятниками. Это привело к тому, что пять из выявленных объектов на сегодняшний день безвозвратно утрачены. Несколько домов находятся в критическом состоянии. Следовательно, если в ближайшее время не предпринять никаких мер по их сохранению, то в течение нескольких лет сохранившиеся объекты также будут полностью утрачены в среде бытования. Оптимальным способом в данном направлении видится музеефикация, позволяющая обеспечить сохранение и эффективное использование историко-культурного наследия касьяминских чалдонов.

Одним из самых значительных сохранившихся архитектурных объектов в с. Красное является каменная Троицкая церковь, построенная в 1908 году. К 1990-м годам церковь имела значительные повреждения и утраты: полностью были утрачены колокольня, главки [9]. Соответственно было принято решение о ее реставрации.

Реставрация проводилась по специальному проекту новокузнецкого архитектора В. Н. Усольцева. По отношению к Свято-Троицкой церкви был применен синтетический метод реставрации с большой долей гипотез. При реставрации был заменен материал, использовались в качестве аналогов сохранившиеся храмы Кемеровской области, например, Салаирский, датируемый тем же периодом. На сегодняшний день храм представляет собой одноэтажное, двусветное, трехглавое сооружение, по объемно-планировочной структуре – традиционную трехчастную композицию [8]. Церковь используется по первоначальному назначению, получила статус памятника, однако музейную функцию объект так и не приобрел.

В числе сохранившихся – также двухэтажный дом «торгующего крестьянина» Федора Степановича Пьянкова, постройки конца XIX века. Это бревенчатый двухэтажный дом-крестовик, высота этажа которого составляет 3 метра. Несмотря на все перепланировки, основные конструкции сохранились. Дом претерпел значительные изменения: был обшит тесом, подлинные элементы декора заменены стилизованными наличниками конца XX века [8]. Объект признан памятником, с 1993 года используется под Музей истории крестьянского быта. Новокузнецкий архитектор В. Н. Усольцев также разрабатывал проект реставрации объекта, предполагающий частичную реставрацию фундамента здания с заменой подгнивших полов, оборудования новой электропроводки и отопительной системы без разбора самого здания, а значит и без закрытия экспозиций музея. Однако объект был отремонтирован с грубыми нарушениями. Сегодня используется «под музей», следовательно, информационное поле объекта не транслируется в должной степени.

Рядом с музеем сохранилось каменное здание амбара-магазина постройки конца XIX века, также принадлежавшее купцу Ф. С. Пьянкову. Амбар относится к одним из немногих кирпичных зданий, построенных в сибирских деревнях в данный период времени. На боковом фасаде имеются оконные проемы с циркулярными рельефными карнизами. В советское время он использовался колхозом под магазин-склад. Амбар претерпел серьезные изменения: в первой половине XX века часть амбара была разобрана, а в оставшейся части снято деревянное междуэтажное перекрытие [8]. В 1997 году в здании,

находящемся в аварийном состоянии, была отремонтирована крыша. Также был разработан проект реставрации, предполагающий восстановление фигурной кладки стен, однако данный проект [4, с. 187], как и предыдущие, не был реализован. Сегодня амбар не используется. Примечательно, что амбар Н. С. Пьянкова, являющийся одним из немногих сохранившихся на территории Кемеровской области образцов каменного зодчества XIX века, до сих пор не поставлен под государственную охрану. Поэтому необходимо, в первую очередь, предпринять меры по постановке объекта на охрану, проведению реставрационных работ, при которых синтетический метод станет единственно возможным.

К жилым домам, имеющим историко-культурную ценность, относятся следующие постройки: жилой дом с магазином по ул. Кирова, 50; дом лесничего по ул. Кирова, 56; жилой двухэтажный дом с телеграфной конторой по ул. Кирова, 70; жилой дом станového пристава по ул. Кирова, 52; жилые дома по ул. Кирова 49, 54, 76.

Жилой дом с магазином позже стал использоваться как молитвенный дом. Представляет собой бревенчатую одноэтажную постройку. На сегодняшний день обшит тесом. По главному фасаду расположено восемь оконных проемов. Дом станového пристава, который также сегодня обшит вагонкой «в елочку», сохранил на сегодняшний день фрагменты прорезных наличников. Дом является типичным представителем безсвязевой застройки. Жилой дом, расположенный по улице Кирова, 54, представляет собой одноэтажный дом-крестовик с четырьмя окнами с простыми накладными наличниками. На сегодняшний день также обшит тесом. Дом лесничего с цокольным жилым этажом является бревенчатым домом-крестовиком. На окнах первого этажа сохранились оригинальные наличники с объемной резьбой. Данная постройка может служить примером застройки на участках с выраженным рельефом. Жилой одноэтажный бревенчатый дом-пятистенник, расположенный по ул. Кирова, 76, хорошо сохранил фасадный декор – двухъярусный карниз по периметру дома и прорезные наличники на окнах.

Здание почтово-телеграфной конторы, представляет собой двухэтажный дом-крестовик. На доме сохранились прорезные наличники

на окнах. Жилой дом по ул. Кирова, 49, – бревенчатый двухэтажный дом-крестовик с хорошо сохранившимся фасадным декором: двухъярусным пропиленным карнизом, наличниками, ставнями [8].

К сожалению, в облике застройки села достаточно сильно проявляются современные тенденции в декоративном оформлении фасадов, которые характеризуются стилизацией и простотой форм. Кроме того, активно применяются прогрессивные современные материалы: кровли кроются шифером, металлом, наружные бревенчатые стены обшиваются вагонкой, тесом, сайдингом.

Так как методика музеефикации на сегодняшний день находится в стадии формирования, то необходимо подробнее остановиться на методах, которые возможно применить по отношению к сохранению вышеперечисленных объектов. Границы понятия «музеефикация» на сегодняшний день четко не определены. В настоящее время существует два подхода к пониманию данного термина. В узком смысле под музеефикацией понимается сохранение недвижимых памятников на месте их бытования, вокруг которых моделируется историко-культурная среда. Объект историко-культурного наследия, таким образом, преобразуется в музейный объект: утрачивает свою первоначальную функцию и приобретает новую – музейную. В широком понимании музеефикация – это любое музейное использование недвижимого объекта историко-культурного наследия [11]. Ключевым моментом при интерпретации данного термина стоит считать то, что объект приобретает новую для него музейную функцию. В ряде случаев он может продолжать первоначальную функцию, которая была характерна для него в среде бытования. В данном случае мы говорим о мягкой музеефикации. Музейная функция заключается в том, что объект приобретает способность аккумулировать и транслировать культурно-значимую информацию. Следовательно, музеефикация предполагает изучение объекта, направленное на выявление его информационного поля, его включение в музейное собрание и экспозиционную интерпретацию, направленную на трансляцию его информационного поля.

Существуют такие методы музеефикации недвижимых объектов историко-культурного наследия как сохранение на месте первоначального

нахождения объекта (*in situ*), **музеефикация** объекта посредством метода транслокации (переноса с первоначального местонахождения объекта на новое место), реконструкция несохранившихся объектов историко-культурного наследия на месте первоначального их нахождения, музеефикация объектов историко-культурного наследия в совокупности с историко-культурной средой, музеефикация историко-культурной среды в развитии (мягкая музеефикация) [3; 10]. По отношению к объектам историко-культурного наследия на сегодняшний день оптимальным признан метод *in situ* – **сохранение объекта на месте первоначального** нахождения. Достаточно прогрессивным является метод мягкой музеефикации, не предполагающий полного изъятия объекта из среды бытования. Однако возможность использования данного метода ограничена. При выборе метода музеефикации должны учитываться особенности объекта историко-культурного наследия, среды его бытования, дальнейшее его использование.

Первым этапом музеефикации при выборе любого метода является реставрация, которая осуществляется с целью сохранения и презентации объекта. Для объектов деревянного зодчества предпочтительным оказывается синтетический, а не аналитический метод реставрации. Так как в данном случае необходимо раскрыть художественную ценность объекта, воссоздать его первоначальный облик. Реставрационные работы включают раскрытие объекта, его укрепление, воссоздание утраченных элементов [10, с. 52]. Первым этапом реставрационных работ должно стать раскрытие памятника, удаление поздних наслоений, а уже после можно приступать к восстановлению утраченных элементов. Поздние наслоения и все стилистически диссонирующие элементы необходимо удалить, раскрывая памятник. После этого стоит применить синтетический метод реставрации, а также провести ремонтно-реставрационные работы. Применение синтетического метода в данном случае уместно, так как главная цель – восстановить архитектурно-художественные особенности объектов.

Синтетический метод допускает применение гипотез и аналогий в том случае, если исчерпывающие доказательства того, как выглядел объект, отсутствуют. Для объектов деревянного зодчества

особенно важно применение консервационных мер, к которым относятся временная защита сооружений, укрепление фундаментов и несущих конструкций, стабилизация режима содержания памятника. Древесина, как правило, обрабатывается специальными растворами, позволяющими защитить ее от вредителей и от воздействия факторов окружающей среды.

Кроме того, в центральной части села на сегодняшний день появились административные, общественные и жилые здания, выпадающие из ряда исторической застройки. Проблема может быть решена либо за счет их переноса, либо фасадного декора, либо численной посадки.

Если говорить о музеефикации Троицкой церкви, то единственно возможным методом станет частичная (гибкая) музеефикация, приведение в музейное состояние, не требующее полного изъятия памятника из среды [11]. Объект будет выполнять как прямую функцию, так и музейную: сохранения и трансляции культурного наследия.

Единственным объектом историко-культурного наследия в с. Красное, который был музеефицирован – является дом купца Пьянкова. Из двух способов музеефикации – использование памятника «как музей» и использование памятника «под музей» – для дома Пьянкова был выбран последний. Если первый способ подразумевает превращение памятника в самостоятельный объект показа, экспозиция в памятнике и вокруг него посвящается исключительно ему самому, допускается лишь минимальное вторжение в его облик, то во втором случае экспозиция, созданная в памятнике, может по тематике не соответствовать его истории [3, с. 60]. Так, в доме Пьянкова презентуется крестьянский быт, а не купеческий: в одной из комнат воссоздается интерьер крестьянской избы, в других на основе тематического метода презентуются одежда, бытовая утварь, орудия производства русских крестьян конца XIX – начала XX века. **История объекта не находит отражения в экспозиции**, в то время как представляет несомненный интерес для посетителей. Поэтому оптимальным видится переориентация экспозиционной интерпретации памятника. Предполагается его использовать «как музей», осуществив реэкспозицию. Нижнему этажу, использовавшемуся при жизни купца под торговую лавку, можно вернуть утраченную первоначаль-

ную функцию, сохранив музейную. Каменный амбар Пьянкова также предлагается сохранять на месте, применив к нему реставрационные меры. Внутри амбара может быть расположена экспозиция, направленная на раскрытие истории памятника. Это означает, что объект будет использован «как музей».

Крестьянский быт может быть презентован в одном из жилых домов, расположенных по улице Кирова. Дом после выкупа у владельцев наделяется музейной функцией. Далее внутри создается экспозиция на основе ансамблевого метода, отражающая быт касимовских чалдонов конца XIX – начала XX века. По отношению к остальным жилым домам необходимо применить метод мягкой музефикации. Вопрос о том, насколько возможно применение данного метода, является открытым, так как использование памятника по первоначальному назначению может противоречить требованиям к его охране. В подобных случаях на владельца накладываются определенные обязательства по обеспечению сохранности и оформлению фасадного декора. Как правило, такие дома предполагают только наружный осмотр.

Несмотря на то, что метод транслокации на сегодняшний день законодательно запрещен [13], он мог бы быть применен по отношению к объектам музейного значения, не имеющим статус памятника. Метод транслокации хоть и вызывает многочисленные нарекания специалистов, которые полагают, что объект, изъятый из среды бытования, теряет часть значимых свойств, может способствовать спасению памятников народной архитектуры, фрагментарно сохранившихся в сельской среде [2, с. 18–19]. На основе данного метода создано большинство музеев деревянного зодчества [7, с. 12]. Кроме того, некоторые музеи подобного типа на сегодняшний день успешно используют данный метод. В ряде случаев сохранение объектов на месте оказывается просто невозможным. Объект может подвергаться воздействию внешних факторов, единично представленные объекты не имеет смысла музефицировать в среде бытования. В с. Красное сохранившиеся объекты предлагается сохранять на месте, но историко-культурная среда может быть восстановлена за счет свезенных из близлежащих сел объектов, где они также находятся под угрозой исчезновения.

Утраченные объекты могут быть музефицированы на основе метода реконструкции [7, с. 127]. Под реконструкцией в музееведении понимается научно обоснованное восстановление утраченного или руинированного культурного или природного объекта либо его частей [11]. Метод реконструкции в основном применяется в сочетании с методом реставрации, когда воссоздаются лишь некоторые утраченные элементы реставрируемого здания. Полностью восстановленное сооружение, отличающееся некоторыми отклонениями от воспроизводимого и не содержащее его подлинных остатков, принято называть новоделом. Большинство исследователей негативно относятся к массовому увлечению новоделами в последнее время, так как такие реконструкции подрывают уважительное отношение к подлиннику, а новодел, возведенный на месте утраченного памятника, может нанести ему вред. Решение о правомерности создания новодела на базе музея должно быть тщательно обосновано, в противном случае нарушается основное требование к музейной экспозиции: доминирование подлинных объектов. Возможно осуществить реконструкцию объектов с высокой степенью достоверности на основе проектной документации, так как сохранились обмерные чертежи, фото объектов. Применение метода реконструкции обусловлено необходимостью восстановления исторической планировки села, так как только в случае ее восстановления можно сформировать экспозицию под открытым небом. Восстановленные объекты в таком случае будут способствовать целостному восприятию подлинных объектов, раскрывать их информационные поля. Идеальным вариантом стало бы восстановление ремесленных мастерских, которыми славилось село. На основе метода реконструкции могут быть воссозданы малые архитектурные формы и хозяйственные постройки. Например, в заезжем дворе зажиточного крестьянина по прозвищу Силуянушка, были теплые бревенчатые конюшни, конный двор с кормушками и весами для взвешивания сена и овса. Восстановление торговых рядов на центральной площади, где до революции ежегодно проводились по две ярмарки – Дмитриевская с 26 октября по 8 ноября и Иоанно-Предтеченская с 24 ноября, а с 1890 года был еще и еженедельный базар, –

также перспективный шаг при создании музея. Новодельные объекты, созданные в с. Красное, могут использоваться как гостевые дома, основной функцией их в данном случае станет воссоздание историко-культурного ландшафта, дополнение основной экстерьерной экспозиции. Также на основе данного метода мог бы быть воссоздан маслodelный завод, в этом случае он выполнял бы функцию актуализации нематериального культурного наследия.

Эффективная реализация обозначенных методов музеефикации позволила бы создать в селе Красное «живой» музей, то есть средовой музей, хранящий объекты материального и нематериального культурного наследия в естественной для них природной и историко-культурной среде в условиях сохранения и постоянной актуализации их изначальных функций, музей, созданный на основе музеефикации историко-культурной среды в развитии, при активном участии местных жителей села. Музейные экспозиции в таком музее могут встраиваться в современную среду поселения, в ландшафты и реальные социально-бытовые объекты. Термин «живой музей» введен в 1917 году американским музеологом Д.-К. Данном. В зарубежной музеологии понятие «живой музей» употребляется в значении «полезный» музей, оказывающий благотворное воз-

действие на связанные с ним сообщества через организацию досуга и просвещение местного населения на основе изучения его актуальных нужд и потребностей [11].

Создание в селе Красное средовой музея не только позволит сохранить недвижимые объекты историко-культурного наследия, но и обеспечить актуализацию традиционной культуры, будет способствовать развитию туризма в регионе, позволит создать дополнительные рабочие места для местных жителей. Село имеет удачное расположение в непосредственной близости от курорта «Танай». Живой музей, созданный в селе Красное позволит обеспечить актуализацию уникального историко-культурного ландшафта. В ситуации, когда в области нет ни одного архитектурно-этнографического музея, данный музей пользовался бы большой популярностью у посетителей. При создании музея могут применяться признанные в современном музееведении методы: *in situ*, мягкой музеефикации. Для восстановления историко-культурного ландшафта могут применяться методы реконструкции и транслокации. Первым этапом в сохранении объектов должны стать реставрационные и консервационные работы. Памятники предлагается использовать «как музей», создавая интерьерные экспозиции на основе ансамблевого метода.

Литература

1. Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1995. – 224 с.
2. Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Музеи под открытым небом в СССР: развитие принципов формирования структуры. – М.: ГБЛ, 1987. – 40 с. – (Музейное дело и охрана памятников. Обзор. Информ; вып. 2).
3. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Этерна, 2012. – 432 с.
4. Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 250 с.
5. Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. – Кемерово: КемГУ; Томск: ТГПУ, 2008. – 452 с.
6. Кимеева Т. И., Пронина С. А. Проблемы фондовой деятельности в этнографических музеях под открытым небом Западной Сибири // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 30. – С. 122–130.
7. Красноречьев Л. Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославицы. – Великий Новгород: Новгород. гос. объедин. музей-заповедник, 2014. – 304 с.
8. Научно-проектная документация. Раздел «Проект зон охраны и Генеральная схема развития музея истории крестьянского быта в с. Красное Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области» // Личный архив В. М. Кимеева.
9. Научно-проектная документация. Раздел «Комплексные научные изыскания. Историко-архивные и библиографические изыскания. Историческая записка» // Личный архив В. М. Кимеева.
10. Прибега Л. В. Принципы реставрации архитектурных экспонатов музея // Музеи народной архитектуры и быта, принципы создания, проблемы развития в сфере постановления ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев»: тез. докл. – Киев, 1984. – 119 с.

11. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (дата обращения: 02.12.2016).
12. Русакова Л. Н. Традиции изобразительного искусства русских крестьян Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – 176 с.
13. Скрябина Л. А. Русские Притомья: Ист.-этногр. очерки (XVII – начало XX века) / Л. А. Скрябина; отв. ред. В. М. Кимеев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 130 с.
14. Федеральный закон от 25 июня 2002 года 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». – URL: <http://base.garant.ru/12127232/> (дата обращения: 02.12.2016).

References

1. Bardina P.E. *Byt russkikh sibiriyakov Tomskogo kraya [Life of Russian Siberian Tomsk edge]*. Tomsk, Tomskiy universitet Publ., 1995. 224 p. (In Russ.).
2. Gnedovskiy B.V., Dobrovolskaya E.D. *Muzei pod otkrytym nebom v SSSR: razvitie printsipov formirovaniya struktury. Вып. 2. Музейное дело и охрана памятников [Open-air museums in USSR: the principles of forming the structure. Iss. 2. Museology and protection of monuments]*. Moscow, GBL Publ., 1987. 40 p. (In Russ.).
3. Kaulen M.E. *Muzeifikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii [Museification historical and cultural heritage of Russia]*. Moscow, Eterna Publ., 2012. 432 p. (In Russ.).
4. Kimeev V.M. *Kas'minskie chaldony. Byt i kul'tura russkikh starozhilov Kas'minskoy volosti [Kasminskie chaldony. Life and culture of Russian old-timers Kasminskoy Parish]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. 250 p. (In Russ.).
5. Kimeev V.M. *Ekomuzei Pritom'ya v postindustrial'nom obshchestve: genezis, arkhitektonika, funktsii [Ecomuseums of Pritom'ya in the post-industrial society: genesis, architectonic, function]*. Kemerovo, Kemerovo State University Publ.; Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2008. 452 p. (In Russ.).
6. Kimeeva T.I. Pronina S.A. Problemy fondovoy deyatel'nosti v etnograficheskikh muzeyakh pod otkrytym nebom Zapadnoy Sibiri [Problems stock activity in the ethnographic open-air museum of Western Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 30, pp. 122-130. (In Russ.).
7. Krasnorechye L.E. *Narodnoe derevyannoe zochestvo Novgorodchiny. Vitoslavlitsy [Popular wooden architecture of Novgorod]*. Velikiy Novgorod, Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik Publ., 2014. 304 p. (In Russ.).
8. Nauchno-proektnaya dokumentatsiya. Razdel "Proekt zon okhrany i General'naya skhema razvitiya muzeya istorii krest'yanskogo byta v s. Krasnoe Leninsk-Kuznetskogo rayona Kemerovskoy oblasti" [Research and project documentation. Section "Project protection zones and the General Scheme of the museum of peasant life history with. Red Leninsk-Kuznetsk, Kemerovo region region"]. *Lichnyy arkhiv V.M. Kimeeva [Personal archive V.M. Kimeev]*. (In Russ.).
9. Nauchno-proektnaya dokumentatsiya. Razdel "Kompleksnye nauchnye izyskaniya. Istoriko-arkhivnye i bibliograficheskie izyskaniya. Istoricheskaya zapiska" [Research and project documentation. Section "Complex scientific research. Historical archive and bibliographical research. Historical Records"]. *Lichnyy arkhiv V.M. Kimeeva [Personal archive V.M. Kimeev]*. (In Russ.).
10. Pribega L.V. Printsipy restavratsii arkhitekturnykh eksponatov muzeya [The principles of restoration of architectural exhibits]. *Muzey narodnoy arkhitektury i byta, printsipy sozdaniya, problemy razvitiya v sfere postanovleniya SK KPSS "Ob uluchshenii ideyno-vospitatel'noy raboty muzeya": tezisy dokladov [Museum of Folk Architecture and Life, the principles of the creation, development problems in the decision of the Central Committee of the CPSU "On the improvement of the ideological and educational work of the Museum": abstracts]*. Kiev, 1984. 119 p. (In Russ.).
11. Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya [Russian museum encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (accessed 02.12.2016).
12. Rusakova L.N. *Traditsii izobrazitel'nogo iskusstva russkikh krest'yan Sibiri [Tradition of Fine Arts of the Russian peasants in Siberia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 176 p. (In Russ.).
13. Skryabina L.A. *Russkie Pritom'ya. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XX veka) [Russian so tired. Historical and ethnographic essays (XVII – beginning of XX century)]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. 130 p. (In Russ.).
14. *Federal'nyy zakon ot 25 iyunya 2002 goda № 73-FZ "Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of 25 June 2002 no. 73-FZ "On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation"]*. (In Russ.). Available at: <http://base.garant.ru/12127232/> (accessed 02.12.2016).

УДК 008

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ КОНВЕРГЕНЦИИ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Басалаева Оксана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

Лукина Нелли Петровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских проблем информатики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск, РФ). E-mail: lukinanp1@gmail.com

Статья посвящена постсовременному этапу развития информационной цивилизации, становление которой исследователи связывают с шестым технологическим укладом и конвергенцией нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных наук и технологий (NBIC или НБИКС). Об информационном обществе сегодня пишут философы, социологи, психологи, экономисты, политологи, IT-специалисты и культурологи. Теоретики постмодернизма (Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Ж.-Ф. Лиотар, А. Турен) зафиксировали необходимость переписывания индустриальной эпохи (модерна) с позиций новых методологий, отреагировавших на возросшее влияние знания, культуры и техники на социальные трансформации. В предлагаемой статье акцент сделан на выявление социокультурных и антропологических составляющих, заложенных в понятие технологического уклада. Выявлены особенности влияния технико-технологической структуры данного уклада на природу и культуру человека, а также предпринята попытка уточнить сущностные характеристики информационного общества, результирующие его технологические и социокультурные проекции. Наметившиеся критические тенденции в исследовании технологического уклада информационного общества лежат в русле понимания того обстоятельства, что социальное развитие происходит не только благодаря техническим прорывам и инновациям, но должно совпадать с органикой социокультурного процесса.

Ключевые слова: методология, информационная цивилизация, информационное общество, технологический уклад, конвергенция наук и технологий, природа человека, культура, социокультурная реальность.

TECHNOLOGICAL STRUCTURE AND CULTURE IN THE CONTEXT OF CONCEPT CIVILIZATION CONVERGENCE OF SCIENCES AND TECHNOLOGIES: METHODOLOGICAL ASPECT

Basalaeva Oksana Gennadyevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Department of Philosophy, Law and Socio-political Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

Lukina Nelli Petrovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Philosophy Problems of Informatics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukinanp1@gmail.com

The information civilization's high technology has greatly contributed to the making of a new socio-cultural reality. The new civilization has transformed spiritual life, metaphysics, as well as politics, science, art, and ideology. These changes need a careful consideration and a critical philosophical reflection to conduct an in-depth analysis of the latest technology in the light of the current worldview, current set of socio-cultural norms and axiological aspects of modern life. The socio-cultural analysis is supposed to establish the directions

in which modern society is moving alongside the aims. The research essence of the undertaken analysis is to offer an explanation of how advances in technology influence social phenomena. We also endeavour to make the case for the insufficiency of technocratic approaches alone to understanding the nature of the information society. The technological structure denotes a result of technological mutations that make a revolutionary impact on the socio-cultural environment, reshaping labour relations, communication, management and culture. The modern technological structure in question presumes the omnipotence of the latest technology in all areas of life, with its proponents demonstrating the commitment to the mythological rhetoric of the break on the assumption that the latest technology will change the world and culture irreversibly. The main directions of modern technological structure focused on biotechnology, nanotechnology, artificial intelligence systems, integrated social and humanitarian technologies, global information networks. Anyone can consciously assimilate the methodology and techniques for working with both, individual computers and work on the Internet, that is, the user has methodically equipped professionally and methodologically. In socio-cultural attitudes, the methodological field is discrete. This is reflected in the fact that in the methodological field, there is practically no cultural technology, to substitute notions of socio-cultural technologies, reducible to leisure technologies, which connect the conceptual vision of culture with cultural practices and cultural subjects. Perhaps for this reason that the culture component is not expressed in NBICS concept. This fact is the main problem in the field of a relationship between the modern technological structure and culture.

Keywords: methodology, information civilization, information society, technological structure, convergence science and technology, human nature, culture, socio-cultural reality.

На рубеже XX–XXI веков наука, техника и технологии стали рассматриваться как источники порождения нового типа общества и культуры [3, с. 76]. Высокие технологии информационного общества инициировали создание цивилизации, которая трансформировала духовный опыт, метафизику, политические, научные, художественные практики, идеологические ориентации. Эти изменения требуют пристального внимания и критической рефлексии, необходимой для анализа взаимосвязи культуры и новейших технологий сквозь призму мировоззренческих, социокультурных, аксиологических измерений. Теоретики постмодернизма зафиксировали необходимость переписывания индустриальной эпохи (модерна) с позиций новых методологий, отреагировавших на возросшее влияние знания, культуры и техники на социальные трансформации [8, с. 153].

После исследовательского бума 60–80-х годов XX века эта теория постепенно отходит на периферию научных интересов. Она все чаще подвергается критике за слабую концептуальную базу. Соответственно, формируется внушительный спектр номинаций современного общества, идущих на смену информационализму: креативное общество, общество, основанное на знаниях, Smart-общество, общество, основанное на конвергенции наук и технологий (НБИКС-общество).

В цепи наших рассуждений, обратим внимание на то, что это не хронологическая последовательность в историческом процессе, а представления, сформировавшие доминантные черты в историческом процессе XX – начала XXI века, связанные, прежде всего, с технологическим укладом [3]. Смена технологических укладов – это всегда процесс жесткой институциональной конкуренции. Технологический прогресс неразрывно связан с общественным разделением труда или институциогенезом – процессом возникновения, «укоренения» и распространения новых институций. Диффузия новых технологий не происходит сама по себе, в отрыве от культуры и общества. Чтобы стать нормой в потреблении и использовании, технологическая новация должна обрести мощную социально-культурную базу. Преодоление выявленных методологических мифологем теории технологической эволюции предполагает пересмотр сложившихся стереотипов и выработку новых методологических конвенций, акцентирующих внимание на роли транзакционных технологий и технологически связанных институций в развитии способов и методов человеческой деятельности.

Принято выделять пять технологических укладов, начиная отсчет от промышленной революции XVIII века, и формирующийся в настоя-

шее время шестой уклад (см. более подробно [5]). Пятый технологический уклад соответствует экономике информационного общества, его временные границы обозначены 1970–2010 годами. Технологический уклад информационного общества представлен микроэлектроникой, программным обеспечением, робототехникой, новыми материалами. По заявлению Комитета Государственной думы РФ по науке и наукоёмким технологиям, мы сейчас находимся в шестом технологическом укладе, который называется «конвергенция НБИК-технологий», нано-, био-, информационных и когнитивных технологий... [6]. Таким образом, специфика шестого технологического уклада связывается с развитием конвергентных наук, технологий и общества (американская концепция NBIC-конвергенции и отечественная концепция НБИКС-конвергенции).

Понятие «конвергенция» происходит от латинского *convergo* – приближение, схождение. Оно имеет много смысловых граней и аспектов. Конвергенция приобрела господствующее положение в сфере взаимодействия технологии, науки и человека, а также и всего общества в целом. При этом под технологической конвергенцией понимается не простое сближение или схождение, а сложный комплекс взаимодействия пяти научно-технологических областей: нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий, когнитивных и социальных наук.

Феномен конвергенции стал широко известен вследствие упомянутой выше NBIC-конвергенции, которая вызвала широкий резонанс в обществе и научных кругах, взяла на себя доминирующую роль развития науки, технологии и самого социума. Термин NBIC введен в 2002 году американским наноученым М. Роко и американским социологом У. Бейнбриджем, авторами отчета «Конвергирующие технологии для улучшения природы человека» [7]. В англоязычных текстах для конкретизации часто используется термин «human enhancement» («усовершенствование, улучшение человека») с дополнительным пояснением, что речь идет о технологическом усилении, приращении человеческих способностей, модификации человеческой телесности и интеллекта. Отчет был посвящен раскрытию особенностей и

значения NBIC-конвергенции. В отчете утверждается, что сейчас научно-технологические области человеческой деятельности – как эволюционно-сопряженной совокупности практик познания, изобретения и конструирования – достигли такого уровня инструментального развития, при котором они должны вступить в интенсивное синергетическое взаимодействие. Результатом последнего явится становление качественно новой нанотехнонауки, открывающей перед человеком и человечеством новые горизонты собственной эволюции как осознанно направляемого трансформативного процесса.

В национальном исследовательском центре – Курчатовском институте – возник новый вид конвергенции – НБИКС-конвергенция, в которую включен социогуманитарный аспект. Новая технологическая революция открывает возможности для полноценного участия социогуманитарных наук в конвергенции знаний и технологий, в том числе – и за счет развития «технологической компоненты» социально-гуманитарного знания. Следует подчеркнуть, что такое развитие будет означать серьезные изменения в характере самого гуманитарного знания.

Нанотехнологии и биотехнологии дают ключ к изменению мира артефактов и живой природы, в том числе биологии человека, на самом фундаментальном уровне [2, с. 116]. Информационные и когнитивные технологии, дополненные технологиями социогуманитарными, имеют в качестве приложений самоорганизацию сетей различных типов (от нейро- до социальных), порождение искусственной жизни и мн. др. [1]. Основная проблема, как нам видится, в том, что индивид в процессе социализации и аккультурации приобщается к обществу и культуре, не осознавая этого факта, не рефлексируя над ним. Иными словами, индивид в этом случае практически методологически не оснащен. Иное дело в случае освоения информационных процессов. Любой пользователь сознательно усваивает методику и приемы работы как с отдельным компьютером, так и работу, например, в сети Интернет, то есть пользователь уже методически оснащен, а профессионал – методологически. В социально-культурном отношении методологическое поле дискретно.

Это выражается в том, что в методологическом поле практически отсутствуют культурные технологии, часто подменяемые представлениями о социально-культурных технологиях, сводимых к досуговым технологиям, которые соединяют концептуальное виденье культуры с культурными практиками субъектов культуры. Возможно, по этой причине компонент культуры не выражен в концепции НБИКС. Тем не менее нельзя отрицать, что конвергенция наук и технологий – инструмент построения будущего общества. НБИКС-общество можно определить как возможный вариант дальнейшего развития информационного общества и общества, основанного на знаниях, так как рост процессов конвергенции в начале XXI века отмечен вокруг ядра информационных технологий, поскольку они используются во всех других областях.

Основные направления шестого технологического уклада сосредоточены в области биотехнологии, нанотехнологии, системах искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей, интегрированных социально-гуманитарных технологий. Здесь актуализируется тема инноваций. Инновации, по нашему мнению, связаны с конвергенцией НБИКС, которая существенным образом должна изменить человеческую цивилизацию. НБИКС-общество – это определенный тип биосоциотехнической системы, состоящей из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе нанотехнологий, целью которых является реализация идеи «улучшения» человека, а в дальнейшем и реализация идеи иммортализма (бесконечности жизни). «Улучшение» обеспечивает качественно новые способности человека. Например, австралийский художник Стелиос Аркадиу считает, что человеческое тело устарело, а потому его следует модифицировать самым неожиданным образом. Ухо, имплантированное в руку, стало частью его нового тела. Он, кстати, вовсе не отрезал его себе, подобно Ван Гогу, а искусственно вырастил. Стелиос Аркадиу утверждает, что тело грядущего – не металлический Терминатор, чьи настоящие органы заменены на искусственные, а система, в которой естественные органы разведены в пространстве, но свя-

заны и координируются на электронном уровне. Другим примером может быть Нил Харбиссон, художник из Великобритании, в голову которого вживлена антенна, позволяющая ему распознавать цвета, который официально признан первым в мире киборгом.

Траектории различных путей «улучшения» размываются и переплетаются, вовлекаясь в конвергенцию различных технологий. Тем самым происходит делокализация проблемы «улучшения», ее трансформация в проблему становления новой технокультуры гибридных интерфейсов (квазиобъектов) [1].

Важно понять отличие современного процесса от тех попыток изменения природы человека технологическими средствами, которые предпринимались ранее. Актуальность проблемы изменения природы человека в контексте становления нанотехнонауки связана с тем, что человек действительно впервые в своей истории обрел адекватные инструменты для радикальной (и глобальной) трансформации себя как вида. Следующий шаг в этом направлении ведет к тому, что можно назвать радикальной модификацией человека. Это уже не просто его «улучшение», а создание человека с заранее заданными свойствами, так называемые дизайнерские дети (генномодифицированные дети).

Социальные последствия внедрения конвергенции состоят в возникновении новых социальных форм, построенных на новых возможностях виртуальной реальности с участием искусственного интеллекта. С возможными последствиями в изменении образа жизни людей и их культурных представлений связаны культурные эффекты внедрения конвергенции и ее проникновения в жизнь человечества.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенность современного технологического уклада заключается в том, что его технико-технологическая структура вторглась в природу и культуру человека, иницируя ее качественные изменения. В этой связи не случайным представляется совпадение во времени становления шестого технологического уклада и обсуждение темы постчеловеческого существования как важнейшей социально-культурной проблемы.

Литература

1. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека [Электронный ресурс] // Вопр. философии. – 2013. – № 3. – С. 12–21. – URL: http://vphil.ru/index.php?id=717&option=com_content&task=view (дата обращения: 05.03.2016).
2. Басалаев Ю. М., Басалаева О. Г., Игишева Ю. Н., Печеная Е. С., Усов А. В. Наноиндустрия и информационные технологии как приоритеты постсовременного общества // Междунар. журн. эксперимент. образования. – 2015. – № 9. – С. 116–117.
3. Басалаева О. Г. Специфика информационной реальности в информационной картине мира // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 29/1. – С. 76–81.
4. Басалаева О. Г., Валялина А. С., Салебо А. В. Новая парадигма образования в условиях перехода от общества знания к обществу конвергенции наук и технологий [Электронный ресурс] // Мир науки. – 2015. – № 3. – URL: <http://mir-nauki.com/issue-3-2015.html> (дата обращения: 11.01.2016).
5. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М., 2010. – 254 с.
6. Стенограмма выездного пленарного заседания и «круглого стола» Комитета Государственной думы по науке и наукоемким технологиям. Московская школа управления «Сколково» [Электронный ресурс]. – М., 2010. – URL: <http://www.smolin.ru/actual/public/pdf/stenogramma-skolkovo.pdf> (дата обращения: 06.01.2016).
7. *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* [Электронный ресурс] / Edited by Mihail C. Roco and William S. Bainbridge, National Science Foundation. – Arlington, 2002. – URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf (дата обращения: 12.02.2016).
8. Lukina N.P., Samokhina N.N. Revisiting the Distinctive Features of the Information Society's Technological Structure // *Review of European Studies: Published by Canadian Center of Science and Education*. – 2015. – № 7. – P. 152–157.

References

1. Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I., Chekletsov V.V. "Tekhnolyudi" protiv "postlyudey": NBICS-revoljutsiya i budushchee cheloveka ["Technohuman" versus "posthuman": NBICS-revolution and future of humanity]. *Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]*, 2013, no. 3, pp. 12-21. (In Russ.). Available at: http://vphil.ru/index.php?id=717&option=com_content&task=view (accessed 05.03.2016).
2. Basalaev Yu.M., Basalaeva O.G., Igisheva Yu. N., Pechenaya E.S., Usov A.V. Nanoindustriya i informatsionnye tekhnologii kak priority postsovremennogo obshchestva [Nanoindustry and information technology as the priorities of the post-modern society]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'noy obrazovaniya [International Journal of Experimental Education]*, 2015, no. 9, pp. 116-117. (In Russ.).
3. Basalaeva O.G. Spetsifika informatsionnoy real'nosti v informatsionnoy kartine mira [Specificity of information reality in information world-view]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no. 29/1, pp. 76-81. (In Russ.).
4. Basalaeva O.G., Valyalina A.S., Salebo A.V. Novaya paradigma obrazovaniya v usloviyakh perekhoda ot obshchestva znaniya k obshchestvu konvergentsii nauk i tekhnologii [The new paradigm of education in the transition from a society of knowledge to society Convergence Science and Technology]. *Mir nauki [World of science]*, 2015, no. 3. (In Russ.). Available at: <http://mir-nauki.com/issue-3-2015.html> (accessed 11.01.2016).
5. Glazyev S.Yu. *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa [The strategy of advancing the development of Russia in the global crisis]*. Moscow, 2010. 254 p. (In Russ.).
6. *Stenogramma vyezdnoy plenarnoy zasedaniya i "kruglogo stola" Komiteta Gosudarstvennoy Dumy po nauke i naukoemkim tekhnologiyam. Moskovskaya shkola upravleniya "Skolkovo"* [Transcript of the plenary session and exit the "round table" State Duma Committee for Science and High Technology Moscow "Skolkovo" Management School]. Moscow, 2010. (In Russ.). Available at: <http://www.smolin.ru/actual/public/pdf/stenogramma-skolkovo.pdf> (accessed 06.01.2016).
7. *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. 2002. Edited by Mihail C. Roco and William S. Bainbridge, National Science Foundation. Arlington, 2002. (In Engl.). Available at: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf (accessed: 12.02.2016).
8. Lukina N.P., Samokhina N.N. *Revisiting the Distinctive Features of the Information Society's Technological Structure*. Review of European Studies. Canadian Center of Science and Education Publ., 2015, no. 7, pp. 152-157. (In Engl.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART HISTORY

УДК 7

Н. В. ЛЫСЕНКО: У ИСТОКОВ ДЕТСКОЙ ОПЕРЫ (к 175-летию со дня рождения композитора)

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ). E-mail: lesovichenko@mail.ru

Статья посвящена характеристике детских опер классика украинской музыки Н. В. Лысенко, которые занимают ключевое место в раннем периоде истории жанра. Три детские оперы композитора – «Коза-дереза» (1888), «Пан Коцкий» (1891), «Зима и Весна» (1892) – представляют собой опыт системного погружения детей в оперное искусство через постепенное освоение его элементов по мере взросления. Показано символическое содержание первых двух опер в пределах фольклорной традиции «сказок о животных» и аллегории – в третьей. Осмыслены средства, использованные композитором в музыковедческом и педагогическом аспектах. «Коза-дереза» – наиболее простая из опер Лысенко. Фольклорные средства выявляются на разных уровнях – образно-тематическом, драматургическом, формообразующем. По своей структуре «Коза-дереза» приближается к игровым и хороводным песням, наипростейшим (кумулятивным) сказкам с сюжетным нанизыванием и рефренным включением. Опера «Пан Коцкий» по структурным и драматургическим принципам представляет собой полноценную оперу в адаптированном для детей виде. Имея четыре небольших акта, она включает в себя развитые арии, хоры, ансамбли, инструментальные эпизоды. «Зима и Весна» – наиболее сложна и по композиционному решению, и по уровню требований к исполнителям. Определена она авторами как «фантастическая». По содержанию представляет собой аллереорию смены времён года. Композитор пользуется обобщенными характеристиками для изображения персонифицированных сил природы.

Ключевые слова: украинская музыка, сказка о животных, аллегория, оперная драматургия, лейт-комплексы, фольклорные интонации.

N.V. LYSENKO: THE SOURCE OF CHILDREN'S OPERA (to 175th Anniversary of the Composer)

Lesovichenko Andrey Mikhaylovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Folk Art Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lesovichenko@mail.ru

The article is dedicated to the children's opera by M. Lysenko. The composer has a key place in history of this genre. Three operas: "She-goat Deresa" (1888), "Mister Catlike" (1891), "Winter and Spring" (1892) are experience of a system education of opera's art. It is the first classic children's opera in history of music. The first opera "She-goat Deresa" is a short comic work written for little children (6-7 years). Lysenko used many folk melodies. A music composition has attributes of a big opera. There are arias-songs, choruses, instrumental introduction etc. Two-three motives in the piano part and we have a musical portrait of any

animals. The same bright is the song of She-goat. Lysenko wrote an easy vocal party, which can be sung by children. Its melodies are duplicated in the piano but the composer decided on many creative problems. Second opera is "Mister Catlike." It is a short comic work too (in four movements). It is a whole opera in miniature. Intonated material in this work is not folk but it is based on elements of Ukraine melodies. Very interesting decisions used in the portraits of main personages: Cat, Fox, Bear, Wolf, Wild Boar and Hare. First and Third movements in the opera have a large plan, Second and Forth are in a common plan. "Animal epos" of Lysenko's operas is a beginning of this theme in the history of genre. Third opera "Winter and Spring" is some complicated from the trilogy. It is named "Fantastic." Many children's voices are in the opera and three grown-up singers too (Froze, Old Snow Men, Winter). Large place in opera have a folk custom.

Keyword: Ukrainian music, fairy tales about animals, allegory, opera's dramaturgy, leitmotiv, folk intonation.

Одним из крупных юбилеев в календаре художественной жизни текущего года, несомненно, является 175-летие Николая Витальевича Лысенко, композитора, которого К. С. Станиславский назвал «солнцем украинской музыки» (см. [3, с. 127]). Самобытный музыкант, Лысенко оставил глубокий след во всех сферах творчества, которыми занимался. Однако есть одна, где он не просто стал национальным интерпретатором существующей европейской традиции, но фактически заложил основы новой жанровой модели. Это детская опера.

Формально до Лысенко такого рода сочинения уже существовали, по крайней мере, с начала 80-х годов XIX века. Авторами их были А.-Э. Бюхнер, Н. П. Брянский. Но это были скорее любительские опыты, нежели собственно композиторские работы. Украинский классик раньше других обратился к этому жанру, создав три оперы, содержащие не только хорошую музыку, но выполняющие ещё и ясно выраженную методическую задачу (Лысенко работал учителем музыки и имел компетентные понятия в этих вопросах).

К сожалению, историческое значение наследия композитора в общеевропейском контексте осмыслено и оценено недостаточно. Музыка его за пределами Украины исполняется крайне редко. Хотелось бы в дни юбилея обратить внимание на личность и сочинения большого мастера.

Н. В. Лысенко – автор 10 опер, среди которых «Рождественская ночь», «Тарас Бульба», «Энеида», «Ноктюрн», а также музыкально-драматического произведения, переросшего в оперу – «Наталка-полтавка» – любимого опуса самодеятельных коллективов по всей России на рубеже XIX–XX веков. Лысенко – талантливый

интерпретатор поэзии Т. Г. Шевченко в музыке, создавший на его тексты около 80 произведений – песен, романсов, хоров, хоровых поэм, кантат. Следует упомянуть некоторые из них: поэму «Иван Гус», кантаты «Бьют пороги», «Радуйся, нива неполитая», «На вечную память Котляревскому». Лысенко – основоположник ряда инструментальных жанров украинской музыки, автор симфоний, квартетов, струнных трио, более 50 фортепианных сочинений; собиратель и исследователь украинского фольклора и фольклора других славянских народов.

Заметный след оставила деятельность Н. Лысенко как хорового дирижёра, организатора любительских хоров, педагога. Среди воспитанников его школы – виднейшие украинские композиторы: Л. Ревуцкий, А. Кошиц, К. Стеценко и др. Кроме всего прочего, Лысенко был крупным деятелем украинского национального движения.

Композитор родился в с. Гриньки на Полтавщине в семье небогатого помещика. Учился в Киевском пансионе и Харьковской гимназии. Одновременно частным образом занимался на фортепиано. В 1865 году окончил естественный факультет Киевского университета как биолог. В 1867–1869 годах обучался в Лейпцигской консерватории. В 1874–1876 годах совершенствовал своё мастерство в Санкт-Петербурге под руководством Н. Римского-Корсакова.

Вклад Н. Лысенко в детскую музыку составляют несколько десятков обработок украинских песен для детского хора и три детские оперы: «Коза-дереза» (1888), «Пан Коцкий» (1891), «Зима и Весна» (1892). Ценность опер не только в том, что они оказались в числе первых сочинений этой разновидности жанра, но главное – здесь

впервые от произведения к произведению проведена методическая задача музыкального развития учащихся. Новаторство Н. Лысенко как оперного композитора проявилось в последовательной ориентированности оперной трилогии на детское исполнение и слушание: «Коза-дереза» адресована дошкольникам, «Пан Коцкий» – младшим школьникам, «Зима и Весна» – детям старшего возраста. По нашей классификации [2], оперы Лысенко должны быть отнесены к типу «Музыка для детского исполнения» в подгруппе Б «Музыка для детей в совместном исполнении со взрослыми».

Автором либретто детских опер была, в основном, украинская писательница Дніправа Чайка (Л. Василевская).

Путь овладения детьми спецификой оперного искусства, по мнению композитора, мог проходить через народную музыку, знакомые мелодии, образы сказок и народной поэзии. Отсюда фольклоризация жанра, которая наблюдается в его детских театральных сочинениях.

Детские оперы Лысенко неоднократно становились предметом музыковедческих рефлексий на Украине. Можно вспомнить работы А. И. Герман [1], Н. Андриевской [6], Р. А. Сулим [9], Н. Г. Мозгалёвой [8]. Однако аналитический подход, избранный в настоящей работе, не дублирует ни одно из названных исследований.

Первым и самым известным сочинением в этом ряду является «Коза-дереза» – детская комическая опера в одном действии (1888). «Коза-дереза» – наиболее простая из опер Лысенко. Это музыкальная инсценировка сказки о хитрой Козе, коварство которой побеждается дружбой зверей.

Фольклорные средства оперы выявляются на разных уровнях – образно-тематическом, драматургическом, формообразующем. По своей структуре «Коза-дереза» приближается к игровым и хороводным песням, наипростейшим (кумулятивным) сказкам с сюжетным нанизыванием и рефренным включением, подобно известным сказкам про Рукавичку, Репку, Колобка и т. д. Каждый раз после эпизода с новым персонажем в опере повторяется рефрен-ответ «Я Коза-дереза», который придаёт сочинению в целом рондообразную форму. Мелодия рефрена основана на интонациях народной песни «Бігло, бігло козенятко».

Украинская песенность пронизывает весь мелос оперы. Для каждого персонажа композитор

подбирает соответствующие их образному строю фольклорные мелодии. Учитывая условия детского исполнения, Лысенко обращается к песням с ограниченным диапазоном, лёгким для запоминания. Так, музыкальный портрет весёлой и аккуратной Лисички «нарисован» мелодией, близкой шуточной песне «Казав мені батько» Зайчика, – народной песней «Добрий вечір, дівчинонько». Для характеристики Рака использована мелодия украинской песни «І шумить, і гуде», Волка – шуточной песни «Ой, під вишнею», а для Медведя выбрана колядка «Ходив-походив місяць» [7, с. 209].

Сюжет сказки достаточно известен. Однако имеет смысл изложить его в той версии, которая осуществлена в опере.

Пролог. Дед купил на базаре козу и отправил жену пасти её. После возвращения спрашивает: «Что ты пила, что ела?». Задиристая Коза отвечает, что осталась голодна: «Когда бежала через мостик, схватила кленовый листик, выпила водицы капельку». Назавтра дед пошёл пасти Козу сам. Вернувшись домой, стал задавать те же вопросы, но глупая и вредная Коза не узнала деда и отвечала так же. Дед рассердился и решил Козу зарезать, но она вырвалась и убежала в лес.

Сцена в лесу. Возле дуба – Лисичкин домик. В него вбегает Коза, прячется, толчётся, топает. В это время из леса возвращается Лиса с цветами. Спрашивает: «Кто, кто пришёл в гости?». Коза отвечает: «Я Коза-дереза. Затопчу ногами, заколю рогами. Тут тебе и смерть». Появляются по одному: Зайчик, Волк, Медведь. Все жалеют Лису и пытаются выгнать из её хаты страшное незнакомое чудище, но Коза пугает всех своей песенкой. Наконец, приползает Рак. Узнав в чём дело, он свистом собирает всех обитателей леса и вытягивает Козу клешней из хаты. Звери наказывают Козу.

В музыкальной композиции, несмотря на краткость, есть все атрибуты «взрослой» оперы: миниатюрные арии-песенки и хоры, вместо речитативов – диалоги на песенных мотивах, инструментальное вступление.

Чётко отделён пролог не только сюжетно, но и музыкально. Здесь решающую роль играет хор – комментатор событий (в противоположность этому – в завершающем хоре оперы звери являются участниками действия).

В основной сцене музыкальные образы создаются, в большой мере, инструментальными средствами, поскольку вокальные партии зачастую являются перетекстовками народных песен или строятся на их материале. Двумя-тремя штрихами композитор даёт музыкальный портрет персонажа. Например, заячьи прыжки – многозвучными форшлагами, мягкий вкрадчивый характер Лисы – нисходящими терциями, агрессивность Волка, кланье его зубов – сильно акцентированными восходящими мотивами, тяжёлую неповоротливость Медведя – нисходящими аккордовыми последовательностями. Образ цепляющегося за ветви Рака показан последовательностью ломаных альтерированных интервалов. Наилучшей характеристикой упрямства, решительности и неуступчивости Козы является основная рефренная мелодия «Я Коза-дереза».

Значительным средством музыкально-драматического развития стал тональный план. Если в повествовательном прологе господствует g-G, то в основной картине появление нового персонажа связано с новой тональной краской. Начав действие в тех же тональностях, Лысенко подчёркивает появление Зайца сдвигом в F-dur (на два знака). Грозный ответ Козы Зайцу звучит в f-moll. Партия Волка даёт сдвиг на 5 знаков в E-dur. **Коза устрашает Волка в As-dur, но похвывается, прогнав его, – в том же E-dur.** Медведь не столь чётко обозначен тонально. Здесь проходят уже звучавшие тональности – G-dur (в паре с e-moll), F-dur, E-dur, (ответ Козы – тональность «победы над Волком»). Появление Рака связано с переходом в самую дизезно-напряжённую тональность – H-dur. Видимо, её нужно понимать как краску торжества. Обращается к Лисе он в gis-moll. **Далее до конца оперы пройдут уже возникавшие тональности – As-dur, F-dur, g-moll и новые – C-dur (ответ Рака Козе), просьба Козы её пожалеть и B-dur (расправа над Козой).**

Поставив перед собой чёткие методические задачи – написать детскую оперу на фольклорном материале, при помощи средств, доступных детям не только в слушании, но и в исполнении, композитор пользуется весьма ограниченными средствами фортепианного сопровождения, где дублируются все вокальные партии, и короткими «проигрышами». Тем не менее, он сумел решить

достаточно самостоятельные творческие задачи. Это свидетельствует о том, что история детской оперы началась с высокохудожественного, по настоящему классического произведения.

Вторая детская комическая опера Лысенко «Пан Коцкий» (1891) реализована в четырёх действиях. По структурным и драматургическим принципам она представляет собой полноценную оперу в адаптированном для детей виде. Имея четыре небольших акта, включает в себя развитые арии, хоры, ансамбли, инструментальные эпизоды.

Сюжет сказки в общественной ситуации конца XIX века воспринимался как высмеивание верхушки общества, её лицемерия, склонности ко лжи. В связи с этим публикация клавира была запрещена цензурой, несмотря на то что социальная критика вряд ли подразумевалась авторами. Здесь точно воспроизведена популярная народная сказка, принадлежащая к типу «сказок о животных», который восходит к очень древним пластам культуры. В этих памятниках, по словам видного исследователя фольклора В. Я. Проппа, «обман предполагает превосходство хитрого над глупым и простодушным... вызывает восхищение» [4, с. 30].

Подход композитора к народно-песенному материалу в «Пане Коцком» иной, нежели в «Козе-дерезе». Для раскрытия образов Лысенко, наряду с цитированием, творчески использует интонации песен близкого жанрового круга. Так, начальный раздел арии Лисицы из 1-го действия, где она жалуется на свою беду, связан с мелодическими оборотами песен про несчастную женскую долю. Интонационно она родственна, например, мелодии песни «Ой, Боже, Боже, коли той вечер буде?». А середина арии, в которой Лисица «весела, лукава и зверям и людям долго допекала», близка шуточным, танцевальным песням типа «Дід рудий». Для изображения характерной сценической ситуации Лысенко нередко обращается к песням с аналогичным сюжетом. Трио Волка, Медведя и Кабана из 2-го действия, по сути, есть инсценировка юмористической песни «Ой, хто п'є, то той кривиться». В опере присутствуют сатирические, шуточные мелодии. Тут использованы, в частности, «Гречаники», «Кисель», «Ой, куме, куме, добра горілка» и др.

События развиваются в опере следующим образом.

1-е действие. Возле своей запущенной хаты сидит Лисица, поет жалостливую песню и плачет о скорбной вдовьей доле. Вбегает взъерошенный Кот, мяукает и шипит. Из его монолога ясно, что он с трудом сбежал от хозяина, который хотел с ним расправиться. Испуганная неожиданным появлением Кота, Лисица, услышав о его несчастной доле, выходит из укрытия, знакомится, приглашает в хату. Кот, представившись кошачьим гетманом, паном Коцким, обещает Лисе защиту, похвляясь тем, что ловил в доме хозяина 10–20 крыс за ночь. Подслушавший разговор, Заяц убегает с перепугу. Лиса и Кот довольны. Если знать, как дурачить лесных жителей, – здесь можно жить припеваючи.

2-е действие. Логово медведя. Медведь, Волк и Кабан пьют горилку. Кабан печалится, что получил отказ, сватаясь к Лисице. Вбегает Заяц. В ужасе рассказывает о появлении в лесу Страшилища, которое поселилось у Лисы. Посоветовавшись, звери решили пригласить Кота вместе с Лисой на обед – познакомиться и посмотреть, насколько он опасен. Поручают Зайцу передать приглашение.

3-е действие. Лисица убирает возле хаты и поет о том, какой плохой муж Кот: умеет лишь хвастать, а сам ленивый, дурной, благо еще хоть веселый. Из кустов выскакивает Заяц. Передает приглашение на обед и перечисляет, какие блюда там будут. Из хаты раздается голос Кота: «Мало! Мало!». Заяц в ужасе убегает. Кот выходит из дома и требует есть. Лиса напоминает, в каком виде он пришел к ней. Кот извиняется. Лиса сообщает, что звери зовут на обед, а это очень опасно. Но Кот говорит, что его не нужно учить, как обвести вокруг пальца. Несмело, с поклоном входит Заяц. Теперь уже официально передает приглашение зверей из темной дубравы. Кот отвечает грозно: «Скажи им всем: как рассержусь – всех поем».

4-е действие. Звери ждут гостей. Услышав, что Кот приближается, Медведь лезет на дуб, Волк прячется за колоду, Кабан – в кусты. Кот: «Мало, мало, мало!». Кабан, крутнув хвостом, зашумел. Кот, думая, что это крыса, бросается на Кабана. Кабан бежит и с размаху ударяется о дуб. Медведь падает на Волка. Все в испуге бросаются в разные стороны. Лисица смеется, взявшись за бока.

Драматургическое решение оперы отличается от «Козы-дерезы». Если там вокальные фрагменты носили характер законченных песенных построений, то в «Пане Коцком» господствует гибкий разомкнутый музыкальный материал, довольно чутко реагирующий на характер литературного текста, но организован он не речитативно, а песенно, на основе украинского мелоса. Возникает аналогия с ранними формами итальянской *dramma per musica* (Лысенко вряд ли имел о них понятие), хотя при совершенно ином интонационном наполнении. Средством оттенения тех или иных смысловых моментов при пении, подобно *ritornelli* ранних музыкальных драм, служат краткие инструментальные проигрыши.

В результате складывается текучая, внутренне органично связанная песенно-повествовательная музыкальная ткань. В ней прорисовываются портретные характеристики персонажей, поскольку музыка в основном реагирует на характер конкретных словесных реплик, зависящих, в свою очередь, от сценической ситуации. Тем не менее, в совокупности, из музыкального текста складывается представление о героях оперы.

К примеру, Кот, впервые появляясь на сцене после долгого бега, обозленный и ощерившийся, охарактеризован компактными акцентированными аккордами с многозвучными форшлагами. Жалея себя, он поет кантиленно. В знакомстве с Лисой его реплика звучит в «гордом» *Es-dur*, величаво-торжественно. Заигрывая с Лисой, Кот кокетлив, что подчеркивается вкрадчивым стаккато аккомпанемента («ти, Лисичко, ти вдовичко»). Важное в его партии слово «Мало!» везде звучит хамовито-раскатисто. Реплики в 3-м действии, где Кот требует еды, вальяжны, произносятся с высокомерием, и, напротив, извинение перед Лисой – умиротворяюще. В целом портрет Кота получается молодцеватый.

В партии Лисицы тоже есть различные краски. Причем это единственный персонаж, получивший две развернутые сольные характеристики – песни-арии. Первая из них (начало 1-го действия) многосоставная. Складывается из 6 построений, где два начальные, точно повторенные, передают тоскливое настроение персонажа (*a-moll*). Два следующих (тоже точно повторенные) – лукавое воспоминание о шкодах прошед-

ших времен (G-dur). Пятое (снова a-moll) – строится на свободно развитых элементах материала первой части арии. Шестое – точная реприза. Вторая ария (начало 3-го действия) состоит из трех разделов – два первых (второй – куплетное повторение первого) – ворчание на Кота (Andante moderato, G-dur), третий – радостное предвосхищение грядущих успехов в жизни с этим веселым дураком (Giocoso, a-moll-G-dur). В целом композиция складывается в форму бар (ААБ). Материал первой части второй арии впервые звучит при знакомстве Лисы с Котом. Получается, что эта тема взаимоотношений героев (почти что тема любви). Развитие этого материала порождает мелодию жалобы Лисы на врагов («І я, бідна, як и ти, вороженьків маю»). Ближе к этому материалу лирическое обращение – побудка «Котохвіку, годі тобі спати» в 3-м действии.

Иная грань образа Лисы – «упоение победой» – возникает на танцевальной основе: смех над убегающим Зайцем в 1-м действии и смех в конце оперы.

Решительной, даже агрессивной предстает Лисица в диалоге с Зайцем в 3-м действии, где она угрожает расправой Кота (es-moll, активные восходящие октавы). Весьма упругая музыка характеризует героиню в момент ссоры с мужем («Ой, не дуже бадьорися, мене не злякаєшь»).

Пожалуй, партия Лисы самая многоплановая в опере.

Единственный персонаж, который присутствует на сцене во всех четырех действиях – Заяц. Однако в музыкальном отношении его партия не очень разнообразна. Здесь господствует испуганность, дрожание. Высказывается он коротко и как бы по необходимости. Мелодии в партии Зайца в основном минорные, в аккомпанементе – репетиции, тремоло. Панический бег изображается быстрыми пассажами, иногда по хроматической гамме (например, в 3-м действии). Любопытно, что в 1-м действии вокальная партия Зайца – всего два такта выкриков «Ай-ай-ай», а бег его продолжается в сопровождении на протяжении всей последующей реплики Лисы (12 тактов). Единственный раз Заяц поет в мажоре – в момент передачи официального приглашения на обед, но и здесь речь его как бы на коротком дыхании от испуга – фразы по 1–2 тактам. Перед началом он долго со-

бирается с духом, что изображено повторением двухзвучной формулы в пунктирном ритме.

Средства из партии Зайца в 4-м действии используются для изображения всеобщего страха.

Характеристики жителей темной дубравы – Медведя, Кабана и Волка – довольно краткие и не очень дифференцированные между собой. Не случайно, их экспозиция совместная – терцет 2-го действия. Неторопливое тяжеловесное движение, активное использование низкого регистра в сопровождении – главные средства.

Важный драматургический прием использует композитор при организации каждого акта – проистекание действия из начального экспозиционного номера, где не происходит никаких событий: в 1-м и 3-м актах – арии Лисы, во 2-м действии – трио Медведя, Кабана и Волка, в 4-м действии – песня-хор зверей «Кабан каплоухий». Больше в опере нет музыкальных фрагментов, которые имели бы подобную степень законченности и отчлененности от остального текста. Это интонационный и динамический узел, своего рода, разбег. Думается, эти номера взяли на себя роль инструментальных вступлений. Недаром начальные инструментальные построения перед действиями являются подготовкой, прежде всего, к этим вокальным номерам. Причем, если во 2-м и 3-м актах они все-таки развернутые и образно выразительные, то перед 1-м действием, где можно было ожидать увертюру, звучит буквально 4 настроенных такта.

Интересно распределены функции действий: 1-е и 3-е – крупный план. Здесь основное внимание уделено Лисе и Коту, соответственно – сольные и ансамблевые музыкальные фрагменты. 2-е действие преимущественно ансамблевое, с включением хора и менее значимых сольных построений. Наконец, в 4-м действии на переднем плане оказывается хор, массовые сцены, в которые вписаны сольные партии и ансамбли. Таким образом, прорисовывается явная ямбическая логика организации целого.

«Пан Коцкий» – самобытное произведение, обладающее глубоким художественным смыслом и прекрасно сделанное технически.

Заканчивая наблюдения над этим произведением, следует обратить внимание на то, что две первые детские оперки Лысенко, основанные на

сказках «звериного эпоса», открывают в истории классической оперы новое сюжетное направление, довольно широко развитое в XX веке.

Третья детская опера Лысенко «Зима и Весна» (1892) – наиболее сложна и по композиционному решению, и по уровню требований к исполнителям. Определена она авторами как «фантастическая». По содержанию представляет собой аллгорию смены времён года.

Даже при исполнении детьми старшего возраста, имеющими достаточно серьёзную музыкальную подготовку, здесь необходимо участие взрослых: три партии мужских голосов (Мороз – баритон, Дед-снеговик – бас, Ветер – тенор). Кроме того, развитая инструментальная часть текста, особенно увертюра, требует обращения к профессиональному оркестру. Интонационное решение тесно связано с украинским народным мелосом, однако здесь, как и в «Пане Коцком», цитирование мелодий незначительно. Композитор пользуется обобщенными характеристиками для изображения персонифицированных сил природы. Для создания образа Осени используются обороты песен про тяжкую женскую долю, например: «Червоной ружі», «Піють півні» и др. Метелица охарактеризована мелодией одноименного народного танца. В арии Зимы «Ой, Морозе, ще це буде» мелодика приближается к интонациям народных голошений типа «Челедоньки-голубоньки» [8, с. 210]. Для воспроизведения народных обрядов, занимающих в опере большое место, Лысенко обращается к материалу собственных сборников народных мелодий и использует те, которые наилучшим образом подходят для детского исполнения по диапазону и фактуре.

Сюжет оперы следующий.

1-е действие. На сцене спит Осень в своей хате. Увидев, входящего в двери Мороза бежит из угла в угол, пытаясь спрятаться. Мороз надевает на нее торбу и с руганью выгоняет за порог. Осень с плачем пытается уговорить Мороза позволить ей остаться, чтобы ухаживать за могилой сына – Лета, но Мороза эти уговоры не трогают. После ухода Осени забегает веселая компания: хлопец Веретено, хлопец Гребень, девка Прядка, Баба-сказка, Дед-ворожбит, которые пляшут и поют, закликая Царицу-Зиму. Входит Зима, в сопровождении Метелицы, Гололедицы, Деда-снеговика

и Ветра. Мороз Зимой недоволен: и снег слишком обильно тратит, и Ветер у нее слишком ненадежный, и Гололедица чересчур щедро разбрасывает кристаллы льда, и Метелица гуляет без меры. Зима его успокаивает, но Мороз все равно недоволен, поскольку уверен, что окончит свою жизнь в одной из здешних луж. Наконец, все рассказываются: Зима с Морозом на троне. Снеговик перед ними, Ветер и Гололедица – по бокам. Массовая сцена колядования и славения Зимы.

2-е действие. За банкетным столом сидят: Зима, Мороз, Метелица, Гололедица, Сказка, Ворожбит, Масленица-девица и др. Славят Зиму. В самый разгар веселья в окно стучит Сыч, предупреждая, что пора убегать – грядет Сретенье с Касьяном-Явдохой (церковные праздники, по которым определяют приход Весны). Зима просит Мороза ударить покрепче, заморозить Сыча с Сорокой. Мороз исполняет просьбу. Праздник продолжается.

За окном раздаётся веселый масляничный хор. Зима, предчувствуя близкий конец, просит защитить ее. Мороз, Гололедица и др. обещают помочь. Хор за сценой поет веснянку. Появляется Весна-красна в сопровождении девушек и парней. Поет о тепле, зеленом лесе, журчащем ручье. Прогоняет Зиму с ее свитой. Молодежь поет славу Весне, водит хоровод.

Персонажи оперы мало индивидуализированы. Они являются носителями идеи, поэтому рассматривать их отдельно необязательно.

Обратимся к музыкальному материалу, который гибко и разнообразно отражает все нюансы развития основных сюжетных ситуаций и образов. Особенно это касается персонажей, представляющих мир зимней природы. Весна и, тем более, Осень имеют менее развернутые музыкальные характеристики.

Основные лейткомплексы, примененные в опере, представлены впервые в увертюре, которая сочинена в форме фантазии: состоит из цепи разнохарактерных тематических фрагментов. Основным средством объединения является тональность F-dur, широко экспонированная в начале и возвращающаяся в конце. Реприза ощущается весьма отчетливо, поскольку перед этим проходит широкий круг тоналностей (B-dur, d-moll, D-dur,

C-dur, G-dur). Логика появления новых фрагментов продиктована драматургической коллизией сюжета. Это оркестровый аналог оперы.

Среди лейтинтонаций, использованных для характеристик «зимних» персонажей, особо выделяются следующие:

«поземка» – поступенное движение в ритме восьмая, две шестнадцатые, а также хроматические «пробеги»;

«ауканье» – мелодические ходы по квартам и квинтам;

«тройка с бубенцами» – аккордовый перезвон триолями в высоком регистре на равнодольном мелодическом движении в среднем;

«завывания» – быстрое движение по звукам аккордов, ломанными октавами или поступенные попевки к высокому опорному тону;

«ледяные столбы» – короткие моноритмические аккордовые последовательности.

Появление Весны предвосхищается колокольным перезвонком в хоре «На хрін, та на редьку». Непосредственно перед ее появлением – характерной триольной, затем трехдольной «раскачкой» и мелодией в духе заклички – «Весна іде, тепло несе». Важным выразительным средством становятся «скатывающиеся ручейки» – нисходящие септолы, а затем и другие ниспадающие мелодические «пробеги».

Если в «зимних сценах» музыкальный материал имеет тенденцию к восходящему движению, то в «весенних» – больше «скатывающихся» (но не ниспадающих!) звучаний.

В таком контексте даже общие с зимними интонационные элементы (квинтовые «перекаты», аккордовые «славильные» мотивы) в смысловом отношении оказываются диаметрально противоположными.

Показательно, что образ Осени тоже связан с нисходящим движением, но там оно трактовано как «никнущее».

Тонко и изящно решены хоровые фрагменты. Лысенко пользуется скромными средствами, доступными детскому хору, весьма изобретательно расцветивая основной голос подголосками. В некоторых случаях получают весьма оригинальные решения. Например, в сцене колядования в 1-м действии одновременно сочетаются песни христорождественского содержания: «Нова ра-

дось да стала» (типа польской календы) и колядка «Щедрик-ведрик». Первая – степенная широкого дыхания, в диапазоне октавы и размере 3/4, вторая – суетливая речитация в пределах терции (размер 3/8). Хор из 2-го действия «На хрін, та на редьку» сделан почти по-свиридовски: простенькая мелодия масляничной песни звучит на фоне «колокольных аккордов», обобщающих звуки этой мелодии в вертикаль (тоническое трезвучие с секстой в различных обращениях и доминантсептаккорд с квинтой вместо терции).

Драматургически развитие каждого действия направлено к концу, где итоговую роль играет массовая обрядовая сцена: в 1-м действии – колядование и пляска (метелица), во 2-м действии – закликание весны.

В отличие от первых двух детских опер Лысенко, написанных на «звериные» сюжеты, не имеющих до него аналогов в классической опере, «Зима и Весна» развивает идею, уже использованную в Прологе к «Снегурочке» Н. Римского-Корсакова (1884). Там тоже действуют аллегории времен года, используется календарный фольклорный материал. Однако опера украинского композитора уникальна в том отношении, что здесь впервые календарные обряды становятся основным содержанием произведения. Если у Римского-Корсакова аллегории используются для пояснения дальнейшего сюжета, то у Лысенко фантастические образы рождаются в обрядах и растворяются в них. Это интересный опыт драматизации естественного хода природных событий, выраженный через композиторское переосмысление календарного фольклора.

Изучение детских опер Лысенко возможно в разных вариантах. Прежде всего, постановка опер целиком. Это лучшая форма, но не всегда возможная. Может быть исполнение фрагментов – сольных или хоровых. В курсе музыки в общеобразовательной школе реально слушанье и обсуждение этих произведений.

Последняя форма работы может строиться на обсуждении конкретных вопросов по тексту опер. Например, применительно к «Козе-дерезе» стоит поставить вопрос о сценическом решении сцены «расправы над Козой». Целесообразно попросить описать средства, которые использует композитор для выражения печали Лисички, или охарактери-

зывать средства музыкальной выразительности в рефренной теме «Я Коза-дереза».

В связи и с «Козой», и с «Паном Коцким» можно дать задание найти сведения о других музыкальных сочинениях на «звериную» тему. Интересно обсуждение драматургии сочинения, в частности, характеристика главной кульминации оперы. Имеет смысл обсудить политические ассоциации, которые могли вызвать цензурный запрет «Пан Коцкий».

Относительно «Зимы и Весны» интересно порассуждать о том, какие сцены оперы могли бы использоваться самостоятельно в концертной

практике или как соотносится музыка увертюры с остальным материалом оперы.

Знакомство с детскими операми Н. В. Лысенко очень полезно в процессе воспитания детей и полностью вписывается в систему любительского музицирования, которое исследователи характеризуют как «самую благоприятную микросреду для формирования эстетического отношения к действительности и искусству, усиления познавательных возможностей личности, стимулирования развития коммуникативных качеств, создания нравственно-психологической атмосферы творческого соревнования и сотрудничества» [9].

Литература

1. Герман А. И. Детская опера русских и украинских композиторов: дис. ... канд. музыковедческих наук. – Киев, 1947. – 202 с.
2. Лесовиченко А. М. Детская музыка как область композиторского творчества. – Саарбрюккен: LAP, 2012. – 287 с.
3. О музыке и музыкантах: афоризмы, мысли, изречения, высказывания / сост. Е. С. Райзе. – Л.: Музыка, 1969. – 168 с.
4. Пропп В. Я. Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
5. Смирнов Я. Ю. Система музыкально-эстетического воспитания детей, подростков, молодёжи и пути повышения её эффективности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33, ч. 1. – С. 194–202.
6. Андрієвська Н. Дитячі опери М. Лисенка. – Київ: Держ. вид-во образотв. мистец. і муз. л-ри УРСР, 1962. – 76 с.
7. Історія української музики / від. ред. Т. П. Булат – Київ: Наукова думка, 1989. – Т. 2. – 464 с.
8. Мозгальова Н. Г. Дитячі опери українських композиторів в практиці інструментально-виконавської підготовки вчителів музики [Електронний ресурс]. – URL: http://www.nbuu.gov.ua/old_jrn/Natural/Vznu/ped/2010_1/080-83.pdf.
9. Сулім Р. А. Дитячі опери М. Лисенка та їх сценична доля. – URL: http://www.knmau.com.ua/chasopis/15_NBUV/docs/13_sulim.pdf.

References

1. German A.I. *Detskaya opera russkikh i ukrainkikh kompozitorov: dis. kand. muzykovedcheskikh nauk [Children opera by Russian and the Ukrainian composer. Diss. PhD in Musicological Sciences]*. Kiev, 1947. 202 p. (In Russ.).
2. Lesovichenko A.M. *Detskaya muzyka kak oblast' kompozitorskogo tvorchestva [Children music as sphere of composer create]*. Saarbrucken, LAP Publ., 2012. 296 p. (In Russ.).
3. *O muzyke i muzykantakh: aforizmy, mysli, izrecheniya, vyskazyvaniya [About music and musicians: aphorism's, thought's, saying, opinion's]*. Compiled by E.S. Rayze. Leningrad, Muzica Publ., 1969. 168 p. (In Russ.).
4. Propp V.Y. *Poetika fol'klora [Poetics of folklore]*. Moscow, Labirint Publ., 1998. 352 p. (In Russ.).
5. Smirnov Y. *Sistema muzykal'no-esteticheskogo vospitaniya detey, podrostkov, molodezhi i puti povysheniya ee effektivnosti [System of music-esthetic's bringing up of children, teenager's, youth and rise of its effective]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 33, part 1, pp. 194-202. (In Russ.).
6. Andrievska N. *Dityachi opery M. Lysenka [Children opera's by M. Lysenko]*. Kiev, 1962. 76 p. (In Ukr.).
7. *Istoriya ukrains'koï muziki [History of Ukrainian music]*. Ed. T. Bulat. Kiev, Naukova dumka Publ., 1989, vol. 2. 464 p. (In Ukr.).
8. Mозgaleva N.G. *Dityachi operi ukrains'kikh kompozitoriv v praktitsi instrumental'no-vikonavs'koï pidgotovki vchiteliv muziki [Child's operas of Ukrainian composers in practice of instrumental-performance preparation of teachers of music]*. (In Ukr.). Available at: http://www.nbuu.gov.ua/old_jrn/Natural/Vznu/ped/2010_1/080-83.pdf.
9. Sulim R.A. *Dityachi operi M. Lisenka ta ikh stsenična dolya [Children opera's by M. Lysenko and it's scene fate]*. (In Ukr.). Available at: http://www.knmau.com.ua/chasopis/15_NBUV/docs/13_sulim.pdf.

УДК 78.01

А. В. МИХАЙЛОВ О ПРОБЛЕМЕ СЛОВА И МУЗЫКИ

Чигарева Евгения Ивановна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки, Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского (г. Москва, РФ). E-mail: echigareva@yandex.ru

В центре внимания автора статьи – размышления о взаимосвязи слова и музыки крупнейшего ученого А. В. Михайлова. А. В. Михайлов – уникальный пример универсального ученого, соединяющего в своем научном творчестве принципы мышления филолога, искусствоведа, переводчика, музыковеда. Комплексность его мышления очень важна для музыкальной науки, которая должна существовать в широком историко-культурном контексте. В статье проблема слова и музыки рассматривается в различных аспектах: слово в музыке (название, возможно – программа, эпиграф, ремарки – «словесные слои, окружающие музыку»); музыка в слове («Музыка как событие в истории слова»), музыкальность литературного произведения, «умолчанное слово» и «умолчанная музыка» (особенно важно в XX веке). Михайлов обращается и к стилистическим параллелям между писателями и музыкантами одной национальной традиции – в основном на материале австрийской литературы и музыки. Затрагивается проблема конкретной музыкальной организации литературного произведения. В статье также идет речь о возрождении сакрального значения молчания, тишины, паузы в музыке последних десятилетий XX века, о роли тайного слова, неслышимой музыки, безмолвия (это связано с понятиями Михайлова «умолчанное слово» и «умолчанная музыка»). Эти работы Михайлова – важный шаг в движении навстречу друг другу двух гуманитарных наук.

Ключевые слова: слово в музыке, музыка в слове, музыкальность литературного произведения, стилистические параллели.

A.V. MIKHAYLOV AND THE ISSUE OF THE WORD AND MUSIC

Chigareva Evgeniya Ivanovna, Dr of Art History, Professor of Department of Theory of Music, Moscow P.I. Tchaikovsky Conservatory (Moscow, Russian Federation). E-mail: echigareva@yandex.ru

The main thrust of this article is reflections on intercommunication between the word and music by man greatly renown A.V. Mikhaylov, a unique scholar with wide range of scientific interests. His creative works reflects him being a master of several branches of humanities, like philology, art criticism, translation activity and musicology. Understanding the complexity of his thinking is very important for music science, which exists, in the large historical-cultural context. In this article, the issue of the word and music is discussed in various aspects, the word in music (a title, possibly a programme, epigraph, remarks as “music enveloped in word layers”); music in the word (“Music as an event in the history of word”), musicality of a piece of literature, “a hidden word” and “a hidden music” (of special significance in the 20th century). Mikhaylov also turns to stylistic parallels between writers and musicians belonging to the same national tradition (largely on the material of Austrian literature and music). The author touches upon an issue of certain music organization of a given literary piece. She also discusses the revival of sacred meaning of silence, quietness, pause in music of the last decades of 20th century, discusses the role of a hidden word, silent music, stillness (ideas related to Mikhaylov’s concepts of “hidden word” and “silent music”). The works by Mikhaylov are a significant step in the direction of moving closer these two branches of humanities.

Keywords: word in music, music in word, musicality of a piece of literature, stylistic parallels.

Александр Викторович Михайлов представляет собой уникальный пример универсального ученого. Окончив в 1961 году романо-германское отделение филологического факультета МГУ, с 1977 по 1981 год он работал в Институте истории искусств (теперь ВНИИ искусствознания) в секторе эстетики, а после его разгона (по идеологическим причинам) – в секторе современного западного искусства. Там он защитил кандидатскую диссертацию по искусствоведению (1978, тема «Творчество и реальность в искусстве романтической эпохи от Фюссли до Вальдмюллера»). Но докторская диссертация, защищенная в 1989 году, была написана на филологическую тему («Диалектика литературной эпохи. Переход от романтизма к реализму в литературах Европы»). С 1981 до конца жизни (умер в 1995 году) Михайлов работал в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН, возглавляя отдел комплексных теоретических проблем (или другой вариант названия – «Отдел теории литературы»).

Музыку Александр Викторович очень любил и хорошо знал. Хотя он не получил специального музыкального образования, он серьезно (в детстве и отрочестве) занимался частным образом и даже сочинял. В 1990-е годы он читал отдельные лекции и вел факультативные курсы в Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского (далее – Консерватория), много общался с музыкантами, и эти связи были очень крепкими. Михайлов неоднократно выступал на музыковедческих конференциях, писал статьи на различные темы, при этом он всегда воспринимал музыку в широком культурном контексте. Показательны, например, темы циклов его лекций: «Музыка глазами филолога», «Музыка в истории культуры», «Герменевтические основания истории культуры», «История всеобщей литературы. Начало и конец европейской литературы». Изданный посмертно в Консерватории сборник музыковедческих статей Михайлова так и был назван: «Музыка в истории культуры» [6].

Таким образом, в научном творчестве Михайлова соединяется несколько специализаций гуманитарной науки: филология, философия, культурология, искусствоведение, музыковедение. Кроме того, он был блистательным переводчиком литературно-художественных и философско-эсте-

тических текстов XVIII–XX веков (Гёте, Гердер, Жан Поль, Гегель, Ницше, Хайдеггер, Ауэрбах, Адорно, М. Вебер, Шеллинг, Бретано). Это давало ему возможность мыслить комплексно, и потому его работы, в частности, по истории музыки, очень важны для музыкальной науки, необходимость включения которой в общий культурный контекст давно очевидна.

Среди многих проблем, встающих в трудах Михайлова, особое место занимает *проблема слова и музыки*, в которой отражены взаимосвязи литературы и музыки. Эта проблема давно привлекает внимание как филологов, так и музыкантов и активно обсуждается в научной литературе. Однако препятствием к ее решению является недостаточная осведомленность о специфике музыки филологов и литературы – музыковедов. Литература и музыка, хотя и имеют много общего (в частности, много общих терминов, однако часто различных по смыслу), но в целом идут параллельно друг другу, стремясь друг к другу, но, как правило, не пересекаясь. Понятно, что Михайлов, являясь профессионалом в каждой из этих областей гуманитарной науки, мог взглянуть на это явление другими глазами. Это новый этап в разработке проблемы «Слово и музыка»; его размышления на эту тему представляют большую ценность.

В 1993 году Александр Викторович организовал конференцию «Слово и музыка» – совместно филологов и музыковедов. Далее конференции стали ежегодными, они проводились в консерватории и были посвящены памяти Михайлова. Этих конференций прошло семь¹ – с обязательным приглашением филологов². Открывая первую конференцию, Михайлов сделал программный доклад, в котором поставил проблему тесных взаимосвязей музыки и литературы: «Слово и музыка: Музыка как событие в истории слова» [11].

¹ По материалам этих конференций издано два сборника статей [13; 14].

² Теперь эту эстафету подхватил ИМЛИ: благодаря инициативе Л. И. Сазоновой (в настоящее время возглавляющей Отдел теории литературы) здесь каждый год проходят Михайловские чтения (в декабре, ко дню рождения Александра Викторовича). В Михайловских чтениях по сложившейся традиции принимают участие и музыканты.

В значительной мере на материале этого доклада (хотя и не только) я построю свою статью.

Александр Викторович неоднократно высказывал мысль о различии специфики литературы и музыки. Так, например, в лекции, прочитанной в Консерватории 23 ноября 1993 года, он говорит о «конструкции как носителе смысла» [8, с. 717], но при этом подчеркивает, что это явление по-разному проявляет себя в литературе (как вербальном искусстве) и в музыке (невербальном). Поэтому, считает он, «в музыке, начиная с определенного периода очень естественно делать акцент на первом (*конструкция* смысла), а в литературе так же естественно делать акцент на втором (*конструкция смысла*), потому что это другое искусство: оно свой смысл – благодаря тому, что пользуется тем же самым естественным языком, каким пользуемся мы – легко отдает» [8, с. 717–718] (выделено автором. – Е. Ч.).

Аналогичные мысли мы встречаем и в докладе: «Слово языка нацеливается на свою точность, и так начинает осмысляться, а музыке отводится семантическая просторность» [11, с. 22, сноска 4]. Михайлов говорит о *трансгрессивности* музыки, о переходе ее в более широкое *поле смысла*.

Но, тем не менее, Александр Викторович находит тонкие, почти неуловимые связи между музыкой и литературой. Он говорит: «Вот мы знаем, что настоящий смысл музыки непереводим на слова. И это все же не освобождает нас от необходимости все снова и снова подходить и подбираться к музыке со словами. Музыка, как говорю я, внутри себя установлена, или уставлена на слово и в направлении его. Музыка окружена многими слоями слов, причем встает проблема изучения устройства этих слоев в историко-культурном разрезе. *Музыка внутри себя установлена или уставлена на слово и в направлении его*» [11, с. 10–11] (курсив мой. – Е. Ч.).

Какую же роль в музыке играет слово? Самую разнообразную: это и программа, выраженная словесно, и название, и эпиграф, если он есть (например, Фантазия до мажор Шумана – стихотворение Ф. Шлегеля), и даже ремарки.

Михайлов придавал большое значение изучению этих *словесных слоев, окружающих музыку*. У него есть серьезная работа, так и оставшаяся в рукописи (около 100 страниц) «Об обозначениях

и наименованиях в нотных записях А. Н. Скрябина». Только небольшая ее часть была опубликована в Нижегородском скрябинском альманахе [7]. Там, например, есть такая мысль: «Проблема именованности произведения в целом, проблема “заглавия” и его статуса относится к числу наименее разработанных во всей теории, почти даже не затронутых, и... в музыке эта проблема по некоторым причинам приобретает еще дополнительную нагрузку и теоретический интерес, даже и по сравнению с теорией литературы»³ [7, с. 123]. В черновых набросках к циклу лекций, который Михайлов прочел в Консерватории («О том, что в музыке») есть схема, отражающая окружение музыкального произведения различными слоями словесных наименований и обозначений – имен (см. рис. 1).

Вот мысль Михайлова, которую можно считать комментарием к этой схеме: «Музыка... вообще не обходится без слова как слова *именующего* нечто в ней. И, напротив, всякое слово, с самого начала “привязанное” вот к такой-то музыке, с самого начала с ней сопрягшееся – и так, начиная с ее *заглавия* (каковое вполне может быть при этом и случайным), – есть существенный и сущностный способ ее *самообнаружения*... и ее *смыслообнаружения* (что, однако, вовсе не значит, что посредством такого слова-именования музыка “*само*” *обнаруживается* в своей полноте и адекватности и что “*смысл*” *также обнаруживается полностью и адекватно*» [7, с. 120] (курсив автора. – Е. Ч.).

Итак, это *слово в музыке. А музыка в слове?* По мнению Михайлова, «слово тоже уставлено, или установлено на музыку... оно изнутри самого себя, если рассматривать дело в историко-культурном разрезе, имеет в виду музыку как свою же, слова, конечную *запечатленность* внутри создаемого им *смысла*» [11, с. 13] (курсив автора. – Е. Ч.).

А в другом месте доклада Александр Викторович высказался еще более определенно:

³ Этой проблеме была посвящена диссертация (к сожалению, неосуществленная) Л. М. Кудиновой, безвременно ушедшей из жизни (1954–2010), которую она предполагала писать под руководством А. В. Михайлова (с его согласия). Болезнь и преждевременная смерть не дали ей возможности закончить эту работу, но у нее есть публикации (см., например [2; 3]).

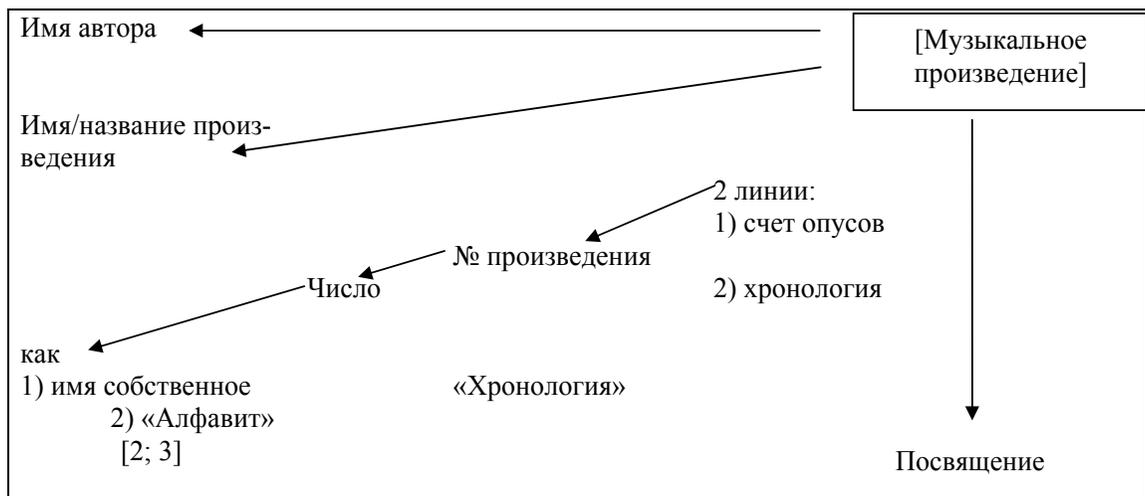

Рисунок 1. Слои словесных наименований и обозначений – имен музыкального произведения

«Во всяком таком словесном создании, в котором мы усматриваем музыкальный смысл, смысл, невыразимый словами... над- и засловесный смысл, какой, в нашем разумении – с той поры, как такие смыслы были открыты культурой и были “отпущены” из сферы слова и в “за” словесную, или в “за” словную сферу музыки, – и сопоставим с музыкой» [11, с. 14].

Как уже говорилось, в трудах Михайлова музыка выступает не изолированно, но в историко-культурном контексте, в соотношении с другими видами искусства. Так в его исследованиях возникают *параллели*: в первую очередь это касается литературы и музыки. Именно в этих параллелях исследователь выявляет специфику австрийского искусства – ключевая тема его научного творчества.

Одна из наиболее устойчивых параллелей, встречающихся во многих работах Михайлова, – это *Антон Брукнер – Адальберт Штифтер*. Их близость обусловлена именно особенностями австрийской культуры: «Колоссальные просторы брукнеровских симфоний и штифтеровских поздних романов исподволь готовились в австрийской культуре – у самого же Штифтера, в музыке у Шуберта, в драме у Грильпарцера... В них вместе с освоением, в новом духе, душевного мира человека сосредотачивается, накапливается то, что можно было бы назвать *пафосом пребывания при истине, при красоте*» [5, с. 17] (курсив мой. – Е. Ч.).

Другие параллели. *Рихард Штраус – Гуго фон Гофмансталь*, параллель тем более естественная, что, как известно, Р. Штраус писал оперы на тексты Г. фон Гофмансталя.

Обращаясь при этом к «австрийскому духу» в его «внешнем» проявлении («культурная *поверхность* Австрии и Вены, ее атмосфера и ее “аромат”»), Михайлов рассматривает феномен вальса в его историко-культурном движении: источник – «талантливые вальсы Иоганна Штрауса как первый предмет экспорта и массового потребления». И далее претворение его в творчестве Рихарда Штрауса: «Когда Гуго фон Гофмансталь и Рихард Штраус создают “Кавалера роз” (1911), тут, *естественно*, штраусовский тип вальса, преображенный и художественно усиленный, укрепленный южнонемецкой, баварской самозабвенной чувственностью и размахистостью всемогущего композитора – творца, выступает как язык вечной красоты» [5, с. 15].

Австрийским композиторам Михайлов противопоставляет немецкого композитора – Вагнера, творчество которого имеет совершенно иную природу: «музыка – сейсмометр времени» [4, с. 176]. Упомянув распространенную аналогию между «Кольцом нибелунга» Вагнера и «Рюгон-Маккарами» Э. Золя, он обращает внимание и на их различие: «сопоставление ничем более не оправданное, кроме места произведений в истории культуры своих стран» [4, с. 176]. При

этом он привлекает также философию Ницше и замечает: «Ницшевский “восход нигилизма” стоит между вагнеровскими “сумерками богов” и шпенглеровским “закатом Европы” – между двумя терминами, в которых старая Европа осознала свою гибель. Вместо гегелевского “конца” – “помрачение искусства» [9, с. 244].

И тут возникает еще одна фигура истинно австрийского композитора – Густава Малера. О нем Михайлов пишет: «...Тенденции “австрийского духа” и традиции вагнеровских “сумерек истории” лежат в разных плоскостях; австрийская культура на рубеже веков еще была слишком непосредственной и здоровой, чтобы на вершинах своих экстазов создавать еще такие гимны веры и вселенского человеколюбия, как VIII симфония Малера с ее венски-барочным финалом – образом совершенного миропорядка – второго “Фауста” Гёте» [9, с. 261]. Параллель Малер – Гёте в данном случае вполне уместна, так как в Восьмой симфонии использован текст из второй части «Фауста». Так, в этих параллелях устанавливается как близость литературы и музыки (на мировоззренческом уровне), так и их различие (в русле национальных культурных традиций).

Прямое проявление связи слова и музыки – музыкальность литературных произведений, о которой много пишут и филологи, и музыковеды. Михайлов тоже касается этой проблемы, замечая, что музыкальность литературы, которую мы ощущаем интуитивно, безусловно, существует. Но он занимает здесь особую позицию, по сравнению со многими исследователями (особенно филологами), которые пытаются рассматривать композицию произведения непосредственно с точки зрения музыкальных закономерностей. Так, они обнаруживают в литературных произведениях сонатную форму (чаще всего), иногда вариации, циклическую. А музыковед О. В. Соколов, например, в статье «Соната или поэма?» видит во многих примерах – в частности, в новелле А. П. Чехова «Ариадна», поэмную форму [13]. Однако представляется несколько прямолинейным обнаружение в литературе таких специфических музыкальных форм.

Об этой опасности предупреждает и Михайлов. Приведу большую цитату из доклада Александра Викторовича: «...Когда ищут соответствий между музыкально построенными литературными созданиями и так называемыми музыкальными “формами”, необходимо в самую первую очередь

учитывать условность музыковедческого понятия “форма”: его явную неполноту и однобокость, и сопоставлять строение “музыкальных” созданий не с учитываемыми в курсе музыкальных “форм” способами построения целого, и непременно нужно от таких “форм” восходить на некоторый более высокий уровень – тот, где между построением *смысла в его полноте*, соответственно в литературных/поэтических и музыкальных произведениях, будут выявляться действительно оправданные параллелизмы внутреннего свойства. Задача не в том, чтобы думать, что литературное произведение может быть построено как соната или как fuga, а в том, чтобы рассмотреть некоторое общее порождающее “форму” в одном и в другом случае начало» [11, с. 14] (курсив автора. – Е. Ч.).

В бытии и литературы, и музыки Александр Викторович находит еще одну важную общую черту. В слове он видит три состояния: слово «в его *дословном* состоянии; слово в его привычном нам состоянии, каким знаем мы его по языку и его продуктам, и, наконец, слово, уходящее вовнутрь таких своих воплощений, которые уже не могут, собственно, прозвучать для нас, подобно стенам, построенным звуками лиры Амфиона» [11, с. 17–18]. «Так это и в музыке, – развивает свою мысль Михайлов, – хотя слышать мы можем, а потому и слушать станем, только лишь ту музыку, которая слышна, но теперь мы из опыта развернувшегося на наших глазах – на наших ушах – движения музыки знаем, что музыка простирается далеко в область неслышимого. Точно так и слово простирается в область нечитаемого и непроизносимого, где существует в различных своих состояниях, предваряющих и завершающих доступную нам естественность слова» [11, с. 17] (курсив автора. – Е. Ч.). Отсюда идея «*умолчанного*», «*скраденного*» слова и «*умолчанной*», «*скрытой музыки*» (любимая идея Михайлова).

Особенно этот феномен характерен для искусства XX века, когда «молчание стало осмысливаться как определенная манифестация слова» [11, с. 19].

Начнем с того, что умолчанное слово может быть и в самом музыкальном произведении: это темы-монограммы, темы-символы, шифры, риторические фигуры, наконец, псалмы, музыка которых, как известно, не сохранилась [17] и т. д.

Активизация этих явлений в XX веке связана с поиском новой выразительности, тех особых ее форм, которые могут быть наполнены самым различным смыслом – от религиозной медитации до игровой ситуации, тяготеющей к инструментальному театру.

О возрождении *сакрального значения молчания, тишины*, паузы в музыке последних десятилетий XX века, о роли тайного слова, неслышимой музыки, безмолвия пишут, например, И. А. Барсова [1] С. И. Савенко [12] в связи с творчеством Гии Канчели (Его Молитвы – Утренняя, Дневная, Вечерняя, Ночная), Александра Кнайфеля (Agnus Dei), Арво Пярта (стиль Tintinnabuli).

Возможна скрытая подтекстовка: текст, не выписанный в партитуре, но подразумевающийся. Примеры (на основании свидетельства композиторов, авторов музыки): Первая симфония А. Локшина, «Реквием», в его первой части есть тема, ритм которой соответствует тексту *Requiem aeternam*, Вторая симфония А. Шнитке, пятая часть, тема у гобоя д'амур («*Benedictus Dominus Deus*»).

Еще один пример зашифрованного смысла. *Хорал как символ, как выразитель скрытого смысла в немецко-австрийской музыке*. В одной из своих статей Александр Викторович ссылается на Скрипичный концерт Альбана Берга, в котором приведена цитата из Кантаты Баха № 60 – в свою очередь Бах здесь цитирует протестантский хорал («Довольно! Господи, если тебе угодно, отпусти меня...»). Такой текст не случаен: концерт был посвящен памяти девушки, дочери друзей Берга, скончавшейся совсем юной. В нем есть подзаголовок «Памяти ангела». Текст хорала подписан под партией солирующей скрипки (это как бы человеческий голос!), но, естественно, не поется и не произносится. «Выписанные в партитуре слова хорала должны так или иначе, не прямо, но косвенно, дойти до сознания слушателя, стать элементом целостного смысла всей вещи», – пишет Александр Викторович и далее расшифровывает свою мысль так: «Одинокий человек – в своих надеждах на прочность запечатленного словом смысла» [10, с. 262].

Ну, а что же такое «*умолчанная музыка*»?

В апрельском цикле лекций (1995) «О том, что в музыке» в качестве особенно яркого примера «умолчанной музыки» Михайлов приводит «4'33''» Кейджа. Как мы знаем, эта «пье-

са» – молчание вместо музыки, которое длится 4 минуты 33 секунды – один из многочисленных экспериментов Джона Кейджа, весьма характерный в целом для музыки XX века. Мне вспоминается, что я была на премьере этого «сочинения». Никто не знал, чего им ждать. И вот пианист (это был Алексей Любимов) вышел на сцену, поставил на пюпитр ноты и сел за инструмент. Сначала в зале была напряженная тишина, потом стали слышны перешептывания и даже смешки, но пианист невозмутимо сидел за роялем положенные 4 минуты 33 секунды⁴, периодически перелистывая ноты (в сочинении 3 части). Надо сказать, что реакция публики тогда была неоднозначной, хотя теперь такими экспериментами никого не удивишь.

В этом «произведении», в котором многие усматривают шутку, некий эпатаж, Александр Викторович находит глубокий философский смысл. Он рассматривает этот опус с точки зрения различных категорий, о которых он говорит в этих лекциях: художественная целостность, логика в музыке, онтологический статус музыкального произведения, «то, что в музыке» (в этом случае он замечает: здесь «слова “то, что” воспроизводят некий жест» [14, с. 30]. И вот вывод: «Преодолевается опусность музыки, но не преодолевается “то, что”. Нельзя создать ничего бессмысленного и нецелого» [14, с. 30].

Отношение Михайлова к современной музыке отнюдь не было негативным. В тех экспериментах, которые так были характерны для второй половины – конца XX века, в том, что происходило в *новой* музыке, он всегда видел *глубокие онтологические основания*, размышлял над этим, искал и находил то особенное, что приносит музыку последних лет. «Новый универсум возникает на наших глазах – за счет реальной чувственной природы музыки» [14, с. 32], – замечает он. В пьесе Кейджа Александр Викторович видел и особую логику, и целостность. В лекции (18 апреля 1995 года) он заметил: «Логика может быть находима, если представить себе это произведение как звено в истории музыки. Произведение Кейджа 4' 33'' (то есть не перформанс, а молчание) черпает свою логику – в своем же целом, временно-пространственном или пространственно-временном целом» [14, с. 29].

⁴ Эти цифры связаны с тем, что простая (не долгоиграющая) пластика длится 4 мин. 33 сек.

В заключение еще раз вернусь к той особой роли, которую сыграл А. В. Михайлов в движении навстречу друг другу литературоведения и музыкальной науки.

Музыковеды и раньше обращались к трудам филологов, и это многое давало для понимания

общего процесса развития искусств. Но только Александр Викторович, изнутри зная специфику музыки, владея ею, заговорил о ней на общегуманитарном языке. И это важный шаг в столь важной для современной науки тенденции – создании *единого гуманитарного знания*.

Литература

1. Барсова И. А. Музыка. Слово. Безмолвие // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Чигарева Е. И., Царева Е. М., Петров Д. Р. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
2. Кудинова Л. М. Литературоведческие и лингвистические термины в названиях музыкальных произведений XX века // Имя в литературном произведении: художественная семантика: сб. ст. / отв. ред. Л. И. Сазонова. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 504 с.
3. Кудинова Л. М. Название в музыке (к постановке проблемы) // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
4. Михайлов А. В. Варианты эпического стиля в литературах Австрии и Германии // Михайлов А. Избр.: феноменология австрийской культуры. – М.; СПб. / глав. ред. С. Я. Левит. – Центр гуманитар. инициатив, 2009. – 392 с.
5. Михайлов А. В. Из источника великой культуры // Михайлов А. Избр.: феноменология австрийской культуры. глав. ред. С. Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2009. – 392 с.
6. Михайлов А. В. Музыка в истории культуры. Избр. ст. / Е. И. Чигарева (ред.-сост.), О. В. Лосева, Е. М. Царева, В. С. Ценова. – М.: Москов. гос. консерватория, 1998. – 263 с.
7. Михайлов А. В. Об обозначениях и наименованиях в нотных записях А. Н. Скрябина // Нижегород. скрябин. альм. – Нижний Новгород: Нижегород. ярмарка, 1995.
8. Михайлов А. В. Обратный перевод / сост. Д. Р. Петрова и С. Ю. Хурумова. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 852 с.
9. Михайлов А. В. Отчаяние и надежда: (Из истории австрийского экспрессионизма) // Михайлов А. Избр.: феноменология австрийской культуры / глав. ред. Левит С. Я. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2009. – 392 с.
10. Михайлов А. В. Проблема характера в искусстве: живопись, скульптура, музыка // Михайлов А. В. Языки культуры / ред. совет: В. И. Бахмин, Я. М. Бергер, Е. Ю. Гениева, Г. Г. Дилигенский, В. Д. Шадриков. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 912 с.
11. Михайлов А. В. Слово и музыка: музыка как событие в истории слова // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
12. Савенко С. *Musica sacra Арво Пярта* // Музыка из бывшего СССР: сб. ст. / ред.-сост. В. Ценова. – М.: Композитор, 1996. – Вып. 2. – 336 с.
13. Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
14. Слово и музыка: мат-лы науч. конф. памяти А. В. Михайлова / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2008. – Вып. 2. – 255 с.
15. Соколов О. В. Соната или поэма? // Слово и музыка: мат-лы науч. конф. памяти А. В. Михайлова / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2008. – Вып. 2. – 255 с.
16. Чигарева Е. И. «О том, что в музыке» (по лекциям и наброскам А. В. Михайлова) // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
17. Чистяков Г., свящ. Немая музыка псалмов // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.

References

1. Barsova I.A. Muzyka. Slovo. Bezmolvie [Music. Word. Silence]. *Slovo i muzyka. Pamyati A.V. Mikhaylova: materialy nauchnykh konferentsiy* [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).

2. Kudinova L.M. Literaturovedcheskie i lingvisticheskie terminy v nazvaniyakh muzykal'nykh proizvedeniy XX veka [Literary and linguistic terms in titles of musical works of the twentieth century]. *Imya v literaturnom proizvedenii: khudozhestvennaya semantika [The Name in a literary work: literary semantics]*. Ed. Sazonova L.I. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015. 504 p. (In Russ.).
3. Kudinova L.M. Nazvanie v muzyke (k postanovke problemy) [Name in music (problem statement)]. *Slovo i muzyka. Pamyati A.V. Mikhaylova Materialy nauchnykh konferentsiy [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).
4. Mikhaylov A.V. Varianty epicheskogo stilya v literaturakh Avstrii i Germanii [The options of epic style in the literatures of Austria and Germany]. *Mikhaylov A.V. Izbrannoe: fenomenologiya avstriyskoy kul'tury [Favorites: phenomenology of Austrian culture]*. Ed. S.Ya. Levit. Moscow, St. Petersburg. Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2009. 392 p. (In Russ.).
5. Mikhaylov A.V. Iz istochnika velikoy kul'tury [From the source of a great culture]. *Mikhaylov A. Izbrannoe: fenomenologiya avstriyskoy kul'tury [Favorites: phenomenology of Austrian culture]*. Moscow, St. Petersburg. Ed. S.Ya. Levit. Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2009. 392 p. (In Russ.).
6. Mikhaylov A.V. *Muzyka v istorii kul'tury. Izbrannye stat'i [Music in the history of culture. Selected articles]*. Ed. E.I. Chigareva, O.V. Loseva, E.M. Tsareva, V.S. Tsenova. Moscow, Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya Publ., 1998. 263 p. (In Russ.).
7. Mikhaylov A.V. Ob oboznacheniyakh i naimenovaniyakh v notnykh zapisyakh A. N. Skryabina [About the marks and names in music records A. N. Scriabin]. *Nizhegorodskiy skryabinskiy al'manakh [Nizhny Novgorod Scriabin's almanac]*. N. Novgorod, Nizhegorodskaya yarmarka Publ., 1995, iss. 1, pp. 121-149. (In Russ.).
8. Mikhaylov A.V. *Obratnyy perevod [Reverse translation]*. Ed. D.R. Petrova i S. Yu. Khurumova. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 852 p. (In Russ.).
9. Mikhaylov A.V. Otchayanie i nadezhda: (Iz istorii avstriyskogo ekspressionizma) [Despair and hope (From the history of Austrian expressionism)]. *Mikhaylov A. Izbrannoe: fenomenologiya avstriyskoy kul'tury [Favorites: phenomenology of Austrian culture]*. Ed. S.Ya. Levit. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Publ., 2009. 392 p. (In Russ.).
10. Mikhaylov A.V. Problema kharaktera v iskusstve: zhivopis', skul'ptura, muzyka [The problem of nature in art: painting, sculpture, music]. *Mikhaylov A. V. Yazyki kul'tury [Languages of culture]*. Ed. V.I. Bakhmin, Ya.M. Berger, E. Yu. Genieva, G.G. Diligenskiy, V.D. Shadrikov. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 912 p. (In Russ.).
11. Mikhaylov A.V. Slovo i muzyka kak sobytie v istorii slova [Word and music: music as an event in the history of the word]. *Slovo i muzyka. Pamyati A.V. Mikhaylova. Materialy nauchnykh konferentsiy [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).
12. Savenko S. Musica sacra Arvo Pyarta [Music sacra Arvo Pärt]. *Muzyka iz byvshego SSSR [Music from the former USSR]*. Ed. V. Tsenova. Moscow, Kompozitor Publ., 1996, vol. 2. 336 p. (In Russ.).
13. *Slovo i muzyka. Pamyati A.V. Mikhaylova: materialy nauchnoy konferentsii [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).
14. *Slovo i muzyka. Pamyati A. V. Mikhaylova: materialy nauchnoy konferentsii [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2008, vol. 2. 255 p. (In Russ.).
15. Sokolov O.V. Sonata ili poema? [Sonata or poem?]. *Slovo i muzyka: materialy nauchnykh konferentsiy pamyati A.V. Mikhaylova [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2008, vol. 2. 225 p. (In Russ.).
16. Chigareva E.I. "O tom, chto v muzyke" (po lektsiyam i nabroskam A.V. Mikhaylova) ["That music" (lecture and outline A.V. Mikhailov)]. *Slovo i muzyka. Materialy nauchnykh konferentsiy pamyati A.V. Mikhaylova [Word and music. The Memory of A.V. Mikhailov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).
17. Chistyakov G. Svyashch. Nemaya muzyka psalmov [Mute music of the Psalms]. *Slovo i muzyka. Materialy nauchnykh konferentsiy pamyati A.V. Mikhaylova [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).

УДК 78.07

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОМПОЗИТОРСКОГО ТВОРЧЕСТВА В КУЗБАССЕ

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: sinell@narod.ru

Статья посвящена анализу творчества кузбасских композиторов, выявлению проблем, связанных с развитием этой области музыкальной культуры региона. Автор данной статьи рассматривает причины, которые не способствуют развитию композиторского творчества в Кузбассе, среди них и длительное отсутствие среды в виде регионального Союза композиторов, и сложности с исполнением произведений, и отсутствие профессионального композиторского образования в Кемеровской области. Внимание автора сосредоточено на произведениях профессиональных композиторов, которые жили и творили в городах Кемеровской области в 1990–2000-е годы – Виктора Шергова, Марины Аристовой, Константина Туева, Сергея Полозова, Елены Латыш-Бирюковой, Николая Бирюкова, Ольги Викторовой. Многие из них, к сожалению, переехали в другие регионы.

В тексте статьи автор обращает внимание на обширную панораму любительского композиторского творчества, в отличие от профессионального, хорошо развитого в Кузбассе. Композиторы-песенники по своему музыкальному образованию делятся в основном на исполнителей на русских народных инструментах (Г. Голицын, А. Феденев, В. Пипекин, М. Маслов) и на хоровых дирижеров (А. Ляпин, В. Толстокулаков), хотя есть среди них и пианисты (А. Александров, И. Булгаков). Сфера приложения творческих сил этих композиторов в основном связана с родами их деятельности в качестве руководителей самодеятельных оркестров, ансамблей народных инструментов или хоровых коллективов. Автор рассматривает творчество композиторов-любителей как объективно существующий самостоятельный пласт музыкальной культуры индустриального региона, который по своей социокультурной и эстетической значимости не уступает ни традиционной музыке, ни творчеству профессиональных композиторов, хотя базируется на синкретическом слиянии элементов параллельно развивающихся систем фольклора и академической музыки.

Резюмируя сказанное, автор статьи обозначает ряд специфических признаков и проблем, которые характеризуют процессы развития творчества композиторов Кузбасса как сибирского промышленного региона, и возлагает надежды на композиторов молодого поколения и новой формации, работающих в Кемеровской области.

Ключевые слова: музыкальное искусство региона, творчество, композиторы Кузбасса, стиль, жанр.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT THE COMPOSER'S CREATIVE WORK IN KUZBASS

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Department Chair of Orchestral-instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sinell@narod.ru

The article is devoted to analysis of the work of the Kuzbass composers, identifying the problems related to the development of this area of musical culture of the region. The author of this article considers the reasons, which do not contribute to the development of the composer's creative work in Kuzbass, among which the long absence of the environment in the form of the regional Union of composers, and difficulties with the execution of the works and the lack of professional composition education in Kemerovo region. The author focuses on the

works of professional composers who lived and worked in cities of Kemerovo region in the 1990–2000s: Victor Shergov, Marina Aristova, Konstantin Tuev, Sergei Polozov, Helen Latich-Biryukova, Nikolay Biryukov, and Olga Viktorova. Many of them, unfortunately, moved to other regions.

In the article, the author draws attention to the vast panorama of amateur composers' creativity, as opposed to the professional, well developed in Kuzbass. Composers-songwriters on the musical education fall mainly on the performers on Russian folk instruments (G. Golitsyn, A. Fedenev, V. Pipekin, M. Maslov) and choral conductors (A. Lyapin, V. Tolstokulakov), although among them are pianists (A. Alexandrov, I. Bulgakov). The scope of the creative efforts of these composers are mostly associated with their activities as leaders of the amateur orchestras and ensembles of folk instruments or choirs. The author examines the work of amateur composers as objectively existing independent reservoir of musical culture of the industrial region, which according to its socio-cultural and aesthetic importance is not inferior to traditional music or the works of professional composers, although based on a syncretic fusion of elements parallel to the developing systems of folklore and classical music.

Summing up, the author identifies a number of specific features and problems that characterize the development processes of the composers of Kuzbass, Siberian industrial region, and hopes to composers of the younger generation and new formation that are working in Kemerovo region.

Keywords: musical art of the region, creativity, composers of Kuzbass, style, genre.

Композиторское творчество – неотъемлемая часть музыкальной культуры любого региона. Если концертная жизнь Кузбасса к концу XX столетия была уже хорошо организована и отличалась крепким уровнем профессиональных музыкантов-исполнителей, входящих в составы многих творческих коллективов, талантливых солистов, то композиторское творчество – это, пожалуй, наиболее слабая составляющая музыкальной культуры региона, даже сейчас, когда уже существует творческое объединение «Союз композиторов Кузбасса». Именно эта область музыкального искусства региона пока еще в большей степени остается на уровне любительского искусства, во всяком случае, по количественному соотношению композиторов-профессионалов, осваивающих академические музыкальные жанры, и композиторов-любителей, песенников. Здесь можно назвать несколько причин, которые не способствовали развитию композиторского творчества в регионе.

Во-первых, долгое время в Кузбассе, в отличие от соседних сибирских регионов (Новосибирская область, Красноярский край), не было организации, объединявшей профессиональных и самодеятельных композиторов на основе общности творческих интересов и реализации общих целей. Для композиторов Кузбасса не только отсутствовала творческая среда, но и не было официальной организации, которая бы осуществляла популяризацию их творчества, инициировала

премьеры сочинений, авторские концерты и фестивали, устраивала прослушивания и обсуждения новых опусов.

Во-вторых, Кемеровский государственный институт культуры, осуществляющий подготовку профессиональных музыкантов по различным направлениям до настоящего времени не имеет кафедры, которая бы выпускала композиторов. Если в вуз и поступают талантливые студенты, занимающиеся композицией, они учатся на исполнительских направлениях подготовки, а чаще – уезжают получать образование на теоретико-композиторских факультетах Новосибирской консерватории и Красноярского государственного института искусств, а по окончании, как правило, не возвращаются обратно.

Наконец, в-третьих, основной сферой деятельности живущих в городах Кемеровской области композиторов является отнюдь не сочинение музыки, а работа в образовательных учреждениях высшего, среднего и дополнительного музыкального образования. Ведь создание продуктов музыкального искусства в нашей стране, как правило, не приносит материальных доходов. В результате композиторы преподают музыкально-теоретические дисциплины, пишут музыку эпизодически, поэтому их основная профессиональная квалификация переходит в статус хобби. Возникает противоречивая ситуация: человек, способный генерировать творческие идеи, создавать новые музыкальные произведения является

лидером и примером для коллег-музыкантов, но при этом творец-композитор становится самым не востребовавшимся в среде профессионалов. Конечно, данная ситуация характерна для всех регионов России – зарабатывать своей музыкой могут только известные в мировом масштабе композиторы первого ряда. Названные проблемы становились причинами того, что многие композиторы, попавшие по распределению в учебные заведения Кемеровской области, проработав несколько лет, по разным причинам уезжали в другие регионы России. Среди них интересные и талантливые композиторы со своим оригинальным авторским стилем, которые за годы своей творческой деятельности смогли внести достойный вклад в развитие музыкального искусства Кузбасса.

Один из таких – Сергей Полозов, покинувший Кузбасс в 1997 году. Сергей Павлович Полозов – уроженец Новокузнецка, выпускник Новосибирской консерватории по классу композиции Аскольда Мурова – работал в Прокопьевском, а затем в Новокузнецком музыкальном училище с 1989 по 1997 год. Есть в творческом багаже Сергея Полозова собрание оригинальных в жанровом отношении произведений, вдохновленных деятельностью известного в Кузбассе коллектива. Работая в Прокопьевском музыкальном училище, он тесно сотрудничает с руководителем ансамбля «Скоморохи» Александром Соловьевым. Это сотрудничество стимулировало творческую фантазию композитора на создание целой группы оркестровых и ансамблевых произведений для народных инструментов, обогативших репертуар данного коллектива. Среди них «Песня» для оркестра русских народных инструментов, «Скоморошья погудки». Сюита для ансамбля русских народных инструментов в 4 частях, «Сказ» для оркестра русских народных инструментов, «На завалинке» для ансамбля русских народных инструментов, «Казачья пирушка» для ансамбля русских народных инструментов, «Шарманка» для 6 окарин, «Шутка» для оркестра русских народных инструментов, Вариации для 4 жалеек и оркестра русских народных инструментов, «Ностальгия» для ансамбля народных инструментов (см. [1])¹.

¹ Произведения С. Полозова, в том числе созданные в период его жизни в Кузбассе, рассматриваются в статье музыковеда Ирины Наточеевой – супруги композитора.

При этом все названные опусы были исполнены в то время ансамблем под руководством А. Соловьева и учебным оркестром русских народных инструментов Прокопьевского музыкального училища, а часть из них находится в репертуаре «Скоморохов» до настоящего времени. Вот один из замечательных примеров востребованности композитора в регионе. Полозов удачно сочетает в этих произведениях фольклорный, чаще стилизованный, а не цитированный материал с характерными чертами языка современной музыки. В этом как раз и проявляется ненавязчивая просветительская функция, очень важная для регионального музыкального искусства: приобщение слушателей к современному музыкальному языку на ярком, понятном и, казалось бы, знакомом народно-песенном тематизме.

Неофольклорная стилистика, освоенная композитором в опусах для русских народных инструментов, далее реализовалась и получила логическое завершение в произведении для симфонического оркестра «Сибирские пельмени» (Хореографические картинки в 2 частях). В основе обеих частей произведения – «Дразнилки» и «Погоня» – народно-жанровый тематизм с типичной для русского фольклора попевочной структурой. Такой яркий музыкальный материал обрамляется достаточно терпкими гармоническими красками в зоне хроматической тональности. Для создания юмористических эффектов композитор использует современные способы артикуляции (нисходящее глиссандо тромбона). В этом случае не обошлось без цитаты: вторую скерцозную часть венчает широкая мелодия известной русской народной казачьей песни «Из-за острова на стрежень». Темы-образы произведения зримые, персонифицированные, напоминают характерные театральные сценки-диалоги в духе Мусоргского и Шостаковича. По словам самого автора, это произведение предполагает театральное воплощение, на что указывает подзаголовок «Хореографические картинки».

Театральность мышления С. Полозова непосредственно реализовалась позже в его музыкально-театральных произведениях. Работая в Новокузнецке (с 1992 по 1997 год) С. Полозов писал музыку для спектаклей режиссера Новокузнецкого театра кукол Ю. Самойлова (музыка к пьесе «Емельяшка и компашка» по Э. Успен-

скому в 5 частях, музыка к романтической сказке Ю. Самойлова «Девочка и медведь» в 7 частях).

В настоящее время Сергей Полозов – член Саратовской организации Союза композиторов России, автор около 80 опусов произведений различных жанров оркестровой, хоровой, камерно-инструментальной, камерно-вокальной и театральной музыки, имеет около 100 научных публикаций, в том числе 2 монографии. Он преподает композицию и музыкально-теоретические дисциплины в Саратовской государственной консерватории им. Собинова, занимается компьютерными технологиями в сфере музыкального образования. В данной области научных интересов С. Полозов защитил кандидатскую диссертацию «Обучающие компьютерные технологии в музыкальном образовании», а затем докторскую «Информационный подход в исследовании музыкального искусства».

С 1992 по 1999 год в Кемерове трудилась талантливая театральная композитор Елена Латыш-Бирюкова, а с 1996 по 1999 год ее супруг, композитор и вокалист, Николай Бирюков (уроженец г. Гурьевска). Оба композитора окончили Российскую академию музыки им. Гнесиных по классу выдающегося советского композитора Н. Пейко. Эта супружеская пара, несмотря на кратковременную их деятельность в Кемерове внесла большой вклад в развитие музыкального искусства в Кузбассе. Они явились инициаторами открытия Представительства Союза композиторов России в Кузбассе и объединения творческих сил композиторов, подготовив необходимые документы и получив поддержку администрации Кемеровской области. Кроме того, они организовали первый концерт из произведений кузбасских композиторов, который проходил в Большом зале Государственной филармонии Кузбасса в 1997 году. В программу концерта вошли симфония-кантата «Будем как солнце», концертная пьеса для фортепиано и ударных «Скоморошина», хоровая диптих «Страна-Елатьма» Н. Бирюкова, хореографическая миниатюра «Рождение Синельги» Е. Латыш-Бирюковой. Об этом непосредственно по следам концерта писал А. П. Мохонько в газету «Родник» (см. [2]).

Основная область творчества Е. Латыш-Бирюковой – театральная музыка для детей. Среди произведений композитора детская зонг-опера

«Принцесса Терция», опера-балет «Госпожа Роз», детские мюзиклы «Новые приключения Колобка», «Волшебник Изумрудного города» и «На чудесном острове Буяне», детская музыкальная комедия «Необыкновенное яйцо из Палермо», опера «Снежная фантазия». Многие из них написаны и поставлены в период работы в Кемерове.

В сложные 1990-е годы Латыш-Бирюкова осуществляла активную творческую и организационную деятельность по постановке детских спектаклей и заполняла образовавшуюся лакуну в организации гастролей собственными силами. Так только в 1997 году в филармонии было поставлено три ее произведения: рок-опера-балет «Госпожа роз» (либретто Н. Бирюкова, режиссер В. Еременко, балетмейстер В. Селиверстов), сказка «Приключение музыкального яйца» в рамках музыкального лектория и мюзикл «Новые приключения колобка». В 1994 году Латыш-Бирюкова была принята в Союз композиторов России. В 1996 году ей присуждена стипендия Президента РФ как композитору, создающему музыку для детей. Е. Латыш-Бирюкова отмечена благодарностью губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева «За творческие достижения и большой личный вклад в развитие театрального искусства Кузбасса».

Помимо музыкально-театральных произведений Е. Латыш-Бирюкова – автор вокальных циклов, сюиты для детского хора («Нам дорог этот мир») и песен для детей, симфонической поэмы «Доктор Фауст», Концерта для фортепиано с оркестром и ряда камерно-инструментальных сочинений. С 1999 года и по настоящее время Латыш-Бирюкова живет в Белгороде и работает лектором-музыковедом и директором симфонического оркестра Белгородской государственной филармонии. Полную реализацию ее увлечение детским музыкальным театром получило воплощение уже в Белгороде: в 2004 году вместе со своим супругом композитором Н. Бирюковым она создает авторский детский музыкальный театр-студию «Звуки музыки». Но начало ее многообразной творческой, педагогической и организаторской деятельности было положено в Кузбассе.

Николай Бирюков – член Союза композиторов России с 1994 года, закончил Российскую академию музыки им. Гнесиных не только как композитор, но и как вокалист. В течение трех

лет он работал солистом лектория Кемеровской филармонии, пел в Камерном хоре, параллельно занимаясь композиторским творчеством. Обладая ярким вокальным дарованием, Бирюков как композитор более тяготеет к жанрам кантатно-ораториальной и камерно-вокальной музыки. В крупных и малых хоровых формах он развивает историко-патриотическую тематику (симфония-кантата «Будем как солнце», песня-гимн «Три поля России», диптих «Страна-Елатьма», музыкально-драматическая поэма «Поле русской славы», хоровая сюита «Нам дорог этот мир», поэтория «Сказание о святом Белогорье», вокальный цикл «Жизнь»). Н. Бирюков лауреат многих престижных композиторских конкурсов.

Недолгое время, с 1987 по 1995 год в Кемерове работала член Союза композиторов России Ольга Викторова – выпускница Ленинградской консерватории по классу композиции профессора Б. А. Арапова. Она руководила музыкальной частью Кемеровского театра драмы им. А. В. Луначарского (1987–1991), к спектаклям которого ею написано много музыки, в том числе «Снежная королева» по пьесе Е. Шварца, «Мурлин Мурло» по пьесе Н. Коляды, «Шарманка» по пьесе А. Платонова. Совсем недолго О. В. Викторова преподавала музыкально-теоретические дисциплины в Кемеровском музыкальном училище (1992–1995), где успела подготовить к конкурсу двух молодых композиторов. В 1995 году она уехала в Свердловск вместе со своим супругом Д. Лиссом (дирижером Симфонического оркестра Кузбасса), где в настоящее время ведет курс композиции в Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского. Сейчас Ольга Владимировна Викторова – известный в Екатеринбурге и России композитор. Она является автором и организатором ряда проектов, связанных с пропагандой современного искусства (в частности, она стала организатором и руководителем Мастерской новой музыки Екатеринбурга «AUTOGRAPH» и Ансамбля новой музыки Свердловской филармонии).

О. Викторова – очень яркий, неординарный композитор. Она более тяготеет к жанрам инструментальной симфонической и камерной музыки, много экспериментирует со звуком, инструментальными составами, стилями и направлениями, в том числе и неакадемическими (джаз). Музыка О. Викторовой, подчас, достаточно сложна и

элитарна. В кузбасский период творчества ею написаны Соната для виолончели соло в 2 частях, «Деревенская музыка» для двух фортепиано в 4 руки, «Лунные шаги» для квартета виолончелей, квартета флейт и струнного оркестра, «Юбилейный карнавал, или Что можно увидеть, если сидеть на крыше и смотреть вниз», цикл для двух детских хоров, фортепиано и ударных, 10 легких обработок народных песен Смоленской области для детского хора и фортепиано.

В 1992 году Симфонический оркестр Кузбасса исполнил Увертюру Ольги Викторовой (см. [3, с. 187–193]). Помимо Увертюры, в Кемерове в разных филармонических концертах исполнялись ее «Концертная пьеса» для детей и «Гимн» для духового оркестра. В марте 1994 года на кузбасском телевидении был выпущен телеспектакль на основе произведения Викторовой «Юбилейный карнавал». В 1995 году по заказу симфонического оркестра г. Биллингса (США) ею написана концертная пьеса «Комплимент американской публике» для фортепиано, скрипок, трубы и симфонического оркестра, которая исполнялась в Кемерове (октябрь, 1995) и в США (январь, 1996; дирижер В. Барсов). Как видим, постолупусная концертная жизнь произведений Ольги Викторовой сложилась хорошо, в отличие от других профессиональных композиторов Кузбасса.

1998 год для композиторов Кемеровской области оказался переломным – Союз композиторов Кузбасса был, наконец, создан. В состав региональной организации Союза композиторов вошли музыканты, работающие в разных городах области: Анатолий Феденев, Борис Маркин, Алексей Лопатин, Анатолий Мохонько, Владимир Крайнев, Леонид Большин, Елизавета Бойцова, Владимир Пипекин, Михаил Маслов, Александр Александров, Александр Ляпин, Виктор Горшков, Владимир Резник, Елизавета Шевцова, Виктор Стифутин, Игорь Другов.

Почти одновременно в этом же году появляется творческое объединение композиторов Новокузнецка «Ли́ра». В него вошли 20 композиторов: Александр Александров, Валерий Анненков, Владимир Гольцов, Виктор Горшков, Борис Емельянов, Олег Зверьков, Александр Ляпин, Михаил Маслов, Елена Павловская, Виктор Серый, Сергей Толстокулаков, Алексей Толстых, Ольга Шабельникова. В новокузнецком объедине-

нии работают 2 члена Союза композиторов России – Александр Ляпин и Сергей Толстокулаков. В члены профессионального Союза композиторов России были приняты Константин Туев и Марина Аристова, которые не являлись членами местной организации, а также председатель правления Союза композиторов Кузбасса Владимир Пипекин. Необходимо заметить, что перечисленными выше именами круг композиторов, проживающих в Кемеровской области, не исчерпывается. В городах Кузбасса работали и работают композиторы, которые по разным причинам не вступили в кемеровское и Новокузнецкое творческие объединения. Например, в Прокопьевском колледже искусств преподают профессиональный композитор, выпускница Новосибирской консерватории Елена Островень, и композитор-любитель Игорь Булгаков.

На рубеже XX–XXI веков в Кузбассе функционирует значительное количество композиторско-любителей, которые будучи талантливыми музыкантами (исполнителями, дирижерами), не имеют базового композиторского образования. Поэтому основной областью их творчества является песенный жанр, который оказался достаточно востребованным в Кузбассе. Они создают гимны промышленных городов, предприятий, пишут музыку для самодеятельных коллективов. Так, М. Маслов написал гимн города Новокузнецка, В. Пипекин – автор гимна Киселевска, И. Булгаков – автор гимна Прокопьевска. Один из наиболее известных и исполняемых самодеятельных композиторов – Владимир Пипекин. Будучи хорошим организатором, он сам очень много делает для популяризации своего творчества – выпустил компакт диск, регулярно проводит авторские вечера в различных городах Кузбасса, привлекая студентов кафедры народных инструментов Кемеровского государственного института культуры, лучшие самодеятельные коллективы области и города Кемерово.

В группе кузбасских самодеятельных композиторов выделяются такие яркие творческие личности, как Геннадий Голицын, Анатолий Феденев, Александр Александров, Сергей Толстокулаков. Отдельные сочинения этих композиторов по многим параметрам – тематизму, форме, гармонии, владению хоровой и оркестровой фактурой не уступают опусам профессиональных авторов музыкальных произведений. Музыковед-

исследователь О. В. Гусева, анализируя фантазию Г. Голицына «Краснояры сердцем яры» для оркестра русских народных инструментов на темы песен А. Злобина и сюиту А. Феденева «Ой, ты Русь моя» считает, что эти сочинения композиторско-любителей по своим музыкально-эстетическим достоинствам «поднялись на уровень полноценных музыкальных произведений, прочно вошли в концертную практику Сибирского региона, интерпретируются дирижерами и исполнителями, профессионалами и любителями, воспринимаются разными аудиториями, вызывают эстетическое удовлетворение у всех поколений слушателей, включая их в процесс культурного сотворчества» [4, с. 133]. При этом достаточно демократичный музыкальный язык произведений явно ориентирован на широкого слушателя, проживающего в Кузбассе. Все это свидетельствует об одаренности названных авторов.

Представители любительского композиторского творчества Кузбасса по своему музыкальному образованию делятся в основном на исполнителей на русских народных инструментах (Г. Голицын, А. Феденев, В. Пипекин, М. Маслов) и на хоровых дирижеров (А. Ляпин, В. Толстокулаков), хотя есть среди них и пианисты (А. Александров, И. Булгаков), но это, пожалуй, исключение. Поэтому сфера приложения творческих сил этих композиторов в основном связана с родами их деятельности в качестве руководителей самодеятельных оркестров, ансамблей народных инструментов или хоровых коллективов. Стимулами создания тех или иных произведений для них часто является желание расширить репертуар своего коллектива, ввести в него содержательные ориентиры кузбасской промышленной темы (например, песни о шахтерах и шахтерском труде), написать произведение для определенного инструментального или вокального состава. Как отмечает О. В. Гусева, «позитивной стороной деятельности композиторов-любителей является адекватность их творчества техническим возможностям исполнителей и его направленность на запросы конкретных потребителей – слушателей» [5, с. 124].

Например, Анатолий Феденёв, работая в Кемеровском государственном институте культуры концертмейстером, музыкальным руководителем оркестра народных инструментов хореографиче-

ского ансамбля «Молодой Кузбасс», пишет прикладную музыку для танцевального коллектива. При этом образность и яркость музыкального материала, мастерская организация инструментальной фактуры и формообразующего параметра, внимание к деталям позволяет его произведениям выйти за рамки прикладного значения на более высокий жанровый уровень и функционировать в концертной практике в качестве самостоятельных опусов. Так, увертюра «Ритм трудового Кузбасса», первоначально созданная в качестве музыки к танцевальной композиции, стала исполняться не только в Кузбассе, она прозвучала в Кремлевском дворце съездов на втором фестивале народного творчества РФ (1987), в исполнении Государственного оркестра русских народных инструментов им. Осипова под руководством народного артиста РФ Н. Калинина. Пьеса А. Феденёва «Деревенская картинка» для оркестра русских народных инструментов рекомендована творческой комиссией Министерства культуры Российской Федерации для публичного исполнения в нашей стране. Произведения Феденёва звучали во время гастролей хореографического ансамбля «Кузбасс» по России (Москва, Владимир, Новгород) и за рубежом (в Канаде, Франции, Испании, Кипре, Южной Корее, Чили). Четыре произведения Феденёва вошли в диск-гигант «Мелодии земли Кузнецкой», выпущенный фирмой «Мелодия» (1986). Благодаря таким талантливым композиторам-любителям происходит интеграция отдельных образцов музыкального искусства кузбасского региона в российское и мировое культурное пространство.

Однако приходится констатировать факт, что среди творцов Кемеровской области, создающих продукты музыкального искусства, крайне мало профессиональных композиторов – выпускников теоретико-композиторских отделений Новосибирской консерватории и Красноярского государственного института искусств. Это Виктор Шергов, Марина Аристова, Константин Туев, Елена Островень, Анна Окунева. Супруги Бирюковы и Сергей Полозов, как было уже сказано, жили и работали в регионе кратковременно. Но два года назад из Кемерово уехали супруги В. Шергов и М. Аристова. Если песенное творчество композиторов-любителей находит применение в музыкально-педагогической практике и в творче-

ской деятельности самодеятельных коллективов, то произведения академических жанров профессиональных композиторов Кузбасса не звучат совсем. Это отмечала еще в 2007 году И. Умнова в своем эссе о кузбасских композиторах (см. [6]). Мало что изменилось и в настоящее время. Это не может не вызывать тревогу за дальнейшую внутреннюю питательную среду музыкального искусства Кузбасса, каковой является композиторское творчество. Ведь если музыкальная культура региона будет только репродуцировать то, что создается в центрах, ее развитие может замедлиться.

В последние годы в Кузбассе появляются молодые композиторы новой формации, которые сочиняют музыку, активно привлекая компьютерные, мультимедийные технологии. Сегодня с развитием рыночных отношений, теле- и видеокоммуникаций, искусства рекламы в композиторской среде более востребованными становятся иные музыкальные жанры: композиторы пишут музыку к рекламным роликам, клипам, логотипам торговых компаний и банков. Это направление в Кемерове активно осваивает молодой композитор Ирина Шрейбер – выпускница Кемеровского государственного института культуры по классу фортепиано.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить ряд специфических признаков, которые характеризуют процессы развития творчества композиторов Кузбасса.

1. Музыковеды, специализирующиеся на исследовании музыкального искусства регионов, как правило, оценивают вид самодеятельного песенного творчества композиторов-любителей как своеобразный временный этап в становлении культуры того или иного территориального образования России. Это этап перехода от полного преобладания жанров и форм коллективной традиционной культуры к системе музыкальной культуры новоевропейского типа с ярко выраженной индивидуальностью творца. Переходное состояние музыкальной культуры обычно связано с параллельным становлением социально-экономического статуса региона – ростом городов и населения в них, промышленности, инфраструктуры, что и происходило в Кузбассе, начиная с 1940-х годов и на протяжении второй половины XX века форсированными темпами.

Может быть, поэтому песенное творчество композиторов-любителей и единичные инстру-

ментальные опусы так близки по своему музыкальному языку фольклорным образцам. Данный факт имеет место, даже если в отдельных случаях композиторы-любители создают произведения в жанрах академической музыки – сюиты, сонаты, фантазии, концерты для солирующих инструментов с оркестром, вокальные циклы. Причем это не стилизация, а органичный тип мышления самодеятельных композиторов, получивших академическое (хотя и не композиторское) музыкальное образование, но воспитанных в данном регионе на артефактах народного творчества данной локальной традиции. Отмеченное явление можно наблюдать на примерах произведений таких кузбасских композиторов, как А. Феденёв, В. Пипекин, М. Маслов, А. Ляпин и др.

Однако в Кемеровской области творчество композиторов-любителей по широте охвата имен и произведений, по глубине раскрытия региональной тематики (героический труд шахтеров, металлургов), наконец, по его распространенности в различных городах Кузбасса сложно назвать каким-то временным и несамостоятельным явлением. Это скорее объективно существующий самостоятельный пласт музыкальной культуры индустриального региона, который по своей социокультурной и эстетической значимости не уступает ни традиционной музыке, ни творчеству профессиональных композиторов, хотя базируется на синкретическом слиянии элементов параллельно развивающихся систем фольклора и академической музыки.

Самодетельный музыкальный комплекс композиторского творчества, поддерживаемый широкой сетью любительских коллективов, регулярно транслирующих продукты этого творчества, обнаруживает внутреннюю динамику развития и востребованность слушательской аудитории, несмотря на социально-экономические катаклизмы 1990-х годов, не обошедшие их стороной. При всем том, обозначенные выше проблемы, коснулись в основном самодеятельных коллективов (хоров, ансамблей, оркестров), порой ставя под угрозу их существование. Композиторы продолжают писать в любых социально-экономических и политических условиях – дух творчества уничтожить нельзя.

2. Панорама профессионального композиторского творчества Кузбасса 1990–2000-х го-

дов включает два поколения композиторов 40-х (В. Шергов) и 60–70-х годов рождения (С. Полотов, О. Викторова, М. Аристова, Е. Латыш-Бирюкова, Н. Бирюков, К. Туев, Е. Островень, А. Окунева). При хорошо представленном количественно втором поколении композиторов, эту картину, разумеется, нельзя признать полноценной для благополучного функционирования данного звена музыкальной культуры Кузбасса в период 1990–2000-х годов. В настоящее время положение еще больше ухудшилось из-за отъезда многих композиторов из Кемеровской области. Необходимую полноту этого пласта музыкального искусства могло бы компенсировать наличие генеральных для всех композиторов тем и жанров творчества, а также присутствие центральной фигуры – некоего ориентира, на который могли бы равняться более молодые авторы музыкальных произведений. Но и этого не происходит. Каждый из названных композиторов работал, будучи оторванным от коллег, не имея возможности, а может быть, и желания наладить деловые и творческие контакты.

Профессиональное композиторское творчество Кузбасса, как видим, испытывает более сложный комплекс проблем, чем любительское. Это и невозможность, за исключением редких случаев, услышать свои произведения на концертной и театральной сцене (очевидно, что постоянная работа «в стол» губительна для композитора), и зависимость от отсутствия в Кемеровской области возможности получить композиторское образование, не уезжая из региона, и отсутствие профессиональной среды. Функционирующий Союз композиторов Кузбасса представляют только самодеятельные композиторы. Нельзя исключить случаев конфликтного противопоставления композиторов-профессионалов и любителей – ведь все создатели произведений искусства очень тяжело и болезненно переживают невостребованность своего творчества.

Такие обстоятельства предлагает музыкантам российская глубинка в начале XXI столетия. Если не предпринять усилий, профессиональное композиторское творчество так и останется слабым звеном музыкальной культуры Кузбасса. Самая сложная задача связана с периферийным музыкальным образованием. Несмотря на то, что в области есть вуз, который осуществляет профиль-

ную подготовку музыкантов, все же Кемеровский государственный институт искусств не относится к учебным заведениям консерваторского типа (подобно Новосибирской государственной консерватории, Красноярскому государственному институту искусств, Дальневосточному государственному институту искусств), на базе которых возможно полноценное обучение профессиональных композиторов. Что касается профессиональной творческой среды и организации премьер сочинений, то в этом плане не хватает активной деятельности Союза композиторов Кузбасса. Благоприятными здесь видятся творческие контакты с композиторами соседних регионов, путем совместного проведения конкурсов, мастер-классов и семинаров (ведь это все уже благополучно реализуется на уровне любительского творчества в Кузбассе), привлечение к названным мероприятиям не только самодеятельных, но и профессиональных композиторов Кузбасса.

Несмотря на перечисленные проблемы, процесс развития композиторского творчества в Кузбассе продолжается, исторически взаимодействуя с социально-культурным контекстом региона. Приятно отметить, что в педагогических составах музыкальных колледжей области работают молодые профессиональные композиторы, которые много делают для воспитания творчески одаренных студентов. В Прокопьевском колледже искусств выпускница теоретико-композиторского факультета Новосибирской консерватории Елена Александровна Островень ведет класс композиции. Ее выпускники А. Редкашов, А. Вандрик и А. Едакина неоднократно становились лауреатами и призерами региональных, всероссийских и международных конкурсов и так же, как их педагог, сделали композицию своей профессией. Если растет новое поколение композиторов, значит есть хорошие перспективы развития этой области музыкального искусства Кузбасса.

Литература

1. Наточеева И. В. Сергей Полозов // Композиторы и музыковеды Саратова: сб. ст. – М.: Композитор, 2008. – С. 412–424.
2. Мохонько А. П. Увертюра Ольги Викторовой // Родник. – 1993. – 3 мая.
3. Мохонько А. Симфония Кузбасса. – Кемерово: Полиграф, 2016. – 328 с.
4. Гусева О. В. Инструментальное творчество композиторов Кузбасса: художественная ценность и социально-культурная значимость // Вестн. Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – 2006. – № 1. – С. 132–139.
5. Гусева О. В. Культуротворческий потенциал музыкального образования в условиях индустриального региона: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Кемерово, 2003. – 183 с.
6. Умнова И. Г. Творчество композиторов Кузбасса в музыкальной жизни региона состояние и проблемы // Искусство и искусствоведение: теория и опыт. Язык и речь современного искусства: сб. науч. тр. под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – Вып. 5. – С. 311–335.

References

1. Natocheeva I.V. Sergey Polozov [Sergey Polozov]. *Kompozitory i muzykovedy Saratova [Composers and musicologists of Saratov]*. Moscow, Kompozitor Publ., 2008, pp. 412-424. (In Russ.).
2. Mokhonko A.P. Uvertura Olgi Viktorovoy [Overture Olga Viktorova]. *Rodnik [Spring]*, 1993, May 3. (In Russ.).
3. Mokhonko A.P. *Simfoniya Kuzbassa [Symphony of Kuzbass]*. Kemerovo, Poligraf Publ., 2016. 328 p. (In Russ.).
4. Guseva O.V. Instrumental'noe tvorchestvo kompozitorov Kuzbassa: khudozhestvennaya tsennost' i sotsial'no-kul'turnaya znachimost' [Music composers in Kuzbass: artistic value and socio-cultural significance]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2006, no. 1, pp. 132-139. (In Russ.).
5. Guseva O.V. *Kul'turotvorcheskii potentsial muzykal'nogo obrazovaniya v usloviyakh industrial'nogo regiona: dis. dokt. ped. nauk. [Cultural and creative potential of music education in conditions of industrial region. Dr. ped. sci. diss.]*. Kemerovo, 2003. 183 p. (In Russ.).
6. Umnova I.G. Tvorchestvo kompozitorov Kuzbassa v muzykal'noy zhizni regiona sostoyanie i problemy [The composers of Kuzbass in the musical life of the region, the state and problems]. *Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriya i opyt. Yazyk i rech' sovremennogo iskusstva [Art and art history: theory and experience. In the Language of contemporary art]*. Ed. G.A. Zhernovaya. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2007, vol. 5, pp. 311-335. (In Russ.).

УДК: 78.071.2

ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ФИЛОСОФИИ ГУЛЬДА

Монастыршина Юлия Александровна, доцент кафедры истории музыки, Государственная классическая академия имени Маймонида (г. Москва, РФ). E-mail: monastyrshina2009@yandex.ru

Глен Гульд является одним из самых неоднозначных и оригинальных мастеров фортепиано, его исполнительский почерк безошибочно узнается уже с самых первых нот. Найти причину такой узнаваемости попытаемся в настоящей работе, посвященной исполнительскому творчеству Глена Гульда. В ней на примере баховских инвенций и симфоний, а также танцев из французских сюит, мы исследуем феномен гульдовских интерпретаций с точки зрения сферы исполнительского инструментария, идее которой подчинена вся интерпретационная риторика пианиста. Нам предстоит внимательно разобраться в специфике последней и определить ее основные «постулаты», такие как: принцип не имеющего аналога исполнительского приема, принцип «сбоя ожидания», когда пианист будто играет со слушательским восприятием, принцип «утрированного изображения», который работает на идею «заново открытого текста» – одну из идей авангарда, «взгляды» которого «исповедовал» Гульд, принцип «разных ракурсов», а именно: выявление дополнительного смыслового потенциала произведения путем «просвечивания» последнего посредством различных артикуляционных, орнаментальных, динамических, фактурных и жанровых «оптик», принцип интерпретации как механизма, подключающего к процессу слушания все параметры восприятия: зрение, обоняние, осязание, вкус, исполнение как инструмент исследования энергетических возможностей произведения и т. д. Необходимо заметить, что все обозначенные интерпретационные принципы Гульда «работают» на создание нового качества взаимодействия в триаде «композитор – исполнитель – слушатель»: слушатель оказывается теперь не тем, кто «потребляет» «готовый интерпретационный продукт», но тем, кто его «сопроизводит». Непривычный ракурс видения привычного исполнительского арсенала вызван не столько желанием шокировать публику, сколько размышлением Гульда на тему того, что есть интерпретация и чем должен заниматься исполнитель. Эксперименты в области слушательского восприятия стали основным идейным и эстетически-философским стержнем всей исполнительской, публицисткой, дирижерской деятельности канадского музыканта. Более того, можно говорить о целой интерпретационной философии пианиста, разобраться в которой попытаемся в данной статье.

Ключевые слова: эстетически-философский стержень, принцип «сбоя ожидания», непривычный ракурс видения, знакомые незнакомцы, утрированное изображение.

THE BASIC POSTULATES OF GOULD'S INTERPRETIVE PHILOSOPHY

Monastyrshina Yuliya Aleksandrovna, Associate Professor of Department of Music History, Maimonides State Classical Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: monastyrshina2009@yandex.ru

Glenn Gould is one of the most controversial and original masters of piano with his unmistakable handwriting performing from the very first notes. To find the reason for such recognition, we will try in this paper dedicated to performing art of G. Gould. In it, we will examine the phenomenon of his interpretations in terms of the scope of performance tools, which is subordinated to the idea of all the interpretative rhetoric of the pianist. We will closely examine the specifics of the latter and to determine the basic “postulates,” such as the principle of reception with no analogues, the principle of expectation’s crash, when the pianist playing with listener’s perception, which works on the idea of “reopened text,” one of the avant-garde ideas which Gould professed, the principle of “an exaggerated image,” the principle of “different perspectives” namely:

identification of additional semantic potential of the works by dint of “translucence” it through different articulation, ornamental, dynamic, texture and genre opticians, the principle of interpretation as a mechanism to connect to the process of hearing all the parameters of perception: sight, smell, touch, taste, the playing music as a research tool of work’s energy opportunities, etc.

It should be noted that all the indicated interpretive principles of Gould’s “work” created a new quality of cooperation in the triad “composer-performer-listener”: the listeners are no longer those who only “consuming the ready interpretative product” but those who create. Unusual angle of vision of the usual arsenal of performance caused not so much by a desire to shock the audience, it is Gould’s thinking about the subject, of what interpretation is and what should the artist do. Experiments in the area of the listener’s perception have become the main ideological and aesthetic-philosophical core of the musician. Moreover, it is possible to talk about the Gould’s interpretive philosophy.

Keywords: aesthetic and philosophical rod, the principle of expectation’s crash, unusual angle of vision, familiar strangers, exaggerated image.

Как известно, Гульд принадлежит немало любопытных мыслей о музыке, музыкантах и искусстве в целом. Тем не менее мы остановимся на одном его высказывании, которое послужит «эпиграфом» к настоящему разговору, а именно: характеризуя свою деятельность в одном из интервью, Гульд говорит так: «Я специалист в области коммуникаций, канадский писатель, в свободное время, играющий на рояле». На первый взгляд может показаться, что это – очередной гульдовский перформанс, «работа на создание ситуации», но при более детальном рассмотрении оказывается, что тут сокрыто нечто большее. Не будет преувеличением утверждать, что эксперименты в области слушательского восприятия стали основным идейным и эстетически-философским стержнем всей исполнительской, публицисткой, дирижерской деятельности канадского музыканта.

Именно под знаком поиска нового, дотоле незадействованного коммуникационного потенциала, скрытого в том или ином средстве выразительности, проходят все гульдовские эксперименты в сфере исполнительского инструментария, и этой идее подчинена вся интерпретационная риторика пианиста. Стоит более внимательно разобраться в специфике последней и определить ее основные «постулаты».

Первый и важнейший принцип интерпретационной «стратегии» Гульда – это принцип не имеющего аналога исполнительского приема. Заметим, что идея «штучной вещи» становится одной из ключевых в интерпретационной философии канадского музыканта. Действительно, если внимательно «перечитать» гульдовское испол-

нительское наследие, то выяснится, что пианист никогда не повторяется; орнаментальный «узор» темы *Инвенции D-dur* – это орнаментальный узор, придуманный «по данному конкретному случаю», и он не будет воспроизведен ни до, ни после. Темп *Инвенции G-dur* – это движение «здесь и сейчас», это темповая «приправа», приготовленная специально для данного «интерпретационного блюда». Дробная «капающая» артикуляция *Инвенция Es-dur* – это артикуляционная находка, актуальная только для этой пьесы.

Каждый артикуляционный рисунок, каждая pedalная краска, каждый темповый и орнаментальный приемы, используемые пианистом, уникальны, «сшиты на заказ», по «размеру» конкретной вещи. Надо сказать, что идея «уникального имени» становится фундаментальной идеей окружающего Гульда культурного пространства. Подобные примеры встречаем в литературе: герой В. Вульф Питер Уолж бежит по улице в попытках вспомнить свое имя, но не имя «Питер», которым его все называют, а свое уникальное имя. Вспомним также знаменитые спиральные дамбы Р. Сидсона, не подлежащие показу в других точках земного шара, или авангардные инсталляции, изготовленные из материала, специально придуманного именно для этой инсталляции.

Другой важнейший принцип гульдовской интерпретационной философии – принцип «сбоя ожидания»: пианист играет с нашим восприятием, всегда предъявляя нам музыку Баха не в тех артикуляционных, pedalных, динамических «одеждах», в каких мы привыкли ее видеть. Прежде всего, данный принцип касается темпа. Не

будет преувеличением утверждение о том, что «визитной карточкой» гильдовского пианизма является неожиданная темповая «оптика», а именно: Гульд играет быстрые пьесы еще быстрее (см. баховские симфонии *E-dur*, *h-moll*, *C-dur*), а медленные – еще медленнее (см. баховские симфонии *d-moll*, *f-moll*, *g-moll*).

Нередки случаи, когда пианист играет изначально медленные пьесы в быстром темпе; подтверждением чему могут служить его прочтения баховских инвенций *g-moll*, *a-moll*, *A-dur*, симфоний *B-dur*, *D-dur*, фуг *C-dur*, *c-moll* из Первого тома ХТК, Маленькой прелюдии *C-dur* (из «Шести...»), Маленькой прелюдии *c-moll* (из «Двенадцати...»), Прелюдии *F-dur* (из «Двенадцати...») и т. д.

Не менее оригинально канадский музыкант использует и динамические возможности рояля; к примеру, в пьесах большой протяженности, как, например, симфония *d-moll*, *f-moll*, Фуга *distoll* (Первый том ХТК) он не пользуется таким традиционным средством формопостроения, как «смена мануала», при этом форма у него производит впечатление удивительной цельности. И здесь вспомним «крылатую» гильдовскую фразу, которая как нельзя лучше иллюстрирует его метод работы с текстом: «Никаких *crescendo* и *diminuendo*, – заявляет Гульд, – но сплошные

сюрпризы». Первым таким «сюрпризом» может быть названа беспедальная игра пианиста. Так, например, в Прелюдии *C-dur* вместо легкого педального флера, создающего иллюзию мягких лютневых переборов канадский мастер являет нам «колючее» беспедальное пространство, лишней раз доказывая, что сама по себе беспедальная игра может быть сильнейшим интерпретационным «аргументом». Тот же эффект беспедального, «восставшего» против слушателя пространства видим в баховской Симфонии *h-moll*, Маленькой прелюдии *C-dur* (из «Шести...»), Маленькой прелюдии *c-moll* (из «Двенадцати...»), Прелюдии *c-moll* из Первого тома ХТК.

Принцип «сбоя ожидания» обнаруживает себя и в орнаментальной сфере; Гульд, будучи верным себе, никогда не играет украшения там, где их принято играть, и «ввинчивает» орнаментальные «пикантности» туда, где мы менее всего ожидаем их встретить. Наглядной иллюстрацией может служить гильдовская трактовка баховской Инвенции *D-dur*: пианист отказывается от длинных трелей в среднем разделе, где они вроде бы «напрашиваются», а также от орнаментики в предикте перед репризой, но вставляет орнаментальные «завитушки» в самые на первый взгляд «неподходящие» для этого места (рис. 1, 2).

Рисунок 1. Инвенция *D-dur* И. С. Баха

Рисунок 2. Инвенция *D-dur* И. С. Баха

Очень часто Гульд идет на изменение оригинального текста с тем, чтобы получить эффект переченя. Так, например, в Жиге из Французской сюиты *Es-dur* пианист везде, где это возможно играет украшения так, чтобы они образовыва-

ли с другими голосами связку «бемоль-бекар», что не только служит «пикантной приправой» к музыкальному «блюду», но в ряде случаев делает жигу «непохожей на себя» (рис. 6).

Рисунок 6. Жига *Es-dur* И. С. Баха

Если говорить о гульдовском принципе «сбоя ожидания» в целом, то он, прежде всего, служит надежной страховкой от «автоматизации» слушания; в каком-то смысле стратегия «темпового, орнаментального, артикуляционного, педального или динамического шока» оказывается сродни эстетике «зонга» у Брехта, а именно: уже готовому расчувствоваться зрителю вдруг «подсовывают» нечто «не из той оперы», и такой «эстетический нокаут» заставляет выключиться из процесса и взглянуть на происходящее как бы со стороны. Аналогично этому непривычный и поначалу очень неудобный интерпретационный «ракурс» канадского пианиста заставляет слушателя «шевелиться», задавая себе вопрос: «А зачем он это делает?», а, следовательно, и искать на него ответ.

Но помимо «игрового» момента в интерпретационной риторике Гульда присутствует и нечто другое – принцип «утрированного изображения». Не будет преувеличением утверждение о том, что великий канадец всегда работает в условиях «сдвинутой картинки», «сгущенных красок». Таков, например, гульдовский темп: то, как пианист подходит к темповому вопросу, можно было бы назвать так: «не точный глаз художника, но хищный глазомер». Действительно, все творчество пианиста проходит под «знаком» утрированной, сверхбыстрой или сверхмедленной темповой «оптики». Сколько бы мы не обращались к различным гульдовским интерпретациям, ясно одно: пианист никогда не играет в «удобоваримом» темпе, всегда смещая темповую картинку в ту или иную сторону. Достаточно вспомнить словно «включенные в ускоренной перемотке» баховские инвенции *G-dur*; *d-moll*, *e-moll*, *h-moll*, Симфонии

C-dur; или замедленное, «сновидческое» движение симфоний *f-moll*, *d-moll*, *g-moll*. При этом исполнитель отказывается понимать темп как «гарант» формы. Считается, что точно найденное темповое решение является залогом того, что форма «состоится», «не развалится»: Гульд же, напротив, как бы намеренно в темп не попадает. И если в супербыстрых пьесах, таких как баховская симфония *E-dur* или *h-moll*, внимание летит вперед вместе с музыкой, не успевая отцензурировать происходящее, то в случае с такими пьесами, как симфония *d-moll* или *f-moll*, идущими в экстремедленном темпе, оказывается совершеннейшей загадкой, на чем держатся эти грандиозные конструкции.

В пространстве «утрированного изображения» находится и гульдовская орнаментика. Зачастую Гульд покрывает «лицо музыки» слоем столь густого орнаментального «грима», что произведение оказывается не так-то просто узнать, иллюстрацией чего могут служить его прочтения баховских сарабанд.

Одним из ярких проявлений принципа «утрированного изображения» становятся у Гульда характерные артикуляционно-ритмические и орнаментально-ритмические формулы, под знаком которых проходит множество его интерпретаций и которые становятся характерной «деталью», определяющей «лицо» исполнительского текста. В качестве примеров могут быть названы Аллеманда из Французской сюиты *c-moll*, Маленькая прелюдия *c-moll*, Симфония *D-dur*, Инвенция *B-dur*, Симфония *h-moll*, финал Концерта *g-moll*, первая часть Концерта *f-moll* (рис. 7–12).

Рисунок 7. Аллеманда с-молл И. С. Баха

Рисунок 8. Маленькая прелюдия с-молл И. С. Баха

Рисунок 9. Симфония D-дур И. С. Баха

Рисунок 10. Инвенция В-дур И. С. Баха

Рисунок 11. Симфония h-moll II. С. Баха

Рисунок 12. Концерт f-moll II. С. Баха, 1 часть

Надо сказать, что принцип артикуляционной или орнаментально-ритмической формулы как «детали, посредством которой мы воспринимаем художественную реальность», находит множество отголосков в современном Гульду искусстве; в частности, герой Пруста живописец Эльстир отказывается приукрашивать действительность, изображая заказчицу ровесницей своей дочери, но, напротив, художника интересует характерно зеленоватый цвет ее лица. Еще один яркий пример – роман В. Вулф «Миссис Деллоуэй», где реальность дается несколькими броскими мазками: «Здесь был зеленый линолеум и текран» [2, с. 72].

В данной связи также упомянем живопись Пикассо, в которой принято выделять несколько периодов, в частности кубистический период, когда вся художественная реальность выстраивается посредством куба; или розово-голубой период, характерный тем, что упомянутые цвета выступали в роли «призмы», посредством которой художник смотрел на мир. В свою очередь, роль такого «оптического прибора», посредством кото-

рого нам удастся увидеть нечто такое, чего бы мы никогда не увидели, не будь у нас этого прибора, выступает у Гульда артикуляционно-ритмическая формула. Вместе с тем в «формульности» Гульда есть и еще один аспект: будучи однажды обозначенной, та или иная формула начинает узнаваться во все новых пьесах.

И здесь уместно вспомнить работу Тьяньнова «Литературный факт», где он выводит интересный принцип расширения вновь открытого конструктивного приема, ибо изобретенный прием «жаждет» все новой пищи, распространяясь на все новые художественные тексты. И такой принцип в полной мере касается и гульдовских артикуляционных и орнаментально-ритмических формул, которые, переходя из произведения в произведение, выступают в роли «знакомых незнакомцев», поскольку с одной стороны момент узнавания всегда присутствует, но с другой – каждая такая «формула» обладает ореолом уникальности.

Аллеманда из Французской сюиты G-dur (рис. 13):

Рисунок 13. Аллеманда G-dur И. С. Баха

Аллеманда из Французской сюиты c-moll (рис. 14):

Рисунок 14. Аллеманда c-moll И. С. Баха

Маленькая прелюдия c-moll (рис. 15–16):

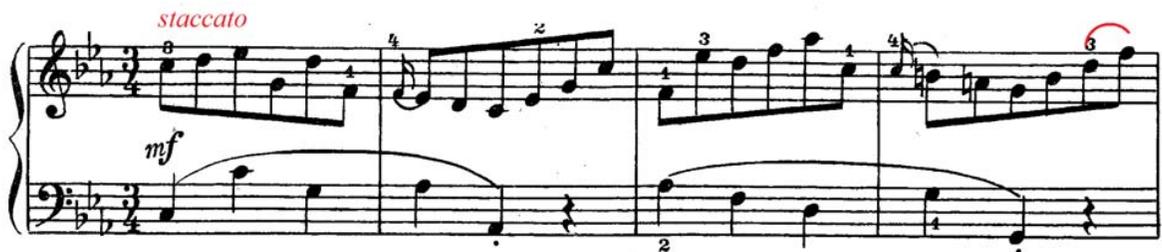

Рисунок 15. Маленькая прелюдия c-moll И. С. Баха

Рисунок 16. Маленькая прелюдия c-moll И. С. Баха

И снова «утрированная оптика» пианиста провоцирует нас на вопрос, зачем это нужно? Прежде всего, предельно «сгущенные исполнительские краски» работают на идею «заново открытого текста», являющуюся одной из излюбленных идей авангарда, «взгляды» которого «исповедовал» Гульд. Кроме того, «просвечивание» текста посредством неожиданных исполнительских «оптик» позволяет пробудить к жизни ранее незадействованные смысловые слои произведения, увидеть такие его стороны, которые невозможно было бы увидеть вне такой неожиданной «оптики». Иначе говоря, «утрированная исполнительская картинка» становится тем, что помогает извлечь из текста дополнительный смысловой потенциал.

Еще один важный постулат интерпретационной философии Гульда можно определить так: интерпретация как механизм, подключающий к процессу слушания все параметры восприятия, зрение, обоняние, осязание, вкус. Так, например, дубли баховской *Инвенции E-dur* выдержаны в очевидно разных артикуляционных парадигмах; в первом дубле партия левой руки идет упругим отрывистым *staccato*, и этот отрывистый, «до миллиметра» высчитанный штрих приводит к мощному эффекту визуализации: кажется, что музыка подобно резвому ребенку легко взбирается по ступеням, тогда как при повторе Гульд «придерживает» каждую ноту, играя мягким *non legato*, вследствие чего создается впечатление, что по ступеням на этот раз поднимается старик (рис. 17–18).

Рисунок 17. *Инвенция E-dur* И. С. Баха

Рисунок 18. *Инвенция E-dur* И. С. Баха

Другой пример – гульдовская трактовка *Инвенции D-dur* Баха; при том, что сам по себе рефрен здесь не имеет яркой «мелодической физиономии» и сплошь состоит из «крутящегося» движения, Гульд, тем не менее, находит для этой темы свое неповторимое «лицо», снабжая ее ха-

рактерным, опять-таки специально придуманным по этому случаю «замысловато-пушистым» украшением, позволяющим воспринимать эту музыку не только на слух, но в том числе – и «тактильно» (рис. 19).

Рисунок 19. Инвенция D-dur И. С. Баха

В *Инвенции A-dur* в партии левой руки каждая нота рефрена снабжена «пушистым» мордентом, а окончание темы, как павлиньим хвостом, украшено роскошной трелью. При этом каж-

дая такая трель – неповторима, и каждую такую трель можно «потрогать», «увидеть», «ощутить» (рис. 20).

Рисунок 20. Инвенция A-dur И. С. Баха

Еще одним инструментом, вовлекающим в процесс слушания все параметры восприятия, выступает у Гульда темп. Так, например, предельная скорость таких гульдовских трактовок, как баховская *симфония E-dur, C-dur h-moll*, дает почти физиологическое ощущение того, что о музыку можно «обжечься».

Следующий ключевой принцип интерпретационной философии Гульда может быть определен так: «исполнение как инструмент исследования энергетических возможностей произведения». Так, например, такие баховские пьесы, как *инвенция a-moll, G-dur, d-moll, e-moll, симфония C-dur, h-moll*, будучи сыгранными Гульдом в темпе на грани допустимого, становятся источником мощного энергетического излучения, что опять-таки находится в русле соответствующих

исканий авангарда, исследовавшего суггестивные возможности искусства. Заметим, что в «сюжете», связанном с идеей музыки как источником суггестии, особым случаем являются фуги с большим количеством стреттных проведений. Вопреки сложившейся традиции, Гульд трактует эти «эпические полотна» в сверхподвижном темпе, подтверждением чему служат гульдовские прочтения баховских *симфоний D-dur, B-dur; фуги C-dur, H-dur* из первого тома ХТК. Будучи помещенной в ситуацию сверхподвижного темпа насыщенная стреттами полифоническая ткань перестает быть «нейтральной», «активизируется», и мы почти физиологически ощущаем изливающийся на нас «энергетический душ».

На «энергетическую» идею «работает» и обильная орнаментика, присутствующая в боль-

шинстве гильдовских трактовок баховской полифонии. В качестве наглядной иллюстрации обратимся к гильдовской интерпретации *Симфонии F-dur*: первая тема трехтемной фуги, в форме которой написана пьеса, снабжена длинным активным перечеркнутым мордентом; но если в экспо-

зиции данное украшение выступает в роли легкой «энергетической пружины», то в насыщенном стреттами среднем разделе эта орнаментальная «завитушка», появляясь сразу в нескольких голосах, превращает симфонию в мощный энергетический источник (рис. 21–22).

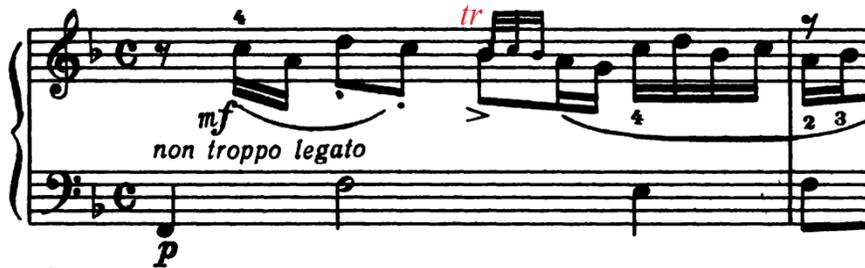

Рисунок 21. Симфония F-dur II. С. Баха

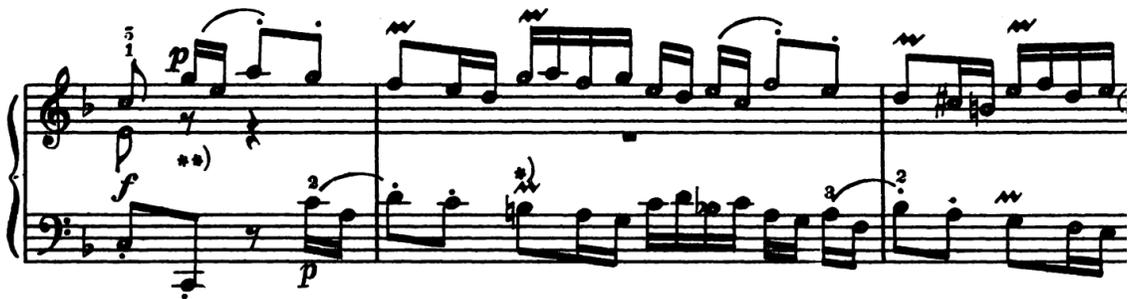

Рисунок 22. Симфония F-dur II. С. Баха

На идею «музыки как мощного источника энергии» «работает» и дробная артикуляция, совмещенная с быстрым темпом. Так, например, если сыграть баховскую *Инвенцию Es-dur* просто подвижно и штрихом *legato*, она останется эне-

гетически нейтральной, но стоит добавить сюда дробно-рассыпчатый штрих, как музыкальная ткань тут же приходит в «тонус», что и делает Гюльд (рис. 23).

Рисунок 23. Инвенция Es-dur II. С. Баха

Совершенно отдельного обсуждения требует гильдовский принцип, который условно назовем принципом «разных ракурсов», а именно: выявление дополнительного смыслового потенциала произведения путем «просвечивания» последнего посредством различных артикуляционных, орнаментальных, динамических, фактурных жанровых «оптик». Особым случаем здесь является игра дублей в барочном репертуаре, а именно: при повторе Гюльд не просто привносит свое в автор-

ский текст, но идет дальше, просматривая ту же музыку принципиально другой исполнительской манерой. Наглядным примером здесь может служить его трактовка *Аллеманды из Французской сюиты E-dur*; в репризе Гюльд дает другой артикуляционный «наряд» партии нижнего голоса, меняя мягкое *non legato* на «курсивное» *legato*, что также позволяет увидеть новые, ранее незамеченные нам грани этой музыки (рис. 24).

Рисунок 24. Аллеманда E-dur И. С. Баха

Тот же метод пианист использует и в области орнаментики, когда при игре дублей имеет место усиление орнаментального момента. Стремясь реконструировать барочную исполнительскую традицию, Гюльд снабжает повторы всяческими орнаментальными изысками. Примером здесь могут служить его трактовки всех клавирных сюит Баха, где повторы расцвечены обильной орнаментикой. В то же самое время, в упомянутом принципе орнаментального варьирования дублей дает о себе знать и авангард с его идеей «разных точек видения одного объекта», а именно: пианист «сканирует» одну и ту же музыку разными оптиками, менее активной с орнаментальной точки зрения и, наоборот, более активной в плане орнаментики. В результате эти самые «оптики» начинают «играть» друг с другом, вступая в процесс взаимоусиления и взаимообъяснения, что, в конечном счете, дает новое видение произведения.

В рамках принципа «разных ракурсов» следует выделить «сюжет», который можно определить так: выявление дополнительного орнаментального, артикуляционного потенциала темы путем сканирования посредством различных артикуляционных «оптик». И здесь обратимся к баховским темам большой протяженности: пианист всегда артикуляционно диверсифицирует различные тематические звенья, играя каждое в своей неповторимой артикуляционной манере. Наглядной иллюстрацией может служить трактовка Гюльда *Инвенции Es-dur*, где он поместил под одной лигой все возможные артикуляционные варианты. Сначала это имитация струнного *détaché*, «дыхания длинного смычка»; затем – прием «пара связных», далее стаккатируемый фрагмент, за которым следует восхождение *legato* по звукам тонического трезвучия, сменяющимся рассыпчатым *staccato* с двумя нотами *détaché* в конце (рис. 25).

Рисунок 25. Инвенция Es-dur И. С. Баха

Другой пример – тема Фуги C-dur из первого тома ХТК Баха, где первый элемент выдержан глубоким *legato*, тогда как завершающий темати-

ческий оборот, идущий шестнадцатыми, исполняется дробным *staccato* (рис. 26).

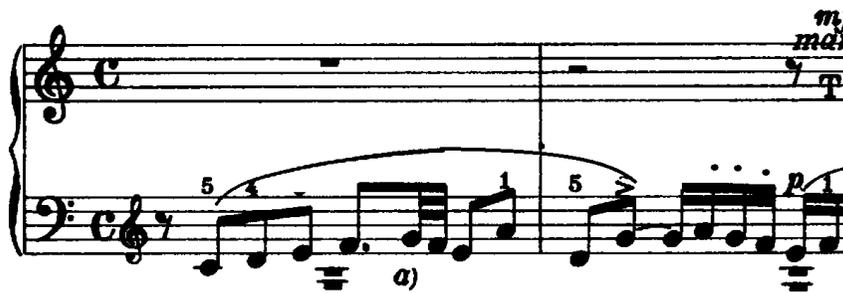

Рисунок 26. Фуга C-dur И. С. Баха

Если задаться вопросом, зачем нужна столь тщательная артикуляционная «выделка», то ответ в первую очередь будет связан со спецификой баховского тематизма: как известно, большинство баховских тем многосоставны и контрастны внутри себя, что, в свою очередь, является отражением «черно-белого» мироощущения барокко. Можно сказать, что Гульд артикуляционно «оттеняет» эту внутритематическую контрастность, не сглаживая имеющиеся тематические противоположения, но, напротив, их обостряя. Кроме того, такое тщательное «выписывание» всех артикуляцион-

ных «деталей» приводит к тому, что «плоский рисунок» темы становится трехмерным, приобретающая глубину, что опять-таки переключается с соответствующими исканиями в других областях искусства, заставляя вспомнить, например, Матисса с его культом «объемной линии».

Заметим, что все обозначенные нами интерпретационные принципы Гульда, прежде всего «работают» на создание нового качества взаимодействия в триаде «композитор – исполнитель – слушатель».

Литература

1. Андреева Е. Ю. Все и Ничто: Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. – 2-е изд. – СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 2011. – 584 с.
2. Вулф В. Малое собр. соч. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 928 с.
3. Вулф В. Миссис Дэллоуэй: романы / пер. с англ. Е. Суриц. – М.: Эксмо, 2011. – 608 с.
4. Клюев В. Г. Театрально-эстетические взгляды Брехта. – М.: Наука, 1966. – 184 с.
5. Монсенжон Б. Глен Гульд. Нет, я не эксцентрик!. – М.: Классика-XXI, 2008. – 272 с.
6. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255–270.

References

1. Andreeva E.Yu. *Vse i Nichto: Simvolicheskie figury v iskusstve vtoroy poloviny XX veka [Everything and Nothing: Symbolic figures in the art of the second half of XX century]*. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2011. 584 p. (In Russ.).
2. Vulf V. *Maloe sobranie sochineniy [A small collection of works]*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010. (In Russ.).
3. Vulf V. *Missis Dellowey: romany [Mrs Dalloway: novels]*. Translated from engl. E. Surits. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 608 p. (In Russ.).
4. Klyuev V.G. *Teatral'no-esteticheskie vzglyady Brekhtha [Theatrical and aesthetic views of Brecht]*. Moscow, Science Publ., 1966. (In Russ.).
5. Monsenzhon B. *Glen Gul'd. Net, ya ne eksstentrik! [Glenn Gould. No, I'm not an eccentric!]*. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2008. 272 p. (In Russ.).
6. Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of literature. Cinema]*. Moscow, Science Publ., 1977, pp. 255-270. (In Russ.).

УДК 781.7

О ВНУТРЕННЕМ И ВНЕШНЕМ ПЛАНАХ МНОГОМЕРНОСТИ ВОСТОЧНОЙ МОНОДИИ

Ульмасов Фируз Абдушукурович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории музыки, Таджикская национальная консерватория им. Т. Сатторова (г. Душанбе, Республика Таджикистан). E-mail: firuz_ul@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению атрибутивных параметров структурирования музыкального процесса, важнейшим из которых представляется соотношение двух планов: внутреннего (ментального) и внешнего (собственно музыкального, реализующегося в музицировании). Внутренний план включает в себя формирование и координирование интонационно-логических связей при восприятии и воспроизведении музыкальных элементов и структур внешнего плана, представляющего музыкально-исполнительскую деятельность. Взаимодействие этих двух планов, их синхронное единство и взаимообусловленность лежат в основе особой бинарной структуры музыкального процесса. Подобное взаимодействие определяется как двухплановая функциональная оппозиционность, рассматриваемая в качестве универсального принципа многомерного структурирования, имеющего различные формы и виды реализации в системе восточной монодии. Смысловое определение воспринимаемых элементов и структур, представляющее собой внутренний план музыкального процесса, осуществляется при помощи механизма смыслового контекста, который формируется традицией той или иной музыкальной культуры. Некоторые формы реализации двухплановой функциональной оппозиционности многомерности в вертикальном и горизонтальном срезах рассмотрены на примере классической устно-профессиональной музыки таджиков и узбеков.

Ключевые слова: внешний и внутренний планы восприятия и мышления, восточная монодия, вертикаль, горизонталь, музыкальный процесс, контекст, двухплановая функциональная оппозиционность.

ON THE INNER AND OUTER PLANES
OF MULTIDIMENSIONALITY EASTERN MONODY

Ulmasov Firuz Abdushukurovich, PhD in Art History, Associate Professor of Department of Art History and Theory Music, Tajik National Conservatory named after T. Sattorov (Dushanbe, Republic of Tajikistan).
E-mail: firuz_ul@mail.ru

We develop a position that the attributive parameters structuring any musical process, including monodic, is the ratio of the two plans: the inner – mental – and external – making music. Internal plan refers to the activity of the brain, the main function of which lies in the development and coordination of intonation and logical connections in the perception and reproduction of musical elements and structures of the external plan, representing musical performance. The primary function of an external plan – the deployment of the musical process. Interaction of the two plans are always carried out in the simultaneity of their interdependence and unity is a type of binary structure, where the vertical and horizontal parameters do not exist separately from each other, but only in unity, are the basis for the birth of a meaningful musical processuality. Such interaction is defined as the functional duality of opposition (DFO), regarded as a universal principle of multi-dimensional structuring that has different forms and types of implementation in Eastern monody system justifies its presence in the vertical as the backbone of its original setting. The peculiarity of the internal activities of the plan is the semantic definition of perceived musical elements and structures. As an “artist” of this essential function of the internal mechanism of the plan appears semantic context, which is formed by the experience of tradition culture of a particular time, society people. We consider some form of implementation of the DFO multidimensionality in vertical and horizontal sections of the example of the classical tradition of oral professional Tajiks and Uzbeks.

Keywords: external and internal plans of perception and thought, Eastern monody, vertical, horizontal, musical process, context, functional duality opposition.

Как известно, музыкальный процесс представляет развертываемую во времени интонационную структуру, базирующуюся на определенном логико-смысловом соотношении элементов. В этом процессе необходимо различать два взаимосвязанных плана, изначально присутствующих в нем: с одной стороны, само акустическое звучание как таковое, а с другой – его логико-смысловое осмысление и внутреннее координирование.

Это утверждение опирается на объективное положение: все логико-интонационные связи при восприятии и воспроизведении музыки изначально осуществляются исключительно внутри мозга, «внутри» психических процессов и как бы вне реального восприятия, «наполненного» традицией и культурой слышания, музыкальные связи и смыслы отсутствуют как автономные и отдельно существующие. Таким образом, обнаруживается наличие и взаимодействие двух планов: внешнего, где исполняется и звучит музыка, и внутреннего, относящегося к деятельности мозга, где осуществляется смысловая связь между звуками, осознаётся их интонационное содержание, един-

ство и различия между ними. Основная функция внутреннего – ментального – плана заключается в установлении и осмыслении логической координации во взаимодействии элементов внешнего плана. Основная функция последнего – процессуальная развёртка музыкальных смыслов в ходе слушания и творческого созидания, то есть музицирования.

Предложенное понимание имеет основополагающее значение, которое особенно наглядно демонстрируется при восприятии любых звуковых явлений, разворачивающихся во времени: соединение прошедшего, настоящего и будущего в собственно музыкальном процессе изначально осуществляется только на базе мыслительного механизма – запечатлевается в памяти и координируется мышлением.

Внешний план не есть нечто отдельно существующее от внутреннего плана, как, например, явления природы. Он представляет творческую структуру, созданную самим человеком, которая в связи с этим существенным обстоятельством сформирована в соответствии с особенностями

ми восприятия и мышления. Эти особенности, в свою очередь, имеют глубокие взаимосвязи с культурой, традициями конкретного общества. В этом контексте структуры и принципы организации внешнего плана находятся в прямой взаимосвязи с деятельностью ментального внутреннего плана.

Известно, что музыка как вид искусства обнаруживает себя через музицирование, то есть музыкальную деятельность в исполнительской практике, которая и есть форма бытия внешнего плана реализации внутренней многомерной сущности музыкальной мысли. Отметим также, что особенности музицирования, его виды и формы, в свою очередь, оказывают существенное влияние на развитие соответствующих качеств внутреннего плана. Например, культивирование тех или иных традиций музицирования, в частности монодических, неизбежно отражается на конфигурации внутренней структуры многомерности мышления. На этом взаимодействии разрабатываются соответствующие интонационные связи, формируется опыт осмысленной координации элементов внешнего плана. Иначе говоря, сама форма деятельности – музицирование, её структура и содержание играют определяющую роль в выработке своеобразия восприятия и мышления, и наоборот. Основными параметрами в ходе структурирования музыкального процесса являются вертикальные и горизонтальные соотношения элементов и построений. Различные формы их реализации отражают своеобразие различных музыкальных систем. Так, например, в теории музыки распространено положение, что в монодии тоны в ладофункциональном плане взаимодействуют только в последовательности – по горизонтали. По мнению Т. Бершадской, «для подлинной монодии, нетипично наличие каких бы то ни было, даже подразумеваемых вертикальных отношений» [2, с. 14]. Отметим также мысль С. Галицкой, которая считает, что специфическим свойством монодийной звуковысотной организации является «функциональная однослойность, когда музыкальное движение базируется на последовательном и только последовательном, а не на одновременном взаимодействии ладофункционально осмысленных звуковысотных элементов. Это означает, что монодийное развертывание исключает какое бы то ни было реальное

одновременное сочетание... автономных звуковысотных функций» [3, с. 45–46].

В тоже время С. Галицкая справедливо признает наличие подразумеваемых – виртуальных – одновременных соотношений тонов, которые образуются за счет следов от удержания звука в памяти при его восприятии. Иными словами «совмещения таких следов с реально звучащими тонами и создает виртуальную вертикаль» [3, с. 48–49]. Развивая далее эту мысль, ученый формулирует следующее положение: «Монодийная звуковысотная вертикаль, виртуальная или реальная, естественно, не абсолютно абстрагирована от функциональности. Точнее было бы говорить о несомненном господстве фонизма и о латентной, свернутой, потенциальной ладофункциональности в ее восприятии» [3, с. 50].

Необходимо дать некоторое пояснение: что именно есть «реальное» и чем оно отличается от «виртуального».

В смысловом содержании категории «виртуальное»¹ имеет место нечто, относящееся к «вымышленности», воображаемости. Это то, что можно себе представить мысленно. Такое понимание виртуальности наиболее приложимо для отражений явлений художественного содержания неких событий музыкального пространства-времени. Что касается понятия «реальное» – отметим две его формы: реальность внешнего плана и реальность плана внутреннего. Если реальность процессов внешнего плана как таковая не вызывает каких-либо сомнений или возражений (речь идет о реальности звучания и его структуры), то понимание реальности внутреннего плана требует уточнения. Для этого еще раз отметим сущность осмысленного восприятия развертываемого музыкального процесса, которая заключается в интеграции элементов прошедшего, настоящего и планируемого будущего.

Интеграция осуществляется постоянно в ходе восприятия каких-либо явлений на основе реальных действий мыслительного процесса, которые не есть нечто исключительно виртуальное, воображаемое, иначе мы вообще не смогли бы осмысленно воспринимать развертывание музыкальной мысли. Но реальность эта располагается «внутри нас», «в глубине» нашего восприятия,

¹ Виртуальный – несуществующий, но возможный, воображаемый [7].

сознания и мышления, отражает их функции по обработке поступающей информации. Данная реальность как бы не видима с внешней стороны. В этой связи отметим следующее. Наверное, никто не подвергнет сомнению реальность биения сердца, которое, в привычном понимании, также как бы является не видимым со стороны действием, но которое вполне является реальным, реальным существующим.

В контексте изложенного вычленим два вида вертикали – одновременных соотношений, имеющих разные исходные принципы «внутреннего» устройства. Если взять сугубо звуковысотные структуры, то можем отметить, что есть такие построения, где протяженность звучания одновременных сопряжений тонов (любое созвучие, аккорд) не формируется непосредственно взаимодействием элементов, различающихся по функциям. В этом виде вертикальных образований нет ладовых функциональных специализаций, обнаруживающих себя во временном развертывании. Отличия тонов здесь представлены только в высотно-регистровом аспекте. В одновременно образуется звучание, которое воспринимается и оценивается как таковое – единое и целостное, обладающее своей характерностью, то есть своими фоническими свойствами: плотностью, красочностью, рельефностью (тембро-динамический аспект). Такие вертикальные соотношения широко используются в музыкальной практике не только в европейской, но также и восточной художественной традиции.

В Центрально-Азиатском регионе подобный тип вертикали регулярно используется в традиционной инструментальной музыке. Одна из разновидностей здесь – так называемые двухголосные параллелизмы, возникающие в процессе музицирования на струнно-щипковых инструментах (*дутаре, домбре, комузе, думбраке* и др.). В подобных структурах используются интервалы кварты, квинты, октавы, перемежающиеся секстами, терциями и секундами. Специфическая особенность таких параллелизмов – ритмическая однородность вертикальных соотношений мелодических линий, одна из которых, в основном верхняя, является ведущей. В такой форме подобное звучание воспринимается как единая «утолщенная» мелодическая линия.

Обратимся теперь к другому виду вертикальных отношений. Рассмотрим его первоначально в обобщенном логико-структурном аспекте с целью выявления специфики одновременных сопряжений.

Рассматриваемый вид вертикали представляет взаимодействие двух функционально-оппозиционных планов, где каждый имеет свою специализацию в создании единого целого. Один (первый план) осуществляет развертывание музыкальной структуры, включая ритмические последовательности, тогда как другой план (второй) выполняет функции логической – смысловой – основы, на базе которой осуществляется объединение и координация элементов первого плана. Иными словами, налицо возможность процессуального развития, в ходе которого последовательно друг за другом следуют различные в высотном и ритмическом отношении элементы, раскрытие которых обеспечивается благодаря наличию другого плана, формирующего логическую связанность всех этих последований в нечто единое, целостное. Данный вид одновременного соотношения элементов представляет совершенно иной принцип вертикальных взаимодействий. Здесь нет отдельных – автономно существующих – вертикальных и горизонтальных сопряжений, но имеет место их бинарное единство, которое рождает последовательное изложение музыкальной мысли, осмысленную процессуальность музыкальной структуры.

Подобный вид вертикали, принцип ее организации можно рассматривать на двух масштабных уровнях. Первый уровень выполняет функцию исходного генератора такого взаимодействия. Его можно определить как принцип двухплановой функциональной оппозиционности (далее – ДФО), отражающий в логико-структурном аспекте сущность многомерного взаимодействия внутреннего (ментального) и внешнего (музицирование) планов. Второй уровень – различные виды и формы реализации данного принципа в музыкальном процессе.

Рассматриваемый принцип ДФО имеет основополагающее значение в формировании и развертывании исходной двухплановой многомерности музыкального процесса на уровне всеобщем. Он обуславливает наличие в любой музыкальной структуре, в том числе в одной мелодической

линии монодии, одновременного и всегда присутствующего в ней вертикального – смыслового – параллельного ряда, в исключительную компетенцию которого входит формирование интонационных взаимосвязей между элементами, управление ими в развертываемом внешнем плане – музизировании.

О подобной двуплановости музыкального мышления в свое время писал Б. Асафьев: «В эволюции музыки как интонации главное – это процесс голосоведения и его цементирования разнообразными остинатных фигур или тонов, органных пунктов и т. д.» [1, с. 323]. Развивая эту мысль, ученый отмечал, что «музыка наконец-то логически представляется в своей исконной двуплановости: мысль, как удлинить, продолжить движение интонируемой ткани, переплетается всегда и неизбежно с мыслью, как цементировать эту ткань, чтобы помочь восприятию архитектоники тонов, расплывающихся в памяти. Иначе говоря: голосоведение и педаль! <...> В народной музыке испокон веков так и обстоит дело» [1, с. 323].

Голосоведение и педаль в понимании Б. Асафьева лишь на первый взгляд представляют сугубо технологические моменты музыкальной структуры. Если широко рассматривать названные моменты, то есть концептуально, то они выступают как соотношение двух взаимосвязанных, но различных по функциям планов музыкального процесса: неизменного – объединяющего (смысловая координация элементов) и изменчивого – процессуального (последовательное развертывание мысли).

Таким образом, можно констатировать наличие неизбежного параллельного смыслового ряда в воспринимаемом музыкальном процессе (независимо от того, какую звуковую структуру он развертывает), который как интонационная целостность неизбежно формируется, как уже отмечалось, двумя планами. Есть основания утверждать диалектическое единство одновременности и разновременности, вертикальных и горизонтальных параметров взаимодействия элементов и структур в формировании музыкального процесса: не существует отдельного горизонтального развертывания без его вертикально-смыслового координирования. Иными словами, одно без другого не существует.

Резюмируя этот аспект размышлений, можно констатировать, что вертикаль в монодии является неотъемлемым и основополагающим параметром структурирования, вне действий которого принципиально не возможно осмысленное развертывание какой-либо структуры независимо от типа ее музыкального строения (многоголосного или монодийного). И это не связано непосредственно с «простым» влиянием временных следов, оставляемых в памяти при восприятии звуков, но является самим принципом мышления – взаимодействием внутреннего и внешнего планов, представляющих атрибутивное свойство интонационно-смыслового развертывания музыки. Приведем пронизательную мысль Е. Назайкинского, проясняющую единство и функциональное различие двух основных координат интонационного процесса: «Проблема вертикали, упорядочивающей мелодическое движение, является здесь, очевидно, центральной. Она теснейшим образом связана и с теорией музыкального звуковысотного слуха» [5, с. 95].

В аспекте изложенного обратимся к одному из распространенных в научных исследованиях (равно как и в обычном общении) понятию «контекст», подразумевающему также взаимодействие двух планов – внутреннего и внешнего. Внутренний план представляет смысловое поле, понимаемое как объем, алгоритм возможных связей и решений, которые устанавливаются в зависимости от конкретной социальной и художественной ситуации. То есть контексты или смысловые связи и определения могут меняться. Подобный смысловой объем формируется в сознании музыканта, как известно, с раннего возраста. Это традиции музыкальной культуры, традиции различных жанров и стилей, которые образуют некое контекстуальное пространство смысловых решений.

Важно подчеркнуть – любое произнесение и восприятие формируется и осознается в смысловом поле данной этнической и художественной традиции. Фактически можно сказать, что музыкальное мышление осуществляется неизменно в контексте, и оно по-другому не может «быть». Всегда имеется параллельный ряд тому, что звучит. Его выявление и осознание есть одна из важнейших задач исследования музыки, в том числе монодической. Этот параллельный семантический ряд свидетельствует о многомерности музыкального процесса.

Отметим также определенное различие названной выше ДФО как единства внутреннего и внешнего планов от феномена контекста с его смысловым полем. ДФО реализует сам принцип динамического развертывания музыкального процесса в единстве его вертикальных и горизонтальных параметров, тогда как второе – контекст – отражает работу внутреннего плана по смысловой трактовке выражаемых во внешнем плане элементов и построений. В этом аспекте подчеркнем существенную значимость формирования семантического объема – алгоритма возможных творческих вариантов какой-либо структуры, который располагается во внутреннем плане памяти и мышления, где происходит выбор того или иного контекста, реализующегося во внешнем плане, то есть непосредственно в процессе музицирования.

В классических музыкальных традициях народов Востока, в частности в Центральной Азии у таджиков и узбеков, в классическом музыкальном искусстве *Шашмаком*, которое преимущественно реализуется в сольном вокально-инструментальном музицировании, у музыканта есть возможность осознанного конструирования формы в процессе самого исполнения на основе имеющихся вариантов – контекстов – формирования композиции. Существенным аспектом понимания специфики управления музыкантом-солистом своей презентацией является два взаимосвязанных ресурса решения творческой задачи: выбор конкретной исполнительской модели из существующего и сложившегося набора вариантов в своей индивидуальной интерпретации и необходимость предвидения и планирования того, что возможно будет в развертывании музыкального процесса для решения «здесь и сейчас» неожиданных и новых творческих решений. Объем и содержание необходимой информации для обеспечения полноценной деятельности музыканта-солиста определяются конкретными жанрами (фольклорными, устно-профессиональными), которые сформировались в национальных музыкальных традициях, а также общественными потребностями и историческими особенностями конкретной эпохи.

Что касается проблемы выбора музыкантом-солистом той или иной модели формирования композиционной структуры в процессе исполнения отметим известное и широко распростра-

ненное в таджикской и узбекской традиционной музыкальной классике *Шашмаком* такое явление как – *намуды*. Последние представляют сложившуюся в макомном музыкальном творчестве практику переноса мелодических построений из одного *шубба* (раздела) или *макома* в другие аналогичные построения, преимущественно в кульминационную часть композиции. При этом действии сохраняются определенные мелодико-ритмические особенности первоначального музыкального построения. В музыкальной практике сложился определенный алгоритм возможностей выборки вариантов использования того или иного *намуда* в том или ином *шубба* или *макоме*. Например, «Намуди Наво заимствован из начальных мелодических построений Сарахбор в макоме Наво и используется в *шубба* Наврузи Сабо макома Рост, в *шубба* Сарахбор, Талкин, Наср и их Уфаре в макоме Сегах» [6, с. 131].

Отметим также, что в среде распространения искусства макамата слушательская аудитория, как правило, хорошо разбирается в выборе исполнителем того или иного *намуда* и может справедливо оценивать уровень его мастерства: насколько гармонично встроены *намуд* в структуру конкретной музыкальной композиции, а также высоко оценивает моменты неожиданных – нестандартных – творческих решений. В этом аспекте можно привести в качестве примера деятельность выдающего бухарского макомиста Леви Бабаханова (1872–1926), мастера использования *намудов* в различных соотношениях в своей сольной презентации. Его «глубокое знание основ *Шашмакома* позволяло ему активно применять в исполнении творческую свободу – импровизацию» и «никто заранее не мог предположить, какая будет следующая кульминация» (см. [4, с. 173–174]).

Вертикальный аспект многомерного конструирования ДФО в музицировании представляет соотношение таких элементов восточной монодии, их различных соотношений, которые демонстрируют особенности пространственно-фактурной сферы, её различные виды контрастности: разнородную – мелодия/усуль (остинтная ритмоформула ударного инструмента), однородную – мелодия/бурдон, смешанную – мелодия/бурдон/усуль. Важным проявлением вертикального аспекта ДФО является тоникальность – распространённый феномен в музыке многих народов Востока.

Как известно, суть этого явления заключается в том, что в качестве сквозного ладового центра, относительно которого выстраивается вся ладомелодическая структура развёртываемой композиции, выступает основной тон – устой. Тоникальность такого центра реализуется в двух формах: явной и скрытой, латентной. Тонический центр в явной форме воспроизводится как бурдон музыкальным инструментом, который сопровождает пение, а также мелодическую линию инструмента. Эта форма обнаруживает ясную осознанность и структурную вычлененность функции бурдона – носителя основной опоры лада. В скрытой форме, являющейся базовой, сквозное действие основного ладового центра сохраняется во внутреннем плане мыслительных и психических процессов, изнутри координирующих развитие мелодической линии. Внешне это проявляется через различные виды мелодического возврата к основному устою и его интонационное подчёркивание, подтверждающее его функциональное значение именно как структурного и ладового центра.

Отметим некоторые виды ДФО многомерности, которые реализуются в горизонтальном развёртывании. Здесь в качестве основных «участников» такого музыкального процесса используются соответствующие построения, имеющие функционально-опозиционную направленность: стабильные и мобильные компоненты. Представление подобных построений осуществляется в последовательном чередовании одного за другим, которое формирует определенный тип композиции: завершенность структуры определяется разными циклами таких чередований. Подобную последовательность можно рассматривать как особый принцип чередования функционально-опозиционными структурами.

В этом контексте отметим два вида мелодических построений, имеющие общие и различные стороны. К общим свойствам относится сам принцип взаимодействия (стабильность-мобильность) и последовательность чередования. К различиям можно отнести следующее. В одном случае соотношение между стабильными и мобильными построениями, их последовательное развёртывание формирует всю структуру произведения, как например, в инструментальных разделах *Мушкилот Шаимакома*, а в другом – подобное соотношение может формировать первичную композици-

онную единицу *хат* в структуре произведений вокального раздела *Наср Шаимакома*.

В инструментальных разделах используется известный принцип композиционного развёртывания *пешрав* (вперед идущий), включающий в себя соотношение двух основных последовательно чередующихся функционально-опозиционных построений *хона* и *бозгуй*². Данное соотношение демонстрирует в наиболее явном и полном виде действие принципа ДФО в его последовательной композиционной развёртке.

Аналогичное решение, но уже в иной форме реализуется в вокальных разделах *Наср Шаимакома*. Здесь первичное композиционное построение *хат*, формируемое опеванием двух поэтических строк (*мисра*), включает в себя в ладово-мелодическом контексте соотношение стабильного и мобильного компонентов, которые чередуются в определенной последовательности: в основном сначала подается стабильный компонент структуры, а потом уже мобильный, завершающий композицию *хат*. Эти мелодические структуры определяются как центрированная и распевная линия. Центрированная линия образуется за счет слогоритмической протяженности одного тона, с его возможными небольшими секундовыми опеваниями. Подобная протяженность создает интонационную вычлененность тона, выполняющего функции основной или временной ладовой опоры. В результате этого певческого действия образуется определенная стабильность ладового статуса высотного элемента в качестве центрального (опорного) в данной мелодической структуре. Распевные же линии не имеют центрированности одного тона, характеризуются определенной мобильностью высотных изменений, охватывая в своем движении достаточно широкий диапазон (в пределах октавы). Суть соотношения подобных мелодических линий, которые могут иметь разные структурные решения, заключается в последовательном их сопоставлении и чередовании, создающих целостность композиционного построения *хат*.

Взаимодействия внешнего (ментального) и внутреннего (музицирование) планов демон-

² *Бозгуй* (с тадж. – повтор) – повторяющееся остигатное построение в композиции, *хона* (с тадж. – дом) – постоянно изменяющееся и расширяющееся построение.

стрирует на концептуальном уровне единство вертикальных и горизонтальных параметров музыкального процесса в его самых различных видах и формах, продуцирует в конкретных традициях, в частности, в системе восточной моно-

дии различные структуры, соотносящиеся между собой в одновременном и последовательном развертывании как двуплановые функционально-опозиционные построения, являющиеся основой многомерного структурирования.

Литература

1. Асафьев Б. В. Слух Глинки // Асафьев Б. В. Избр. тр. – М., 1952. – Т. 1. – С. 289–328.
2. Бершадская Т. Лекции по гармонии. – Л.: Музыка, 1978. – 200 с.
3. Галицкая С. П., Плахова А. Ю. Монодия: проблемы теории. – М.: Academia, 2013. – 237 с.
4. Матякубов О. Узбекская классическая музыка. – Ташкент: Янги аср авлоди, 2015. – Кн. 1: Истоки. – 228 с.
5. Назайкинский Е. В. О психологии музыкального восприятия. – М.: Музыка, 1972. – 384 с.
6. Раджабов И. Р. Макомы: дис. ... д-ра искусствоведения. – Ташкент; Ереван, 1970. – 215 с.
7. Словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ozhegov.com/words/3410.shtml>.
8. Ульмасов Ф. А. О специфике сольного вокально-инструментального музицирования в восточной монодии // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37, т. 1. – С. 165–172.

References

1. Asafyev B.V. Slukh Glinki [Glinka's Ear]. *Asafyev B.V. Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow, 1952, vol. 1, pp. 289-328. (In Russ.).
2. Bershadskaya T. *Lektsii po garmonii [Lectures on Harmony]*. Leningrad, Music Publ., 1978. 200 p. (In Russ.).
3. Galitskaya S.P., Plakhova A.Yu. *Monodiya: problemy teorii [Monody. Issues of Theory]*. Moscow, Publishing Academia, 2013. 237 p. (In Russ.).
4. Matyakubov O. *Uzbekskaya klassicheskaya muzyka. Kniga 1: Istoki [Uzbek classical music. Book 1: The origins]*. Tashkent, Yangi asr avlodi Publ., 2015, 228 p. (In Russ.).
5. Nazaykinskiy E.V. *O psikhologii muzykal'nogo vospriyatiya [On the Psychology of Musical Perception]*. Moscow, Muzyka Publ., 1972. 384 p. (In Russ.).
6. Radzhabov I.R. *Makomy: dis. d-ra iskusstvovedeniya [Maqoms. Dis. Doctor of Art History]*. Tashkent; Yerevan, 1970. 215 p. (In Russ.).
7. *Slovar' Ozhegova [Dictionary Ozhegova]*. (In Russ.). Available at: <http://www.ozhegov.com/words/3410.shtml>.
8. Ulmasov F.A. O spetsifike sol'nogo vokal'no-instrumental'nogo muzitsirovaniya v vostochnoy monodii [About specific solo vocal and instrumental music in oriental monody]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37, vol. 1, pp. 165-172. (In Russ.).

УДК 398+793.31 (=512.157)

ЯКУТСКИЙ КРУГОВОЙ ТАНЕЦ *ОХУОХАЙ* В СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЯХ 1920–40-Х ГОДОВ¹

Татаринова Александра Дмитриевна, магистр музыкального искусства, старший преподаватель кафедры истории и теории музыки, Высшая школа музыки Республики Саха (Якутия) (институт) им. В. А. Босикова (г. Якутск, РФ). E-mail: sasha.sakha@mail.ru

Охуохай – это круговой танец якутов, преимущественно исполняемый во время национального праздника – встречи Нового года – *ыһыах*. В статье обозреваются труды ученых и собирателей народного творчества 1920–40-х годов, в которых опубликованы этнографические и фольклористские сведения о якутском круговом танце *охуохай*. В этот период впервые появляются якутские собиратели

¹ Продолжение статьи «Якутский круговой танец *охуохай* в дореволюционных изданиях» [16].

фольклора (С. Боло, С. А. Новгородов, П. Тимофеев, Ф. Г. Корнилов, Г. В. Ксенофонов, Г. У. Эргис и др.), печатаются сборники не только с вербальными текстами (Г. М. Васильев, Х. И. Константинов, П. Тимофеев), но и с нотами (А. В. Скрябин, Ф. Г. Корнилов). В эти годы якутский фольклор начинают исследовать московские музыковеды и композиторы (Д. Р. Рогаль-Левицкий, В. М. Беляев, Н. И. Пейко и И. А. Штейман), издаются труды первых якутских ученых-филологов (Д. К. Сивцев, Г. У. Эргис). С 1929 года начинается стационарная запись народного творчества якутов в звукозаписывающих студиях Санкт-Петербурга и Якутска, второй раз за историю фольклористики сотрудниками Московской консерватории производится аудиозапись в полевых условиях. В советский период наряду с этническим термином «үкүү», зафиксированным авторами дореволюционного периода, впервые появляется слово «оһуохай», в настоящее время являющееся общепризнанным названием кругового танца якутов. Данный факт позволяет рассматривать ныне бытующий круговой танец *оһуохай* в диахроническом аспекте и поднимает вопросы историко-этнографического характера.

Ключевые слова: якутский фольклор, *оһуохай*, круговой танец, фольклористика, этническая терминология.

YAKUT CIRCULAR DANCE *OHUOKHAY* IN EDITIONS OF 1920-40S OF SOVIET PERIOD

Tatarinova Aleksandra Dmitrievna, Master of Musical Arts, Sr. Instructor of Department of History and Theory of Music, High Music School (Institute) of Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sasha.sakha@mail.ru

Ohuokhay is a circular dance of the Yakut people. This dance is mainly executed on a national holiday of New Year called *the Ysyakh*. This holiday is held during the Summer Solstice. This article considers publications of scholars and collectors of folk art in 1920-40s of the Soviet period, in which they published ethnographic and folklore data about the dance *Ohuokhay*. This period opened many new scientific ways. These are the first collectors' of the Yakut folklore (S. Bolo, S. Novgorod, P. Timofeev, F. Kornilov, G. Ksenofontov, G. Ergis et al.) methods. The collections not only printed verbal texts (G. Vasilyev, Kh. Konstantinov, P. Timofeev), but also supplied them with music notes and comments (A. Scriabin, F. Kornilov). Moscow musicologists and composers begin to explore the Yakut folklore (D. Rogal-Levitskiy, V. Belyaev, N. Peyko and I. Shteyman). First philologists of the Yakut people published their works (D. Sivtsev, G. Ergis). From 1929 a stationary recording folklore of Yakut people begins in recording audio studios in St. Petersburg and Yakutsk (E. Gippius, Z. Evald). The second time in the history of folklore study, the audio recording is made in the field by the staff of the Moscow Conservatory (V. Malin, N. Bachinskaya, B. Smirnov). In the Soviet period, along with the ethnic term "*iungkiuu*," stated by the authors of the pre-revolutionary period, for the first time the word "*ohuokhay*" appears and is currently recognized as a circular dance called Yakuts. This fact allows us to consider the now existing circular dance *ohuokhay* in diachronic aspect and raises questions of historical and ethnographic character.

Keywords: folklore of Sakha people, *ohuokhay*, circle dance, folkloristics, ethnic terminology.

В якутском науковедении о фольклоре немаловажное место занимает период 1920–40-х годов, примечательный появлением первых собирателей-исследователей из местного населения, публикацией сборников на якутском и русском языках и изданием научно-исследовательских работ по фольклору саха, выполненных не только русскими учеными, но и первыми якутскими иссле-

дователями. В связи с новым государственным устройством страны коренным образом изменяется отношение к народному творчеству: с одной стороны, оно подвергается гонению как пережиток «прошлой жизни», с другой – активно развивается в условиях новой политики. Таким образом, при рассмотрении тех или иных жанров якутского народного творчества, в том числе одного из глав-

ных и по сей день бытующих – кругового танца *оһуохай*, актуальным является вопрос об истории изучения.

Период с 1920-х по 1940-е годы является важным этапом становления якутской фольклористики. Существенно увеличивается масштаб собирательской деятельности благодаря работе собирателей-энтузиастов якутского фольклора С. Боло [2], С. А. Новгородова, П. Тимофеева, Ф. Г. Корнилова и, позже, сотрудников Института языка и культуры (позднее Институт якутской литературы и искусства). В 1920 году С. А. Новгородов совершил поездку в Ботурусский улус, а Г. В. Ксенофонтов в 1921 году выезжал в Западно-Кангаласский и Намский улусы. Эти поездки были фольклорно-этнографического характера. В 1923 году выходит сборник «Ырыа-хоһоон» («Песни-стихи»), подготовленный П. Тимофеевым [17]. Сюда вошли тексты якутского танца «Хаамы үнүү ырыата» («Песня танца шагом») и «Көтүү үнүү ырыата» («Песня полетного танца»). К сожалению, из-за отсутствия комментариев невозможно определить, являются ли эти тексты самостоятельными, либо они относятся к отдельным разделам кругового танца.

С 1920-х до первой половины 1930-х² публикуются в основном сборники песенного фольклора якутов, среди которых фигурируют жанры *алгыс*, *тойук*, а также отдельные песни. В 1927 году вышел первый послереволюционный сборник якутских песен с нотами «Саха ырыаларын нуталара» («Ноты песен саха») [14]. Нотированные песни, привезенные в Москву А. В. Скрябиным, были обработаны московскими музыкантами – композитором Н. И. Аладовым и музыковедом-фольклористом К. П. Виноградовым. Книга состоит из двух разделов: в первый раздел вошли якутские народные песни в сопровождении фортепиано, во втором разделе даны обработки песен для хора в сопровождении фортепиано. В данном сборнике жанр кругового танца не представлен, несмотря на то, что в якутском фольклоре именно в нем присутствует коллективное пение. Думается, это связано с тем, что составителей интересовали песни куплетной формы, которых легче представить в рамках гомофонно-гармонической фактуры, нежели строчные напевы кругового

танца. Примечательно, что в этом же году выходит статья одного из первых якутских музыкантов Ф. Г. Корнилова «Саха ырыатын быһыытын туһунан» («О строении якутской песни»), в которой автор призывает исполнителей народных песен к многоголосному пению, наподобие русского, и гомофонно-гармонической фактуре [7].

В 1926 году выходит музыковедческая статья о якутском фольклоре – это работа московского музыковеда, выходца из Успенского прииска (Якутия) Д. Р. Рогаль-Левицкого «Якутская народная песня». Автор пишет о том, что старинные песни забываются, выходят из всеобщего употребления. О якутском хороводе Д. Р. Рогаль-Левицкий не пишет, но среди песенных жанров, таких как, любовные, прославления природы, он выделяет жанр игровых песен. Интересны наблюдения автора по поводу звукорядов: если старинные напевы опираются на трихорды и тетрахорды, то «более современная песня значительно свободнее обращается с древними звукорядами, вводя в них дополнительные звуки и расширяя их путем перестановок соседних, до пределов сексты, септимы или ноны» [12, с. 34].

Во второй половине 1930-х годов выходит второй сборник с нотными текстами под названием «Ноталарынан саха ырыаларын хомуура» («Сборник песен саха на нотах») [5]. Автором сборника является Ф. Г. Корнилов. Сюда вошли 88 образцов, из них более половины были сочинены самим автором, а 39 – это записи народных песен. Круговых танцев в данном сборнике нет.

В 1967 году под редакцией композитора и музыковеда Г. А. Григоряна был опубликован еще один сборник Ф. Г. Корнилова «Саха бастакы ырыалара» («Первые песни якутов») [6], упоминание о котором имеется в журнале «Советская музыка» за 1940 год [10]. В сборник вошла 41 песня, из них 18 песен сочинены самим Корниловым, а 23 представляют разные локальные традиции Якутии: образцы таттинских, олекминских, виллойских, янских, якутских³ мелодий (напевов). По большей части – это поздние песни, основанные на стихах якутских поэтов рубежа XIX–XX веков, собственно народных песен всего шесть.

² По классификации Г. У. Эргиса это первый этап советского периода [18, с. 58].

³ В данном случае имеются в виду песни, распространенные на территории г. Якутска.

В 1937 году в журнале «Советская музыка» выходит статья одного из крупнейших московских этномузыковедов В. М. Беляева «Якутские народные песни» [1]. Автор статьи, опираясь на материалы Ф. Г. Корнилова, выполняет анализ напевов олонхо и песен. Данная статья является первой попыткой исследования не только ладообразования, но и ритмических особенностей якутского фольклора.

В 1940 году в журнале «Советская музыка» выходит статья «О музыке якутов» московских композиторов Н. И. Пейко и И. А. Штеймана [10]. В 1939 году они были командированы в Якутию (а точнее, в село Майя и в Догдогинский наслег, ныне территория с. Беке, Мегино-Кангаласского улуса) с целью изучения якутского фольклора. В статье авторы разделили якутский фольклор на три основные группы:

«1. Мотивы и песни из “олонхо” (якутский народный эпос).

2. Песни как самостоятельный жанр.

3. Попевки национального танца – иохора» [10, с. 85].

В третьем разделе авторы дают краткую характеристику танца: «Происхождение этого танца, вероятно, религиозно-ритуального характера. Сейчас этот танец – хороводного типа – сопровождается текстом, импровизируемым запевалой. Каждую фразу запевалы повторяет хор» [10, с. 90]. По мнению композиторов, попевки кругового танца мало отличаются от песен. Однако они пишут, что если в песнях бывают две разновидности ритмики – очень свободная и скандированная, то в танцах встречается только второй тип ритмики: «Обычно это двухтактная попевка на 2/4 или 4/4 (редко 6/8), в которой второй такт как бы варьирует первый» [10, с. 90]. В статье приводятся два наиболее характерных, по их мнению, напева «иохора»⁴ на 4/4 и 6/8. Авторы затрагивают вопрос о многоголосии и приходят к выводу, что «исполнение “иохора” унисонное или же совершенно неупорядоченное» [10, с. 90]. Также они пишут, что в разных районах бывают свои попевки кругового танца, и их, вероятнее всего, довольно много. Эти наблюдения являются очень весомыми и будут развиваться в трудах последующих исследователей.

⁴ Иохор (*дьуохар*) – одно из названий якутского кругового танца *оһуохай*.

К данному периоду относится впервые изданный в 1937 году и впоследствии на долгие годы незаслуженно забытый труд известного якутского этнографа и фольклориста Г. В. Ксенофонтова «Ураангхай сахалар» («Уранхайские якуты»), в котором, в частности, даются краткие сведения о круговом танце северных (оленных) якутов. Он отмечает, что «круговые танцы оленных якутов носят типично тунгусский характер, что особенно обнаруживается в их плясовых возгласах» [8, с. 321]. Далее автор приводит эти возгласы по группам: якуты Жиганского улуса используют (выкрикивают) слова «сэрийэ», «һуурай», «һаандыр», долгань⁵ – «сэрийэ», «сарыйа», «һачуо», «һэчуо», а анабарские якуты – «һизйра», «һэйро» [8, с. 321]. При рассмотрении вилюйских якутов Ксенофонтов о круговом танце не упоминает [9].

Более систематическая и централизованная работа по записи, публикации и изучению якутского фольклора связана со становлением в 1935 году Института языка и культуры при СНК Якутской АССР⁶. Инициатором в открытии данного учреждения является якутский писатель, первый председатель ЯАССР П. А. Ойунский. Значительный вклад в сбор образцов фольклора внесли якутские фольклористы-ученые С. И. Боло (в основном записывал олонхо и исторические предания) и А. А. Саввин (народные песни, сказки, малые жанры фольклора – скороговорки-*чабырбах*, загадки, пословицы, поговорки; материалы о проведении *ыһыах*, национальных играх, сведения о верованиях, шаманстве и др.). Материалы этих исследователей хранятся в Архиве Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Послевоенные годы (1944–1949) интересны также тем, что Институт начинает тесно сотрудничать с работниками Дома народного творчества г. Якутска, с отдельными собирателями-энтузиастами фольклора, а также с носителями (сказителями, певцами, знатоками). В это время значительно обогаща-

⁵ Г. В. Ксенофонтов относит долган к якутам, происходящим из местности или рода дулгаан [8, с. 300]. По его мнению, долгань имеют единые культурные признаки с северными якутами.

⁶ В 1944 году учреждение было переименовано в «Институт языка, литературы и истории» (далее – ИЯЛИИ).

ются архивные материалы за счет собирательской деятельности любителей фольклора и самозаписи носителей фольклорных традиций.

В 1942 году выходит сборник «Саха народун айымньыта» («Произведения якутского народа») под редакцией якутских фольклористов Г. М. Васильева и Х. И. Константинова [13]. В книге были опубликованы тексты практически всех жанров якутского фольклора, но авторы не включили образцы кругового танца *ohyohai*.

В эти годы ИЯЛИИ ЯФ СО АН СССР привлекал широкую общественность к участию в работе по выявлению и собиранию фольклора. Г. У. Эргис указывает имена местных собирателей, например, В. Н. Дмитриева (в дальнейшем сотрудник института), Г. А. Готовцева, В. Г. Чиряева, И. Г. Березкина, П. Г. Романова, П. Т. Степанова, И. В. Николаева, И. Я. Николаева, Н. Н. Макарова, Г. Н. Павлова, Я. В. Стручкова и др. [18, с. 85]. Выходят много сборников по современному народному творчеству, такие как «Кырдьык кыйар» («Правда побеждает»), «Народные певцы о Великой Отечественной войне» и др.

В 1947 году опубликован сборник якутского фольклориста и писателя Д. К. Сивцева (якут. Суорун Омоллоон) «Саха фольклора»⁷ («Якутский фольклор») [15]. Из интересующих нас образцов в данный сборник вошли «Былыргы ыһыах үкүүтүн ырыата» («Песня старинного танца ысыах»), записанный ранее С. В. Ястремским [20, с. 206], и «Үкүү ырыата» («Песня танца»). При описании праздника *ыһыах* Д. К. Сивцев замечает, что раньше в благословлении божеств было развито коллективное моление на основе очень простого текста. «Бу курдук ыллы-ыллы, элбэх киһи төгүрүччү тоҕолохторуттан тутуһа сылдьан, күнү батыһа эргийэллэр үһү» («Вот таким образом, много людей взявшись за руки пели и кружились по ходу солнца»), – пишет Д. К. Сивцев [15, с. 26]. Позже в данном обряде начал усложняться вербальный текст, и постепенно появились специальные певцы, которые впоследствии стали запевающими в круговом танце. Автор отмечает, что раньше такое пение было только коллективным, не было деления на запевающего и втору – «Толоруллууларын майгына күргүөмүнэн. Кэнники кинилэр уустугуран, кэнээн барыылара аны хоһоон таһаарааччы, той-

уксут үөскүүр» («Пели все вместе. Только потом с постепенным усложнением (данного танца), начали появляться «выводящие стихи» (певцы) и тойуксуты») [15, с. 26].

К периоду 1920–40-х годов относятся экспедиционные и стационарные аудиозаписи. В 1929 году начинается стационарная запись якутского фольклора в Ленинграде от студентов северного отделения Института восточных языков и в г. Детское Село от студентов факультета Живых восточных языков фольклористами Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. Материалы хранятся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) в г. Санкт-Петербург в коллекции № 035 [4]. В 1937, 1945 и 1948 годах студентом В. В. Малиным, Н. М. Бачинской и Б. Ф. Смирновым были записаны образцы фольклора булунской и амгинской традиций. Эти записи хранятся в фонде научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории [11, с. 56]. В 1945 году начинается аудиозапись фольклора в Якутии, организованная комитетом по радиофикации и радиовещанию при Совнарком. Первые аудиозаписи были сделаны от Устина Нохсорова – это два круговых танца *ohyohai*, вилюйской и амгинской локальных традиций. Данные аудиозаписи хранятся в фонотеке Национальной вещательной компании «Саха». Эти записи были выполнены специалистами на хороших звукозаписывающих устройствах, что позволило обеспечить высокую степень сохранности этих записей до нашего времени.

На основе указанных материалов 1920–40-х годов следует рассмотреть национальную этимологию жанра кругового танца. Вплоть до конца 1930-х годов в сборниках и научных статьях авторы практически не обращаются к круговому танцу. Единственным «свежим» источником здесь можно назвать сборник П. Тимофеева [17], а также работу С. В. Ястремского, подготовленную в 1884–1896 годах во время Сибиряковской экспедиции и изданную только в 1929 году [20]. В работе П. Тимофеева присутствуют такие термины, как «хаамы үкүү» и «көтүү үкүү», в которых второе слово «үкүү» встречался в трудах исследователей дореволюционного периода. Примечательно, что термины П. Тимофеева в современном круговом танце используются в качестве определения самостоятельных разделов танца,

⁷ Данный сборник был переиздан в 1996 году.

где *хаамы үкүү* является основным разделом, исполняется в умеренном темпе, основной движением являются шаги, а *көтүү үкүү* – кульминацией танца, танцуются в быстром темпе и на прыжках. В 1940-е годы в научных трудах впервые появляются термины «осуохай» и «иохор». Термин «*оһуохай*» встречается в 1945 году в работе Г. У. Эргиса «Спутник якутского фольклориста»: наряду с хороводными песнями, такими как *бүлүүлүү үкүү тойуктара* (вилюйский медленный хоровод), *хааластыгы үкүү тойуктара* (хангаласский хоровод), *таатталыгы үкүү тойуктара* (таттинский хоровод), *хотугулуу хаамыгы үкүү* (северный хоровод), *көтүү үкүү тойуктара* (песни быстрого хоровода), он указывает на танец *оһуохай* и его разновидности (вилюйский, олекминский, кангаласский танцы) [19, с. 24]. Заметим, что здесь хоровод *оһуохай* представлен как самостоятельный круговой танец. В варианте «эһикэй» термин *оһуохай* встречается в труде Д. К. Сивцева 1947 года «Саха фольклора». Здесь это слово он используется в качестве синонима термина «үкүү», обозначающего еще в трудах ученых XVII–XIX веков якутский круговой танец [15].

Второе слово «иохор», созвучно названию бурятского кругового танца «ёхор», зафиксировано Н. И. Пейко, И. А. Штейманым, собиравшими материалы по якутскому народному творчеству в с. Майя и близлежащих от него поселениях Мегино-Кангаласского улуса. Такое определение кругового танца в настоящее время бытует в основном у запевал из Нюрбинского улуса, а также понимается народом как одно из локально определенных названий *оһуохай*.

Интересно, что в последующих фольклористических трудах укоренился именно термин «осуохай». В книге «Народные танцы Якутии» М. Я. Жорницкая пишет: «По данным наших информантов, в старину хороводный танец у якутов назывался не “осуохай”, а “хаамыгы үкүү” (танец шагом), “кымыс үнкүүтэ” (кумысный танец) и “былыргы үнкүү” (старинный танец)» [3, с. 48]. Анализ этнической терминологии, основанный на изданных трудах авторов дореволюционного [16] и советского (1920–1940-е годы) периодов, подтверждает мысль М. Я. Жорницкой о появлении в советский период нового определения кругового танца, именуемого как «оһуохай».

Литература

1. Беляев В. Якутские народные песни // Советская музыка. – 1937. – № 9. – С. 11–26.
2. Боло С. Ленаа нуучча кэлиэн иннинээи саха олоо // Сб. тр. Науч.-исслед. института языка и культуры. – Якутск, 1938. – Вып. 4. – 232 с.
3. Жорницкая М. Я. Народные танцы Якутии. – М.: Наука, 1966. – 168 с.
4. Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома / А. А. Бурькин, А. Х. Гирфанова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Н. Д. Светозарова, В. П. Шифф. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. – 132 с.
5. Корнилов Ф. Г. Ноталарынан саха ырыаларын хомуура. – М.: Музгиз, 1936. – 112 с.
6. Корнилов Ф. Г. Саха бастакы ырыалара. – Якутскай: Саха сиринээи кинигэ издательствота, 1969. – 60 с.
7. Корнилов Ф. Г. Саха ырыатын быһыытын туһунан // Чолбон. – 1927. – № 3–4. – С. 65–68.
8. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – Т. 1, кн. 1. – 416 с.
9. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – Т. 1, кн. 2. – 320 с.
10. Пейко Н., Штейман И. О музыке якутов // Советская музыка. – 1940. – № 2. – С. 84–90.
11. Перечень экспедиционных и стационарных аудиозаписей основного фонда Кабинета народной музыки Московской государственной консерватории. – М.: Москов. гос. консерватория, 1999. – 88 с.
12. Рогаль-Левицкий Д. Р. Якутская народная песня // Музыка и революция. – 1926. – № 10. – С. 33–35.
13. Саха народун айымньыта / Хомууйан оорбуттара: Г. М. Васильев, Х. И. Константинов. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1942. – 252 с.
14. Саха ырыаларын нуоталара. Москваа Адаам Искирээбин аалбыт нуоталарын Бынагыраадап уонна Алаарап диэн муусукаһыттар тупсаран оорбуттара. – М., 1927. – 28 с.
15. Сивцев Д. К. Саха фольклора: хрестоматия. Саха АССР үөрээн министерстватынан көүллэммит пособие. – Якутскай АССР ГОСИЗДАТА, 1947. – 356 с.
16. Татаринова А. Д. Якутский круговой танец *оһуохай* в дореволюционных изданиях // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 31. – С. 13–20.

17. Тимофеев П. Ырыа-хоһоон. – Якутскай: Сырдык диэн сахалыы кинигэни бэчээттиир кэпэрэтиип таһаарыыта, 1923. – 21 с.
18. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 404 с.
19. Эргис Г. У. Спутник якутского фольклориста. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1945. – 94 с.
20. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. – Л.: АН СССР, 1929. – 226 с. – (Тр. Комис. по изучению Якут. АССР; т. 7).

References

1. Belyaev V. Yakutskie narodnye pesni [Yakut folk songs]. *Sovetskaya muzyka [Soviet music]*, 1937, no. 9, pp. 11-26. (In Russ.).
2. Bolo S. Lenaа nuuchcha kelien innineeи sakha oloo [The life of the Yakuts in the Lena river before the arrival of Russian]. *Sbornik trudov Nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka i kul'tury [Proceedings of the Research Institute of Language and Culture]*. Yakutsk, 1938, iss. 4. 232 p. (In Yakut language).
3. Zhornitskaya M. Ya. *Narodnye tantsy Yakutii [Folk dances of Yakutia]*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 168 p. (In Russ.).
4. Burykin A.A., Girfanova A.Kh., Kastrov A.Yu., Marchenko Yu.I., Svetozarova N.D., Shiff V.P. *Kolleksii narodov Severa v Fonogrammarkhive Pushkinskogo Doma [Collection of the North in Phonogramarchive Pushkin House]*. St. Petersburg, Filologicheskiy fakul'tet SPbGU Publ., 2005. 132 p. (In Russ.).
5. Kornilov F.G. *Notalarynan sakha yryalaryn khomuura [Collection of songs of Yakut people with musical notation]*. Moscow, Muzgiz Publ., 1936. 112 p. (In Yakut language).
6. Kornilov F.G. *Sakha bastaky yryalara [First songs of Sakha people]*. Yakutsk, Book Publ., 1969. 60 p. (In Yakut language).
7. Kornilov F.G. Sakha yryatyn byhytytyn tuһunan [About forms of Sakha's songs]. *Cholbon [Cholbon]*, 1927, no. 3-4, pp. 65-68. (In Yakut language).
8. Ksenofontov G.V. *Uraangkhay sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov [Uraanghaj sakhalar. Essays on ancient history Yakut people]*. Yakutsk, Nats. izd-vo Respubliki Sakha (Yakutiya) Publ., 1992, vol. 1, book 1. 416 p. (In Russ.).
9. Ksenofontov G.V. *Uraangkhay sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov [Uraanghaj sakhalar. Essays on ancient history Yakut people]*. Yakutsk, Nats. izd-vo Respubliki Sakha (Yakutiya) Publ., 1992, vol. 1, book 2. 320 p. (In Russ.).
10. Peyko N.I., Shteyman I.A. O muzyke yakutov [About music of Yakut people]. *Sovetskaya muzyka [Soviet music]*, 1940, no. 2, pp. 84-90. (In Russ.).
11. *Perechen' ekspeditsionnykh i statsionarnykh audiozapisey osnovnogo fonda Kabineta narodnoy muzyki Moskovskoy gosudarstvennoy konservatorii [A list of forwarding and stationary audio recordings of the main fund of the Laboratory of the folk music of the Moscow State Conservatory]*. Moscow, Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya Publ., 1999. 88 p. (In Russ.).
12. Rogal-Levitskiy D.R. Yakutskaya narodnaya pesnya [Yakut folk song]. *Muzyka i revolyutsiya [Music and revolution]*, 1926, no. 10, pp. 33-35. (In Russ.).
13. Vasil'ev G.M., Konstantinov Kh.I. *Sakha narodun ayyym'ya [Creativity Yakut people]*. Yakutsk, Book Publ., 1942. 252 p. (In Yakut language).
14. *Sakha yryalaryn nuotalara. Moskvaа Adaam Iskireebin aalbyt nuotalaryn Bynagyraadap uonna Alaарap dien muusukahyttar tupsaran oorbuttara [Yakut songs in musical notes. Materials brought to Moscow by Alexander Scriabin in processing musicians Vinogradov and Alarov]*. Moscow, 1927. 28 p. (In Yakut language).
15. Sivtsev D.K. *Sakha fol'klora: khrestomatiya. Sakha ASSR yөrein ministerstvатыnan kөyllumit posobie [Sakha's folklore: chrestomathy]*. Yakutsk, ASSR GOSIZDATA Publ., 1947. 356 p. (In Yakut language).
16. Tatarinova A.D. Yakutskiy krugovoy tanets v dorevolyutsionnykh izdaniyakh [Yakut circular dance ohuokhay in the pre-revolutionary editions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 31, pp. 13-20. (In Russ.).
17. Timofeev P. *Yrya-khohoon [Songs and poems]*. Yakutsk, Syrдыk Publ., 1923. 21 p. (In Yakut language).
18. Ergis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'klору [Essays about Yakut folklore]*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 404 p. (In Russ.).
19. Ergis G.U. *Sputnik yakutskogo fol'klorista [Satellite of Yakut folklorist]*. Yakutsk, Gosizdat JaASSR Publ., 1945. 94 p. (In Russ.).
20. Yastremskiy S.V. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov [Samples of folk literature Yakut people]*. *Trudy komissii po izucheniyu Yakut. ASSSR [Proceedings of the Commission for the Study of Yakutia. ASSSR]*. Leningrad, AN SSSR Publ., 1929, vol. 7. 226 p. (In Russ.).

УДК 792.028

САМОРАСКРЫТИЕ АКТЕРА: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЕМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОБНАЖЕНИЯ

Прокопов Виктор Леонидович, доцент кафедры театрального искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: pvl08@mail.ru

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, доцент, директор института театра, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Актуальность статьи состоит в значимости самораскрытия актера в современном театре и слабой разработанности приемов эмоционального обнажения актера. Цель статьи авторы связывают с уточнением понятия «самораскрытие актера» и выявлением приемов самораскрытия в практике режиссеров и театральных педагогов. В статье анализируются работы психологов и театральных деятелей, посвященные вопросам самораскрытия и воспитания чувств. Особое внимание уделяется поискам режиссеров Ежи Гротовского, Анатолия Васильева, а также театрального педагога Юрия Васильева. Анализ материалов, раскрывающих опыт поисков театральных режиссеров и педагогов в вопросе самораскрытия актера, позволяет авторам статьи уточнить понятие «самораскрытие актера» и сформулировать сложившиеся приемы эмоционального обнажения. Осмысление имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что под термином «самораскрытие актера» следует понимать обнажение глубоко личных мыслей и чувств актера в условиях публичности (в условия сценического действия в присутствии большого количества зрителей), а также в условиях произнесения «чужого» (авторского) текста. Кроме того, к выводам статьи, имеющим практическую значимость, относятся: аргументация самораскрытия актера как результата специального тренинга и, собственно, раскрытие сути приемов эмоционального обнажения. К уже разработанным способам самораскрытия актера, то есть к способам эмоционального обнажения, авторы статьи относят: прием концентрации внимания и глубокого погружения в материал, а также прием образной вербализации ощущений.

Ключевые слова: самораскрытие актера, приемы эмоционального обнажения, прием концентрации внимания и глубокого погружения в материал, прием образной вербализации ощущений.

ACTOR'S SELF-OPENING: THE CONCEPT AND METHODS OF THE EMOTIONAL BARING

Prokopov Viktor Leonidovich, Associate Professor of Department of Theatre Art, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: pvl08@mail.ru

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, Associate Professor, Director of the Theatre Institute, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

The actuality of this article consists of the significance of actor self-opening in the modern theater and poor elaboration of the receptions of actor's emotional baring. The purpose of article is the refinement of concept "actor self-opening" and development of the self-opening methods in the practice of producers and theatrical teachers. The works of psychologists and theatre researchers about self-opening and bringing-up the feelings are analyzed in the article. Special attention is paid to the searches of producers Grotovsky, Anatoly Vasiliev, and theatrical teacher Yuri Vasiliev. The analysis of the materials, revealing the experience of theatric producers and teachers about actor self-opening makes possible to specify the concept "actor self-opening" and to formulate the prevailing methods of emotional baring. The comprehension of available material leads to the conclusion that the term "actor self-opening" should be understood as the deep baring of actor personal

thoughts and feelings under conditions of publicity (conditions of stage action in the presence of large quantity of spectators), and under the conditions of the utterance “strange” (author’s) text also. The argumentation of actor self-opening as the result of special training and disclosing the essence of the methods of emotional baring are conclusions of this article which have practical significance also. The method of concentration of attention and deep sinking into the material, and the method of the descriptive verbalization of sensations also are methods of actor self-opening. The method of the concentration of attention and deep sinking into the material treats as the concentration and sufficiently prolonged on the time immersion into the thought and feelings of the text author by means of study training for the purpose of awakening the deep actor’s personal emotional reactions. The method of the descriptive verbalization of sensations is: the concentration on its own feels in the process of acting in the relaxation exercises, verbal formulation of sensations, correlation of the signs of sensations with the emotional means. The method of image verbalization of sensations realizes in several versions. Formulation of the sensations after exercise acting (right away is the first variant. Verbal formulation of sensations in the process of acting is the second variant.

Keywords: actor self-opening, methods of emotional baring, method of concentration of attention and deep sinking into material, method of image verbalization of sensations.

Вопрос самораскрытия исследуемый, прежде всего, психологами, крайне значим и для театральной педагогики. В театральном искусстве это связано в первую очередь с возникновением и развитием психологического направления и разработкой подходов, направленных на обнажение и обострение эмоциональной, душевно-чувственной природы актера, как в процессе создания спектакля, так и в процессе его сценической реализации. В настоящее время молодые люди, поступающие на специальность «Актерское искусство», далеко всегда эмоционально распахнуты и внутренне свободны. К сожалению, уже в семнадцать, восемнадцать лет девочки и мальчики умеют «закрывать» свои настоящие мысли и чувства не только от внешнего мира, но и от самих себя. Эта душевная закрытость рассматривается театральными педагогами как серьезная преграда для плодотворного сценического творчества. Душевная закрытость и незнание своей психофизической природы становятся сначала причиной неубедительных, неорганичных актерских оценок в процессе этюдной тренировки, а затем в партнерском взаимодействии в условиях спектакля. В подтверждение значимости вопроса самораскрытия в театральном искусстве приведем мнение авторитетного исследователя творчества актера Н. В. Рождественской. Она отмечала в размышлениях о компонентах актерских способностей: «Самое же главное свойство выразительных способностей – это свобода проявления, то есть отсутствие излишнего внутреннего контроля. Повышение контроля ведет к зажимам, скованности

поведения – главным врагам сценической правды» [7, с. 122]. Свободное проявление чувств и мыслей в процессе сценического действия – это и есть процесс самораскрытия актера. При этом проблему самораскрытия актера, актуализировавшуюся в театральной педагогике в XX столетии, нельзя и в настоящее время считать решенной, что вполне обоснованно. Как известно, исследование феномена самораскрытия началось не так давно – в 1950-х годах, в русле гуманистической психологии. Одним из первых самораскрытие исследовал канадский психолог и психотерапевт С. Джуард. В свою очередь в отечественной психологической науке изучение самораскрытия относятся лишь к концу 1980-х годов. В конце XX века этой проблеме посвятили свои работы: Н. В. Амяга (1989), И. П. Шкуратова (1998). Впоследствии, уже в XXI столетии, изучение феномена самораскрытия представлено работами Е. В. Зинченко (2000), М. В. Бородиной (2001), Н. В. Перепелицы (2003), М. Н. Тепиной (2008), А. К. Болотовой (2010), О. В. Каратеевой (2015). Специалисты в области психологии трактуют термин «самораскрытие» как сообщение человеком информации о себе другим людям, добровольное открытие другому лицу разных аспектов своей личности. При этом психологи связывают содержание самораскрытия с мыслями, чувствами человека, с фактами его биографии, текущими жизненными проблемами, его отношениями с окружающими людьми (см. [9, с. 139–140; 5, с. 108] и др.). Конечно, понимание термина «самораскрытие» в аспекте театрального искусства, то есть понимание этого

процесса режиссерами и театральными педагогами применительно к мастерству актера несколько иное. При этом теоретических исследований, посвященных самораскрытию актера, практически нет. Правда, имеются отдельные публикации режиссеров и театральных педагогов, раскрывающие поиски способов эмоционального обнажения актера. В связи с этим потребность в осмыслении проблемы самораскрытия актера сохраняется. Цель данной статьи состоит в уточнении понятия «самораскрытие актера» и выявлении приемов самораскрытия в режиссерской практике и театральной педагогике.

Как известно, в XX столетии русский драматический театр и театральная педагогика искали способы проникновения в глубины душевных тайн человека, в глубины его бессознательного. К. С. Станиславский потрясал современников спектаклями, определившими новый художественный метод – «душевный реализм» (Б. Алперс), условия которого требовали от актера глубокого внутреннего, эмоционального обнажения. В свою очередь зарубежные театральные деятели также указывали на значимость душевной открытости в мастерстве актера. В 1930-е годы французский драматург, режиссер, теоретик А. Арто провозгласил манифест театра жестокости, опирающийся на необходимость воспитания душевного атлетизма актера (см. [1]). В 1960-е годы английский режиссер П. Брук, не зная об идеях А. Арто, предпринимал поиски, близкие им. В это же время в Польше режиссер Е. Гротовский открыл театр-лабораторию, где активно исследовал возможности самораскрытия актера. Впоследствии П. Брук отметил: «С Гротовским у нас возникла большая дружба: мы увидели, что у нас общие цели. Но мы шли разными путями. Работа Гротовского ведет его все глубже во внутренний мир актера, к тому пределу, когда актер перестает быть актером и остается одна человеческая сущность. Для этого нужно активизировать каждую клетку тела и раскрыть его секреты. Поначалу, чтобы обострить этот процесс, необходимы режиссер и зритель. Однако по мере углубления процесса все внешнее должно отступить, пока, наконец, не будет больше ни театра, ни артиста, ни зрителя – будет одинокий человек, разыгрывающий сам с собою свою

последнюю драму. Для меня театр движется противоположным путем, идя от интровертного существования к экстравертному. Ощущаемое присутствие артистов и ощущаемое присутствие зрителей может создать пространство исключительной напряженности, в котором исчезают все барьеры и незримое становится реальным. Тогда публичная правда и личностная правда оказываются неразрывными частями одного сущностного переживания» [3, с. 66]. Пожалуй, наиболее отчетливо размышления о самораскрытии актера сформулированы именно Е. Гротовским и П. Бруком. Оба они связывали цель тренингов с самораскрытием актера. Первый из них шел к этой цели от экстравертного существования к интровертному, второй, наоборот, – от экстравертного к интровертному.

Однако все-таки наиболее точно суть самораскрытия актера определил Е. Гротовский. Этим термином он называл акт провокации актера по отношению к самому себе. Гротовский требовал от актера выхода из своей повседневной маски через экссесс для того, чтобы актер мог добраться до настоящей правды о себе. Самораскрытие, самопроникновение требует упражнений на самоконцентрацию: «Концентрацию, которая не имеет ничего общего с нарциссизмом, со смакованием собственных проживаний, – словом, концентрацию, которая не является сосредоточением на том, что мы могли бы назвать “я”, а на том, что можно бы определить как “ты”. Совершение акта, о котором шла речь, акта самопроникновения, оголения, требует мобилизации всех физических и душевных сил от актера, который достигает таким образом как бы состояния пассивной готовности. Пассивной готовности претворения в жизнь активной партитуры. Пользуясь метафорическим языком, можно было бы определить наиболее существенный в этом процессе элемент как смирение: психическую склонность, в которой выражается не стремление к свершению каких-то дел, а как бы отказ от их несвершения» [6, с. 132]. Суть акта самопроникновения, самораскрытия – выявление психических импульсов, пребывающих в стадии возникновения. Заметим, что последнее замечание особенно важно, ибо ценность самораскрытия актера состоит в подлинности, в действии, совершаемом «здесь и сейчас».

Таким образом, уточняя термин «самораскрытие актера» важно подчеркнуть, что в данном случае имеется в виду, прежде всего, обнажение глубоко личных мыслей и чувств актера. Причем процесс обнажения личных мыслей и чувств актера совершается через словесный текст, не принадлежащий ему, а написанный драматургом, писателем, поэтом. Иными словами, самораскрытие актера происходит в условиях произнесения «чужого» (авторского) текста. Причем в условиях сценического общения интересующий нас процесс самораскрытия свершается лишь в том случае, если в душе актера яркими, сильными и глубокими эмоциональными реакциями отзываются мысли и чувства, первоначально уже раскрытые автором художественного текста (драматургом, писателем, поэтом). К сожалению, далеко не в каждом спектакле можно наблюдать процесс самораскрытия актера. Важно понимать, что процесс самораскрытия актера состоит в обнажении глубоко личных мыслей и чувств актера в условиях сценического действия, по сути дела – в условиях публичности (то есть в присутствии большого количества зрителей), а также в условиях произнесения «чужого» (авторского) текста.

В период последней трети XX и в начале XXI столетия в практике режиссеров и театральных педагогов формировались приемы самораскрытия актера. Попробуем уточнить суть этих приемов. Е. Грозовский указывал, что самораскрытие достигается при помощи специального тренинга. Эти тренинги Е. Грозовского вызывали большой интерес русских актеров, режиссеров, театральных педагогов. Увлеченность русской театральной общественности поисками Е. Грозовского стала особенно заметной в 1980-е годы. В этот период обретают особую актуальность упражнения на психофизическую релаксацию, являющиеся первым этапом в тренинге самораскрытия. Именно в последние два десятилетия XX века в театральной педагогике формируется прием психофизической релаксации как часть тренинга самораскрытия актера. В период 1990-х годов театральные педагоги разрабатывают пути самораскрытия актера, опирающиеся на прием концентрации внимания и прием побуждения к выплеску психической энергии.

Упражнения, реализующие эти приемы, наблюдаются в практике педагогов Санкт-Петербургской театральной школы В. Н. Галендеева, Ю. А. Васильева, Е. И. Черной (см. [8]).

Из театральных практиков наиболее активно над приемами самораскрытия актера работал режиссер Анатолий Васильев. Критик П. Богданова пишет, о том, что в конце 1960-х – начале 1970-х годов в искусстве стали проявляться тенденции «субъективистской» эры. Ее суть, по мысли П. Богдановой, заключалась в стремлении художника представить изображаемую реальность сквозь призму своего собственного субъективистского видения (см. [2, с. 17–18]). П. Богданова отмечает: «Вот этот уход от идеологии и обнаруживал в Анатолии Васильеве представителя того поколения, которое я назвала субъективистским. Художника, больше интересовавшегося внутренним миром человека и его взаимоотношениями с окружающими, а не его идеологической борьбой» [2, с. 44]. Известно, что Васильев с большим интересом и пиететом относился к Е. Грозовскому. Более того, у Васильева состоялся общий проект с Рабочим центром Ежи Грозовского в Понтедера. Поиски Е. Грозовского указывали на совершенно иное отношение к тренингу. Тренинг трансформировался из разминок отдельных частей психофизического аппарата актера (голосоречевое, пластическое) в процесс самораскрытия и развития личностной природы актера. А. Васильев поддержал это направление развития тренинга. Актер и режиссер театра «Школы драматического искусства» (театра А. Васильева) Николай Чиндяйкин, участвовавший в общем проекте Е. Грозовского и А. Васильева, отмечал: «Сами занятия делились на то, что называлось “физик”, и то, что называлось “пластик”. Но “пластик” – это тоже физические упражнения, только связанные с пением. Они проходили так: поется одна строка на каком-то непонятном, африканском, языке, вся группа в течение часа долбит это и движется вместе с инструктором в том направлении, которое задается. Смысла в этом нет никакого. Ощущение смысла приходит к тебе через час-полтора дикой усталости» [2, с. 243]. Трансформация из разминок отдельных частей психофизического аппарата в процесс обнажения и развития пси-

хофизической природы, стремление к вскрытию глубинных эмоциональных реакций актера обуславливают долговременность тренингов Е. Гро-товского и А. Васильева. Полагаясь на высказывание Н. Чиндяйкина, можно сделать вывод, что самораскрытие достигалось за счет большой концентрации внимания и глубокого погружения в материал, то есть посредством приемов концентрации внимания и побуждения к выплеску психической энергии. Это вполне объяснимо: обнажение своих мыслей и чувств всегда требует от любого человека, а значит и от актера, преодоления механизма самозащиты. Не случайно психологи Р. Вердербер и К. Вердербер замечают, что самораскрытие связано с риском (см. [5, с. 107]). Авторы поясняют: «Суть интимного самораскрытия – рассказ о своих чувствах, а делиться чувствами – рискованное предприятие. Почему это так? Когда мы делимся нашими чувствами о чем-нибудь важном, мы, как правило, предоставляем кому-то информацию, которая может быть использована во вред нам. Однако все мы испытываем чувства и должны решать, где и как делиться ими. Очевидно, одна из точек зрения состоит в том, чтобы не проявлять чувств, сдерживать или маскировать их. Раскрыть свои чувства можно, проявив или описав их» [5, с. 109]. Бессознательный страх самораскрытия служит причиной душевной закрытости и внутренней несвободы будущих актеров. Даже понимание актером необходимости акта самораскрытия далеко не всем студентам помогает преодолеть указанный страх. От этого возникает сдерживание или маскировка своих мыслей и чувств, а вслед за этим искажение эмоциональных реакций. Преодоление механизма самозащиты с целью обнажения своих мыслей и чувств возможно благодаря концентрации внимания на материале, глубокому погружению в него, а также соотношению мыслей и чувств актера с мыслями и чувствами автора художественного текста. И весь этот процесс требует довольно длительного времени. Однако *прием концентрации внимания и прием глубокого погружения в материал* – наиболее эффективный путь самораскрытия актера. *Прием концентрации внимания* состоит в сосредоточенном вчувствовании в избранный объект внимания и активном внутреннем созерцании этого объекта. *Прием глубокого погружения в ма-*

териал проявляется в довольно длительном по времени и активном по эмоциональной причастности погружении в мысли и чувства автора художественного текста при помощи этюдной тренировки с целью пробуждения глубоко личностных эмоциональных реакций.

В начале XXI **формируется и еще один способ самораскрытия актера**, который вполне отчетливо представляют педагогическая практика и публикации питерского педагога сценической речи Юрия Васильева. Профессор Ю. А. Васильев говорит о связи самораскрытия актера с воспитанием его чувств, с активизацией его ощущений. Глубоко творчески переосмысленные Ю. А. Васильевым труды классиков психофизиологии и психологии позволяют ему при помощи образов формулировать психологическую установку для того или иного этапа голосо-речевой тренировки (см. [4]). Так один из способов самораскрытия актера в процессе голосо-речевой тренировки, используемый Ю. А. Васильевым можно назвать *приемом образной вербализации ощущений*. Он представляет собой не только сосредоточение на собственном самочувствии в процессе выполнения упражнений на релаксацию, но словесное формулирование ощущений, а также соотнесение признаков ощущений с эмоциональными образами. *Прием образной вербализации ощущений* реализуется в нескольких вариантах. При использовании первого варианта словесное формулирование ощущений реализуется сразу после их проживания – то есть вслед за тем, как выполнено задание. Для второго варианта *приема образной вербализации ощущений* характерно словесное формулирование ощущений во время их непосредственного проживания – то есть в процессе выполнения задания. Полагаем, первым родился тот вариант, когда формулирование ощущений осуществляется сразу после их проживания – то есть вслед за тем, как выполнено задание. Заметим, что этот вариант Ю. А. Васильев применял уже в конце 1980-х годов. Позже, в период 1990-х годов, родился второй вариант: формулирование ощущений во время их непосредственного проживания, то есть в процессе выполнения задания (см. [4]).

Как видим, проблема самораскрытия в аспекте театрального искусства осмысливается, прежде

всего, режиссерами и театральными педагогами. Вопрос самораскрытия актера в театральной педагогике соотносится с проблемой воспитания чувств и предполагает обнажение глубинных личностных эмоциональных и интеллектуальных реакций актера в условиях сценического действия, в процессе произнесения «чужого» (авторского) текста, на глазах у большого числа зрителей.

Для реализации в театральном спектакле акта самораскрытия актера необходим специальный тренинг. Его основу составляют упражнения, опирающиеся на такие способы, как: *прием психофизической релаксации, прием концентрации внимания, прием побуждения к выплеску психической энергии, прием глубокого погружения в материал, прием образной вербализации ощущений.*

Литература

1. Арто А. Театр и его двойник. – М.: Мартис, 1993. – 192 с.
2. Богданова П. Логика перемен. Анатолий Васильев: между прошлым и будущим. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 376 с.
3. Брук П. Блуждающая точка. Ст. Выступления. Интервью. – СПб.; М.: Артист. Режиссер. Театр., 1996. – 262 с.
4. Васильев Ю. А. Сценическая речь: ощущение-движение – звучание. Вариации для тренинга: учеб. пособие. – СПб.: СПГАТИ, 2005. – 342 с.
5. Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. – СПб.: ПРАЙМ ЕВРОЗНАК, 2003. – 320 с.
6. Гротовский Е. Оголенный театр // Актер в современном театре: сб. науч. тр. – Л.: ЛГИТМиК, 1989. – 137 с.
7. Рождественская Н. В. Проблемы и поиски в изучении художественных способностей [Электронный ресурс] // Художественное творчество: сб. – Л., 1983. – URL: <http://www.aquarun.ru/psih/tvor/tvor15.html> (дата обращения: 11.12.2016).
8. Сценическая речь: прошлое и настоящее: избр. тр. каф. сцен. речи С.-Петерб. гос. акад. театрал. искусства / [редкол.: Ю. А. Васильев (ред.-сост.) и др.]. – СПб.: С.-Петерб. гос. акад. театрал. искусства, 2009. – 430 с.
9. Шкуратова И. П. Самораскрытие // Психология общения: энцикл. сл. / под общ. ред. А. А. Бодалева. – М.: Когито-Центр, 2011. – С. 139–140.

References

1. Arto A. *Teatr i ego dvoynik [The theatre and its double]*. Moscow, Martis Publ., 1993. 192 p. (In Russ.).
2. Bogdanova P. *Logika peremen. Anatoliy Vasilyev: mezhdru proshlym i budushchim [The logic of the change. Anatoly Vasilyev: between the past and the future]*. Moscow, Nvoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 376 p. (In Russ.).
3. Bruk P. *Bluzhdayushchaya tochka. Stat'i. Vystupleniya. Interv'yu [Wandering point. Articles. Presentation. Interview]*. St. Petersburg, Moscow, Artist. Rezhisser. Teatr. Publ., 1996. 262 p. (In Russ.).
4. Vasilyev Yu.A. “*Stenicheskaya rech': oshchushchenie-dvizhenie – zvuchanie. Variatsii dlya treninga*”: *uchebnoe posobie [Elocution: the sensation of movement-sound. Variations for the training. Training manual]*. St. Petersburg, St. Petersburg State Theatre Arts Academy Publ., 2005. 342 p. (In Russ.).
5. Verderber R., Verderber K. *Psikhologiya obshcheniya [Psychology of communication]*. St. Petersburg, PRAYM EVROZNAK Publ., 2003. 320 p. (In Russ.).
6. Grotovskiy E. *Ogolennyy teatr [Denuded Theatre]. Akter v sovremennom teatre: sb. nauch. tr. [Actor in the modern theatre. Collection of scientific papers]*. Leningrad, LGITMiK Publ., 1989, pp. 128-136. (In Russ.).
7. Rozhdestvenskaya N.V. *Problemy i poiski v izuchenii khudozhestvennykh sposobnostey [Problems and looking at studying artistic abilities]. Khudozhestvennoe tvorchestvo: sbornik [Artistic creativity. Collection]*. Leningrad, Nauka (Leningradskoe otdelenie) Publ., 1983, pp. 105-122. (In Russ.).
8. *Stenicheskaya rech': proshloe i nastoyashchee: izbrannye trudy kafedry stenicheskoy rechi Sankt-Peterburgskoy gos. akad. teatral'nogo iskusstva [Elocution: past and present. Selected papers of the Department of elocution at the St. Petersburg State Theatre Arts Academy]*. St. Petersburg, St. Petersburg State Theatre Arts Academy Publ., 2009. 430 p. (In Russ.).
9. Shkuratova I.P. *Samoraskrytie [Self-revelation]. Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskiy slovar' [Psychology of communication. Encyclopedic dictionary]*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2011, pp. 139-140. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378:001.32

НАУЧНАЯ ШКОЛА ПРОФЕССОРА В. В. ТУЕВА: НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Коргозжа Наталья Степановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: nskorgozha@yandex.ru

В статье рассматриваются основные этапы становления и развития научной школы по направлению 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» известного российского ученого в области социально-культурной деятельности, заслуженного работника культуры Российской Федерации, основателя кафедры социально-культурной деятельности Кемеровского государственного института культуры, доктора педагогических наук, профессора Виктора Владимировича Туева, а также его многогранная научная и педагогическая деятельность.

Представлен анализ нового концептуального подхода к исследованию истории и теории клуба как социокоммуникативного института культуры, как общечеловеческого феномена общения, получившего название в социально-культурной науке «феноменология клуба». Значительное внимание в статье уделено анализу научных исследований профессора В. В. Туева в области истории, теории и методологии социально-культурной деятельности, истории развития первых европейских и отечественных клубов, феномену английского клуба как генотипу клубного общения, целостной педагогической концепции клуба как социокоммуникативного института мировой культуры.

Проанализирован содержательный контент монографического исследования В. В. Туева «Феномен английского клуба» (1997), в котором представлена инвариантная феноменологическая модель клуба, обозначены механизмы организации и динамизации клубного общения в историко-культурном контекстах и в системе общественных социокультурных коммуникаций. Определена особая роль научной школы профессора В. В. Туева в создании теоретической базы научных исследований истории, теории и методологии социально-культурной деятельности, новых концептуальных подходов к организации практической деятельности в учреждениях культуры и подготовки профессиональных кадров для учреждений социально-культурной сферы.

Обоснованы научные идеи, разработанные и представленные доктором педагогических наук, профессором В. В. Туевым в монографических исследованиях и научных статьях, которые в настоящее время сохраняют свою актуальность и остаются значимыми для современных специалистов в области социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: научная школа, социально-культурная деятельность, феноменология клуба, авторская концепция, монографическое исследование, концептуальный подход, инвариантная модель клуба, социокоммуникативный институт.

PROFESSOR V.V. TUEV'S SCIENTIFIC SCHOOL: NEW CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Korgozha Natalya Stepanovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Socio-cultural Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nskorgozha@yandex.ru

The article discusses the basic stages of formation and development of the scientific school of the famous Russian scientist in the field of socio-cultural activities, Honored Worker of Culture of Russia, doctor of pedagogical sciences, Professor Victor Vladimirovich Tuev. It presents a multi-faceted scientific and pedagogical activity of Viktor Vladimirovich Tuev, the founder of the department of social and cultural activity of the Kemerovo State University of Culture and the founder of Kemerovo Scientific School in 13.00.05 direction "Theory, methodology and organization of social and cultural activity".

We have presented the analysis of new conceptual approach to the study of history and theory of the club as the sociocommunicative institute of culture as a universal phenomenon of communication, known in the socio-cultural science as "the phenomenology of the club". Considerable attention is paid to the analysis of the research by Professor Tuev in history, theory and methodology of social and cultural activities, the history of the first European and domestic clubs, the phenomenon of the English club as a genotype of club communication, and a holistic pedagogical concept of the club as a sociocommunicative institute of the world culture.

We have analyzed the substantive content of monographic studies by V.V. Tuev "The phenomenon of the English club" (1997), which presents an invariant phenomenological model of the club, we have marked the mechanisms of organization and making club communication more dynamic in the historical and cultural contexts of social and cultural and public communications system. It defines the specific role of the scientific school of Professor Tuev in the creation of a theoretical framework of research into the history, theory and methodology of social and cultural activity, new conceptual approaches to the organization of practical activities in cultural institutions and professional training for the institutions of socio-cultural sphere.

Substantiated scientific ideas are developed and presented by the doctor of pedagogical sciences, professor Tuev in monographic studies and scientific articles, which are currently still valid and remain relevant for today's professionals in the field of socio-cultural activities have been founded in this article.

Keywords: scientific school, social and cultural activity, the phenomenology of the club, the author's concept, monographic study, conceptual approach, invariant model club, sociocommunicative institute.

22 декабря 2016 года исполняется 80 лет со дня рождения известного российского ученого в области социально-культурной деятельности, заслуженного работника культуры Российской Федерации, доктора педагогических наук, профессора Виктора Владимировича Туева (22.12.1936–15.02.2008). Многогранная научная и педагогическая деятельность по праву принесли профессору В. В. Туеву широкую известность в России как крупному ученому в области истории, теории и методологии социально-культурной деятельности, феноменологии клуба, истории развития европейских и отечественных клубов, технологии организации и деятельности современных инициативных клубов.

Юбилей ученого – важное событие в жизни Кемеровского государственного института куль-

тура, так как доктор педагогических наук, профессор Виктор Владимирович Туев внес большой вклад в развитие вуза, являясь основателем кафедры социально-культурной деятельности и основателем кемеровской научной школы по направлению 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности». 35 лет Виктор Владимирович Туев посвятил профессиональной подготовке специалистов социально-культурной сферы в Кемеровском государственном институте культуры, на протяжении 27 лет (с 1973 года по 1982 год и с 1991 года по 2008 год) возглавлял кафедру социально-культурной деятельности.

Как отмечает Е. В. Литовкин, «большой жизненный и профессиональный опыт В. В. Туева, его глубокие специальные знания, творческое и

конструктивное отношение к делу снижали ему авторитет и уважение в сфере вузовской интеллигенции. Всем известны его яркие и глубокие публикации, посвященные актуальным проблемам вузов культуры: сущности социально-культурной деятельности, современным педагогическим технологиям, подготовке высококвалифицированных специалистов для социально-культурной сферы в журналах «Культурно-просветительная работа», «Клуб», «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств», в сборниках научных трудов, издаваемых вузами культуры» (цит. по [7, с. 64]).

Доктор педагогических наук, профессор В. В. Туев является одним из лидеров отечественной научной школы в области социально-культурной деятельности, автором более 200 научных и учебно-методических работ по актуальным проблемам культуры, образования, творчества, подготовки кадров для социально-культурной сферы, автором 2 монографий «История клубов Кузбасса» (1996) и «Феномен английского клуба» (1997), 3 учебных пособий, рекомендованных для студентов вузов культуры и искусств Российской Федерации: «Технология организации инициативного клуба» (1999), «Социально-культурная деятельность в таблицах и схемах» (2006) и «Клуб в истории культуры» (2009).

Как отмечают Е. Л. Кудрина и В. И. Бедин, «тематика этих публикаций самая разнообразная: от античных и английских истоков клуба до современных проблем культурного строительства в России, от религиозных концепций этики общения до сложнейших терминологических и методических вопросов социально-культурного образования. Причем, широкий спектр исследуемых автором тем вовсе не означает разбросанности или поверхностности самих этих исследований. Нет, его научный анализ глубок и продуктивен, его знания энциклопедичны, его лексика теоретически богата, его логика эмоциональна и убедительна. Не случайно, думаем, многие сборники научных работ, коллективные монографии и даже отдельные номера специальных журналов открываются его концептуальными статьями, задающими тон содержательной направленности этих изданий» (см. [4, с. 4]).

Зарождение и развитие кемеровской научной школы профессора В. В. Туева «Социально-культурная деятельность как наука, практика и

образование» началось еще в 70-е годы XX века, в тот период, когда молодой кандидат педагогических наук в 1973 году возглавил кафедру культурно-просветительной работы Кемеровского государственного института культуры после окончания очной аспирантуры Московского государственного института культуры. Первая научная публикация В. В. Туева была издана в 1972 году и посвящена истории развития молодежных клубов в СССР, проблематика последующих научных статей была связана с деятельностью клубов рабочей молодежи в первые годы советской власти.

В 80-х годах XX века в научных публикациях В. В. Туева рассматривались активные формы устной пропаганды в системе идейно-воспитательной работы клуба, социальная сущность почина «Превратим Сибирь в край высокой культуры», культурный потенциал и интенсификация культурной деятельности населения, проблемы становления советского клуба. В этот период В. В. Туев активно увлекся темой «Клубная Пушкиниана», которой посвятил свои многочисленные научные статьи, опубликованные в центральных журналах «Клуб и художественная самодеятельность» («Пушкинская строка в клубной летописи», 1983, № 11) и «Культурно-просветительная работа» («Три клуба Пушкина», 1987, № 6–8), сборниках научных статей и учебных пособиях.

Становление и дальнейшее развитие научной школы профессора В. В. Туева было связано с проведением научных встреч с известными учеными страны в 80–90-годах XX века в Кемеровском государственном институте культуры, на которых обсуждались актуальные проблемы культуры, образования и искусства. Эти встречи получили широкую популярность в кругу научной и творческой общественности Западно-Сибирского региона, в вузе в этот период было проведено более 50 научно-творческих встреч, которые получили название «Туевские научные среды». Научно-исследовательские традиции, заложенные «научными средами» послужили основой дальнейшего становления и развития научной школы профессора В. В. Туева, определили основные направления исследований в социально-культурной деятельности.

В 90-е годы XX века научные публикации В. В. Туева были посвящены проблемам демократизации досуга, социально-культурным про-

цессам в сфере досуга, клубу как субъекту социально-культурной деятельности, культурологизации образования и педагогизации досуга как тенденции новой социальной парадигмы, социокультурным процессам в региональной сфере досуга. В этот период В. В. Туев занимался изучением истории развития клубов на региональном уровне, в частности историей клубов Кузбасса. Виктор Владимирович отмечал, что «собирая по крупицам информацию о кузбасских клубах, расщепленную в других монотемных исследованиях, мы, естественно, надеялись извлечь ее из трех информационных потоков: по истории клубов, по истории культуры Сибири и по истории Кузбасса» [2, с. 4]. Являясь членом редакционного совета «Исторической энциклопедии Кузбасса» и членом редколлегии научного журнала «Культурологические исследования в Сибири» В. В. Туев издал в 1996 году первую монографию «История клубов Кузбасса», в которой рассмотрел историю развития клубов Кузбасса в контексте отечественной истории.

В 1997 году была издана вторая монография В. В. Туева «Феномен английского клуба», которая была посвящена исследованию феномена английского клуба как генотипа клубного общения, являвшегося важнейшим институтом социализации, духовной интеграции и сотворчества людей. В монографии глубоко исследована история возникновения древнегреческих гетерий и древнеримских коллегий как первых в истории культуры типов клубных организаций, составлены клубографии знаменитых британских клубов, проанализированы существенные черты английской модели клубного общения.

Как совершенно точно пишет В. В. Туев во введении монографии «Феномен английского клуба», «история клуба – белое пятно отечественной науки. Несмотря на обилие кандидатских диссертаций по проблемам клубной работы, на учебные курсы “История культурно-просветительной работы”, “Клубное дело”, “Клубоведение”, многие годы читавшиеся в отечественных учебных заведениях культуры, на клубные факультеты в вузах, клубные отделения в училищах, клубные сектора в научно-исследовательских институтах и клубные отделы в государственных органах управления культурой, тоже долгое время функционировавшие у нас в стране, история возникновения и развития клуба как уникаль-

ного социокоммуникативного института человеческой культуры по существу не известна нам ни на научно-теоретическом, ни на популярно-просветительском уровнях» [5, с. 3].

В этот период в научной школе профессора В. В. Туева формировалась новая научная концепция исследования истории и теории клуба как социокоммуникативного института культуры, как общечеловеческого феномена общения, получившая название «феноменология клуба». Основным научным трудом, в котором отражены результаты нового концептуального подхода к исследованию клуба явилась диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук «Феномен клуба: историко-педагогический анализ», защищенная В. В. Туевым в 1998 году в Московском государственном университете культуры и искусств.

Как отмечает Н. Н. Ярошенко, «автор затронул несколько важных пластов социально-педагогического осмысления клуба – каждый из них вполне мог бы составить самостоятельное исследование. Самодостаточность отдельных частей диссертации В. В. Туева лишь подчеркивает внутреннюю соподчиненность и глубокое методологическое родство того круга проблем, которые, на наш взгляд, репрезентативно представляют всю предметно-теоретическую область нашей науки» [8, с. 267].

В диссертационном исследовании «Феномен клуба: историко-педагогический анализ» В. В. Туев определил роль клуба в системе общественных социокультурных коммуникаций, исследовал механизмы организации и динамизации клубного общения в историко-культурном контексте, проанализировал различные типы клубов, функционировавших в социально-культурной истории, провел генетический, историко-педагогический и типологический анализ их деятельности, рассмотрел историю создания и деятельности первых российских клубов, в том числе Санкт-Петербургского Английского собрания, Московского Английского клуба, Российского Благородного собрания, разработал инвариантную феноменологическую модель клуба и представил целостную педагогическую концепцию клуба как социокоммуникативного института мировой культуры.

Результаты научных исследований доктор педагогических наук, профессор В. В. Туев ак-

тивно представлял на Всероссийских, региональных и межвузовских научных конференциях, его концептуальные статьи опубликованы в «Информационном вестнике» Министерства культуры РФ, в «Вестнике МГУКИ» (Москва) и «Вестнике КазГУКИ» (Казань), в Ученых записках МГУКИ и КемГУКИ, в научном журнале «Культурологические исследования в Сибири» (Омск), в сборниках научных трудов, изданных в Москве, Краснодаре, Челябинске, Тюмени, Омске, Новосибирске, Красноярске, Кемерове, Улан-Удэ, в специальных центральных журналах «Культурно-просветительная работа» и «Клуб».

С открытием аспирантуры в 2000 году на базе кафедры социально-культурной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств по специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» научная школа профессора В. В. Туева обрела новый научный статус.

Под руководством В. В. Туева выполняли свои диссертационные исследования 12 аспирантов и соискателей, 4 из которых успешно защитили кандидатские диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: В. С. Чардынцев «Социально-культурное обеспечение развития русской инструментальной фольклорной традиции» (2005), С. В. Сабуцкая «Формирование системы методического обеспечения социально-культурной деятельности в регионе» (2006), И. М. Верещагина «Социально-культурная поддержка хобби как личностной любительской инициативы» (2008), Л. В. Секретова «Организационно-педагогические условия интеграции элитарных клубов в социально-культурную среду региона» (2008).

Центральное место в научной школе профессора В. В. Туева занимали проблемы формирования и развития теории социально-культурной деятельности, социально-культурная деятельность как область прикладной культурологии, предметное поле социально-культурной деятельности, основные направления социально-культурной деятельности как фактора устойчивого развития российского общества, особенности организации и совершенствования культурологического образования, подготовка квалифицированных специалистов для социально-культурной сферы Западно-Сибирского региона, развитие культурного строительства в Кузбассе, организация моло-

дежного досуга и клубного общения, актуальные проблемы методики и технологии социально-культурной деятельности.

Виктор Владимирович Туев постоянно сотрудничал с кафедрами социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств, Казанского государственного университета культуры и искусств, Алтайского государственной академии культуры и искусств, Челябинской государственной академии культуры и искусств, Омского государственного университета. На протяжении многих лет он был членом учебно-методического совета по социально-культурной деятельности учебно-методического объединения вузов Российской Федерации в области народного художественного творчества, социально-культурной деятельности и информационных ресурсов.

Совместно с кафедрой социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств в 2002 году был издан межвузовский сборник научных статей: «Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика». В 2007 году подготовлен к печати и отредактирован профессором В. В. Туевым новый межвузовский сборник научных и учебно-методических статей «Социально-культурная деятельность в образовательном пространстве», в котором опубликованы статьи ведущих ученых страны в области социально-культурной деятельности.

В рамках научной школы профессора В. В. Туева осуществлялась подготовка специалистов социально-культурной сферы на кафедре социально-культурной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Активная научная и учебно-методическая деятельность В. В. Туева во многом способствовала разработке и совершенствованию новых учебных планов и учебных программ по специальности «Социально-культурная деятельность».

Виктор Владимирович Туев был ведущим профессором нашего вуза, читал профилирующие учебные дисциплины «Социально-культурная деятельность», «Социально-культурная работа за рубежом», «Клуб в истории культуры» для студентов кафедры социально-культурной деятельности. Учебные занятия профессора В. В. Туева проводились на высоком научном и методическом уровне, с применением новых педагогических

технологий, интерактивных форм обучения, таких как: проблемная лекция, лекция-дискуссия, «театр» (театрализованная методичка), блиц-клуб, терминологический аукцион, специально разработанных тестов и кроссвордов, представленных в учебном пособии «Социально-культурная деятельность в таблицах и схемах» [6, с. 48–78].

Под научным руководством профессора В. В. Туева подготовлены и защищены около 200 дипломных работ студентов по актуальным проблемам социально-культурной деятельности. Как верно отмечал В. В. Туев, «если клубоведческие теории и методики, изложенные нами в учебном пособии “Технология организации инициативного клуба”, и исторический опыт организации клубов в России и за рубежом, систематизированный в настоящем учебном пособии “Клуб в истории культуры”, помогут, хоть в какой-то степени, сформировать специалиста, знающего и умеющего создать клуб, наша исследовательская и педагогическая работа будет вознаграждена» [3, с. 205]. За годы руководства профессором В. В. Туевым кафедрой социально-культурной деятельности было подготовлено более двух тысяч специалистов социально-культурной деятельности, которые в настоящее время успешно работают в учреждениях социально-культурной сферы нашей страны.

Научная школа профессора В. В. Туева имеет общественное признание в социально-культурной науке в России, в широких кругах российской научной и педагогической общественности. Исследования научной школы В. В. Туева основываются на авторской концепции развития клуба как уникального феномена в истории культуры, они объединены единым концептуальным подходом к

предмету исследования и едиными методами научного исследования. В знак признания высоких достижений в социально-культурной науке доктор педагогических наук, профессор В. В. Туев в 2005 году был избран действительным членом Международной академии социальной работы, в 2006 году – действительным членом Петровской академии наук и искусств.

Обобщая результаты теоретических исследований кемеровской научной школы, М. А. Ариарский отмечает, что «дальше других в раскрытии сущности и специфики социально-культурной деятельности пошел В. В. Туев, который рассматривал это явление духовной жизни с культурно-антропологических позиций. Виктор Владимирович Туев определяет социально-культурную деятельность как управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре и его активного включения в этот процесс» [1, с. 47].

Научная школа заслуженного работника культуры Российской Федерации, доктора педагогических наук, профессора В. В. Туева создала теоретическую базу научных исследований истории, теории и методологии социально-культурной деятельности, обосновала методологические основы клуба как социокоммуникативного института культуры, разработала новые концептуальные подходы к организации практической деятельности в учреждениях культуры; научная школа активно развивается в настоящее время и способствует новому уровню подготовки специалистов социально-культурной сферы, успешно решающих современные проблемы приобщения человека к культурным ценностям в новых условиях модернизации российского общества.

Литература

1. Ариарский М. А. Педагогическая культурология. – СПб.: Концерт, 2012. – Т. 2. – 448 с.
2. Туев В. В. История клубов Кузбасса. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 216 с.
3. Туев В. В. Клуб в истории культуры: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. – 262 с.
4. Туев В. В. Культура, творчество, личность: ст. разных лет. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 155 с.
5. Туев В. В. Феномен английского клуба. – М.: Москов. гос. ун-т культуры, 1997. – 240 с.
6. Туев В. В. Социально-культурная деятельность в таблицах и схемах: учеб. пособие по курсу «Социально-культурная деятельность» для студентов специальности 053100 «Социально-культурная деятельность». – Барнаул: АЛТГАКИ, 2006. – 87 с.
7. Рябков В. М. Антология научно-педагогической работы ведущих ученых социально-культурной деятельности России (вторая половина XX – начало XX века): учеб. пособие. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2014. – Т. 11. – 396 с.
8. Ярошенко Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник. – М.: МГУКИ, 2007. – 360 с.

References

1. Ariarskiy M.A. *Pedagogicheskaya kul'turologiya [Pedagogic culturology]*. St. Petersburg, Kontsert Publ., 2012, vol. 2. 448 p. (In Russ.).
2. Tuev V.V. *Istoriya klubov Kuzbassa [The history of Kuzbass clubs]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1996. 216 p. (In Russ.).
3. Tuev V.V. *Klub v istorii kul'tury [The club in the history of culture]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2009. 262 p. (In Russ.).
4. Tuev V.V. *Kul'tura, tvorchestvo, lichnost': stat'i raznykh let [Culture. Creativity, personality. Articles of different periods]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2006. 155 p. (In Russ.).
5. Tuev V.V. *Fenomen angliyskogo kluba [The phenomenon of the English club]*. Moscow, Moscow State University of Culture Publ., 1997. 240 p. (In Russ.).
6. Tuev V.V. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' v tablitsakh i skhemakh: uchebnoe posobie po kursu "Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'" dlya studentov spetsial'nosti 053100 "Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'" [Social and cultural activity in tables and graphs: a training course in "Social and cultural activity" for the students of specialization 053100 "Social and cultural activity"]*. Barnaul, AltGAKI Publ., 2006. 87 p. (In Russ.).
7. Ryabkov V.M. *Antologiya nauchno-pedagogicheskoy raboty vedushchikh uchenykh sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti Rossii (vtoraya polovina XX – nachalo XX veka) [The anthology of scientific pedagogical works of the leading scientists in Russian social and cultural activity (second half XX – beginning XX)]*. Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ., 2014, vol. 11. 396 p. (In Russ.).
8. Yaroshenko N.N. *Istoriya i metodologiya teorii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [The history and methodology of the theory of Social and cultural activity]*. Moscow, MGUKI Publ., 2007. 360 p. (In Russ.).

УДК 379.8.091

ДОСУГОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail yudinaannaivanovna@mail.ru

В статье рассматривается актуальная проблема организации досуга детей подросткового возраста. Подростки как особая возрастная и социальная группа в большей степени подвержены влиянию негативных тенденций современного общества. Досуг является сферой жизнедеятельности, где наиболее ярко проявляются последствия общественных трансформаций. На основании данных социологического опроса, автор пришел к выводу о том, что в последние годы особо популярными в подростковой среде стали экстремальные увлечения. Склонность подростка к риску – это способ заслужить уважение сверстников, повысить собственный статус. Для подростка быть экстремалом – значит не отставать от времени, прогресса, совершенства. Демонстрируя свои исключительные способности, подросток находит единомышленников в социальных сетях, разделяющих его стремление нарушить запреты взрослых. Экстремальный досуг, без соблюдения правил безопасности ведет к различным социальным рискам, угрозе жизни и здоровью несовершеннолетних. В научной статье выявлены виды экстремальных увлечений подростков и предложены формы организованного досуга, которые могут минимизировать социальные риски и угрозу жизни и здоровья несовершеннолетних. Проведен анализ форм социально-культурной деятельности, реализующихся в учреждениях культуры и образовательных организациях, для минимизации социальных рисков экстремальных увлечений подростков.

Ключевые слова: досуг, подростки, досуговые предпочтения, социальный риск, экстремальные виды досуга.

PREFERENCE FOR LEISURE OF MODERN TEENAGERS: PREVENTION OF SOCIAL RISK

Yudina Anna Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Socio-cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

The scientific article states the actual problem of leisure activities of adolescents. Teens of particular age and social groups are more vulnerable to the negative trends of modern society. Leisure is an area of life where the most pronounced effects of social transformations. Based on the opinion poll data, the author came to the conclusion that especially popular among teenagers became extreme enthusiasm in recent years. Teenagers' addiction to risk is a way to earn the respect of their peers, raise their own status. For a teenager to be an extremal means not to keep up with the times, progress and perfection. Demonstrating the exceptional ability, a teenager finds like-minded people on social networks, sharing his desire to break the taboos of adults. Extreme leisure, without complying with the safety rules leads to various social risks, threat to life and health of minors. The scientific article shows the kinds of extreme hobbies of teenagers and proposed forms of organized leisure activities that can reduce social risks and threat to life and health of minors. An analysis of the forms of social and cultural activities that are realized in cultural institutions and educational institutions, in order to minimize social risks of extreme hobbies of teenagers. It studies the methods and forms of work of libraries, museums, clubs, parks and recreation. These forms are designed to work with young people and attract children. Interactive sites, workshops, lectures, thematic evenings, theatrical performances, salon and living events, contests and game programs, readers and audience of the conference, to experiment with different forms of art allow to attract more young people

Keywords: leisure, youth, recreational preferences, social risk, extreme leisure activities.

Падение уровня общей культуры, разрушение традиционных норм и ценностей, распространение элементов упрощенной массовой культуры ведет к изменениям системы ценностных ориентаций личности. Подростки как особая возрастная и социальная группа в большей степени подвержены влиянию негативных тенденций современного общества. Досуг является сферой жизнедеятельности, где наиболее ярко проявляются последствия данных общественных трансформаций. В сложившихся социально-культурных условиях молодые люди утрачивают определенность в выборе линии нормативного поведения.

В ближайшие десятилетия современные подростки станут основными носителями и проводниками инициатив и решений во всех сферах общественной жизни. В силу отсутствия сложившихся социальных стереотипов подростки являются социальной группой, личностные качества которой поддаются педагогической коррекции и возможности задавать желаемый тип общественного поведения. В этой связи основной задачей образовательных организаций, учреждений дополнительного образования и культуры является

создание социально-культурных условий для позитивной социализации молодых людей, которые будут реализовываться через развитие личностного потенциала и самореализацию этой группы. Поэтому выявление приоритетов в организации досуга подростков является актуальной проблемой современного российского общества.

Психолого-педагогические характеристики подросткового возраста изучены в трудах отечественных и зарубежных ученых [2; 5; 6; 7]. В педагогике разработка проблемы социализации детей и подростков связана с именами Г. М. Андреевой, С. Г. Вершловского, А. В. Мудрика, В. С. Селивановой, В. А. Слостенина. В научных трудах социализация показана как одна из важнейших системообразующих категорий современной педагогики. В отечественной педагогической теории социализированность определяется в контексте интерпретации категории «социальная интеграция». Начало такой традиции в общей педагогике восходит к работам В. А. Слостенина [5].

В своих научных трудах ученые подчеркивают, что полноценное становление личности подростка невозможно в рамках узкого семейного

круга. Поэтому основным фактором социализации детей подросткового возраста являются взаимоотношения, складывающиеся в группе сверстников.

Следует отметить, что в начальных классах авторитет ребенка среди товарищей определяется оценками взрослых. Уважением сверстников, как правило, пользуются отличники, выполняющие требования учителей и родителей. У ребенка, вступающего в подростковый возраст, расширяется сфера самостоятельности, растет опыт общения с людьми, появляется желание самому разобраться в поступках людей и их отношениях. Подростка уже не удовлетворяет такая система требований, при которой он находится в полной зависимости от оценок взрослых. В коллективе сверстников начинает вырабатываться новая система критериев оценки поведения и личности человека, возникает своеобразная «переоценка ценностей», складывается новая иерархия морально-этических требований.

Сформированные в этом возрасте ценностные ориентации не могут не сказаться на досуговых предпочтениях личности. В стремлении занять лидирующие позиции в группе сверстников и завоевать авторитет подростки, зачастую, в своих досуговых предпочтениях следуют моде. Тенденции развития досуговых предпочтений современных подростков, помимо влияния групп сверстников, продиктованы множеством факторов: СМИ, социальный статус семьи, развитие инфраструктуры учреждений культуры, спорта, образовательных организаций и мн. др.

С целью популяризации достижений молодежи в городе Кемерово ежегодно проводится конкурс «Молодое лицо года». Задачами конкурса являются: привлечение внимания общественности к достижениям молодых людей и популяризация успехов молодежи в различных сферах деятельности; поощрение молодых людей за их деятельность, стимулирование их к саморазвитию; увеличение числа подростков и молодежи, активно участвующих в жизни города. В ходе подготовки к конкурсу в 2016 году волонтерами проведено социологическое исследование «Портрет современного молодого человека», в рамках которого были выявлены современные досуговые предпочтения подростков и молодежи города Кемерово.

На основании данных опроса мы можем констатировать, что 51 % респондентов своё сво-

бодное время предпочитают проводить с друзьями; 32 % подростков, участвующих в опросе, в свободное время общаются в социальных сетях и занимаются компьютерными играми; 17 % отметили, что посещает социально-культурные и развлекательные учреждения. На вопрос: «Играете ли вы в интеллектуальные игры?» – 57 % ответили «да», что говорит о желании узнавать новое, развивать определённые умения и навыки. Исследование показало, что 37 % опрошенных отметили заинтересованность в занятиях спортом. По итогам данного опроса выявлено, что наибольший интерес у подростков вызывают компьютерные игры – 174 человека, посещение спортивных секций – 132 человека, творческих объединений – 110 человек, чтение книг – 60 человек. Респондентам было предложено ответить на вопрос: «В каких городских молодежных мероприятиях вам интересно участвовать?». Данные ответов показали, что в подростковой среде города Кемерово наиболее популярными являются традиционные мероприятия: фестиваль граффити; фестиваль молодежных субкультур «Город Ультра»; турнир по экстремальным видам спорта (скейтборд, агрессивные ролики, паркур и триал), а также состязания танцоров (реп, брейк-данс, бит-бокс); рок фестиваль «Над Землей»; акция «Аквагрим». Особо следует отметить, что 13 % респондентов указали на то, что не посещают специально организованные мероприятия и предпочитают организацию досуга в свободной форме. Для данной группы респондентов наиболее интересным представляется досуг с «выбросом адреналина».

В этой связи мы пришли к выводу о том, что данные социологического опроса, свидетельствуют о том, что в последние годы особо популярными в подростковой среде стали экстремальные увлечения. Склонность подростка к риску – это способ доказать взрослость, желание понравиться, заслужить уважение сверстников, повысить собственный статус. Для подростка быть экстремалом – значит не отставать от времени, прогресса, совершенства. Демонстрируя свои исключительные способности, подросток находит единомышленников в социальных сетях, разделяющих его стремление нарушить запреты взрослых.

Экстремальный досуг без соблюдения правил безопасности ведет к различным социальным рискам, угрозе жизни и здоровью несовершенно-

нолетних. Рискованное поведение подростков ученые объясняют биологической природой, обменными и гормональными особенностями организма. Г. А. Цукерман и Б. М. Мастеров считают, что в отдельных системах головного мозга у «любителей приключений» наблюдается сильная реакция на новые стимулы при изначально низком уровне норадреналина. По мнению ученого, эти люди чаще других испытывают скуку и живут в постоянных поисках опасных ситуаций. Их состояние улучшается только при активной выработке норадреналина [6].

А. В. Лакреева и Л. В. Варуха, анализируя исследования американского психолога Лоуренса Стайнберга, доказывают, что в присутствии сверстников подростки рискуют в два раза чаще. Эту особенность Стайнберг связывает с незрелостью нейронной сети, отвечающей за процесс оценки и анализа ситуации. Несовершеннолетние не способны принять разумные решения, дать адекватную оценку опасности в кругу друзей. Их показательные действия совершаются «на свой страх и риск», чтобы получить общественное признание [2].

Психофизиологические особенности подросткового возраста объясняют причины ри-

скованного поведения несовершеннолетних. Причины эти скрыты в особенностях возраста: импульсивности, экстраверсии, эмоциональной неустойчивости, стремлении расширить границы дозволенного. В результате низкого порога восприятия риска они идут на совершение социально и лично опасных действий, правонарушений, употребляют психоактивные вещества [2].

Компания подростков нередко подчиняется неформальному лидеру, власть которого держится на личностных качествах: склонности к риску, стремлении к новым экстремальным ощущениям. Получая удовольствие в игре со смертью, подростки стремятся наглядно доказать свое превосходство над другими. Степень опасности в игре постоянно увеличивается: от катания на подножке трамвая до прыжков на крышу проезжающего поезда или грузового состава. Подростки не всегда могут объективно осознать ценность человеческой жизни и получают удовольствие в игре со смертью, которая иногда приводит к фатальным последствиям.

В ходе исследования мы провели анализ подростковых групп в социальных сетях и определили наиболее опасные экстремальные увлечения подростков, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Виды экстремальных досуговых предпочтений подростков

Вид экстремального досуга	Ситуация экстремального поведения	Альтернативные виды досуга
1. Руфинг	Прогулки по крышам высотных зданий	Полет на парашюте, на воздушном шаре или на самолете с опытным инструктором
2. Скайуокинг	Покорение самых высоких точек в городе без специального снаряжения	Полет на воздушном шаре, скалолазание, прыжок с парашютом с инструктором
3. Диггерство	Спуск и изучение подземных коммуникаций (шахты метро, бомбоубежища и т. д.)	Изучение истории, поездка в археологический лагерь
4. Сталкерство	Посещение и изучение заброшенных мест	Туристические походы – пешие и на байдарках, изучение истории
5. Зацепинг	Проезд вне салона электрички или трамвая (на крыше, на подножке)	Любые кружок или секция, способные увлечь ребенка и охладить его тягу к опасным развлечениям
6. Бейскламбинг	Подъем на большую высоту без страховки	Полет на парашюте, прыжок с парашютом под руководством опытного инструктора
7. Планкинг	Основное правило планкинга – лежать на животе, вытянув руки вдоль тела, в самых непредсказуемых местах – на крыше, на переходе и т. д.	Танцы, легкая атлетика, спортивная гимнастика

Вид экстремального досуга	Ситуация экстремального поведения	Альтернативные виды досуга
8. Акрострит	Уличная акробатика, предполагающая выполнение довольно сложных и опасных трюков: стойка на голове, прыжки с возвышенностей, сальто	Танцы, легкая атлетика, спортивная гимнастика
9. «Собачий кайф»	Намеренное перекрытие доступа кислорода к мозгу для получения «кайфа»	Объяснить, что удовольствие можно и нужно получать безопасными и законными способами, и увлечь ребенка интересным и полезным хобби (танцы, спорт, рисование и т. д.)
10. Паркур	«Рациональное» перемещение и преодоление падающих на пути препятствий (стен, лестниц и т. д.). Сочетает в себе множество довольно сложных и опасных трюков: кувьрки, прыжки с опорой на руки	Гимнастика, легкая атлетика

Выявлено, что только у 10 % несовершеннолетних из 100 % имеется «внутренний запрет» на любую форму риска, но по мере взросления тяга к острым ощущениям снижается [3]. Минимизировать стремление к социальным рискам возможно посредством вовлечения несовершеннолетних в различные виды спорта и досуга (табл. 1).

Немаловажную роль в популяризации экстремального времяпрепровождения играет активное общение в социальных сетях Интернета. Виртуальное общение заменяет друзей и родителей, данная зависимость в подростковой среде показывает тенденцию роста. Компьютерные игры уводят подростков в виртуальный мир, где можно легко разбогатеть, получить славу, стать властелином мира. Игра позволяет совершать действия и исправлять их, возвращаясь на несколько шагов назад. Компьютерные игры формируют особый стиль мышления, жестокость, агрессию, вседозволенность, отсутствие навыка рационального использования свободного времени.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в настоящее время перед учреждениями культуры, спорта, образовательными организациями стоят задачи внедрения инновационных форм социально-культурной деятельности, влияющих на досуговые предпочтения в современной подростковой среде.

В своих научных трудах В. В. Туев убедительно обосновывал значимость и педагогический

потенциал организации социально-культурной деятельности в подростковой среде посредством клубного общения по интересам. Актуальными и сегодня представляются его рассуждения о том, что «социально-культурная деятельность – это управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре и активного включения самого человека в этот процесс» [4].

На современном этапе мы наблюдаем актуальные изменения в организации работы с детьми и подростками в различных типах учреждений культуры. Многие городские парки и музеи видоизменили свою деятельность, сделав приоритетным направлением повышение эффективности управления культурными ландшафтами. Природные заповедники и парки расширили социальную ориентацию, формы и методы работы с детьми и подростками, создали такие условия, которые вовлекают в активную созидательную деятельность несовершеннолетних. К ним относятся фестивали, ярмарки, выставки, театрализованные и музыкальные концерты, зрелищные мероприятия (балы, шоу-программы, акции), инсталляции, коллективные перформансы, интерактивные экскурсии. Всё это способствует информационному, коммуникативному, творческому развитию личности подростка.

Учреждения клубного типа изменяют своё смысловое пространство: реконструируют клуб-

ную работу, создают и реализуют информационно-просветительные проекты, осуществляют образовательные программы, открывают творческие лаборатории. Практически все сферы интересов различных социальных групп раскрыты в деятельности клубных учреждений: спорт и здоровый образ жизни; досуговые зоны для молодёжи, детей и людей третьего возраста; кинотеатр и лектории; экоплощадки; образовательные центры; зоны питания; расширение социальных, бытовых и коммуникационных услуг [1].

Следует обратить внимание на деятельность социально-культурных учреждений, таких как музеи и библиотеки. Новые формы работы облегчают социальную ориентацию детей и подростков, помогают им усваивать культурные ценности, изменять стереотипы, повышают личностную самооценку, обогащают внутренний мир. Такие формы работы, как «Ночь в музее», «Ночь в библиотеке», «Ночь искусств» направлены на удовлетворение запросов и потребностей подростковой среды. Интерактивные площадки, мастер-классы, лектории, тематические вечера, театрализованные представления, салонные и гостинные мероприятия, конкурсы и игровые программы, читательские и зрительские конференции, эксперименты с различными видами искусств позволяют привлечь большее количество молодых людей [1].

Для привлечения читателей в библиотеку широко применяются новые социально-культурные технологии в таких формах, как создание банков читательских идей, клубных объединений, библиогидов, литературных «гонок», марафонов культурных событий, литературных ярмарок, книжных аукционов, развлекательно-игровых мероприятий, вечеров встреч, ток-шоу, флешмобов, библиодесанта. Одновременно с решением проблемы привлечения аудитории все эти формы социально-культурной деятельности способствуют эффективному решению следующих проблем: популяризации деятельности музеев, библиотек; обеспечение равных возможностей в доступе к культурным ценностям; активизации взаимодействия молодёжи с данными учреждениями; определению новых ресурсов и расширению списка услуг; поддержке и продвижению чтения; саморазвитию и самообразованию; постижению основ в сфере искусства и культуры [1].

Анализ инновационной деятельности социально-культурных учреждений в сфере досуга, показывает, что большинство учреждений культуры создают и реализуют молодёжные проекты с учётом их интересов, потребностей. Современные досуговые формы основаны на личностно ориентированном подходе, содействуют социально-культурному, духовному и физическому развитию молодёжи, ее творческому потенциалу, расширяют возможности человека в выборе методов и форм проведения качественного и разнообразного досуга; формируют гражданскую инициативу.

Особое внимание специалистов учреждений культуры, педагогов образовательных организаций следует обратить на общение с подростком, увлекающимся экстремальными видами досуга, а именно:

- необходимо знать обычное для подростка место времяпровождения, круг общения, особенности поведения;
- расположить его к доверию и рассказать о рисках экстрима;
- объяснить, что риск – благородное дело, и он может быть оправдан только спасением чьей-то жизни;
- предложить ему выбрать по душе любой вид спорта, боевого искусства: дзюдо, ушу, карате, кикбоксинг;
- понять подростка и сделать так, чтобы он никогда не чувствовал себя одиноким [8].

Таким образом, данные социологических исследований позволяют определить досуговые предпочтения и интересы, ценностные ориентации, социально-культурные особенности, стремление и мотивацию детей и подростков. Предлагая различные формы досуга, социально-культурные учреждения должны учитывать личностный опыт и предпочтения подростков. Необходимо чередовать формы работы, активно применяя групповой, массовый и индивидуальный подход к реализации досуговых программ. Учитывая принципы личностно ориентированного подхода, следует варьировать стандартные и инновационные формы досуга; вовлекать подростков в процесс изучения традиций и усвоения «вечных» человеческих ценностей; синтезировать информационно-просветительную, рекреационную и культурно-творческую деятельность.

Литература

1. Герасимова И. А. Досуговые предпочтения современной молодежи: социально-культурный анализ // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – М., 2014. – № 3 (59) – С. 128–131.
2. Лакреева А. В., Варуха Л. В. Склонность к риску как фактор девиантного поведения подростков [Электронный ресурс] // Концепт. – 2016. – Т. 24. – С. 141–146. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56427.htm>.
3. Опрос, направленный на изучение удовлетворённости свободным временем [Электронный ресурс] // Всерос. центр исслед. обществ. мнения. – URL: www.wciom.ru.
4. Туев В. В. Социально-культурная деятельность как понятие // Уч. зап. – М.: МГУКИ. – 2001. – Вып. 23. – С. 30.
5. Слостенин В. А., Исаев И. Ф., Мищенко А. И., Шиянов Е. Н. Педагогика: учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений. – М.: Школа-Пресс, 2000. – 512 с.
6. Цукерман Г. А., Мастеров Б. М. Психология саморазвития: моногр. – М.: Интерпракс, 1995. – 288 с.
7. Юдина А. И. Педагогика социализации подростков в трудной жизненной ситуации: социально-культурный подход: моногр. – Кемерово: КемГУКИ, 2013. – 257 с.
8. Юдина А. И. Педагогическое сопровождение социализации подростков в сфере досуга // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск; Барнаул. – 2013. – № 4 (41). – С. 215–218.

References

1. Gerasimova I.A. Dosugovye predpochteniya sovremennoy molodezhi: sotsial'no-kul'turnyy analiz [Leisure preferences of today's youth: socio-cultural analysis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]*. Moscow, 2014, no. 3 (59), pp. 128-131. (In Russ.).
2. Lakreeva A.V., Varukha L.V. Sklonnost' k risku kak faktor deviantnogo povedeniya podrostkov [The tendency to take risks as a factor of deviant behavior among adolescents]. *Kontsept [Concept]*, 2016, vol. 24, pp. 141-146. (In Russ.). Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56427.htm>.
3. Opros, napravlennyy na izuchenie udovletvorennosti svobodnym vremenem [The survey aimed to study the satisfaction of the free time]. *Vserossiyskiy tsentr issledovaniya obshchestvennogo mneniya [All-Russian Center for Public Opinion Research]*. (In Russ.). Available at: www.wciom.ru.
4. Tuev V.V. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' kak ponyatie [Social and cultural activities as a concept]. *Uchenye zapiski [Scientific notes]*. Moscow, MGUKI Publ., 2001, iss. 23, p. 30. (In Russ.).
5. Slastenin V.A., Isaev I.F., Mishchenko A.I., Shiyonov E.N. *Pedagogika [Pedagogy]*. Moscow, Shkola-Press Publ., 2000. 512 p. (In Russ.).
6. Tsukerman G.A., Masterov B.M. *Psikhologiya samorazvitiya: monografiya [The psychology of self-development. Monograph]*. Moscow, Interpraks Publ., 1995. 288 p. (In Russ.).
7. Yudina A.I. *Pedagogika sotsializatsii podrostkov v trudnoy zhiznennoy situatsii: sotsial'no-kul'turnyy podkhod: monografiya [Education socialization of adolescents in difficult situations: the socio-cultural approach. Monograph]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2013. 257 p. (In Russ.).
8. Yudina A.I. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie sotsializatsii podrostkov v sfere dosuga [Pedagogical support of socialization of adolescents in the field of leisure]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]*, 2013, no. 4 (41), pp. 215-218. (In Russ.).

УДК 316.61

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛУБНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Васильковская Маргарита Ивановна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: margo197411@rambler.ru

Статья посвящена анализу клубных объединений для детей подросткового возраста, деятельность которых обеспечивает возможность естественного вхождения в систему открытых гражданских отно-

шений, реализацию творческих способностей и возможность участникам получить ответы на интересные их жизненные вопросы.

На основе научной работы В. В. Туева «Технология организации инициативного клуба» автором выделяются семь этапов формирования творческой активности детей подросткового возраста в условиях клубного объединения. Также определяются способы и приемы развития творческой активности подростков по преобладающему типу мышления.

В статье представлены аспекты авторской программы «Школа руководителей проектов», которая рекомендована для развития творческих и организаторских способностей у детей подросткового возраста в клубном объединении.

Автор статьи предполагает, что в реализации «Школы руководителей проектов» осуществляется социально-культурное развитие детей подросткового возраста. Также программа способствует воспитанию лидерских, организаторских качеств подростков в соответствии со следующими направлениями: реализация социально-культурных проектов в деятельности клубного объединения; организация коллективно-творческой, культурно-досуговой, волонтерской деятельности; организация лидерско-управленческой деятельности массовых культурно-досуговых программ для детей разных возрастных категорий. Подобные программы способствуют развитию не только творческих, но и организаторских, лидерских качеств личности детей подросткового возраста, участвующих в клубных объединениях.

Ключевые слова: клубное объединение, клуб, творческие способности, творчество, дети подросткового возраста, культура, коллективно-творческое дело, школа руководителей проектов.

CLUB ACTIVITIES ASSOCIATIONS IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF THE TEENAGE CHILDREN

Vasilkovskaya Margarita Ivanovna, PhD in Pedagogy, Sr. Instructor of Department of Socio-cultural Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: margo197411@rambler.ru

Each epoch requires active and purposeful work with the younger generation, especially when it comes to the education of the teenage children in respect to their own country, without which any state has no future. This respect can be achieved by creating an enabling environment in which young people would have a real practice of social relations. Here an important role is played by the teenage club associations, whose activities enable a natural occurrence in a system of open civil relations, which comes at the request of participants and where they can get answers to their questions of life, realize their creative interests and abilities.

Professor V. Tuev in his work “The Technology Organization Proactive Club” offers a glimpse into the “Oxford English Dictionary”. In the first ten editions in the 1884–1928 period, in a very succinct article of “The Club” content is a top 10 most commonly used meanings of the term, established in the public mind to the beginning of the 10th century. Here is how these values are interpreted the concept of “The Club” in the “Oxford Dictionary”.

In order to form a free, creative, socially active person of the teenager, we developed the program “School Project Managers”, which is recommended for the development of creative and organizational abilities in children of teenage age in the club pool.

“School project managers” is a comprehensive program, which includes elements of the Russian program of Navigators / Scouts Association, to teach social engineering, civilized dialogue, collective creativity and cultural and leisure activities, as well as active recreation and health of adolescents. The program “School Project Managers” has given a lot of time for socio-psychological training leader in the education, the use of which allows you to extend the range of humanistically oriented way to achieve educational goals.

Keywords: club association, club, creativity, creativity, children of teenage age, culture, collective creative work, school project managers.

Каждая эпоха требует активной и целенаправленной работы с подрастающим поколением, особенно когда дело касается воспитания у детей подросткового возраста уважения к своей стране, без которого у любого государства нет будущего. Этого уважения можно добиться, создавая такие благоприятные условия, при которых подростки имели бы реальную практику социальных отношений. Здесь важную роль играют подростковые клубные объединения, посещать которые участники могут по желанию, деятельность которых предоставляет возможность естественного вхождения в систему открытых гражданских отношений. Именно в клубе дети подросткового возраста часто находят ответы на интересующие их жизненные вопросы, а также имеют возможность реализовать творческие способности.

Клубные объединения действуют в сфере свободного времени, где люди реализуют или стремятся реализовать, прежде всего, потребность в активном, организованном отдыхе. В процессе труда, учебы, бытовой деятельности возникает утомление, напряжение, появляется потребность в отдыхе, разрядке. Человек чувствует себя отдохнувшим как после физического покоя, так и при перемене физически активной деятельности. Потребность в смене деятельности – одна из самых характерных особенностей функционирования личности в сфере свободного времени и важнейшее условие отдыха людей [2].

В разное время ученые, теоретики и практики клубной работы, организаторы, лидеры и активисты клубов пытались выяснить, что же такое клуб: учреждение или объединение, социальный институт или социальная группа. Среди них можно назвать имена таких российских ученых, как В. В. Туев, А. В. Сасыхов, Ю. А. Стрельцов, В. Е. Триодин, М. А. Ариарский, А. С. Запесоцкий, Л. Л. Новикова, В. Э. Хазанова, Н. Ф. Максютин, В. В. Полукаров и др.

Две основные цели общения вообще, отмечал еще Э. В. Соколов в книге «Культура и личность»: открытая цель – объединение людей в процессе общения и закрытая – обособление, персонификация людей в общении друг с другом. Эти две цели – суть и два основополагающих свойств клуба. Дихотомия их дает возможность выразить всего в двух словах специфику этого уникального социального института. Клуб – это объединение для отделения [6, с. 41–42].

В. В. Туев в своей работе «Технология организации инициативного клуба» предлагает заглянуть в «Оксфордский словарь английского языка». В первом, десятитомном издании 1884–1928 годов, в исключительно емкой по содержанию статье «Клуб» приводится 10 основных, наиболее общепотребительных значений этого понятия, сложившихся в общественном сознании к началу XX века. Вот как трактуются эти значения понятия «Клуб» в «Оксфордском словаре». Клуб – это:

1. Объединение или союз определенной массы людей.

2. Объединение для содействия какому-либо делу в целях его интенсификации.

3. Место встречи или собрание людей в таверне и ей подобном учреждении для неофициального общения.

4. Группа людей, собирающихся вместе.

5. Общество лиц, объединившихся на основе взаимных симпатий или общих интересов, увлечений, склонностей.

6. Организация людей, сформировавшаяся для объединения усилий по содействию какому-либо субъекту (в «Словаре» буквально – для промоушинга).

7. Ассоциация лиц, организованная главным образом для общественных целей и имеющая здание (или часть его), специально приспособленное исключительно для сбора и деятельности своих членов.

8. Здание или комната для деятельности таковой организации.

9. Организация, создаваемая в поддержку деятельности, преимущественно политической и других видов партий.

10. Современное наименование древних организаций (например, древнегреческих гетерий или древнеримских коллегий) [8, с. 14–15].

Учитывая социальное назначение клуба, формами клубной работы в самом общем смысле мы считаем присущие клубу способы отражения социальной действительности и влияния на них механизмов организации культурно-досуговой деятельности различных слоев населения. Во всех случаях более конкретного употребления этот термин следует использовать либо с уточняющими дополнениями, либо в таком контексте, чтобы исключить возможность неоднозначного толкования.

Первые социокультурные технологии клубной работы с детьми и юношеством мы можем обнаружить в конце XIX начале XX века. На их формирование немалое влияние оказала известная в то время теория свободного воспитания. Идеологи и сторонники этой теории в своеобразной форме выражали протест русской демократической интеллигенции против консервативной атмосферы, царившей в духовной жизни российского общества. Идеи свободного воспитания оказали определенное влияние на развитие клубов, утверждая детское самоуправление и значимость работы в группах по интересам, как утверждает Г. И. Фролова в работе «Организация и методика клубной работы с детьми и подростками» [10, с. 35].

Обратим внимание на развитие творческой деятельности в подростковых клубных объединениях. Творческая деятельность в искусстве, науке, технике, издавна развиваемая в клубах, чрезвычайно привлекательна, и стремление творить является одним из специфичных стимулов участия в клубной жизни.

Существует множество приемов, способствующих активизации творческих сил. Основные из них правомерно назвать методами организации и стимулирования творческой деятельности. Для клуба характерны следующие приемы: постановка творческой задачи; «подводящие упражнения» (моделируют отдельные приемы получения нестандартных решений, способствуют развитию творческих качеств и их проявлению в решении реальных задач); организация творческого сотрудничества, кооперации с учетом подготовленности, уровня развития и способностей членов творческого объединения; обеспечение творческого соревнования в коллективе и за его пределами.

Формы клубной работы различаются в зависимости от числа людей, вовлеченных во взаимодействие и выступающих первоначально как его объект; от степени однородности аудитории (по ряду признаков); от наличия или отсутствия специальной клубной структуры, стабильно организующей деятельность людей на длительное время. Основные формы этого ряда таковы: массовая работа; групповая; коллективная; индивидуальная [4].

Тяга к творческому развитию и самовыражению – характерный мотив участия в клубной деятельности. Стимулирование творческого

процесса, управление им требуют соблюдения определенных организационно-педагогических правил. Выполнение клубным объединением «социального заказа», общественно значимой роли в социально-культурной сфере предопределяет направленность усилий участников клуба на решение актуальных задач развития современного социально-культурного пространства. Совместное обсуждение планов, создание массовых социально значимых проектов, агитбригады – все это вооружает клубные коллективы более четким пониманием своих социально-культурных задач и стимулирует творческую деятельность.

Не менее существенное значение имеет точность определения конкретных творческих целей коллектива. В связи с этим важно точно выявить способности каждого участника клубного объединения. Их задатки сопоставляются с совокупностью качеств, объективно необходимых для успеха, а занятия и творческие встречи в клубе строятся так, чтобы учитывать склонности, индивидуальный темп продвижения каждого участника по ступеням мастерства. Хорошо развитые творческие качества (как и репродуктивные) нуждаются в постоянной «шлифовке», к тому же участникам клуба необходимо творческое удовлетворение, а получить его возможно при творческой самореализации личности. Поэтому показ достижений и реализация творческих идей очень важны для развития личности в деятельности клубного объединения.

Отметим также, что налаживание творческого сотрудничества, творческой кооперации в виде клубного объединения полезно для развития социально-психологических качеств личности – таких как взаимопонимание, стремление к творческому соревнованию, к коллективности в поисковой и других направлений деятельности клуба. Некоторые творческие занятия являются коллективными по своей природе, например театральные, эстрадные, в которых творческое сотрудничество участников – прямая необходимость.

В любом клубном объединении желательны так называемые «генераторы» – люди творческого склада, активно выдвигающие оригинальные предложения. Полезны и «скептики» – люди критической складки, остро чувствующие слабые места и в существующей практике, и в новых идеях. Нужны также «эрудиты», с универсальными, обширными познаниями. Выполнение коллективно-

го творческого замысла обычно невозможно без «разработчиков», обладающих знаниями и мастерством, способных к мысленному эксперименту (что позволяет еще до воплощения идеи увидеть ее в действии). И, наконец, самый лучший замысел не может быть осуществлен без «исполнителей», воплощающих творческую идею, вносящих неповторимые краски личной одаренности в общее дело. В техническом творчестве используется конструктивно-предметная деятельность, и «мастера-умельцы», даже если их роль в разработке изобретения незначительна или равна нулю, часто заслуживают звания соавторов.

Мощнейший фактор творческой активности участников клубного объединения – творческое соревнование, например состязания коллективов, занятых сценическими видами художественной самодеятельности (театральная самодеятельность, эстрада, искусство художественного чтения, хореография, конкурс кинолюбителей, выставка рисунков, фотовыставка и т. д.). При этом отметим, что невозможность сравнить свои успе-

хи с достижениями коллег сдерживает развитие коллектива, поэтому налаживание системы творческих соревнований в клубе является важным фактором развития творческих способностей его участников. Однако излишняя частота организации состязаний, слишком большое значение и вес, придаваемые победе на конкурсе, боязнь поражения способны вызвать стрессовые ситуации, особенно у молодых, начинающих участников в деятельности клубного объединения.

Истинно творческая атмосфера представляет собой совокупность обстоятельств, благоприятствующих проявлению индивидуальных и групповых творческих способностей, исходным моментом для создания такой атмосферы служит постоянный творческий настрой руководителя клубного объединения.

В формировании творческой активности подростков в деятельности клубного объединения мы выделяем семь этапов формирования творческой активности детей подросткового возраста (табл. 1).

Таблица 1

Этапы формирования творческой активности детей подросткового возраста в клубной деятельности

Наименование этапа	Основные приемы воздействия
1. Выявление осознанных и неосознанных устремлений личности	Создание информационного поля, позволяющего сделать необходимый свободный выбор; осуществление наблюдения за деятельностью личности в новом информационном поле (реакция, действия, интерес, тщательность выполнения); проведение собеседования
2. Диагностика индивидуальных особенностей личности подростка. Данный этап характеризуется необходимостью выявления желаний и возможностей конкретной личности	Беседа с родителями, преподавателями; индивидуальное собеседование, анализ общения с другими учащимися; объективный анализ поведения и деятельности подростка, результатов собеседования с ним, выявленных индивидуально-психологических особенностей личности
3. Создание свободной зоны творчества. Основной задачей на этом этапе является предоставление возможности проявить себя, свои творческие способности	Создание условий, в которых проявляются индивидуальные способности, знания, умения и навыки подростка; формируется своеобразный инкубационный период для развития творческой активности; создание атмосферы понимания и доброжелательности, без критических замечаний, негативных оценок, излишних ограничений деятельности подростка
4. Сотрудничество взрослого и подростка в процессе поиска решения. Сотрудничество исключает превосходство одной из сторон	Понимание, поддержка и совместная деятельность; совместное добывание знаний, использование собственных возможностей; мягкое, ненавязчивое формирование культуры личности
5. Целенаправление, или выбор индивидуально-оптимального направления деятельности подростка	Формирование объективной и субъективной мотивации к определенному виду деятельности; предоставление полной объективной информации для осуществления свободы выбора для подростка

Наименование этапа	Основные приемы воздействия
6. Разработка индивидуальной стратегии творчества, обучения и развития	Формирование индивидуальной программы формирования и стратегии развития творчества с учетом целей и индивидуальных особенностей личности; помощь в выборе, индивидуально-оптимального направления будущей деятельности
7. Устойчивая мотивация к творчеству формируется и развивается постоянными занятиями и упорными отработками приемов, навыков и умений творчески мыслить	Развитие любознательности; поощрение высказывания оригинальных идей; решение практических задач; творческий подход руководителя клуба к решению социально-культурных задач

Эти общие способы стимулирования творческой активности подростков должны дополняться с учетом индивидуальных особенностей подростков по преобладающему типу мышления (табл. 2).

Таблица 2

Способы, приемы и методы развития творческой активности детей подросткового возраста по преобладающему типу мышления

Преобладающий тип мышления	Способы и приемы развития творческой активности	Методы развития творчества
Интуитивный	Постоянные перемены во всем, каждый день новое; понимать суть явления, скрытый смысл вещей, смысл обычая или обряда; обращать внимание на иносказания, символы; смысл жизни, духовные ценности; использование воображения	Мозговой штурм, синектика
Логический	Объективная оценка событий; четкое структурирование; определение достоинств и недостатков; выявление причины и следствия; логические последствия поступков; повышение профессионального мастерства; стремление к последовательности во всем	Метод Бартини, морфологический ящик
Стратегический	Внимание к внешнему виду предметов; развитие осязания, вкусовых ощущений; точность и актуальность; события, действия, факты, подробности и детали	Метод контрольных вопросов.
Эмоциональный	Обращение внимания на нужды окружающих; личные переживания и чувства; сохранение и упрочнение дружеских связей; умение выслушивать собеседника; умение высказывать свои мысли и чувства; склонность к душевным беседам	Метод фокальных объектов, метод гирлянд и ассоциаций

Таким образом, клубное объединение располагает большими возможностями в деле развития творческих способностей, развития лидерских качеств и общественной инициативы детей подросткового возраста.

С целью формирования свободной, творческой, социально-активной личности подростка предлагаем разработанную нами программу «Школы руководителей проектов», которая рекомендована для развития творческих и организаторских способностей у детей подросткового возраста в клубном объединении.

«Школа руководителей проектов» – это комплексная программа, включающая в себя элементы Российской программы Ассоциации Навигаторов/ скаутов, направленная на организацию коллективной творческой и культурно-досуговой деятельности, с целью социокультурного развития, а также активного отдыха и оздоровления подростков. Нами определены задачи проведения «Школы руководителей проектов»:

- создать площадку успеха для совместной деятельности участников клуба: культурно-досуговой, интеллектуально-познавательной, информационно-аналитической, организаторской;

- способствовать укреплению системы общечеловеческих ценностей: любовь к ближнему, доброта, забота об окружающих людях, о природе, стремление к здоровому образу жизни и др.

В деятельности «Школы руководителей проектов» в условиях клубного объединения развитие творческих и организаторских способностей детей подросткового возраста предполагается осуществлять по следующим направлениям программы:

- реализация социально-культурных проектов в деятельности клубного объединения;

- организация коллективно-творческой деятельности, культурно-досуговой, волонтерской деятельности;

- организация лидерско-управленческой деятельности массовых культурно-досуговых программ для детей разных возрастных категорий [1].

В программе «Школа руководителей проектов» отводится немало времени для социально-психологического тренинга в воспитании лидера, использование которого позволяет расширить

диапазон гуманистически ориентированных способов достижения педагогических целей. В ходе тренинга эффективно решаются вопросы личностного становления подростков, успешно развиваются коммуникативные навыки, формируется активная социальная позиция, способы межличностного взаимодействия.

Также программа предусматривает использование интерактивных форм организации культурно-досуговой клубной деятельности: дискуссии, сюжетно-ролевые, деловые игры, моделирование ситуаций, стимулирующих у участников активное экспериментирование с новой социальной ролью, способствующих развитию навыков лидерства, осмыслению путей самопознания и самоактуализации личности.

На наш взгляд, создание и реализация подобных программ для организации культурно-досуговой деятельности детей подросткового возраста, участвующих в клубном объединении, способствуют развитию не только творческих, но и организаторских, лидерских качеств личности.

Литература

1. Акатов Н. А. Принципы организационного строительства в скаутском движении. – М.: Грошев-Дизайн, 2000. – 102 с.
2. Гликман И. З. Свободное время и клуб старшеклассников // Дополнительное образование. – 2002. – № 9. – С. 37–44.
3. Журин С. И. Развивающее обучение: основные элементы и методы работы в группах // Дополнительное образование. – 2004. – № 4. – С. 29.
4. Карманчиков А. И. Особенности индивидуального подхода в формировании творческой активности подростков // Дополнительное образование детей. – 2004. – № 7. – С. 5–7.
5. Лебедев Д. Детское общественное движение: испытание временем // Воспитание школьников. – 2003. – № 1. – С. 52–61.
6. Соколов Э. В. Культура и личность. – Ленинград: Наука, 1972. – 226 с.
7. Туев В. В. Поиск и обновление (стратегия работы кафедры) // Социальный технолог досуга. Педагог-организатор досуга детей и подростков: сб. учеб.-метод. мат.-лов. – Кемерово: КГИК, 1991. – 126 с.
8. Туев В. В. Технология организации инициативного клуба: учеб. пособ. для вузов искусств и культуры. – М.: МГУКУТиИ, 1999. – 250 с.
9. Федько С. И. Консультативная форма работы в техническом творчестве детей подросткового и старшего школьного возраста // Дополнительное образование. – 2005. – № 1. – С. 6–8.
10. Фролова Г. И. Организация и методика клубной работы с детьми и подростками: учеб. пособие для студентов ин-та культуры. – М.: Просвещение, 1986 – 160 с.

References

1. Akatov N.A. *Printsipy organizatsionnogo stroitel'stva v skautskom dvizhenii* [The principles of organizational development in Scouting]. Moscow, Design Groshev Publ., 2000. 102 p. (In Russ.).
2. Glickman I.Z. *Svobodnoe vremya i klub starsheklassnikov* [Leisure Club and high school students]. *Dopolnitel'noe obrazovanie* [Additional education], 2002, no. 9, pp. 37-44. (In Russ.).
3. Zhurin S.I. *Razvivayushchee obucheniye: osnovnye elementy i metody raboty v gruppakh* [Developing training: basic elements and methods of work in groups]. *Dopolnitel'noe obrazovanie* [Additional education], 2004, no. 4, p. 29. (In Russ.).

4. Karmanchikov A.I. Osobennosti individual'nogo podkhoda v formirovaniі tvorcheskoy aktivnosti podrostkov [Features of an individual approach to the formation of creative activity of teenagers]. *Dopolnitel'noe obrazovanie detey [Additional education detey]*, 2004, no. 7, pp. 5-7. (In Russ.).
5. Lebedev D. Detskoe obshchestvennoe dvizhenie: ispytanie vremenem [Children's social movement: the test of time]. *Vospitanie shkol'nikov [Education for pupils]*, 2003, no. 1, pp. 52-61. (In Russ.).
6. Sokolov E.V. *Kul'tura i lichnost' [Culture and personality]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 226 p. (In Russ.).
7. Tuev V.V. Poisk i obnovlenie (strategiya raboty kafedry) [Search and update (the strategy of the department)]. *Sotsial'nyy tekhnolog dosuga. Pedagog-organizator dosuga detey i podrostkov: sbornik uchebno-metod. materialov [Social Technologies leisure. Teacher-organizer of leisure activities for children and adolescents. Collection of educational method. materials]*. Kemerovo, KGIK Publ., 1991. 126 p. (In Russ.).
8. Tuev V.V. *Tekhnologiya organizatsii initsiativnogo kluba: uchebnoe posobie dlya vuzov iskusstv i kul'tury [Technology organizations proactive club. Textbook for high schools of arts and culture]*. Moscow, MGUKUTiI Publ., 1999. 250 p. (In Russ.).
9. Fedko S.I. Konsul'tativnaya forma raboty v tekhnicheskom tvorchestve detey podrostkovogo i starshego shkol'nogo vozrasta [Consultative form of work in the technical creativity of children of teenage school age]. *Dopolnitel'noe obrazovanie [Additional education]*, 2005, no. 1, pp. 6-8. (In Russ.).
10. Frolova G.I. *Organizatsiya i metodika klubnoy raboty s det'mi i podrostkami: uchebnoe posobie dlya studentov instituta kul'tury [Organization and methods of club work with children and adolescents. Proc. manual for students of the Institute of Culture]*. Moscow, Education Publ., 1986. 160 p. (In Russ.).

УДК 378.183

ИНИЦИАТИВНЫЙ КЛУБ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВУЗА КУЛЬТУРЫ

Зайцева Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tan4716@yandex.ru

Объективная потребность общества в непрерывных качественных изменениях, направленных на улучшение и совершенствование различных сфер, обеспечивающих жизнедеятельность человека, выводит современное российское общество на новый этап социально-экономического развития, что определяет необходимость модернизации всей учебно-воспитательной системы вуза, в том числе и студенческого самоуправления. Анализируя современные нормативно-правовые документы, определяющие направления, механизмы и содержание изменений в подготовке специалистов для сферы культуры в условиях высшего образования, автор статьи рассматривает возможность поиска новых подходов к организации студенческого самоуправления в модификации форм организации досуга, в частности инициативного клуба как формы организации совместной досуговой деятельности людей, объединенных на принципах интереса, инициативы и добровольного участия для решения социально-значимых проблем. Теоретической основой научного исследования стали работы В. В. Туева по проблемам организации инициативного клуба.

В работе определяется сущность понятий «инициативный клуб» и «студенческое самоуправление», а также проводится их сравнительная характеристика. Выявление схожести специфических особенностей организационных структур инициативного клуба и органов студенческого самоуправления позволяет определить оптимальные формы организации деятельности студенческого самоуправления. Главным достоинством инициативного клуба является способность развития форм организационного самоопределения участников клубного объединения – от учебно-творческого объединения к социально активным формам клубного общения, направленным на вовлечение широких масс в мероприятия и акции, проводимые клубом. Данный тезис позволил автору изучить особенности реализации принципов клубного общения в деятельности студенческого самоуправления, что позволило прийти к выводу

о том, что в реальном учебно-воспитательном процессе вуза не всегда наблюдается динамика развития организационных форм студенческого самоуправления. Чаще всего, они могут развиваться параллельно, автономно, однако практическая значимость в последовательности развития организационных структур самоуправления определяет перспективы дальнейшего поиска путей и механизмов моделирования содержания и структуры студенческого самоуправления.

Ключевые слова: организационная форма студенческого самоуправления, принципы организации инициативного клуба, клубное общение.

INITIATIVE CLUB AS A FORM OF ORGANIZATION OF THE STUDENT GOVERNMENT OF THE UNIVERSITY OF CULTURE

Zaytseva Tatyana Vladimirovna, Sr. Instructor of Department of Socio-cultural Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tan4716@yandex.ru

The objective need of the society in the continuous qualitative changes aimed at improving and strengthening different areas, providing a human activity that displays a modern Russian society to a new stage of socio-economic development that determines the need for modernization of the entire educational system of the University, including the student government. Analyzing the current normative legal documents defining the directions, mechanisms and content changes in the training of specialists for the sphere of culture in the context of higher education, the author considers the possibility of search of new approaches to the organization of student government in the modification of forms of leisure, in particular the initiative of the club as a form of organization of joint leisure activities of people united on the principles of interest, initiative and voluntary participation for the solution of socially important problems. Theoretical basis of research are the works by V.V. Tuev on the organization of initiative of the club.

The work defines the essence of the concepts “action club” and “student government” and carried out their comparative characteristics. The identification of the similarity of specific features of the organizational structures of the action club and student government, to determine optimal forms of organization of activities of the student government. The main advantage of the initiative of the club is the ability for the development of forms of organizational self-determination of participants of club enterprises: educational creative association of socially active forms of club communication to involve the masses in events and promotions conducted by the club.

This thesis allowed the author to explore the features of the implementation of the principles of the club of communication in the activities of the student government, which allowed to conclude that in a real educational process of the University is not always observed dynamics of development of organizational forms of student government. Most often, they can develop in parallel, self-contained, however, the practical significance in the sequence of development of organizational structures of self-government determines the prospects of further search for ways of modeling the content and structure of student government.

Keywords: the organizational form of the student government, the principles of organization of the initiative of the club, club communication.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, охватывающей период до 2020 года [7], подчеркивается важность человеческого ресурса как одного из основных факторов реализации поставленных задач, что определяет необходимость развития системы профессионального образования. В связи с этим внесены уточнения и изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [12], разработана Концепция

Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы [8]. Все это определяет государственную политику в области образования, в том числе и высшего образования.

Комплекс задач, сформулированных в вышеуказанных документах, выдвигает ряд требований к изменению содержания и организации всех компонентов процесса подготовки высококвалифицированных специалистов: создание благоприятных условий для реализации индивиду-

альных образовательных траекторий; внедрение лично-ориентированных моделей организации учебно-воспитательного процесса, направленных на организацию самостоятельной, самоуправляемой деятельности студента; развитие и совершенствование существующих форм вовлечения студенческой молодежи в социальную практику, через активное участие в научно-образовательной и творческой деятельности. Одним из механизмов создания условий для реализации поставленных требований может стать поиск новых форм организации студенческого самоуправления как структурного компонента учебно-воспитательного процесса вуза.

Потребность в организации студенческого самоуправления является одной из характерных черт студенчества как социальной группы. Причем, студенческое самоуправление специфично как по форме, так и по содержанию. В ходе участия в органах студенческого самоуправления у будущих специалистов формируются такие качества, как инициативность, лидерство, самостоятельность в принятии решений, студенты развивают навыки общения в коллективе, формируют чувство социальной ответственности и профессионального долга, способность работать в команде.

Развитие студенческого самоуправления является одной из важных проблем профессионального становления молодежи. Исследования Т. П. Бучилиной показали, что сегодня обществу важно, чтобы вузы культуры выпускали не просто профессионала, а самостоятельную, самоорганизующуюся личность [4]. Специалиста, способного направить свои профессиональные усилия на преодоление потребительского отношения посетителей учреждений культуры через включение его в активную культуротворческую деятельность. Разделяя мнение О. А. Буряковой [3], хочется отметить, что на современном этапе развития высшего образования необходим поиск новых форм организации студенческого самоуправления.

В связи с этим свой исследовательский поиск мы сконцентрировали на анализе возможности использования основных принципов организации инициативного клуба в развитии студенческого самоуправления вуза культуры. Теоретической основой данного анализа стали научные исследования В. В. Туева по проблемам организации современного инициативного клуба.

Определяя сущность студенческого самоуправления, Н. Г. Баженова, С. П. Башкиров, Г. В. Гарбузова, Г. В. Оленина, А. В. Шарыпин отмечают, что студенческое самоуправление представляет собой особую форму организации совместной деятельности студентов, которая чаще всего инициируется самими участниками данной деятельности, предполагает активное добровольное участие в решении поставленных задач [1–2; 5–6; 13]. Как правило, органы студенческого самоуправления осуществляют свою деятельность в свободное от учебных занятий время. Описывая специфику организации деятельности инициативных клубов, В. В. Туев отмечает, что клуб является объединением единомышленников, которые по собственной инициативе самостоятельно программируют и совместно организуют свою досуговую деятельность [10, с. 106]. Схожесть сущности понятий двух терминов дает нам основание для проведения параллелей между вышеназванными организационными формами совместной деятельности.

Описывая организационно-методические условия осуществления деятельности инициативного клуба, В. В. Туев акцентирует внимание на основных показателях, которые определяют возможность достижения высоких результатов деятельности инициативного клуба. Прежде всего, к ним он относит: стабильность состава участников клуба; ориентированность деятельности на удовлетворение потребностей не столько самих участников сообщества, сколько широких масс, не входящих в состав клуба; а также социальную направленность деятельности «клубистов» [11, с. 207–215]. Опыт воспитательной работы автора со студентами КемГИК показывает, что студенческое самоуправление направлено на объединение совместных усилий студентов, педагогов и администрации вуза по решению социально-значимых проблем, связанных с качественными изменениями процесса профессиональной подготовки специалистов сферы культуры. Актив студенческого самоуправления представляет собой относительно стабильный состав инициаторов социально-культурных проектов, реализация которых позволяет вовлечь в деятельность самоуправления достаточно широкую аудиторию студентов.

На наш взгляд, очевидна схожесть организационной структуры инициативного клуба и студенческого самоуправления. Во-первых, большую роль в организации данных форм играет

инициативная группа. Именно она, являясь мозговым центром, участвует в разработке основных идей, направляет свои усилия на привлечение добровольцев, способных качественно реализовать предлагаемые проекты. Наиболее продуктивна инициативная группа, в состав которой входят люди, обладающие довольно высоким уровнем организаторских способностей. Во-вторых, обе формы предполагают наличие «института коллективного членства» [10, с. 133]. Членами клуба и органов самоуправления, как правило, являются постоянные участники заседаний, встреч, организационных мероприятий, а также люди, которые входят в состав участников акций, как по собственной инициативе, так и по приглашению инициативной группы. В-третьих, и клуб, и студенческое самоуправление основаны на принципе лидерства. Конечно, чаще всего, данные формы представляют собой коллектив энтузиастов, которые в равной степени принимают участие в разработке и реализации основных проектов, строят свое общение на равных. Однако, как показывает практика, наиболее продуктивным является деятельность тех клубов и органов самоуправления, в состав которых входят активные, неординарные, обладающие высоким уровнем организаторских и коммуникативных способностей харизматичные личности. И чем больше таких участников в объединении, тем разнообразнее, интереснее, реализуемые ими проекты, тем большее количество людей проявляет заинтересованность к деятельности клуба или органов студенческого самоуправления и желание стать участником данного сообщества.

Вышесказанное дает нам возможность утверждать, что организационно-методическая структура инициативного клуба может быть положена и в основу организации студенческого самоуправления.

Прежде всего стоит отметить, что инициативный клуб есть наивысшая стадия развития объединения людей по интересам, с высокой внутренней мотивацией на активное участие в решении социально-значимых проблем, которые добровольно и по собственной инициативе, без подсказки, без давления сверху влились в ряды клубного сообщества. Бесспорно, что каждый вуз, создавая условия для развития самоуправления студентов, ожидает подобного уровня самоорганизации студентов. Однако, как показывает практика, даже студенты, имеющие опыт участия в различных формах самоуправления в школьных

образовательных учреждениях или в учреждениях среднего профессионального образования, не всегда готовы к организации совместной деятельности на уровне инициативного клуба. Следовательно, в вузе необходимо разработать такую структуру студенческого самоуправления, которая позволила бы поэтапно повысить уровень организационного самоопределения студентов.

Анализируя исследования А. В. Сасыхова и Ю. А. Стрельцова, В. В. Туев приходит к выводу, что клуб в своем становлении и развитии проходит три стадии, отражающие его специфику в организационных формах общения: первичное учебно-творческое объединение (в теории и практике можно встретить такие наименования данной формы, как кружок, группа, клубное формирование), любительское объединение и инициативный клуб [10, с. 108–114]. Рассмотрим особенность проектирования каждой из организационных форм клубного общения на студенческое самоуправление:

- *учебно-творческое объединение* – направлено на вовлечение в деятельность студентов, имеющих незначительный опыт участия в самоуправлении; как правило, у них не развита потребность в социальной активности; отмечается низкий уровень мотивации на участие в социально-культурных проектах;

- *любительское объединение* – направлено на работу со студентами, у которых сформировано представление о целях и задачах студенческого самоуправления; они имеют опыт участия в работе органов самоуправления в школе, ссузе, учреждении дополнительного образования или клубном учреждении; они могут действовать со знанием дела, однако требуется систематизация опыта относительно специфики учебно-воспитательного пространства вуза;

- *инициативный клуб* – объединение социально активных студентов – лидеров студенческой молодежи, обладающих высоким уровнем развития организаторских способностей и готовых самостоятельно разрабатывать и реализовывать общественно значимые проекты.

Не зависимо от формы основные принципы организации деятельности студенческого самоуправления остаются неизменными, однако происходит корректировка отношения студентов к содержанию их совместной деятельности. Особенности реализации принципа организации клубного общения в деятельности студенческого самоуправления представлены в табл. 1.

Сравнительная характеристика модификации принципов организации клуба в деятельности студенческого самоуправления

Принцип организации клуба	Организационная форма студенческого самоуправления		
	Учебно-творческое объединение	Любительское объединение	Инициативный клуб
<i>Инициатива и добровольность</i>	Студенты добровольно посещают отдельные заседания, мероприятия; принимают участие в наиболее привлекательных формах; не проявляют инициативу при обсуждении проблемных вопросов или активно высказывают свою позицию, но при распределении обязанностей уклоняются от обязательств	Студенты активно принимают участие в заседаниях; активно вступают в обсуждение вопросов, рассматриваемых на заседании; добровольно могут взять на себя обязательства, но не всегда выполняют их в полном объеме и с должным качеством; принимают участие в подготовке и проведении мероприятий, которые для них имеют особую привлекательность	Студенты являются инициаторами социально-культурных проектов; самостоятельно распределяют зоны ответственности между участниками; могут вовлечь в подготовку и проведение мероприятия широкие массы студентов, не являющихся членами студенческого самоуправления
<i>Интерес</i>	Интерес студентов к деятельности органов самоуправления разноплановый. Он может распространяться и на сам процесс, и на результат, и на личность педагога, инициирующего деятельность самоуправления, и на сам коллектив (тяга к компанийскому досугу), и на атмосферу (люблю «потусоваться»), а также на мн. др. Прежде всего, интерес к самоуправлению не устойчив, не стабилен, вот почему на данном этапе чаще всего наблюдается большая подвижность состава органов самоуправления. Изменился интерес или не нашли полной реализации своего интереса – ушли	Захватывает сам процесс нахождения в студенческом самоуправлении; на данном этапе студент с большой долей энтузиазма берется за подготовку мероприятия, на стадии обсуждения фонтанирует идеями, полон положительным настроением на конечный результат, но, столкнувшись с существенными трудностями к его достижению, теряет интерес к мероприятию, выполняет поставленную перед ним задачу «спустя рукава»	Интерес студента направлен на результат деятельности; он прилагает максимальные усилия для его достижения. Самым ценным в получении результата является общественное признание
<i>Самость</i>	Строится на основе самоорганизации студентов, вовлеченных в деятельность самоуправления. Реализуется через систему разовых поручений, которые чаще всего распределяет между студентами педагог инициирующий деятельность студентов. Требуется постоянный контроль и мотивация студентов на выполнение поручения в полном объеме и надлежащем качестве. Главным для студента является то, что он сам пришел на мероприятие, не подвел	Строится на основе самостоятельности студентов. На данном этапе выделяется группа лидеров, которые представляют актив студенческого самоуправления. Студенты готовы организовывать мероприятия, активно участвовать в них, однако мероприятия направлены на удовлетворение собственных интересов, имеют закрытый или полужакрытый характер (только для своих). Если организовывают мероприятия «на вынос», то увлекаются больше работой над поиском интересного содержанием, а не над поиском мотивации для привлечения широких масс студентов к участию мероприятия, оставляя это право за педагогами и администрацией вуза	Строится на основе самоуправления студентов. Деятельность становится систематичной, упорядоченной. Органы самоуправления имеют четкую организационную структуру. Студенты самостоятельно программируют, планируют и организовывают совместную деятельность. Не замыкаются в пределах своего вуза, а налаживают партнерские отношения с представителями других вузов, активно принимают участие в совместных мероприятиях

Окончание таблицы 1

Принцип организации клуба	Организационная форма студенческого самоуправления		
	Учебно-творческое объединение	Любительское объединение	Инициативный клуб
<i>Сочетание управления и самоуправления</i>	Управление деятельностью полностью или большую ее часть осуществляет специалист, отвечающий в вузе за воспитательную работу со студентами. Деятельность студенческого самоуправления осуществляется в рамках комплексного плана работы вуза	Управление деятельностью переходит в большей степени к студенческому активу. Представитель вуза воспринимается студентами в роли наставника, старшего товарища, мудрого советчика, эксперта по определенному кругу вопросов. На данном этапе регламентирующим документом, наряду с комплексным планом, становится положение об органе студенческого самоуправления	Управление деятельностью полностью осуществляется студентами, выполняющими руководящие функции в организационной структуре (председатель, руководители проектов, секций, комитетов и пр.). Представитель вуза является полноправным членом студенческого сообщества. Общение между студентами и педагогом осуществляется по принципу «равный – равному». Регламентирующим документом является Устав органа студенческого самоуправления
<i>Идентификация</i>	Потребность в создании символики, оригинальных форм общения, норм, правил или прочей атрибутики, отождествляющей студента с самоуправлением отсутствует	Возникает потребность в корпоративной идентификации: появляется событийный ряд, формируются традиции, стили общения, атмосфера и пр. Могут разрабатываться фирменные значки, эмблемы, элементы одежды, но понимание значимости данной атрибутики, как правило, отсутствует. Преемственность норм, ценностей, символики отсутствует. При смене состава студенческого самоуправления предыдущая идентификация может быть утрачена или претерпеть значительные изменения	Возникает потребность в усилении внешней идентификации, подчеркивающей сопричастность студента к органу студенческого самоуправления. Параллельно совершенствуется корпоративная идентификация, помогающая усваивать ценности, нормы, идеи, формирующая гордость, имидж, стереотипы поведения. При смене состава самоуправления не утрачивается значимость символики и атрибутики, разработанной предыдущими поколениями

Использование подхода к анализу деятельности студенческого самоуправления, предложенного в табл. 1, позволит специалисту, осуществляющему воспитательную работу в вузе, определить в какой организационной форме группового клубного общения студенты наиболее полно смогут реализовать свои навыки организации совместной

деятельности. Что, в свою очередь, даст возможность создать наиболее благоприятные условия для реализации студенческого самоуправления.

Другой особенностью данного подхода является то, что очевидная иерархичность организационных форм, рассмотренная в табл. 1, дает основание утверждать: динамика развития орга-

нов студенческого самоуправления отражается не только в отношении студента к деятельности данных сообществ, но и в содержании и формах совместной деятельности участников самоуправления, а также в дифференцированном подходе к ее организации. Очевидно, что в рамках одного вуза не всегда наблюдается подобная последовательность в развитии студенческого самоуправления, все три описанные организационные формы могут существовать автономно, не трансформируясь одна в другую. Сегодня среди студентов одинаково пользуются популярностью и находят своих последователей и органы студенческого самоуправления, преследующие гедонистические

цели, в деятельности которых отдается предпочтение организации разовых развлекательных мероприятий; и направленные на удовлетворение устойчивого группового интереса; и отдающие предпочтение деятельности с ярко выраженной социальной направленностью.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что определение сущности студенческого самоуправления через инициативный клуб позволит создать в теории и практике воспитательной работы вуза культуры методологическую основу для разработки новых подходов к моделированию новых форм организационных структур студенческого самоуправления.

Литература

1. Баженова Н. Г. Теоретические основания конструирования студенческого самоуправления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3. – С. 94–98.
2. Башкиров С. П. Структурирование студенческой среды и стратегии воспитательной работы // Высшее образование в России / под ред. М. Б. Сапунова. – М.: Москов. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. – 2013. – № 5. – С. 94–100.
3. Бурякова О. А. Генетический анализ сущности студенческого самоуправления // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2008. – № 5/1 (64). – С. 112–118.
4. Бучилина Т. П. Система социально-культурного воспитания молодежи в условиях образовательной среды вуза // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 34. – С. 222–226.
5. Гарбузова Г. В. Студенческое самоуправление как средство формирования профессиональной идентичности будущих специалистов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Ярославль. – 2009. – 22 с.
6. Оленина Г. В. Развитие самоуправления студенческой молодежи в сфере досуга на основе проектного подхода: теория и практика // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 2. – С. 99–102.
7. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».
8. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 № 2765-р «Об утверждении Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы».
9. Туев В. В. Как организовать свой клуб: Советы специалиста. – Кемерово: Кемеров. гос. ин-т искусств и культуры. – 1994. – 38 с.
10. Туев В. В. Технология организации инициативного клуба: учеб. пособие для вузов искусств и культуры. – М.: Москов. гос. ун-т культуры и искусств. – 1999. – 250 с.
11. Туев В. В. Феномен английского клуба: моногр. – М.: Москов. гос. ун-т культуры. – 1997. – 240 с.
12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (действующая редакция, 2016).
13. Шарыпин А. В. Моделирование студенческого самоуправления в воспитательной системе вуза // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2012. – № 2, февр. – С. 292–297.

References

1. Bazhenova N.G. Teoreticheskie osnovaniya konstruirovaniya studencheskogo samoupravleniya [Theoretical basis of design student government]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East]*, 2011, no. 3, pp. 94-98. (In Russ.).
2. Bashkirov S.P. Strukturirovanie studencheskoy sredy i strategii vospitatel'noy raboty [Structuring the student's environment and the strategy of educational work]. *Vyshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*. Ed. M.V. Sapunov. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet pechati im. Ivana Fedorova Publ., 2013, no 5, pp. 94-100. (In Russ.).

3. Buryakova O.A. Geneticheskiy analiz sushchnosti studencheskogo samoupravleniya [Genetic analysis of the essence of the student government]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin Samara State University]*, 2008, no. 5/1 (64), pp. 112-118. (In Russ.).
4. Buchilina T.P. Sistema sotsial'no-kul'turnogo vospitaniya molodezhi v usloviyakh obrazovatel'noy sredy vuza [The system of socio-cultural education of youth in conditions of University educational environment]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 34, pp. 222-226. (In Russ.).
5. Garbuzova G.V. *Studencheskoe samoupravlenie kak sredstvo formirovaniya professional'noy identichnosti budushchikh spetsialistov: avtoref. dis. kand. psikhologicheskikh nauk [Student government as a means of formation of professional identity of future specialists. Author's abstract Diss. PhD in psychology]*. Yaroslavl', 2009. 20 p. (In Russ.).
6. Olenina G.V. Razvitie samoupravleniya studencheskoy molodezhi v sfere dosuga na osnove proektnogo podkhoda: teoriya i praktika [The development of self-government of students in the sphere of leisure on the basis of the project approach: theory and practice]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]*, 2010, no. 2, pp. 99-102. (In Russ.).
7. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 08.08.2009) "O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda" [The decree of the RF Government from 17.11.2008 № 1662-R (as amended on 08.08.2009) "On the concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2020"]*. (In Russ.).
8. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2014 № 2765-r "Ob utverzhdenii Kontseptsii Federal'noy tselevoy programmy razvitiya obrazovaniya na 2016-2020 gody" [The decree of the RF Government dated 29.12.2014 No. 2765-R "On approval of the Concept of the Federal target program of education development for 2016-2020"]*. (In Russ.).
9. Tuev V.V. *Kak organizovat' svoj klub: Sovety spetsialista [How to organize your club: expert Advice]*. Kemerovo, Kemerovo State Institute of Arts and Culture Publ., 1994. 38 p. (In Russ.).
10. Tuev V.V. *Tekhnologiya organizatsii initsiativnogo kluba: uchebnoe posobie dlya vuzov iskusstv i kul'tury [The technology of the organization of the initiative of the club. A textbook for universities of arts and culture]*. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv Publ., 1999. 250 p. (In Russ.).
11. Tuev V.V. *Fenomen angliyskogo kluba: monografiya [The phenomenon of English club. Monograph]*. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury Publ., 1997. 240 p. (In Russ.).
12. *Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" ot 29.12.2012 № 273-FZ (deystvuyushchaya redaktsiya, 2016) [Federal law "On education in Russian Federation" of 29.12.2012 № 273-FZ (as amended, 2016)]*. (In Russ.).
13. Sharypin A.V. Modelirovanie studencheskogo samoupravleniya v vospitatel'noy sisteme vuza [Modeling student government in the educational system of the University]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]*, 2012, no. 2, February, pp. 292-297. (In Russ.).

УДК 379.831; 304.442

АЛГОРИТМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Мухамедиева Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой управления и экономики социально-культурной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: swet-73@mail.ru

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Тараненко Любовь Геннадиевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: lubgt@mail.ru

Клюев Юрий Владимирович, кандидат культурологии, доцент кафедры управления и экономики социально-культурной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: klujev@yandex.ru

В научной статье авторами рассмотрены проблемы социально-культурного прогнозирования деятельности организаций сферы культуры. Представлены результаты экспертного опроса по изучению и разработке прикладных аспектов социально-культурного прогнозирования образовательно-творческого пространства субъектов сферы культуры. В ходе пилотного исследования в качестве экспертов были задействованы руководители учреждений клубного типа, библиотек и музеев Кемеровской области. В результате оценки данных экспертного опроса авторами сделан вывод о необходимости разработки регламента процесса прогнозирования целевых показателей деятельности, который позволит организациям сферы культуры выйти на новый этап своего развития в соответствии с устойчивыми тенденциями формирования спроса на социально-культурные услуги. Опрос показал, что причины невосребованности услуг, в большинстве организаций сферы культуры связываются преимущественно с проблемами самого потребителя, а именно уровнем индивидуального развития человека, который включает потребности саморазвития и обогащения культурными ценностями, то есть его внутренней мотивацией. Сделан вывод о том, что одной из задач данных организаций будет – стимулирование спроса потребителей социально-культурных услуг. Результатом исследования стала разработка алгоритма социально-культурного прогнозирования деятельности организаций сферы культуры. Применение данного алгоритма может стать основным механизмом для определения плановых индикаторов социально-культурной деятельности организации сферы культуры, достижение которых позволит повысить качество услуг. Реализация процесса социально-культурного прогнозирования в виде разработки социально-культурного прогноза как основы планирования деятельности организации сферы культуры позволит построить систему бюджетирования, ориентированную на результат.

Ключевые слова: социально-культурное прогнозирование, социально-культурная деятельность, организации сферы культуры, учреждения клубного типа, музей, библиотека.

ALGORITHM OF SOCIO-CULTURAL ESTIMATE OF CULTURAL INSTITUTIONS ACTIVITY

Yudina Anna Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Socio-cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Mukhamedieva Svetlana Anatolyevna, PhD in Economics, Associate Professor, Department Chair of Management and Economics of Socio-cultural Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: swet-73@mail.ru

Rodionova Darya Dmitrievna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department Chair of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Taranenko Lyubov Gennadiyevna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department Chair of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lubgt@mail.ru

Klyuev Yuriy Vladimirovich, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Management and Economics of Socio-cultural Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: klujev@yandex.ru

In the scientific article, the authors consider the problem of socio-cultural estimate of activities in cultural institutions. The results of the expert survey on research and development of applied aspects of the socio-cultural projection. The experiment. The experts were the heads of club-type institutions, libraries and museums in Kemerovo region. The authors conclude: it is required to develop rules of procedure of the process of estimate in performance targets. Regulations allow cultural institutions to reach a new stage of development and meet the demand for socio-cultural services. The survey showed that the reasons for the lack of demand for service clubs, libraries and museums related to the problems of people. In human desire to visit cultural institutions it depends on the needs of self-development, enrichment of cultural values, and intrinsic motivation. It is concluded that one of the objectives of these organizations will be to stimulate consumer demand for welfare services. The result of the study was to develop an algorithm of socio-cultural estimate of activities in cultural institutions. The use of the algorithm may be the primary mechanism for the determination of the planned indicators of socio-cultural activities in organization of culture and the achievement which will improve the quality of services. The implementation of the process of socio-cultural development of forecasting in the form of socio-cultural outlook, as the basis for planning the activities of cultural institutions will build funding system focused on results.

Keywords: socio-cultural estimate, socio-cultural activities, organization of sphere of culture, club-type facilities, museum, library.

В соответствии со стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года приоритетными направлениями развития сферы культуры являются: создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение гражданам доступа к знаниям, информации и культурным ценностям; создание условий для воспитания граждан; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования [7].

Реализация данных направлений, на наш взгляд, возможна при внедрении эффективной системы планирования на основе разработки алгоритма социально-культурного прогнозирования деятельности организаций сферы культуры. Значимость алгоритма социально-культурного прогнозирования не ограничивается определением расходов на капитальный и текущий ремонт. Элементы данного алгоритма должны внедряться в социально-культурную деятельность организаций сферы культуры в форме реализации последовательных этапов.

Применение алгоритма может стать основным механизмом для определения плановых индикаторов социально-культурной деятельности организации сферы культуры, достижение которых позволит повысить качество услуг с целью повышения социального, организационного, технологического и экономического эффекта.

В 2000-х годах было начато реформирование бюджетной системы в Российской Федерации, сущность которого заключалась в смещении акцентов бюджетного процесса: от управления бюджетными ресурсами к управлению результатами путем расширения самостоятельности его участников и повышения их ответственности. Следует отметить, что суть реформы указывает на социально-культурное прогнозирование как основу бюджетного планирования, которая обеспечивает прямую взаимосвязь между распределением бюджетных ресурсов и фактическими результатами, достичь которые можно только при реализации указанного процесса.

Подобный механизм, с одной стороны, обеспечит реализацию государственной политики, с другой стороны, позволит вносить в них корректировки в соответствии с социально-культурным прогнозом.

С целью разработки алгоритма социально-культурного прогнозирования деятельности организаций сферы культуры на базе Кемеровского государственного института культуры была создана временная научно-исследовательская группа. Исследование проводилось среди субъектов сферы культуры – социально-культурной, библиотечной и музейной – в Кемеровской области.

В ходе пилотного исследования был проведен экспертный опрос по изучению и разработке прикладных аспектов социально-культурно-

го прогнозирования образовательно-творческого пространства субъектов сферы культуры. В качестве экспертов были задействованы руководители учреждений культуры Кемеровской области.

Критериями экспертно-опросного листа стали следующие классификационные признаки, выбор которых повлиял на разработку структуры алгоритма:

- необходимость процесса прогнозирования целевых показателей деятельности учреждений культуры;

- временной период, оптимальный для прогнозирования целевых показателей деятельности учреждения;

- тип критериев, на которых основывается прогнозирование целевых показателей деятельности учреждения (критерии, определяющие потребности населения в индивидуальном культурном развитии (спрос на услуги); критерии, определяющие возможности инфраструктуры культуры, то есть возможности государства по предоставлению населению услуг культуры (возможности ресурсной базы учреждения);

- выявление потребностей в социально-культурных услугах, предоставляемых на безвозмездной и платной основе;

- влияние внешних факторов на спрос социально-культурных услуг организаций сферы культуры;

- причины невостребованности социально-культурных услуг потребителями территории (недостаток свободного времени; высокая стоимость; усталость после работы; состояние здоровья; отсутствие ценностных ориентаций у населения; семейно-бытовые проблемы; удаленность учреждений культуры; низкое качество услуг; режим работы учреждения; неудовлетворенность работы персонала);

- анализ соответствия востребованности услуг пропускной способности организации сферы культуры;

- мониторинг непрогнозируемых видов социально-культурных услуг.

В опросе приняли участие 35 библиотечно-информационных учреждений. Из них: 3 областные библиотеки – Кемеровская областная библиотека для детей и юношества, Кемеровская областная научная библиотеки имени В. Д. Федорова, Кемеровская областная специальная библиоте-

ка для незрячих и слабовидящих; 16 городских и 16 районных библиотек Кемеровской области.

Абсолютное большинство – 34 библиотеки (98 %) – считают, что для повышения эффективности работы учреждения необходим процесс прогнозирования целевых показателей его деятельности. Оптимальный период прогнозирования целевых показателей деятельности библиотечного учреждения – 3 года (по мнению 74 % руководителей библиотек); 17 % опрошенных отмечают период прогнозирования целевых показателей – 1 год.

В основе прогнозирования целевых показателей деятельности библиотечного учреждения выделяются преимущественно две группы критериев:

- критерии, определяющие потребности населения в индивидуальном культурном развитии (спрос на услуги);

- критерии, определяющие возможности инфраструктуры культуры, то есть возможности государства по предоставлению населению услуг культуры (возможности ресурсной базы учреждения).

МБУ «ЦБС Тайгинского городского округа» выделила дополнительно критерий, связанный с финансированием деятельности бюджетного учреждения. Справедливо отмечая, что без финансовой поддержки невозможно осуществить комплектование фонда, создать комфортную библиотечную среду, обновить материально-техническую базу и др.

Большая часть библиотечных учреждений (71 %, то есть 25 библиотек) проводит опрос населения по выявлению потребностей в социально-культурных услугах, независимо от формы оказания. Ряд библиотек (8 библиотек, то есть 23 %) определяет целенаправленно потребности в услугах, предоставляемых на безвозмездной основе.

Библиотечные учреждения выделили следующие главные внешние факторы спроса социально-культурных услуг:

- у населения есть возможность удовлетворить культурные потребности без посещения учреждений культуры (просмотр кинофильмов дома, интернет-доступность) (19 библиотек – 54 %);

- демографическая ситуация (16 библиотек – 45 %);

- наличие развитой инфраструктуры сферы культуры (11 библиотек – 31,4 %);
- половозрастной состав населения (7 библиотек – 20 %);
- отсутствие потребности населения в саморазвитии (5 библиотек – 14,3 %) и др.

Главные причины невостребованности социально-культурных услуг потребителями библиотечных учреждений, по мнению библиотек, является: недостаток свободного времени; отсутствие ценностных ориентаций у населения; семейно-бытовые проблемы, усталость после работы. Таким образом, причины невостребованности услуг респонденты связывают преимущественно с проблемами самого потребителя, а не библиотечного учреждения.

Однако только 31,4 %, то есть 11 библиотечных учреждений отмечают полное соответствие востребованности социально-культурных услуг учреждения пропускной способности и имеющейся ресурсной базы. 24 библиотеки, то есть 68,6 % от общего количества библиотек Кемеровской области, лишь частично соответствуют данному показателю. При этом библиотеки отмечают следующие проблемы: несоответствие современным требованиям материально-технической базы, нехватка квалифицированных кадров, низкая обновляемость книжного фонда библиотек.

В вопросе, касающемся возможности прогнозирования отдельных видов целевых услуг, были получены диаметрально противоположные результаты. Ряд библиотек (17 % – 6 библиотек) Кемеровской области считает, что все виды услуг, соответствующие целевым показателям деятельности, можно спрогнозировать. Другие – напротив, отмечают, что на данном отрезке времени в целом невозможно что-либо прогнозировать в связи со значительным сокращением финансирования и оптимизацией библиотечных учреждений.

При этом библиотеки выделяют следующие группы непрогнозируемых услуг:

- услуги, связанные с бюджетным финансированием и получением иных доходов, на основе оказания платных услуг, участия в конкурсах, грантах (МБУК «Централизованная библиотечная система им. Н. К. Крупской»; МБУК «Централизованная библиотечная система города

Юрги»; МАУК «Польсаевская централизованная библиотечная система г. Польсаево; МБУ «Централизованная библиотечная система Кемеровского муниципального района»; МБУК ЦБС Таштагольского муниципального района»; МБУК «Централизованная библиотечная система Яшкинского района»; МБУК Анжеро-Судженского городского округа «Централизованная библиотечная система»);

- услуги, связанные с развитием и появлением новых информационно-коммуникационных технологий (в том числе сервисные услуги) (ГБУК «Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова»; МБУК «Централизованная библиотечная система Киселёвского городского округа).

- услуги, связанные с обслуживанием удаленных пользователей и количеством обращений удаленных пользователей к информационным ресурсам библиотеки (МБУК «Районная централизованная библиотечная система Новокузнецкого муниципального района»; МБУ «Централизованная библиотечная система Прокопьевского муниципального района»; МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Беловского района»).

По мнению руководителей МАУК «Польсаевская централизованная библиотечная система г. Польсаево», МБУК Анжеро-Судженского городского округа «Централизованная библиотечная система», МБУК «Централизованная библиотечная система Яшкинского района» невозможно спрогнозировать следующие показатели: удовлетворенность качеством оказания услуг; резерв времени для осуществления культурной деятельности у населения, различного рода любительской деятельности (работа клубов, кружков).

В целом, учитывая специфику отдельных категорий пользователей, нельзя спрогнозировать изменение количества пользователей – инвалидов по зрению, например, в Кемеровской областной специальной библиотеке для незрячих и слабовидящих.

Анализ результатов опроса по социально-культурному прогнозированию в деятельности учреждений клубного типа (30 домов культуры Кемеровской области) показал, что для повышения эффективности работы учреждения действительно необходим процесс прогнозирования

целевых показателей его деятельности – «да» ответили 25 респондентов, что составило 83,3 %.

При выборе наиболее оптимального периода для прогнозирования целевых показателей деятельности учреждения мнение респондентов разделилось. С незначительным перевесом таким периодом считают один календарный год, так решили 14 респондентов из 30, что составило 46,7 %. Вторым по популярности ответом стал пятилетний показатель прогнозирования, так посчитали 12 респондентов, что составило 40 %. Меньше всего респондентов высказались за период прогнозирования от 5 до 10 лет (2 респондента – 6,7 %).

При определении типа критериев, лежащих в основе прогнозирования целевых показателей, 70 % опрошенных (21 респондент) выбрали критерии, определяющие потребности населения в индивидуальном культурном развитии (спрос на услуги), 53,3 % (16 респондентов) отметили для себя критерии, определяющие возможности инфраструктуры культуры (возможности ресурсной базы учреждения), 23 % (7 респондентов) определили для себя оба типа критериев.

Для выявления потребностей в услугах, оказываемых учреждениями культуры, сотрудники домов культуры применяют опрос независимо от того, как эти услуги оказываются (платно или безвозмездно), так предпочитают действовать 25 респондентов, что составило 83,3 % от выборки.

Большинство респондентов – 12 человек (40 %) – при определении внешних факторов, влияющих на спрос социально-культурных услуг учреждений сферы культуры, на первое место поставили проблемы, связанные с демографической ситуацией, с развитием инфраструктуры и наличием услуг-заменителей.

При определении причин не востребоваемости услуг учреждений культуры 70 % респондентов (21 человек) указали на семейно-бытовые проблемы; в равной степени 53 % опрошенных (16 человек) отметили недостаток свободного времени и отсутствие ценностных ориентаций у населения.

Чуть меньше половины респондентов (12 человек, что составило 40 %) определили, что их учреждение культуры обладает всеми ресурсами для оказания услуг населению либо частич-

но обладает, указывая на неразвитость материально-технической базы (14 человек – 46,7 %), 5 респондентов (16,67 %) указали на проблему нехватки квалифицированных кадров.

На вопрос: «Какие виды социально-культурных услуг, соответствующие целевым показателям деятельности учреждения, невозможно спрогнозировать?» – большинство опрошенных (14 респондентов, что составило 46,7 %) указали на невозможность прогнозировать количество оказываемых услуг населению на платной основе и величину посещаемости населением того или иного мероприятия, проводимого в доме культуры на платной основе. За возможность прогнозирования всех показателей высказались 7 респондентов, что составило 23,3 %, 5 респондентов (16,67 %) затруднились ответить.

Кроме библиотек и учреждений клубного типа, в опросе приняли участие музеи.

Музейная сеть Кемеровской области включает в себя областные и муниципальные музейные учреждения, совокупность которых отражает историю социально-экономического и социокультурного освоения и развития Кузбасса. В Кемеровской области действуют 43 государственных и муниципальных музея, деятельность которых простирается гораздо дальше первоначальных функций сохранения, изучения и популяризации культурного и природного наследия. Музей в современных условиях развития информационного общества становится пространством для диалога различных сообществ, способствуя социальной сплоченности и созданию комфортной культурной среды. В опросе приняли участие 25 музейных учреждений, что составило 58 % от общего количества музеев Кемеровской области. Все респонденты были единодушны в том, что для повышения эффективности работы учреждения необходимо внедрить процесс прогнозирования целевых показателей его деятельности.

Однако по вопросу определения периода планирования мнения разошлись: 25 % респондентов ответили, что оптимальный период планирования – 2 года; 33,3 % – 3 года; 25 % – 1 год; 16,7 % – 5 лет.

69,2 %, то есть 17 из опрошенных руководителей музеев, ответили, что в основе прогнозирования целевых показателей деятельности учреждения лежат критерии, определяющие

технико-экономические параметры музея, 8 руководителей, то есть 30,8 %, указали критерии, определяющие потребности населения в индивидуальном культурном развитии.

Анализ результатов опроса показал, что 6 (23 %) музеев не проводят опрос населения по выявлению потребностей в социально-культурных услугах, предоставляемых на безвозмездной и платной основе, 19 музеев, то есть 77 %, проводят данный опрос.

По мнению большинства респондентов, основным внешним фактором, влияющим на объем спроса на социально-культурные услуги, является возможность удовлетворения культурных потребностей в рамках домашнего хозяйства без потребления социально-культурных услуг, предоставляемых музеем, детерминантом данной закономерности является развитие информационного общества, максимальная доступность необходимых ресурсов в виртуальной среде. Однако определенную роль, по мнению респондентов, играет наличие развитой инфраструктуры сферы культуры на определенной территории.

На недостаток свободного времени указали 14 музеев, то есть 53,8 % всех опрошенных респондентов, как на причину, которая провоцирует их невостребованность. Второй причиной по значимости является высокая загруженность на работе, на данную причину указали 11 музеев, что составляет 46,1 % всех респондентов. Удаленность учреждений культуры, а также отсутствие ценностных ориентаций населения – причина, на которую ссылаются 8 респондентов (30,8 %). На семейно-бытовые проблемы ссылаются 15,5 %; два музея, то есть 7,7 % опрошенных, в качестве причины выделяют высокую стоимость предоставляемых услуг, еще два музея (7,7 %) затруднились указать причины невостребованности услуг. Состояние здоровья, низкое качество услуг, режим работы музея и неудовлетворенность работой персонала не рассматриваются респондентами в качестве причин, влияющих на отсутствие спроса.

По мнению респондентов, работающих в музеях, невозможно спрогнозировать следующие виды социально-культурных услуг: объем культурных потребностей неорганизованных групп населения; объем спроса на культурно-просветительские услуги.

С учетом проведенного опроса, мы можем утверждать, что абсолютное большинство библиотек (98 %), учреждений клубного типа (83,3 %) и музеев Кемеровской области (58 %) указали, что им необходим регламент процесса прогнозирования целевых показателей их деятельности, который позволит организациям сферы культуры выйти на новый этап своего развития в соответствии с устойчивыми тенденциями формирования спроса на социально-культурные услуги. Кроме того, опрос показал, что причины невостребованности услуг в большинстве организаций сферы культуры связывают преимущественно с проблемами самого потребителя, а не с организациями сферы культуры, значит одной из задач данных организаций будет стимулирование спроса.

Детерминантами спроса на услуги организаций сферы культуры являются:

- во-первых, достигнутый человеком уровень индивидуального развития, который включает: потребности саморазвития; потребности, связанные с обогащением культурными ценностями; потребности, определяемые индивидуальными психическими особенностями человека; потребности, раскрывающие человеческий потенциал, то есть его внутренняя мотивация;

- во-вторых, состояние общественной коммуникационной инфраструктуры, которая предполагает развитие определенного доступа населения к потреблению услуг культуры;

- в-третьих, наличие у населения материальных возможностей по потреблению услуг культуры.

Обращаем внимание на первый детерминант, который очень сложно поддается прогнозу, но именно он поддается качественному изменению с учетом воздействия на человека средствами социально-культурной деятельности.

Детерминантами предложения услуг культуры являются также три группы:

- объем средств, выделяемых на финансирование текущих потребностей организаций и организаций сферы культуры;

- меры, предпринимаемые государством по сохранению и развитию нематериальных культурных и нравственных ценностей;

- меры, предпринимаемые государством по укреплению материальной базы организаций культуры [5].

С учетом вышеназванных детерминантов, нами выделены следующие показатели, которые можно спрогнозировать и использовать в процессе планирования деятельности организаций сферы культуры:

1. Показатели, отражающие потребности населения в индивидуальном культурном развитии, и показатели, отражающие индивидуальные возможности по их реализации:

1.1. Показатели человеческого потенциала: общее количество людей, проживающих на территории; количество детей, посещающих средние образовательные учреждения; количество обучающихся в системе послевузовского профессионального образования и дополнительного образования; количество обучающихся в системе высшего и среднего профессионального образования; количество людей, систематически занимающихся физической культурой и спортом.

1.2. Объем доступности для проживающего на определенной территории населения возможностей по потреблению услуг культуры, а также уровень доступа к информации о культуре. Данный показатель характеризуется количеством домохозяйств, подключенных к Интернету, имеющих телевизионные приемники, оснащенных персональными компьютерами, выписывающих журналы, газеты.

1.3. Показатели, отражающие уровень востребованности у населения услуг организаций сферы культуры: туристские поездки, посещение кинотеатров, музеев, посещение иных учреждений, количество зарегистрированных в библиотеках.

2. Показатели, отражающие обеспеченность населения учреждениями культуры в соответствии с установленными нормами.

Алгоритм социально-культурного прогнозирования должен учитывать указанные показатели через определение их весовых коэффициентов по уровню влияния.

Результаты исследований в области прогнозирования в сфере культуры дают возможность сделать вывод о том, что существует математический, статистический инструментарий, позволяющий построить модель прогнозирования деятельности организации сферы культуры как сложного многоуровневого объекта для количественной оценки будущего его состояния.

Основной формой прогнозирования в организациях сферы культуры является технологическое прогнозирование, которое, в свою очередь, делится на: изыскательское (поисковое) и нормативное.

В основе изыскательского социально-культурного прогнозирования положена ориентация на представляющиеся возможности, установление тенденций развития объекта. Примером изыскательского прогнозирования может служить прогнозирование в сфере культуры уровня индивидуального развития человека, его потребности саморазвития, потребности, связанные с обогащением культурными ценностями [10]. Этот прогноз может стать основой для планирования в учреждениях клубного типа, в музеях.

Нормативное прогнозирование ориентировано на миссию организации, на те потребности и цели, к достижению которых она стремится. Ему соответствует изменение в пространстве технологий – от технологий более низкого уровня к технологиям более высокого уровня. Примером нормативного прогнозирования в сфере культуры может служить прогнозирование в библиотечном деле, когда прогнозируемый процесс представляется в виде последовательного перемещения технологий от понимания проблемы к конкретным средствам её решения.

Одной из главных проблем эффективности прогнозов в сфере культуры, на наш взгляд, будет являться сочетание методов изыскательского и нормативного прогнозирования. Связано это с тем, что в последние годы получило развитие экспертное прогнозирование, ориентированное в большей степени на работу не только с количественной, но и с качественной информацией, получаемой непосредственно от экспертов. С помощью совокупности указанных методов прогнозирования может быть решена большая часть проблем, возникающих при планировании деятельности организаций сферы культуры.

Алгоритм социально-культурного прогнозирования деятельности организаций сферы культуры представим в виде пошаговых рекомендаций:

1. Определение цели прогнозирования и сопоставление указанных целей с задачами государственной политики в соответствующей области сферы культуры (срез количественных показателей всех узловых социокультурных проблем определенной территории).

2. Определение горизонта прогноза, то есть периода времени (при этом нужно учитывать, что точность прогнозирования убывает по нелинейной зависимости: чем больше период, тем ниже точность).

3. Методическая подготовка к процессу прогнозирования и выбор метода разработки прогноза.

4. Определение наиболее вероятных вариантов влияния внутренних и внешних детерминантов на деятельность организации сферы культуры.

5. Разработка прогноза с учетом вышеуказанных детерминантов, влияющих на показатели эффективности деятельности организации сферы культуры.

Целостный процесс прогнозирования должен представлять цепочку последовательных организационно-управленческих операций: анализ социокультурного развития определенной территории (всестороннее изучение объекта – социокультурной системы); формирование системы целей стратегического развития организации сферы культуры; анализ уровня ресурсной обеспеченности организации сферы культуры и разработка плана действий в соответствии с прогнозными показателями (то есть описание траектории развития). Если ресурсы организации сферы культуры достаточны, то корректируются направления деятельности организаций сферы культуры,

определяются дополнительные ресурсы. Если ресурсы не достаточны, то осуществляется поиск организаций других отраслей, которые способны оказать содействие; генерация вариантов нового стратегического выбора; комплексная оценка вариантов стратегического выбора.

6. Мониторинг прогноза и механизмов его реализации.

Следует обратить внимание на то, что при разработке вариантного прогноза должна быть произведена экстраполяция прогнозируемых значений показателей и параметров для различных вариантов исходных условий, для различных вариантов возможных альтернативных вариантов динамики их изменений.

Разрабатываемый прогноз развития позволит с тем или иным уровнем достоверности определить возможные тенденции развития организации культуры, взаимосвязи между действующими факторами, сформировать картину возможных состояний, к которым может прийти ситуация под влиянием тех или иных детерминантов.

Реализация процесса социально-культурного прогнозирования в виде разработки социально-культурного прогноза как основы планирования деятельности организации сферы культуры действительно позволит построить в России систему бюджетирования, ориентированную на результат.

Литература

1. Алексеева М. М. Планирование деятельности – М.: Финансы и статистика, 2000. – 287 с.
2. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб.: Питер, 1999. – 416 с.
3. Бабич Т. Н. Прогнозирование и планирование в условиях рынка. – М.: Инфра-М, 2013. – 336 с.
4. Григорьева Е. И. Современные технологии социально-культурной деятельности: учеб. пособие. – Тамбов: Першина, 2014. – 512 с.
5. Кураков В. Л. Стратегическое планирование развития социальной сферы: методология и концепций повышения результативности ее структурных составляющих. – СПб.: СПбГУЭФ, 2002. – 213 с.
6. Леньков Р. В. Социальное прогнозирование и проектирование. – М.: ЦСП и М, 2013. – 192 с.
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326 «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/.
8. Сменцарев Г. В. О роли профессиональной экспертизы в задачах математического моделирования антропосоциокультурных систем // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1 (38). – С. 284–289.
9. Чижиков В. М. Теория и практика социокультурного менеджмента. – М.: МГУКИ, 2008. – 608 с.
10. Юдина А. И., Мухамедиева С. А. Определение потребности отрасли культуры в квалифицированных кадрах в области библиотечного дела и социально-культурной деятельности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. I. – С. 166–175.

References

1. Alekseeva M.M. *Planirovanie deyatel'nosti [Activity planning]*. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2000. 287 p. (In Russ.).
2. Ansoff I. *Novaya korporativnaya strategiya [The new corporate strategy]*. Transl., Ed. Yu.N. Kapturevskiy. St. Petersburg, Piter Publ., 1999. 416 p. (In Russ.).
3. Babich T.N. *Prognozirovaniye i planirovaniye v usloviyakh rynka [Forecasting and planning in market conditions]*. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 336 p. (In Russ.).
4. Grigor'eva E.I. *Sovremennyye tekhnologii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti: ucheb. posobie [Modern technologies of welfare activity. Textbooks]*. Tambov, Pershina Publ., 2014. 512 p. (In Russ.).
5. Kurakov V.L. *Strategicheskoye planirovaniye razvitiya sotsial'noy sfery: metodologiya i kontseptsiiy povysheniya rezul'tativnosti ee strukturnykh sostavlyayushchikh [Strategic planning of social development: methodology and concepts improve the efficiency of its structural components]*. St. Petersburg, SPbGUEF Publ., 2002. 213 p. (In Russ.).
6. Len'kov R.V. *Sotsial'noye prognozirovaniye i proektirovaniye [Social forecasting and designing]*. Moscow, TsSP i M, 2013. 192 p. (In Russ.).
7. *Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 29.02.2016 № 326 "Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda"*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/.
8. Smentsarev G.V. O roli professional'noy ekspertizy v zadachakh matematicheskogo modelirovaniya antroposotsiokul'turnykh sistem [On the role of professional expertise in the problems of mathematical modeling of systems anthroposocio-cultural]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*, 2013, no. 1 (38), pp. 284-289. (In Russ.).
9. Chizhikov V.M. *Teoriya i praktika sotsiokul'turnogo menedzhmenta [Theory and practice of sociocultural management]*. Moscow, MGUKI Publ., 2008. 608 p. (In Russ.).
10. Yudina A.I., Mukhamedieva S.A. Opredeleniye potrebnosti otrasli kul'tury v kvalifitsirovannykh kadrakh v oblasti bibliotchnogo dela i sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Defining culture industry needs for qualified personnel in the field of library science, and social and cultural activities]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22, part I, pp. 166-175. (In Russ.).

УДК 379.831, 304.442

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

Мухамедиева Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой управления и экономики социально-культурной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: swet-73@mail.ru

Важнейшая задача, которая стоит в настоящее время перед организациями и учреждениями сферы культуры, – это повышение качества их деятельности. Качество стало не только востребованной категорией в экономике, но и значимой проблемой в других науках, в частности в педагогике, в области социально-культурной деятельности. В данной статье представлено одно из условий обеспечения качества социально-культурной деятельности – социально-культурное прогнозирование. Автором раскрывается сущность и содержание социально-культурного прогнозирования, это понятие сопоставляется с понятием планирование и определяются его характеристики: нелинейность, непрерывность, творческий характер. Для определения возможности применения социально-культурного прогнозирования в социально-культурной деятельности организаций сферы культуры описывается история развития данного процесса. В результате уточняется, что в процессе исторического развития

социально-культурного прогнозирования сложилось два научных подхода к его определению: первый подход характеризуется ориентацией на научно-технический прогресс, второй подход характеризуется ориентацией на самосовершенствование самого человека. С учетом указанных подходов было уточнено то, что социально-культурное прогнозирование предметом исследования предполагает будущее изучаемого объекта, а результатом исследования – варианты его состояния. Для подтверждения данного мнения сделан вывод о показателях социально-культурного прогнозирования, которые должны коррелировать с показателями плана деятельности организации сферы культуры. При обобщении изученных теоретических аспектов социально-культурного прогнозирования выявлены детерминанты, влияющие на технологию прогнозирования и его достоверность. Учет указанных факторов дал возможность сделать предположение о том, что процент достоверности социально-культурного прогноза можно определить исходя из сопоставимого измерения наличия свободного времени у населения, уровня жизни, наличия социальной стабильности в обществе. На основании опыта прогнозирования была изучена закономерность: чем меньше по объему прогнозируемый объект, тем точнее можно разработать прогноз, тем проще составить план деятельности организации для достижения определенного качества социально-культурной деятельности – и описан процесс социально-культурного прогнозирования.

Ключевые слова: качество социально-культурной деятельности, социально-культурное прогнозирование, прогноз, планирование, факторы прогнозирования, этапы прогнозирования.

SOCIO-CULTURAL ESTIMATE AS A QUALITY ASSURANCE CONDITION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES IN CULTURAL INSTITUTIONS

Mukhamedieva Svetlana Anatolyevna, PhD in Economics, Associate Professor, Department Chair of Management and Economics of Socio-cultural Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: swet-73@mail.ru

The most important challenge currently facing cultural organizations and institutions is to improve the quality of their work. Quality is not only a demanded category in the economy but also a significant problem in other sciences, in particular in pedagogy for socio-cultural activities. The article presents socio-cultural estimate as one of the conditions for ensuring the quality of socio-cultural activities. The author reveals the essence and content of socio-cultural estimate; this concept is mapped to a planning concept. The author defines its characteristics such as linearity, continuity and creativity. The history of the process development is described to determine application possibility for socio-cultural estimate in socio-cultural activity of institutions. The result clarifies that in the historical development process of social and cultural forecasting two scientific approaches were developed: the first approach is characterized by a focus on scientific and technological progress; the second approach is characterized by a focus on person's self-improvement. Taking into account these approaches, the author defines that the subject of socio-cultural estimate research is the future of the object, and the result of the research is the option of this condition. To confirm this opinion, the author concluded that the indicators of socio-cultural estimate should be correlated with the plan indicators of cultural institution. Generalizing the studied theoretical aspects of socio-cultural estimate the determinants that influence technology forecasting and its reliability were identified. The consideration of these factors gave the possibility to make the assumption that the percentage of socio-cultural estimate reliability can be determined from a comparable measurement of free time, population, standard of living and social stability in the society. According to the forecasting experience the regularity was studied: the smaller the projected object, the more exact estimate can be developed, the easier to make a plan of the organization to achieve a certain quality of social and cultural activities; the process of socio-cultural estimate is described.

Keywords: socio-cultural activities quality, socio-cultural estimate, predict, planning, forecast factors, forecast stages.

На современном этапе развития сферы культуры в области социально-культурной деятельности существует проблема оценки ее качества деятельности. Это одна из наиболее обсуждаемых и очень сложных тем, которая выступает как социальный, экономический, политический и общественный фактор развития данной сферы.

Непосредственное освоение понятия качества социально-культурной деятельности организаций сферы культуры в системе общественных отношений связано в первую очередь с формой результативности движения, развития процессов и явлений. Качество – это комплексное понятие, характеризующее эффективность всех сторон деятельности организации.

Под качеством социально-культурной деятельности нами понимается целенаправленный процесс с определенной структурой и задачами, в результате которого человек приобретает систему знаний, навыков, профессионально значимые качества личности, переходящие в компетенции, которые обеспечат профессиональное становление необходимое для творческой деятельности, дальнейшего самообразования и саморазвития. Под измерением качества социально-культурной деятельности субъекта сферы культуры понимается оценка уровня достижения определенных количественных показателей в результате управленческого воздействия.

Принимая во внимание данное определение, мы обозначаем следующие составляющие элементы качества социально-культурной деятельности: качество условий, качество материально-технического обеспечения, качество научного и методического обеспечения, качество организационной культуры, качество управления, качество результата.

В научных кругах идет спор между двумя сторонами качества социально-культурной деятельности организаций сферы культуры, одна из которых признает важность элементов, связанных с инфраструктурой организаций сферы культуры, а другая утверждает, что основным фактором развития сферы культуры является сам человек, в частности его внутренний мир. Известным фактом является то, что, измерить внутренний мир человека не представляется возможным, а, следовательно, невозможно оценить качество деятельности учреждений и организаций сферы культуры.

Особую значимость в разрешении данного противоречия приобретает система социально-культурного прогнозирования деятельности учреждений и организаций сферы культуры, так как без предвидения возможных ситуаций и последствий принимаемых решений в их деятельности трудно осуществлять эффективное использование ее ресурсной базы, что сегодня является основным требованием субъекта, который финансирует их деятельность.

С учетом того, что социально-культурное прогнозирование представляет собой процесс, изучающий возникновение, функционирование, развитие социально-культурных систем различного уровня и определяет их возможные состояния в будущем, а также тенденции и закономерности развития организаций сферы культуры в области социально-культурной деятельности, то разработанный социально-культурный прогноз позволит с определенной вероятностью определить будущее событие как индикатор развития данных систем.

Научное предвидение будущего как прогнозирование перспектив развития является насущной потребностью общества. Обосновывается это социально-культурными прогнозами, которые необходимы для определения возможных целей и траекторий развития субъекта, обоснования основных направлений стратегии и тактики развития самой отрасли культуры, а также для выявления потребности в ресурсах, для составления алгоритма принятия конкретных решений, для определения наиболее вероятных долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных вариантов динамики и ситуаций, для предвидения последствий принимаемых решений.

Для определения возможности применения социально-культурного прогнозирования в социально-культурной деятельности организаций сферы культуры необходимо прежде всего проследить историю развития данного процесса.

Прогнозирование возникло в границах особого подхода к социокультурному прогнозированию – неэволюционизма, представленного в работах Г. Хакена, Г. Николиса, И. Р. Пригожина, А. Баблюянца, С. Вейнберга, П. Гленсдорфа, Р. Грэхема, К. Джорджа, Р. Дефэя, Дж. Каглиоти, М. Курбейджа, С. П. Курдюмова, Л. Лугиато, К. Майнцера, Б. Мизра, Н. Н. Моисеева,

Дж. С. Николис, К. Николиса, Л. Розенфельда, М. Стадлер, где представлен особый взгляд на процесс прогнозирования (см. [4]).

По результатам исследований стало очевидно, что любое общество не просто дифференцировано и многообразно, оно имеет собственную скорость изменений. Между собой общества не связаны друг с другом, так как имеют собственную траекторию развития и эволюция развития определенного общества носит не линейный характер.

С учетом того, что мировое сообщество является не гармоничным целым, а конфликтной системой, закономерности развития одного общества не вписываются в концепцию представлений о другом обществе. В результате данных выводов было определено, что прогнозирование выступает как более сложный и точный процесс, чем то, какими конкретными параметрами этот процесс задается. На основании чего ученые определили, что нет единого универсального социального изменения, а есть множество изменений на различных уровнях реальности, а также доказали, что нет единой эволюции развития социальных систем, а есть многолинейная (Дж. Стюард), дифференцированная (Т. Парсонс) эволюция (см. [6, с. 18]).

В целом исследования, касающиеся социально-культурного прогнозирования, опираются не только на философию или историю, а на научные факты, полученные такими науками, как археология, экономика, культурная антропология, этнология и другими интенсивно развивающимися научными направлениями.

Следует отметить, что особый подход к изучению прогнозирования основан на использовании методологии синергетики, которая использовалась в работах И. Пригожина, Г. Хакена, Дж. М. Т. Томпсона, А. Баблюнца, С. Вейнберга, Б. Мизра, Дж. С. Николиса, М. Стадлера, Н. Н. Моисеева и др. (см. [1]). Указанная методология предполагает использование теории нелинейных процессов, предметом изучения которых является процесс организации структур по различному типу сложности. Кроме того, указанная методология позволяет рассматривать нелинейные системы, отличающиеся наличием множества вариантов протекания процессов на основе их деления в точке бифуркации, что с максималь-

ной вероятностью указывает именно на динамику нелинейных систем и связывается с идеей многовариантности, а в случае принятия определенных решений – с альтернативностью путей эволюции, что, в свою очередь, может свидетельствовать о нелинейности процесса социально-культурного прогнозирования в области социально-культурной деятельности.

Методология синергетики оказалась востребована в современных условиях развития сферы культуры, когда в процессе социально-культурного прогнозирования мы чаще затрудняемся спрогнозировать результат деятельности организации сферы культуры. Данная методология важна для тех, кто связан с управленческой деятельностью, так как на фоне неопределенности индивидуальные действия управленцев приобретают особое значение в масштабах региона, страны.

Начиная с 1920 года формируется футурология как наука о будущем, которая противопоставляется науке о прошлом – истории. Значимым социально-культурным фактором возникновения футурологии стало значительное ускорение в XX веке масштабности социокультурных и социальных изменений.

Важным этапом в развитии прогнозирования являются исследования 1950-х годов. Ученые в данный период большое внимание уделяют проблеме технологии прогнозирования и применяют методы, которые мы можем использовать и сегодня, в частности метод экстраполяции, который предполагает выявление закономерностей и тенденций развития какого-либо объекта, метод «дельфийской техники», основанный на проведении коллективного опроса ведущих в данной области экспертов, проходящего в несколько этапов, метод прогнозного сценария, направленного на создание модели будущего и мн. др.

Проблемы развития будущего в 1960–70-е годы становятся предметом исследования не только отдельных ученых и небольших коллективов, но также крупных организаций и общественных институтов, которые занимаются социально-культурным прогнозированием, таких как: Институт проблем будущего (Вена, 1965), Международный фонд «Человечество в 2000 году» (Нидерланды, 1965), Общество по изучению будущего мира (Вашингтон, 1966), Римский клуб (1968),

В результате многочисленных исследований история возникновения и развития прогнозирования показывает, что исторически сложилось два основных научных подхода:

- техноцентристский, который характеризуется ориентацией на научно-технический прогресс, на все новые технические изобретения и усовершенствования и указывает на противопоставление человека и природы;

- космоцентристский, который характеризуется ориентацией на самосовершенствование самого человека, на развитие его духовности, на слияние человека и природы без вмешательства научно-технического прогресса.

В России прогнозирование начинает развиваться, начиная с 1960–70-х годов, в годы более активных достижений западных исследователей.

В данный период формируется социотехнический подход не просто к прогнозированию, а уже к социально-культурному прогнозированию, на это влияет социально-ориентированная либерализация экономики, ее инновационно-опосредованный характер, рост уровня образованности граждан, увеличение объема сложных социальных связей и взаимодействий в обществе.

В указанный период В. Бестужев-Лада отмечает, что «воздействие на социально-культурную сферу должно опираться не на безусловное предсказание, а на научный анализ, диагноз и прогноз соответствующего явления, что повысит степень объективности и эффективности решения» [3].

Таким образом, краткий анализ развития прогнозирования позволяет сказать, что сам процесс социально-культурного прогнозирования возник как процесс исследования перспектив развития человечества, предметом исследования которого является его будущее, а результатом исследования – варианты его состояния. С учетом данных факторов социально-культурный прогноз – это не просто сценарий будущего, это научно обоснованное описание будущего, которое имеет несколько вариантов развития.

Следует заметить, что в современных условиях очень часто смешиваются понятия «прогнозирование» и «планирование», но данные категории имеют существенные отличия: временные рамки, степень детализации, вероятность достижения. Социально-культурное прогнозирование изучает возможные изменения в сфере культуры, а

социально-культурное планирование предполагает описание процесса изменения. Соответственно прогноз вырабатывается на основе диагностики и анализа ее данных и является основой составления плана. План представляет собой описание показателей в конце планового периода и определяет способы достижения желаемого на основе привлечения необходимых для этого ресурсов.

С учетом того, что прогноз и план являются обобщественными категориями, на наш взгляд, важным является знать, что в процессе прогнозирования следует учитывать наличие определенных соотношений между прогнозом и планом: прогноз носит рекомендательный характер и является не директивным, а план во всех отношениях имеет директивный характер, то есть обязателен.

На основании этого прогнозирование выступает научным исследованием определения прогноза перспектив развития какого-либо явления, преимущественно с количественными оценками и указанием более или менее определенных сроков изменения этого явления. Достижение того или иного прогноза будет выражаться в планировании, программировании, проектировании, управлении теми или иными процессами, системами или явлениями. То есть прогнозируется не только сам итог, но и ход его реализации в процессах, в нашем случае – производства культурных услуг в организациях сферы культуры.

Обобщественностью прогноза и плана является то, что они выполняют общую социальную функцию – разрабатываются относительно развития ситуации в настоящий период времени, в ближайшее или отдаленное будущее, с тем, чтобы удовлетворить те или иные культурные запросы или потребности.

Показатели социально-культурного прогнозирования должны коррелировать с показателями плана деятельности организации сферы культуры, которые, в свою очередь, должны являться индикаторами оценки качества социально-культурной деятельности. Составляя список показателей, на основании которых будут приниматься управленческие решения, необходимо прежде всего оценить эти показатели с точки зрения степени влияния на результат (качество) деятельности организации. Так как в основе деятельности организаций сферы культуры лежит не просто творческий процесс, а процесс непрерывного воздей-

ствия на субъект – на человека. У этого процесса нет начальной стадии и нет конечного результата, а сам процесс нельзя разделить на этапы как в обычном производстве материальных благ.

Организации сферы культуры, в частности учреждения, сегодня работают в соответствии с государственным заданием. Государственное задание определяет целевые показатели качества деятельности учреждения культуры на определенный период времени, с определенным интервалом пересмотра. Требования по проведению работ, связанных с замером уровня качества, отражены в ст. 36.1 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 21.07.2014) и регламентируются в соответствии с Приказом Минкультуры России от 20.11.2015 № 2830 «Об утверждении методических рекомендаций по проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры» (вместе с «Методическими рекомендациями по проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры (для организаций культуры, учредителем которых является Министерство культуры Российской Федерации)», «Методическими рекомендациями по проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры (для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления)»).

Однако для определения индикаторов плана нужен прогноз результата работы по методу «от достигнутого». На практике не всегда плановые показатели организациями сферы культуры достигаются, что снижает качество социально-культурной деятельности. Объясняется это ошибками процесса планирования, когда не соотносятся собственные возможности и имеющиеся ресурсы, либо отсутствует процесс социально-культурного прогнозирования.

Обобщая изученные теоретические аспекты социально-культурного прогнозирования, следует обратить внимание на его детерминанты.

К детерминантам социально-культурного прогнозирования, как к условию качества социально-культурной деятельности, относят:

1) фактор демографических изменений в структуре населения;

2) факторы изменения человека, в частности развитие социальной активности, «культурный шок, негация ценностей» [2];

3) фактор привлеченного внимания потребителей услуг культуры (зрителей, читателей, посетителей), фактор, который позволяет «конкурировать организациям сферы культуры за внимание потребителя с другими источниками информации на основе концепции монетизации свободного времени» [8, с. 123].

4) фактор развития социальных проблем в динамике;

5) институционально-правовые факторы, которые могут быть связаны с принятием нормативно правовых актов, предусматривающих формирование особых благоприятных условий для развития социально-культурной деятельности организаций сферы культуры;

6) финансово-экономические факторы, которые обуславливают бюджетную поддержку организаций сферы культуры на содержание материально-технической базы, на снижение ресурсоемкости деятельности организации за счет выделения целевых субсидий на ресурсосбережение, на софинансирование различных затрат, в том числе и затрат на методическое и информационное обеспечение технологического процесса;

7) административно-организационные факторы, которые затрагивают организационную структуру управления всеми процессами социально-культурной деятельности;

8) инфраструктурные факторы, которые охватывают конъюнктуру рынков, ориентированных на культурные блага сферы культуры.

9) технологические факторы, которые включают эргономичность здания организации сферы культуры, коммуникации по техническому состоянию здания, оборудования, степень морального и физического износа, безопасность потребителя, экологичность, возможность применения ресурсосберегающих технологий.

Учет указанных детерминантов предполагает реализацию социально-культурного прогнозирования на более высоком уровне, с более точным прогнозом и его процент достоверности можно будет определить на основе сопоставимого измерения наличия свободного времени у населения, уровня жизни, наличия социальной стабильно-

сти в обществе. При этом нужно учитывать закономерность: чем меньше по объему прогнозируемый объект, тем точнее можно разработать прогноз, тем проще составить план деятельности организации для достижения результатов. Самыми сложными, с учетом технологического построения, являются прогнозы на более длительный период, так как на них влияет большее количество факторов.

Как условие достижения высокого уровня качества социально-культурной деятельности социально-культурное прогнозирование можно представить следующим образом:

- выбор объекта социально-культурного прогнозирования; это может быть любой объект – от одного человека до определенного количества людей, проживающих на определенной территории;

- определение направления исследования: социально-экономическое, собственно социальное, социально-культурное (это связано с тем, что в исследованиях социально-культурной сферы очень трудно придерживаться одного направления, в силу того, что указанная сфера оказывает не только интернальные эффекты, но и экстернальные, поэтому значительная часть прогнозирования должна носить комплексный характер);

- подготовка информации по прогнозированию, обработка данной информации в соответствии с технологией прогнозирования (данный этап является ключевым в технологии прогнозирования, так как достоверность инфор-

мации позволит правильно разработать прогноз и в дальнейшем окажет влияние на качество социально-культурной деятельности);

- определение наиболее правильного метода разработки прогноза, который будет отвечать требованиям исследования;

- разработка прогноза, обработка результатов и определение его достоверности;

- разработка плановых индикаторов качества социально-культурной деятельности.

Возможность оценить проведенное социально-культурное прогнозирование представится лишь по истечению определенного времени, на которое был рассчитан данный прогноз, после анализа показателей социально-культурной деятельности с установленными индикаторами качества.

Таким образом, социально-культурное прогнозирование должно осуществляться на веру в реальность прогноза, поскольку он может привлечь внимание власти к социально-культурным проблемам, и независимо от того, насколько парадоксальным может быть этот прогноз, план социально-культурного развития организации должен быть реалистичным.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что социально-культурное прогнозирование является одним из условий в обеспечении качества социально-культурной деятельности организаций сферы культуры, его применение позволит руководителю научно обоснованно подойти к организации планирования деятельности в соответствии с установленными нормами качества.

Литература

1. Арефьева Н. Т. Прогнозирование социокультурного развития: теоретико-методологические подходы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. – М.: МГУКИ, 2010. – 47 с.
2. Арефьева Н. Т. Прогнозирование и его социокультурные цели [Электронный ресурс]. – 2010. – № 4. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-pu/2010/4/Arefieva/index.php?sphrase_id=113461.
3. Бестужев-Лада И. В. Технология прогнозных разработок социальных процессов. – М.: Поиск, 1992. – 95 с.
4. Буторина О. В. Развитие как базовое свойство социально-экономических систем // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2014. – № 3 (24). – С. 116–123.
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/.
6. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. – М.: Академический Проект, 2004. – 480 с.
7. Приказ Минкультуры России от 20.11.2015 № 2830 «Об утверждении методических рекомендаций по проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189445/.

8. Сменцарев Г. В. Эффективность учреждений культуры как отражение концепции монетизации свободного времени // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 119–125.
9. Струкова Н. К вопросу о внедрении менеджмента качества в сфере культуры // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2. – С. 178–180.
10. Фахрутдинова А. З. Оценка качества услуг в сфере культуры методология и методика формирования и измерения показателей // Менеджмент качества в сфере культуры. Опыт. Проблемы. Решения: мат-лы межрег. науч.-практ. конф., Новосибирск, 9–10 нояб. 2011 года. – Новосибирск, 2011. – С. 31–42.
11. Юдина А. И., Мухамедиева С. А. Определение потребности отрасли культуры в квалифицированных кадрах в области библиотечного дела и социально-культурной деятельности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. I. – С. 166–175.

References

1. Arefyeva N.T. *Prognozirovanie sotsiokul'turnogo razvitiya: teoretiko-metodologicheskie podkhody: avtoref. dis. d-ra filos. nauk: 24.00.01 [Forecasting of socio-cultural development: theoretical and methodological approaches. Author's abstract of diss. Dr of in philosoph. sci.: 24.00.01]*. Moscow, MGUKI Publ., 2010. 47 p. (In Russ.).
2. Arefyeva N.T. *Prognozirovanie i ego sotsiokul'turnye tseli [Forecasting and its social and cultural objectives]*, 2010, no. 4. (In Russ.). Available at: http://www.zpu-journal.ru/epu/2010/4/Arefyeva/index.php?phrase_id=113461.
3. Bestuzhev-Lada I.V. *Tekhnologiya prognoznikh razrabotok sotsial'nykh protsessov [Technology of the forecast development of social processes]*. Moscow, Poisk Publ., 1992. 95 p. (In Russ.).
4. Butorina O.V. *Razvitie kak bazovoe svoystvo sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Development as a basic property of social and economic systems]. Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki [Bulletin of Perm national research polytechnic university. Social and economic science]*, 2014, no. 3 (24), pp. 116-123. (In Russ.).
5. *Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kul'ture (utv. VS RF 09.10.1992 no. 3612-1) (red. ot 28.11.2015) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2016) [Bases of the legislation of the Russian Federation on culture (app. The armed forces 09.10.1992 no. 3612-1) (ed. by 28.11.2015) (Rev. and EXT., joined. in force from 01.01.2016)]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/.
6. Orlova E.A. *Kul'turnaya (sotsial'naya) antropologiya [Cultural (social) anthropology]*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2004. 480 p. (In Russ.).
7. *Prikaz Minkul'tury Rossii ot 20.11.2015 № 2830 "Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsii po provedeniyu nezavisimoy otsenki kachestva okazaniya uslug organizatsiyami kul'tury" [The order of the Ministry of culture of Russia of 20.11.2015 no. 2830 "About the approval of methodical recommendations for independent assessment of the quality of services provided by cultural organizations"]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189445/.
8. Smentsarev G.V. *Effektivnost' uchrezhdeniy kul'tury kak otrazhenie kontseptsii monetizatsii svobodnogo vremeni [The efficiency of cultural institutions as a reflection for the concept of monetization of free time]. Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki [Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova. Social sciences]*, 2015, no. 2, pp. 119-125. (In Russ.).
9. Strukova N. *K voprosu o vnedrenii menedzhmenta kachestva v sfere kul'tury [To the question of the introducing quality management in the sphere of culture]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*, 2013, no. 2, pp. 178-180. (In Russ.).
10. Fakhrutdinova A.Z. *Otsenka kachestva uslug v sfere kul'tury metodologiya i metodika formirovaniya i izmereniya pokazateley [Evaluation of service quality in the sphere of culture: methodology for formation and measurement]: Menedzhment kachestva v sfere kul'tury. Opyt. Problemy. Resheniya: materialy mezreg. nauch.-prakt. konf., Novosibirsk, 9-10 noyabrya [Quality management in the sphere of culture. Experience. Problems. Solutions. Materials of interregional scientific and practical conference, Novosibirsk, November 9-10]. Novosibirsk, 2011, pp. 31-42. (In Russ.).*
11. Yudina A.I., Mukhamedieva S.A. *Opredelenie potrebnosti otrasli kul'tury v kvalifitsirovannykh kadrah v oblasti bibliotchnogo dela i sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Defining culture industry needs for qualified personnel in the field of library science, and social and cultural activities]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22, part I, pp. 166-175. (In Russ.).

УДК 378

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СОТРУДНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Слаутина Надежда Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления и экономики социально-культурной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: m.slautina2015@yandex.ru

Лазарева Маргарита Викторовна, аспирант, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: rita.antropova@yandex.ru

Образовательная траектория профессионализма – объект пристальных наблюдений и анализа со стороны высшего руководства различных организаций. Данная тенденция касается и работников сферы культуры. В рамках статьи рассмотрены основные принципы индивидуальной образовательной траектории профессионализма сотрудников учреждений культуры. Развитие социально-экономических условий и культурных потребностей общества предъявляют определенные требования к подготовке специалистов учреждений культуры. В нормативно-правовых документах в сфере образования и культуры четко прослеживается мысль о необходимости обучения по индивидуальным образовательным маршрутам. Рассматривая понятие «индивидуальный образовательный маршрут», следует учитывать то, что существует и «индивидуальная образовательная траектория».

Индивидуальная образовательная траектория предусматривает наличие содержательного компонента и технологии организации образовательного процесса (индивидуальный образовательный маршрут и способ его реализации). Для получения результата при реализации индивидуальной образовательной траектории профессионализма сотрудников учреждений культуры необходимо учитывать целенаправленность развития и реализации личностных качеств сотрудника. При этом ценность индивидуальной образовательной траектории профессионализма сотрудников учреждений культуры состоит в том, что она позволяет каждому отдельно взятому сотруднику на основе самооценки, мотивации формировать и развивать ценностные ориентации, творческую индивидуальность. Данные аспекты реализации индивидуальной образовательной траектории профессионализма сотрудников учреждений культуры позволяют достичь разностороннего развития личности, сформировать навыки самообразования и самореализации.

Реализация индивидуальной образовательной траектории профессионализма сотрудников учреждений культуры должна быть основана на определении потребностей и мотивов с учетом определённой цели. Однако реализация данной траектории возможна только при поддержке специалиста в его профессиональном становлении на протяжении всей его профессиональной жизни.

Ключевые слова: профессиональная траектория, индивидуальная образовательная траектория профессионализма сотрудников учреждений культуры.

INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORIES OF PROFESSIONALISM OF EMPLOYEES OF CULTURAL INSTITUTIONS

Slautina Nadezhda Mikhaylovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Management and Economics of Socio-cultural Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: m.slautina2015@yandex.ru

Lazareva Margarita Viktorovna, Postgraduate, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rita.antropova@yandex.ru

The educational path of professionalism is an object of close observation and analysis on the part of senior management of the various organizations. This trend also applies to cultural workers. As a part of this

work, it describes the main principles of individual educational trajectory of professionalism of employees of cultural institutions. The development of socio-economic conditions and cultural requirements of society imposes certain requirements for the training of specialists of cultural institutions. In legal documents in the sphere of education and culture, the idea of the need for training can clearly be seen in individual educational routes. Considering the concept of an "individual educational route", one should take into account the fact that there is an "individual educational trajectory".

Individual educational trajectory provides for a substantial component of the technology and organization of educational process (individual educational route and method of implementation). To get the result in the implementation of individual educational trajectory of professionalism of employees of cultural institutions should be considered a focus of development and realization of personal qualities of the employee. At the same time, the value of an individual educational trajectory of professionalism of employees of cultural institutions is that allows each individual employee develop values, creative individuality because of self-esteem, motivation, form. These aspects of the implementation of individual educational trajectory of professionalism of employees of cultural institutions can achieve comprehensive development of the personality; develop the skills of self-education and self-realization.

Realization of individual educational trajectory of professionalism of employees of cultural institutions should be based on the identification of needs and motives based on specific goals. However, realization of this path is only possible with the support of a specialist in his professional development, throughout his professional life.

Keywords: professional trajectory, individual educational trajectory of professionalism of employees of cultural institutions.

Повышение потенциала каждого сотрудника, для того чтобы увеличить конкурентоспособность учреждений культуры, стоит на первом месте в рамках реализации Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года. В основе решения данной проблемы лежит то, насколько сам сотрудник способен развиваться самостоятельно и поддерживать свой профессионализм на необходимом уровне. Только при условии, что сотрудник учреждений культуры будет заниматься саморазвитием, и только в этом случае он способен принести пользу учреждению, обществу своей деятельностью, и только тогда появляется возможность использовать новые технологии, полученные путем творческого процесса.

Согласно Стратегии инновационного развития, Россия до 2020 года ставит перед собой в качестве одной из главных задач обеспечение всех необходимых условий для создания у граждан желания и способности к непрерывному образованию, постоянному пополнению новыми знаниями, самосовершенствованию и развитию профессиональной мобильности [12].

Д. И. Фельдштейном было отмечено, что при проведении психолого-педагогических ис-

следований, в первую очередь, упор делается на решение проблемы, связанной конкретно с человеком, ведь именно он является творцом окружающего его мира. Это привело к заинтересованности в выявлении скрытых возможностей человека и развитии имеющегося потенциала, а также выявлению факторов, влияющих на формирование личности [13].

Факторы, оказывающие влияние на развитие сотрудника учреждений культуры как личности и как профессионала, довольно известны, но то, насколько личность может разносторонне развиваться, изложено в мультидисциплинарных социальных и гуманитарных исследованиях на эту тему, которая, по сути, является интегративной. Согласно всем проведенным философским, психологическим, педагогическим и другим исследованиям, была обнаружена многогранность саморазвития человека с личностной и профессиональной стороны.

М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев и А. Ф. Лосев дают философское определение феномену саморазвития человека как процессу самодвижения и развития, основывающемуся на личных причинах и не поддающемуся внешним раздражителям. Саморазвитие тесно переплетено с проблемой

стремления индивида выявить как можно больше своих возможностей и максимально развить их при этом. Если верить разработанной Э. Эриксоном концепции «неограниченного развития», то развитие человека продолжается всю его жизнь вплоть до самой смерти. Меняется только направление, скорость, характер и качество (см. [8]). Следует согласиться с исследователями (А. Маслоу, К. Роджерс, К. А. Абульханова-Славская) в том, что, рассматривая саморазвитие в виде положительного изменения психологического статуса личности, необходимо учитывать, что определенной ступенькой для этого служит самоактуализация, личностный рост, совершенствование себя как личности, самостоятельное составление жизненного плана и стратегии.

Более детально и поэтапно с процессом развития человека как личности можно ознакомиться в исследованиях Б. Г. Ананьева [1], А. Г. Асмолова [2], Д. А. Леонтьева [5], С. Л. Рубинштейна [10] и В. И. Слободчикова [11]. Принципы профессионально-личностного развития детально изложены в фундаментальных трудах Е. А. Климова, Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой и Г. С. Сухобской. Там же отражены все данные, полученные в ходе исследований самоопределения личности и саморазвития.

То, какие изменения терпит понятие саморазвития человека, сотрудника как личности и как профессионала, наиболее точно отражено в работе современного психолога В. И. Ивановой [3]. Ею были изучены все факторы, влияющие на создание культурной среды и то, какое именно влияние это может оказать на личностно-профессиональное развитие специалистов. Исследования Т. Н. Рамазановой показывают, что культурная среда напрямую оказывает влияние на любое саморазвитие сотрудников [9]. Многие исследователи, в том числе и Н. В. Панова, анализируют этапы профессионального развития [7], а Л. М. Митина создала специальную концепцию подхода к развитию сотрудников (педагогов) как личности [6].

Следовательно, исходя из современных условий развития общества, существует потребность в разработке новых концепций и технологий для профессионального саморазвития сотрудников учреждений культуры. Однако при резком перехо-

де устоявшихся систем, услуг культуры к новым, превосходящим по качеству, появляется необходимость заниматься процессом саморазвития сотрудников учреждений культуры как личностей и как профессионалов, подбирая при этом к каждому работнику отдельный подход. Однако разрабатывая индивидуальную образовательную траекторию профессионализма сотрудников учреждений культуры, необходимо разобраться в проблеме саморазвития и самореализации личности отдельно взятого сотрудника.

Основная причина, проблемы саморазвития, как правило, заключается в детерминации роста личности ее деятельностью. Структура личностного и профессионального саморазвития каждого сотрудника учреждений культуры включает в себя мотивацию, проектирование, деятельность и практику, но при этом не следует списывать со счетов эмоциональность и волю каждого человека.

Мотивация, как правило, заключается в наличии каких-либо потребностей или мотивов, что и дает толчок саморазвитию. В качестве потребностей может быть определен недостаток в саморазвитии или же несоответствие развитию систем культуры и запросов общественности. Дальше из потребностей создаются мотивы, и вот они уже дают сигнал к действию. Мотивация – это сложный процесс, при котором происходит побуждение деятеля культуры к тому или иному делу, и происходит он после длительного анализа, оценки всех альтернатив и принятия верного решения.

Проектировочный компонент – постановка цели как субъективного образа желаемого результата саморазвития; цель обусловлена мотивами и определяется самим сотрудником, процесс целеполагания в данном случае понимается как проектирование.

Деятельностно-практический компонент включает действия сотрудника учреждений культуры по достижению результата саморазвития на основе выбранной технологии (системы условий, форм, методов и средств решения поставленных задач), в процессе осуществления действий приобретает собственный опыт саморазвития.

Рефлексивный компонент – оценка результата саморазвития – осуществляется как по внешним, так и по собственным (внутренним) крите-

риям. Рефлексия является необходимым условием успешной реализации профессиональной деятельности сотрудника учреждений культуры.

По мнению В. А. Слостенина, самооценка выступает детерминантой развития его профессиональной деятельности, является одним из главных регуляторов формирования профессионализма, при этом для творческого человека ценность его произведения зависит не от похвалы или критики других, а устанавливается им самим.

В подтверждение вышесказанных аспектов было проведено исследование по проблеме мотивации сотрудников учреждений культуры к реализации индивидуальной образовательной траектории.

В исследовании принимали участие слушатели двух групп «Менеджмент социально-культурной сферы» (2015/16 учебный год) и «Менеджмент организации» (2016/17 учебный год) института дополнительного образования ФГБОУ ВО «Кемеровского государственного института культуры», в количестве 27 человек. Респондентам было предложено пройти методику изучения мотивов учебной деятельности в модификации А. А. Реана и В. А. Якунина, которая позволила оценить ведущие мотивы, способствующие развитию профессионализма и готовности к учебной деятельности слушателей с качественной стороны. Из шестнадцати мотивов респонденты выбрали по пять утверждений, которые представляют для них наибольшее значение с точки зрения совершенствования профессионализма.

В результате прохождения методики ранги мотивов слушателями были определены следующим образом. Наиболее часто выбираемыми мотивами, набравшими большее количество баллов, стали:

- «стать высококвалифицированным специалистом» – 13 баллов;
- «получить интеллектуальное удовлетворение» – 13 баллов.

Вторым по значению стал мотив, набравший в сумме 11 баллов, – «получить диплом».

И лишь на третьем месте, сумма баллов равна 10, оказались такие мотивы, как: «обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», «увеличение материального дохода».

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что мотивация учебной деятельно-

сти слушателей имеет положительный характер в случае, когда доминируют мотивы «стать высококвалифицированным специалистом» и «обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», то есть можно утверждать, что респонденты готовы к реализации индивидуальной образовательной траектории развития профессионализма. Менее результативным и эффективным будет реализация данного направления у тех сотрудников, у которых доминируют материальные мотивы и мотивы формального получения диплома о переподготовке [4, с. 207].

Следовательно, возникает необходимость внедрения эффективных форм, методик обучения и технологий организации данного процесса, для того чтобы сотрудники учреждений культуры чувствовали себя более защищенными и конкурентоспособными на рынке труда. Для этого необходимо учитывать, что интегративная профессионально развивающая образовательная среда характеризуется следующими свойствами:

- дискретность – развивающая макросреда, состоящая из отдельных частей, представлена различными социально-культурными и образовательными микросредами (отдельных сотрудников, клубных формирований, учреждений сферы культуры);
- иерархичность – построение элементов в порядке от низшего к высшему проявляется в уровнях соподчиненного взаимодействия микросред, мезосред и макросреды в глобальном ее представлении;
- целостность – интегративная среда не является простой суммой отдельных ее частей (микросред) и рассматривается как система, единство которой определяется внутренними связями между составляющими элементами;
- интегративность – определяет наличие профессионально развивающих факторов как новых качеств среды, характерных только для нее; эти качества определяются взаимосвязями совокупности микросред как структурных компонентов макросреды, которые в отдельности не могут воспроизводить качество системы в целом (в данном случае проявляется свойство эмерджентности среды);
- вариативность – интегративная макросреда предоставляет сотруднику учреждений культуры

комплекс альтернативных возможностей для построения индивидуальных траекторий саморазвития, определяющих эквивалентность личностно-профессионального саморазвития сотрудника.

Таким образом, построение индивидуальной траектории личностно-профессионального саморазвития сотрудников учреждений культу-

ры как автономного процесса осуществляется на основе выбора вариативных ресурсов интегративной профессионально развивающей образовательной среды и инициируется условиями данной среды, включающими научно-методическое сопровождение процесса саморазвития и учет профессионально-образовательной среды.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Психологическая структура человека // Человек и общество. – Л.: ЛГУ, 1967. – Вып. 2. – С. 235–249.
2. Асмолов А. Г. Психология личности. – М.: МГУ, 1990. – 367 с.
3. Иванова В. И. Акмеологическая концепция формирования образовательной среды подготовки специалистов: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2009. – 662 с.
4. Лазарева М. В. К вопросу о развитии непрерывного профессионального образования в сфере культуры и искусств (на примере Краевого научно-учебного центра кадров культуры Министерство культуры Красноярского края) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37/1. – С. 204–208.
5. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. – 2-е изд. – М.: Смысл, 1997. – 64 с.
6. Митина Л. М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. – М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – 376 с.
7. Панова Н. В. Профессиональное развитие личности педагога [Электронный ресурс] // Вестн. ТГПУ. – 2012. – № 2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-razvitiie-lichnosti-pedagoga>.
8. Психология человека от рождения до смерти / под общ. ред. А. А. Реана. – М.: АСТ, 2015. – 656 с.
9. Рамазанова Т. Н. Профессиональная среда как фактор профессионально-личностного роста педагогов [Электронный ресурс] // Среднее профессиональное образование. – 2010. – № 12. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sreda-kak-faktor-professionalno-lichnostnogo-rosta-pedagogov>.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.
11. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учеб. пособие для вузов. – М.: Изд-во Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та, 2013. – 540 с.
12. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html>.
13. Фельдштейн Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Проблемы современного образования. – 2010. – № 2. – С. 4–12.

References

1. Ananyev B.G. *Psikhologicheskaya struktura cheloveka* [The psychological structure of man]. *Chelovek i obshchestvo* [Human and society]. Leningrad, LGU Publ., 1967, iss. 2, pp. 235-249. (In Russ.).
2. Asmolov A.G. *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of personality]. Moscow, MGU Publ., 1990. 367 p. (In Russ.).
3. Ivanova V.I. *Akmeologicheskaya kontseptsiya formirovaniya obrazovatel'noy sredy podgotovki spetsialistov: diss. dokt. ped. nauk* [Akmeologicheskyye concept of formation of the educational environment of training. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 2009. 662 p. (In Russ.).
4. Lazareva M.V. *K voprosu o razvitiie nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya v sfere kul'tury i iskusstv (na primere Kraevogo nauchno-uchebnogo tsentra kadrov kul'tury Ministerstvo kul'tury krasnoyarskogo kraja)* [On the issue of continuous vocational training development in culture and arts (on the example of culture staff Regional research and Training Centre of Krasnoyarsk Region Ministry of Culture)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2016, no. 37/1, pp. 204-208. (In Russ.).
5. Leontyev D.A. *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay on psychology of personality]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 64 p. (In Russ.).
6. Mitina L.M. *Psikhologiya lichnostno-professional'nogo razvitiya sub"ektov obrazovaniya* [Psychology of personal and professional development of educational subjects]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014. 376 p. (In Russ.).

7. Panova N.V. Professional'noe razvitiye lichnosti pedagoga [Professional development of the teacher personality]. *Vestnik TGPU [Bulletin of Tomsk State University of Pedagogical]*, 2012, no. 2. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-razvitiye-lichnosti-pedagoga>.
8. *Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti [Human psychology from birth to death]*. Ed. A.A. Reana. Moscow, AST Publ., 2015. 656 p. (In Russ.).
9. Ramazanova T.N. Professional'naya sreda kak faktor professional'no-lichnostnogo rosta pedagogov [Professional environment as a factor of professional and personal growth of teachers]. *Srednee professional'noe obrazovanie [Secondary vocational education]*, 2010, no. 12. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sreda-kak-faktor-professionalno-lichnostnogo-rosta-pedagogov>.
10. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of general psychology]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 712 p. (In Russ.).
11. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Psikhologiya razvitiya cheloveka. Razvitiye sub'ektivnoy real'nosti v ontogeneze [Psychology of human development. The development of subjective reality in ontogenesis]*. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2013. 540 p. (In Russ.).
12. *Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda [The strategy of the state cultural policy in the period up to 2030]*. (In Russ.). Available at: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html>.
13. Feldshteyn D.I. Psikhologo-pedagogicheskie problemy postroeniya novoy shkoly v usloviyakh znachimykh izmeneniy rebenka i situatsii ego razvitiya [Psycho-pedagogical problems of building a new school in the conditions of significant changes in the child's situation and its development]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of modern education]*, 2010, no. 2, pp. 4-12. (In Russ.).

УДК 37

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Слаутина Надежда Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления и экономики социально-культурной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: m.slautina2015@yandex.ru

На современном этапе развития российского общества и системы образования в условиях рыночных отношений, конкуренции, в том числе и на рынке образовательных услуг, назрела потребность в формировании у студентов вузов необходимых качеств для выживания в сложных социально-экономических условиях, в подготовке конкурентоспособных кадров для поиска подходящей ниши для своей будущей профессиональной деятельности. То есть выпускники вузов должны не только в полной мере владеть профессиональными знаниями и умениями, обладать определенными личностными качествами, но и быть активными маркетинго ориентированными субъектами.

Экономические условия развития общества предъявляют особые требования к специалистам в любой отрасли и направлены на формирования высококомпетентного сотрудника, который способен мобилизовать свой личностный потенциал для решения профессиональных задач. Ему необходимо обладать не только исследовательскими умениями, но и соответственно позиционировать себя в рыночном пространстве для эффективного взаимодействия в личной, социальной, профессиональной сферах. В связи с этим актуализируется проблема формирования маркетинговой компетенции у студентов вуза, способствующей изучению, формированию и удовлетворению дифференцированных образовательных потребностей личности.

Профессиональную компетентность студентов допустимо рассматривать как исключительный факт современного социокультурного образовательного пространства. Данный факт непосредственно оказывает влияние на формирование профессиональной компетентности студента. При этом необходимо учитывать, что процесс формирования профессиональной компетенции происходит на теоретиче-

ском, методологическом и практическом уровне. Взаимосвязь данных уровней прослеживается в готовности студентов к профессионально-практической деятельности.

Социальные и экономико-информационные условия развития общества способствуют и пересмотру отношений к знаниям, переходу от знания, умения и навыков к управлению знаниями, которые трансформируются в компетенции. Данные условия отражаются и на характере профессиональной деятельности, требуют не только профессиональной мобильности и гибкости, но и устойчиво-непрерывного повышения уровня маркетинговой компетенции.

В связи со сложившимися социально-экономическими условиями возрос и интерес к профессионально-маркетинговой компетентности студентов. В целом подход к формированию профессионально-маркетинговой компетенции студентов возможно рассматривать как целенаправленное изменение содержательного аспекта в рамках имеющихся ориентаций всего образовательного пространства.

Однако, учитывая то, что профессионально-маркетинговая компетентность студентов формируется на основе взаимосвязи полученных знаний в процессе обучения, необходимо применение определенных педагогических технологий, способствующих развитию профессионально значимых личностных качеств.

Ключевые слова: маркетинг, образовательный процесс, профессиональная компетентность.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF UNIVERSITY STUDENTS' MARKETING COMPETENCE BUILDING

Slautina Nadezhda Mikhailovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Management and Economics of Socio-cultural Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: m.slautina2015@yandex.ru

At the present stage of development of the Russian society and education system in the conditions of market relations, competition, including the education market, there is a need in the formation of university students' necessary qualities to survive in difficult socio-economic conditions, training the competitive staff to find suitable niche for their future careers. The graduates must not only fully possess professional knowledge and skills and have a certain baggage of personal qualities, but also to be active marketing-oriented subjects.

The economic conditions of society development have specific requirements for professionals in any industry and are aimed at the formation of a highly competent employee who is able to mobilize the personal potential solving the professional problems. To do this, one must have not only the skills of research, but also in accordance with that position themselves in the market space for effective interaction in personal, social and professional spheres. In connection with this problem of forming the updated marketing competence of university students, promoting learning, creativity and meeting the differentiated educational needs of an individual.

Professional competence of admissible students is regarded as an exceptional fact of modern socio-cultural educational environment. This fact directly influences the formation of professional competence of a student. It should be borne in mind that the process of formation of professional competence occurs at theoretical, methodological and practical level. The relationship of these levels can be traced to the readiness of students to professional practice.

Social and economic development of society and information conditions contribute to the revision of relations to knowledge. From knowledge, abilities and skills to knowledge management, which are transformed into competence. These conditions are reflected in the character of professional activities requiring not only professional mobility and flexibility, but also to stable-continuous improvement of the level of marketing expertise.

Due to the prevailing socio-economic conditions, the interest in professional and marketing competence of students increased. In general, the approach to formation of professional competence of students of

marketing may be considered as a purposeful change of substantial dimension in all orientations within existing educational space.

However, given that the marketing of professional competence of students is based on the relationship of the received knowledge in the learning process, one must use specific pedagogical technologies that contribute to the development of professionally significant personal qualities.

Keywords: marketing, educational process, professional competence.

В современной теории и практике педагогической науки накоплен большой опыт профессиональной подготовки студентов, но при этом отмечаются некоторые проблемные аспекты профессиональной подготовки обучающихся в вузах к образовательному маркетингу. Теоретические вопросы включения основ маркетинга в профессиональную подготовку студентов отмечены в работах О. И. Киселевой, Е. А. Ганаевой, И. В. Кравец, И. А. Дониной, Т. Г. Шириной.

Однако проблематике реализации педагогических условий формирования профессиональных маркетинговых компетенций отводится недостаточное внимание.

Формированию маркетинговой компетенции в российской системе высшего образования не уделяется должного внимания и не учитывается то, что будущим специалистам придется искать работу и воплощать в профессиональной деятельности освоенные в высшем учебном заведении профессиональные умения и навыки в условиях рыночной борьбы «за место под солнцем». Это предполагает необходимость создания комплексной системы подготовки с учетом данного фактора, создание определённых педагогических условий формирования маркетинговой компетенции в рамках образовательной системы в целом.

Маркетинговую компетентность студента – будущего специалиста можно рассматривать в совокупности личностно профессиональных качеств, способствующих повышению его конкурентоспособности по окончании вуза. Компетентность студентов в области маркетинга состоит из основных аспектов маркетингового подхода к формированию и развитию компетентного профессионала в определенной области деятельности. Таким образом, не полностью решённым является вопрос о содержании и структуре маркетинговой компетенции студентов вузов. Методологически этот вопрос решается в работе Е. А. Кагакиной и Т. А. Чекалиной [4].

Определяется данная компетентность совокупностью сформированных общих, общепрофес-

сиональных и профессиональных компетенций, таких как имиджевая, креативная, коммуникативная, репрезентативная, информационно-технологическая, диверсификационная, а также умением работать в команде и др.

Процесс формирования компетентности студентов вуза в данное время рассматривается в двух направлениях: как автономная, независимая задача и как один из путей решения других, более общих проблем, в частности, проблем качественного образования студентов в вузах.

Совершенно прав Ю. Б. Рубин, указывая на то, что компетентный подход – это не совсем новое направление как для российской системы образования, так как и для большинства европейских стран: те или иные элементы компетентного подхода так или иначе учитывались как в системе управления качеством обучения, так и в профессиональной подготовки кадров.

Рассматривая организацию учебной деятельности, можно обратиться к исследованиям М. Н. Скаткина, И. Я. Лернера, В. В. Краевского, Г. П. Щедровицкого и др., которые описывают разнообразие как комплексных, так и специальных способов организации учебной деятельности [5, с. 12].

В диссертационном исследовании О. И. Киселёва указывает на то, что на формирование у студентов маркетинговой компетенции влияют не только педагогические условия профессиональной подготовки, но и соблюдение внешних и внутренних педагогических условий [5].

К внутриорганизационным педагогическим условиям формирования компетенций студентов вуза при изучении дисциплины «Маркетинг» относятся: внедрение современных способов и методов, а также интерактивных форм, способствующих развитию мотивации студентов к профессиональной подготовке; разработка методических рекомендаций, способствующих формированию маркетинговой компетенции; использование в образовательном процессе обучения интерактивных форм подачи лекционного мате-

риала, способствующего формированию у студентов не только маркетинговой компетентности, но и грамотности.

Нельзя не согласиться с Е. С. Гричановской, которая в своем диссертационном исследовании указывает, что при формировании компетентности у студентов необходимо уделять особое внимание развитию и самоактуализации мотивационно-ценностной сферы, которая направлена не только на повышение личного статуса, но и на конкурентоспособность будущего выпускника в современных условиях. Однако при этом необходимо создавать условия актуализации и развития когнитивной сферы при помощи организации практических занятий [2].

При формировании профессионально-маркетинговых компетенций студентов необходимо учитывать и внешние условия, такие как создание гибкой системы административного управления вузом, учет социально-экономических и социально-культурных изменений в обществе.

Особое значение при формировании маркетинговой компетенции имеет создание организационно-педагогических условий, но при этом необходимо учитывать, что педагогический персонал должен обладать не только маркетинговым мышлением, современными технологиями в области маркетинга, но и способами, методами передачи теоретических знаний и практического опыта студентам. При создании педагогических условий формирования маркетинговой компетенции особое значение имеет целостность и преемственность социально-экономической подготовки студентов на всех этапах теоретического и практического обучения.

Так, например, Е. А. Ганаева и И. В. Кравец в статье «Характеристика системы формирования маркетинговой компетенции студента вуза» выделяют следующие педагогические условия эффективного формирования маркетинговой компетентности студентов: мотивационную актуальность студентов при формировании маркетинговой компетентности, то есть необходимо уделять внимание процессу формирования побуждений; направленность образовательного процесса вуза на систематизацию маркетинговых знаний студентов, соотнесение теоретического материала с практическим; структуризацию и соотношение новой и старой информации; субъективный

опыт студентов, формируемый в ходе занятий по развитию маркетинговых компетенций посредством максимального включения студентов в практическую деятельность [1, с. 325].

Следовательно, при формировании маркетинговой компетентности студентов необходимы педагогические условия, учитывающие интеграцию системного, личностно-деятельностного, компетентностного и маркетингового подходов.

Применение системного подхода к формированию маркетинговой компетенции делает возможным организацию наиболее эффективной структуры процесса, оптимального взаимодействия всех факторов на развитие педагогических условий. Теоретической базой для этого является понимание процесса формирования компетенций, основанное на синергетическом подходе. В работе Т. А. Чекалиной, Е. А. Кагакиной и О. В. Устиновой [8] были раскрыты указанные синергетические основания.

В личностно-деятельностном подходе личность понимается как источник творчества. За счет своей индивидуальной неповторимости и индивидуального опыта личность способна к уникальным достижениям в любой профессиональной деятельности. Благодаря данному подходу студенты приобретают уверенность в собственной значимости, что и мотивирует их деятельность.

Компетентностный подход необходим вследствие того, что он обеспечивает в будущем качество решения проблем в области профессиональной маркетинговой компетенции.

Таким образом, основным педагогическим условием при формировании маркетинговой компетенции студентов вуза будет организация содержания и структуры образовательного процесса, основанного на модели, состоящей из четырех этапов:

Адаптивно-информационный этап, цель которого состоит в осмыслении у студентами в ходе обучения базы маркетинговых и других сопутствующих понятий, маркетинговых компетенций с целью дальнейшего использования своих профессиональных умений и навыков практической деятельности по окончании вуза.

Содержательный этап, основанный на обще-педагогических и специальных компетенций, что способствует формированию у студентов маркетинговой компетентности.

Следующий этап, который характеризуется применением практических маркетинго-ориентированных компетенций деятельности в ходе образовательного процесса, определяется как деятельностный. Деятельностный этап предполагает практическое использование сформированных на предыдущих этапах маркетинговых компетенций, что способствует реализации следующего этапа – результативного.

На результативном этапе осуществляется рефлексия и подведение итогов сформированности маркетинговой компетенции студентов. Оцениваются их готовность к использованию профессиональных знаний и умений, полученных в ходе обучения, а также возможности демонстрации данных умений потенциальным работодателям.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что благодаря педагогическим условиям, которые представляют собой систему взаимосвязанных компонентов, последовательную смену этапов, а также оценку уровней профессиональной подготовки студента, происходит процесс формирования и развития маркетинговой компетентности.

Отсюда одна из главных целей профессиональной подготовки студентов – формирование конкурентоспособного специалиста, что возможно только при нацеленности образовательной системы на практический результат и соблюдении основных педагогических условий при формировании маркетинговых компетенций студентов.

Литература

1. Ганаева Е. А., Кравец И. В. Характеристика системы формирования маркетинговой компетенции студента вуза // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 7. – С. 320–327.
2. Гричановская Е. С. Формирование коммуникативной компетентности у студентов гуманитарно-педагогического вуза: на примере специальностей 080103 – Национальная экономика, 080111 – Маркетинг: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08; [Место защиты: Амур. гуманитар.-пед. гос. ун-т]. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. – 220 с.
3. Донина И. А., Ширина Т. Г. Маркетинговая компетентность как критерий профессионализма в сфере образования // Фундаментальные исслед. – 2014. – № 5-4. – С. 844–848.
4. Кагакина Е. А., Чекалина Т. А. Содержание и структура профессиональной компетенции студентов вуза // Мир науки, культуры и образования. – 2011. – № 4-1. – С. 105–108.
5. Киселева О. И. Профессиональная подготовка студентов к педагогическому маркетингу в условиях вуза: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2010. – 182 с.
6. Слаутина Н. М. Формирование профессиональной компетентности студентов вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Кемерово, 2005. – 167 с.
7. Хорошилова Н. В. Формирование культурной компетентности студентов вуза: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01; [Место защиты: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т]. – Н. Новгород, 2013. – 190 с.
8. Чекалина Т. А., Кагакина Е. А., Устимова О. В. Синергетические основания формирования компетенций студентов вузов в процессе обучения // European Social Science Journal. – 2011. – № 13(16). – С. 143–150.

References

1. Ganaeva E.A., Kravets I.V. Kharakteristika sistemy formirovaniya marketingovoy kompetentsii studenta vuza [The Characteristics of building a university student's marketing competence]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal [Siberian Pedagogical Journal]*, 2009, no. 7, pp. 320-327. (In Russ.).
2. Grichanovskaya E.S. *Formirovanie kommunikativnoy kompetentnosti u studentov gumanitarno-pedagogicheskogo vuza: dis. kand. ped. nauk [Building a humanitarian-pedagogical university students' communicative competence. Diss. PhD in pedagogy]*. Komsomolsk-na-Amure, 2012. 220 p. (In Russ.).
3. Donina I.A., Shirina T.G. Marketingovaya kompetentnost' kak kriteriy professionalizma v sfere obrazovaniya [Marketing competence as a criteria of professionalism in education]. *Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental research]*, 2014, no. 5-4, pp. 844-848. (In Russ.).
4. Kagakina E.A., Chekalina T.A. Soderzhanie i struktura professional'noy kompetentsii studentov vuza [The content and structure of professional competence of university students]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya [World of science, culture and education]*, 2011, no. 4-1, pp. 105-108. (In Russ.).
5. Kiseleva O.I. *Professional'naya podgotovka studentov k pedagogicheskomu marketingu v usloviyakh vuza: dis. kand. ped. nauk [Professional preparation of students for pedagogical marketing in a university. Diss. PhD in pedagogy]*. Moscow, 2010. 182 p. (In Russ.).

6. Slautina N.M. *Formirovanie professional'noy kompetentnosti studentov vuza: dis. kand. ped. nauk [Building the university students' professional competence. Diss. PhD in pedagogy]*. Kemerovo, 2005. 167 p. (In Russ.).
7. Khoroshilova N.V. *Formirovanie kul'turnoi kompetentnosti studentov vuza: dis. kand. ped. nauk [Building the university students' cultural competence. Diss. PhD in pedagogy]*. Nizhniy Novgorod, 2013. 190 p. (In Russ.).
8. Chekalina T.A., Kagakina E.A., Ustimova O.V. *Sinergeticheskie osnovaniya formirovaniya kompetentsii studentov vuzov v protsesse obucheniya [Synergetic bases of university students competences formation in the process of learning]*. *European Social Science Journal*, 2011, no. 13(16), pp. 143-150. (In Russ.).

УДК 377:331.548

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДСТВАМИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Белов Валерий Федорович, директор Ленинск-Кузнецкого горнотехнического техникума (г. Ленинск-Кузнецкий, РФ). E-mail: belovvf@bk.ru

В статье рассматривается проблема профессионального самоопределения и формирования ценностного отношения к будущей профессии в учреждениях среднего профессионального образования. Автор акцентирует внимание на необходимости приобретения студентами адекватных представлений о профессиональной деятельности, избираемой профессии, собственных возможностях и их активного развития. Представлен один из подходов к определению критериев результативности педагогической поддержки профессионального самоопределения подростков, которые совместно с педагогами и родителями проектируют свой образовательно-профессиональный маршрут.

В контексте данного исследования особо значимой становится проблема приобретения обучающимися адекватных представлений о профессиональной деятельности, избираемой профессии и собственных возможностях, активного развития их, формирования потребности и умения включаться в общественный производительный труд и социальные отношения трудового коллектива.

Автором анализируется профориентационная деятельность техникума, которая осуществляется средствами социально-культурной деятельности и играет важную роль в формировании ценностного отношения потенциальных абитуриентов к будущей профессии. Рассматриваются мероприятия в рамках социально-культурной деятельности, через которые происходит формирование ценностного отношения к профессиональной деятельности у студентов горнотехнического колледжа, осознание мотивов и удовлетворенность профессиональным выбором. Важным результатом такой деятельности является активизация и настойчивость в освоении профессии, саморефлексия, осознание личностью социальной значимости выбранной профессии.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, ценностное отношение, профессиональная деятельность, мотивация, профессиональная деятельность.

THE FORMATION OF THE VALUE ATTITUDE TO THE FUTURE PROFESSION IN INSTITUTIONS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION BY THE MEANS OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Belov Valeriy Fedorovich, Director of Leninsk-Kuznetsk Mining College (Leninsk-Kuznetsky, Russian Federation). E-mail: belovvf@bk.ru

Quality professional education aimed at creating meanings this activity is a guarantee of social mobility and employment of graduates of institutions of secondary vocational education. In the article the problem of

professional self-determination and the formation of value attitude to the future profession in the institutions of the secondary vocational education. The author focuses on the need for the acquisition by students of adequate understanding of professional activities, elected by the profession and its opportunities, and their active development. Presents one of the approaches to definition of criteria of efficiency of pedagogical support of professional self-determination of adolescents, which together with teachers and parents designing your educational and professional route. To analyze the state of readiness of potential applicants to the choice of a professional career was used the following criteria and indicators: autonomy; the interests and inclinations; self-esteem; value orientation; formation of communicative skills; knowledge about their chosen field of work; experience in the chosen field of activity etc. According to the survey, it was not enough formation of the structure of value orientations for most teenagers, so the level of readiness for training is quite low. We also have three groups of students with special needs, support the formation of professional values. Organization of active professional samples in the sphere of future professional activity for first year students is the cornerstone of professional development. In the 2015/16 academic year, 62 students had the opportunity during the school year to familiarize themselves with the specifics of the professional activities of Leninsk-Kuznetsk Mining College for the professions "Underground Electrician," "Underground Development of Mineral Deposits." In the context of work with potential applicants, the following methods of socio-cultural activities were focused on pedagogical, educational impact on the audience: verbal (communication, explanation, discussion, etc.), visual (exposure, demonstration, display, informing, etc.), Advisory presenting (informational and advisory presentive illustrative, etc.), artistic effects (theatricality, art, etc.).

Keywords: socio-cultural activities, value relation, professional activity, motivation, professional activity.

Тенденции современного общества оказывают непосредственное влияние на актуализацию ценностей и формирование смыслов профессиональной деятельности. Качественное профессиональное образование, направленное на создание смыслов этой деятельности, является гарантом социальной мобильности и трудоустройства выпускников учреждений среднего профессионального образования (СПО).

Важность и актуальность проблемы профессионального самоопределения и формирования ценностного отношения к будущей профессии проявляется в необходимости преодоления противоречия между объективно существующими потребностями общества в сбалансированной структуре кадров и неадекватно этому сложившимся субъективными профессиональными устремлениями молодежи [1].

В течение 2014/15 учебного года нами велась апробация форм, методов, приемов работы с абитуриентами, обучающимися и их родителями средствами социально-культурной деятельности. Предварительно мы изучили мотивацию будущих студентов техникума при выборе профессии.

Н. Ф. Родичев предлагает свой подход к определению критериев результативности педагогической поддержки профессионального самоопре-

деления. По его мнению, основным результатом педагогического сопровождения профессионального самоопределения выступает набор профориентационно значимых компетенций, которые позволяют подростку совместно с педагогами и родителями проектировать образовательно-профессиональный маршрут [2].

Для анализа состояния готовности потенциальных абитуриентов к выбору профессионального пути мы использовали такие критерии и показатели Н. Ф. Родичева и С. Н. Чистяковой, как: самостоятельность (субъектность); интересы, склонности (их наличие, сформированность, устойчивость, непротиворечивость); самооценка (сформированность, адекватность); ценностные ориентации (наличие, непротиворечивость); особенности коммуникативной сферы (сформированность коммуникативных навыков, принятие социальной ролевой и личностного общения); информированность (о выбранной сфере деятельности); опыт в выбранной сфере деятельности; сформированность профессиональных и жизненных планов.

Следует подчеркнуть, что из-за недостаточной сформированности структуры ценностных ориентаций выбор учебного заведения для большинства подростков ситуативно-вынужденный,

а уровень готовности к профессиональному обучению довольно низкий.

В результате опроса нами были выделены три группы обучающихся, требующих особой поддержки формирования профессиональных ценностей.

Первая группа. Подростки, которые выбрали специальность в СПО из-за невысоких успехов в учебе, стеснённых обстоятельств семейного и финансового плана, то есть на решение повлияли объективные обстоятельства. Таким ребятам нужна особая педагогическая поддержка посредством расширения социально-культурных проектов по формированию ценностного отношения к профессии, в которых есть цели личностного, интеллектуального и деятельностного развития.

Вторая группа. Лица, имеющие проблемы с мотивацией, целеполаганием и уровнем зрелости, отличным от других сверстников. Для таких студентов необходимо своевременное выявление проблем и работы с ними через применение диагностико-консультативных средств. В большей степени это задачи педагога-психолога.

Третью группу объединяет недостаточная информированность о собственных пристрастиях и способностях, о выбранной профессии, о возможностях дальнейшего трудоустройства и т. д.

В контексте данного исследования особо значимой становится проблема приобретения обучающимися адекватных представлений о профессиональной деятельности, избираемой профессии и собственных возможностях, активного развития их, формирования потребности и умения включаться в общественный производительный труд и социальные отношения трудового коллектива.

Ориентация на профессиональный труд и выбор своего профессионального будущего выступает как неотъемлемая часть всего учебно-воспитательного процесса при обязательном дополнении его информационной и консультативной работой, практической деятельностью для развития склонностей и способностей обучающихся к труду [5].

В 2015/16 учебном году к профессиональным пробам приступило 62 девятиклассника. Они имели возможность в течение учебного года ознакомиться со спецификой профессиональной деятельности по профессии «Электрослесарь подземный», «Подземная разработка месторождений полезных ископаемых».

Организация активной профессиональной пробы в сфере будущей профессиональной деятельности является для первокурсников краеугольным камнем профессионального становления.

В ходе выполнения заданий школьники соотносят свои интересы и индивидуальные особенности с требованиями интересующей профессии, сознательно выбирают направление профессиональной деятельности.

Для формирования ценностного отношения к будущей профессии важную роль играет профориентационная деятельность. Так, одним из крупных мероприятий для школьников 9-х классов г. Ленинска-Кузнецкого стал День открытых дверей «Шахтер – это звучит гордо», в котором приняло участие 149 человек. День открытых дверей в техникуме – одно из самых важных событий в жизни каждого абитуриента, желающего поступить в выбранное им учебное заведение. Такие мероприятия имеют четкую цель – помочь выпускникам девятых классов определиться с выбором будущей профессии.

День открытых дверей – это комплексная форма профориентационной работы, позволяющая формировать ценностное отношение к будущей профессии через «со-творчество» и «со-участие», приобщение к будущей специальности в процессе групповой и индивидуальной творческой деятельности. Приобретаемые таким образом первые знания о профессии становятся прочным фундаментом для развития ценностного отношения к ней.

Также в рамках работы экспериментальной площадки использовались следующие методы социально-культурной деятельности целенаправленного педагогического, развивающего воздействия на аудиторию: словесные (сообщение, разъяснение, обсуждение и т. д.), наглядные (экспонирование, демонстрация, экранное информирование и т. д.), консультативно-презентивные (информационно-рекомендательные, презентивно-иллюстративные и т. д.), художественного воздействия (театрализация, средства искусства и т. д.) [4].

В течение всего года проводились ознакомительные экскурсии, беседы с девятиклассниками, в ходе которых предоставляется информация о профессии, требования, предъявляемые к тру-

довой деятельности, различные качества и свойства личности, способствующие успешному освоению профессии.

Одними из самых ярких мероприятий профориентационной работы являются экскурсии. В этот день школьников знакомят со специальностями, по которым ведется подготовка, с материально-технической базой, а также выпускники школ становятся гостями творческих мероприятий горнотехнического техникума, во время которых студенты демонстрируют профессиональные умения и навыки.

За 2014/15 учебный год было организовано 6 экскурсий для обучающихся 9-х классов в Ленинск-Кузнецкий горнотехнический техникум.

В процессе обучения в горнотехническом техникуме происходит дальнейшее формирование ценностного отношения к профессии. Наряду с общепринятым информированием, посредством наглядного демонстрационного и раздаточного материала (буклеты, листовки, паспорта специальностей, объявления, проспекты, стенды «Моя будущая профессия» или «Я выбираю профессию»), использованием средств массовой информации, были адаптированы некоторые формы проведения мероприятий средствами социально-культурной деятельности.

Одна из таких форм – конкурсы профессионального мастерства, которые значительно повышают имидж учебного заведения. Участие в конкурсах профессионального мастерства требует не только мобилизации внутренних ресурсов, точного расчёта времени, огромного психологического напряжения, но и представляется как праздник общения профессионального и личностного роста. Конкурсы открывают новые таланты, создают плодотворную почву для формирования творческого потенциала и профессионального роста. Они являются эффективным средством творческой самореализации его участников в профессиональной деятельности, позволяют каждому из них наметить свою траекторию профессионального саморазвития в соответствии с профессиональными и личностными запросами. Само включение в конкурс способствует ещё большему развитию активности в профессии.

Во всех субъектах конкурсной деятельности (участниках, членах жюри, организаторах, сопро-

вождающих) просыпается собственная творческая энергия, аккумулируются мысли, стимулируется мотивация саморазвития.

Примером может служить конкурс профессионального мастерства по профессии «Электрослесарь подземный», задачами которого являются:

- проверка способности обучающихся к самостоятельной профессиональной деятельности;
- совершенствование умений эффективного решения профессиональных задач;
- развитие профессионального мышления;
- способности к проектированию своей деятельности и конструктивному анализу ошибок в профессиональной деятельности;
- стимулирование обучающихся к дальнейшему профессиональному и личностному развитию;
- повышение интереса к будущей профессиональной деятельности.

В 2014/15 учебном году для студентов 1-го курса были проведены классные часы по группам «Профессия на все времена», организованы встречи студентов и школьников с представителями горняцкой профессии «Из множества профессий есть одна, что Родине богатство добывает...», тематические пятиминутки «Профессия и учебный предмет», Посвящение в студенты, конкурсы технического творчества и фестивали рабочих профессий и специальностей. Формирование ценностного отношения к будущей профессиональной деятельности в процессе решения творческих задач дает возможность студенту осознать смысл получаемых знаний и способов действия для общества и себя лично, для получения конкретных результатов в области профессионального труда.

Мы пришли к выводу, что если Ленинск-Кузнецкий горнотехнический техникум является тем учебным заведением, которое выбрали студенты для получения профессии, то в процессе обучения, прохождения практики он может стать местом для выстраивания собственной профессиональной и жизненной перспективы. А для педагогической поддержки формирования профессиональных ценностей студентов необходимы специальные условия организации социально-культурной деятельности.

Литература

1. Костюк Н. В. Позитивная мотивация к обучению: понятие, закономерности, факторы развития // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2005. – № 1 (21). – С. 96–97.
2. Родичев Н. Ф. Обоснование концепции педагогической поддержки профессионального самоопределения школьников // Новые ценности образования. – 2006. – Вып. 1–2. – С. 234–251.
3. Сироткина М. М. Модель процесса формирования ценностного отношения к будущей профессиональной деятельности у студентов педагогических специальностей // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. – Сер. Е, Педагогические науки. – 2013. – № 7. – С. 16–22.
4. Черняк Е. Ф. Использование модульных технологий в реализации творческих проектов // Актуальные проблемы социокультурных исследований: межрегион. сб. науч. ст. молодых ученых. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – Вып. 2. – С. 246–253.
5. Юдина А. И. Формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры региона, как основа социализации молодежи // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 19/2. – С. 195–203.

References

1. Kostyuk N.V. Pozitivnaya motivatsiya k obucheniyu: ponyatie, zakonomernosti, faktory razvitiya [Positive motivation for learning: the concept, patterns, factors of development]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2005, no. 1 (21), pp. 96-97. (In Russ.).
2. Rodichev N.F. Obosnovanie kontseptsii pedagogicheskoy podderzhki professional'nogo samoopredeleniya shkol'nikov [Justification pedagogical support of the concept of professional self-determination of schoolboys]. *Novye tsennosti obrazovaniya [New value of education]*, 2006, iss. 1-2, pp. 234-251. (In Russ.).
3. Sirotkina M.M. Model' protsessu formirovaniya tsennostnogo otnosheniya k budushchey professional'noy deyatel'nosti u studentov pedagogicheskikh spetsial'nostey [Process Model of formation of the valuable relation to the future professional activity of students of pedagogical specialties]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E, Pedagogicheskie nauki [Bulletin of Polotsk State University. Series E, Pedagogical Sciences]*, 2013, no. 7, pp. 16-22. (In Russ.).
4. Chernyak E.F. Ispol'zovanie modul'nykh tekhnologiy v realizatsii tvorcheskikh projektov [The use of modular technology in creative projects]. *Aktual'nye problemy sotsiokul'turnykh issledovaniy: mezhtregion. sb. nauch. st. molodykh uchennykh [Topical problems of socio-cultural studies. Interregional collection of scientific articles of young scientists]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2006, iss. 2, pp. 246-253. (In Russ.).
5. Yudina A.I. Formirovanie sotsial'no-kul'turnoy sredy v sisteme infrastruktury regiona, kak osnova sotsializatsii molodezhi [Formation of socio-cultural environment in the region's infrastructure system, as a basis for youth socialization]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no.19/2, pp. 195-203. (In Russ.).

УДК 378:004.738.1

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Черняк Елена Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: lenablack57@mail.ru

В статье представлены каналы коммуникации, по которым вуз осуществляет связь с внутренними и внешними группами общественности. Автор рассматривает проблему повышения эффективности образовательного учреждения высшего образования и его коммуникационной активности в интернет-пространстве посредством управления сайтом вуза, работы в социальных сетях, размещения информации на интернет-порталах и сайтах СМИ. Автор акцентирует внимание на том, что коммуникационные площадки Интернета, благодаря информационной насыщенности и интерактивности, позволяют на качественно ином уровне решать многие задачи, стоящие перед учебным заведением.

Обусловлено это новыми экономическими условиями, где благосостояние вуза все меньше зависит от государства и все больше от своих собственных усилий, умения создавать и продавать актуальные образовательные и творческие продукты.

Рассматривая интернет-ресурсы не только с точки зрения презентации образовательного учреждения в немногочисленном сетевом сообществе, но и как актуальный инструмент образовательной, научной, творческой и экономической деятельности в высшей школе, автор предлагает стратегию коммуникаций в социальных сетях, которые помогают расширять круг общения, стимулировать тем самым профессиональное и творческое развитие.

Ключевые слова: коммуникация, веб-среда, образовательная организация, конкурентоспособность, сетевая активность, целевая аудитория.

THE FEATURES OF THE COMMUNICATION ACTIVITIES OF THE UNIVERSITY IN THE INTERNET

Chernyak Elena Fedorovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Directing the Theatre Performances and Celebrations Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lenablack57@mail.ru

Modern society is the transformation of social relations in a communication system. The article discusses the features of the communication activities of a university in the Internet space. Today, the platforms of search and rating systems, communication platforms, social networks, web sites, information portals unfold the competition in the market of educational services among the universities.

These communication platforms, thanks to the richness, multidimensionality, interactivity and multimedia, allow a level of real virtuality to address many of the challenges for the school.

Kemerovo State University of Culture is presented in the web-environment via the following communication channels: the official website of the University automated information system “Single Information Space in the Sphere of Culture” (AIS EIPSC), Instagram, social networks, information portals, websites, media (television, radio and Newspapers), etc.

The author focuses on such web resource as the official website of the University, immediacy and interactivity which is undeniable. It became a relevant tool for the educational, scientific, creative and economic activities in higher education. Its news and feature systems contribute to effective achievement of positive public publicity. For 2015-2016, a total number of visitors came to 452 408 people.

The University actively carries out activities in an automated information system “Single Information Space in the Sphere of Culture” (AIS EIPSC), which is regulated by a number of official documents.

It develops the new methods to attract consumers, finds the right and interesting people, to establish and maintain communication with them, to expand their social circle, encouraging their professional and creative development access the social network. The article presents the technology of work with official groups of the University that provides a steady demand for creative and educational services, establishes strong partnerships that lead to higher importance of University projects.

Keywords: communication, web-environment, education organization, competitiveness, network activity, target audience.

Конкуренция на рынке образовательных услуг между вузами разворачивается сегодня на платформах поисковых и рейтинговых систем, на коммуникационных площадках социальных сетей, на страницах веб-сайтов, информационных порталов и т. д. Интернет-представительство образовательных учреждений высшего образования

становится неотъемлемым инструментом реализации их коммуникационных стратегий. По мере того как происходит включение различных социальных институтов в электронные коммуникации, интернет-среда постепенно становится глобальным коммуникативным пространством, представляющим собой нелинейную совокупность связей

и взаимодействий, которые возникают между людьми, их группами, социальными институтами как пользователями сети.

В связи с ростом конкуренции на рынке образовательных услуг вузы активно осуществляют коммуникационную деятельность, в том числе с помощью Интернета. Его коммуникационные площадки, благодаря информационной насыщенности, многомерности, интерактивности и мультимедийности, позволяют на уровне реальной виртуальности решать многие задачи, стоящие перед учебным заведением. По мнению Г. А. Окушевой, знание специфики продвижения вуза в коммуникативном пространстве Интернета становится залогом его стабильности, успешной образовательной, научной и творческой деятельности [2].

Кемеровский государственный институт культуры представлен в веб-среде через следующие каналы коммуникации: официальный сайт вуза, автоматизированную информационную систему «Единое информационное пространство в сфере культуры» (АИС ЕИПСК), социальные сети, информационные порталы, сайты СМИ (телеканалов, радио и газет) и др. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Официальный сайт КемГИК

Многие специалисты, ответственные за реализацию коммуникационной стратегии своих вузов, столкнулись с проблемой повышения эффективности своей коммуникационной активности в интернет-пространстве, в первую очередь, посредством управления сайтом вуза. Если в 1990-е годы этот веб-ресурс выполнял функцию презентации образовательного учреждения в немногочисленном сетевом сообществе, то в настоящее время он стал актуальным инструментом образовательной, научной, творческой и экономической деятельности в высшей школе.

Именно с этих позиций осуществлялась разработка и проектирование официального сайта КемГИК. В основу создания сайта положены результаты научных исследований НИИ информационных технологий социальной сферы КемГИК по проектированию контента сайтов. Подробное описание принципов построения сайтов, моделирования контента, разработки механизма создания и модернизации сайтов представлено в сборнике научных трудов «Создание официальных

сайтов учреждений культуры и образования: теория и практика» под редакцией Н. И. Гендиной и Н. И. Колковой [1]. Предложенный учеными КемГИК в этом сборнике инструментарий позволил спроектировать официальный сайт, обеспечивающий полную, точную, достоверную и своевременную информацию, отвечающую запросам и потребностям многочисленных категорий их пользователей [1].

Работа официального сайта КемГИК регламентируется рядом документов. Это:

- Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

- Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 № 582 (регламентирует Правила размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации).

- Приказ Минобрнауки России от 28.07.2014 № 839 (регламентирует порядок приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год).

- Приказ Рособрнадзора от 29.05.2014 № 785 «Об утверждении требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и формату представления на нем информации».

- Письмо Рособрнадзора от 25.03.2015 № 07-675 «О направлении Методических рекомендаций представления информации об образовательной организации в открытых источниках с учетом соблюдения требований законодательства в сфере образования (для образовательных организаций высшего образования)»

На начало ноября 2016 года создано свыше 6 000 страниц сайта КемГИК. Следует отметить, что их количество значительно увеличилось в связи с новыми нормативными документами, регламентирующими размещение информации, касающейся процедуры защиты диссертаций. Также коммуникационная составляющая деятельности всех вузов, конкурирующих за привлечение как наиболее талантливых, так и/или платежеспособных абитуриентов, резко повышается в период

приемной кампании. В этой связи максимально полное представление информации о вузе, реализация политики информационной открытости приобретают большое значение. Новостные и тематические системы сайта способствуют оперативному достижению положительной публичной известности. За 2015–2016 годы общее количество посетителей составило 452 408 человек.

Об авторитетности сайта КемГИК можно судить по результатам рейтингов.

Организация открытого доступа к учебным материалам и научным публикациям, обеспечение коммуникации с отечественными и мировыми научными профессиональными сообществами, способствующими неформальному общению – вот тенденции и подходы к интернет-ресурсам высших учебных заведений. Они наиболее ярко проявляются в последние годы в связи с участием отечественных высших учебных заведений в международном рейтинге вузовских сайтов Webometrics.

Этот рейтинг определяет, насколько вузы активны в интернет-пространстве. Главными критериями для составления ежегодных рейтингов является количество внешних ссылок, индексируемых страниц и индекс цитирования. Рейтинг Webometrics позволяет косвенным образом оценить научно-исследовательские достижения университетов через сравнение их интернет-сайтов.

Кемеровский государственный институт культуры не раз входил в Топ-50 среди российских вузов. Так, в 2014 году среди 1484 российских вузов наше образовательное учреждение заняло 42 место, а в 2015 году среди 1 531 вуза КемГИК занял в рейтинге уже 23 место.

Достигнуть высоких показателей в рейтингах возможно только при использовании новых подходов в формировании контента сайта и привлечении к нему целевой аудитории. Одним из таких способов является поисковая оптимизация сайта (SEO), которая позволяет получать до 90 % интернет-аудитории, интересующейся образовательными услугами. Достигается это за счет адаптации текстовой информации сайта к алгоритмам ранжирования поисковых систем. В настоящее время поисковая оптимизация – важнейший фактор, обеспечивающий «видимость» сайта в поисковых системах. Вузы, применяющие в модернизации своих сайтов этот метод, получают сильные конкурентные преимущества.

Однако реальная виртуальность института не ограничивается одним веб-сайтом. Новая реальность дает новые способы и формы осуществления социальной практики. Коммуникационные площадки Интернета, благодаря информационной насыщенности, многомерности, интерактивности, мультимедийности и самоорганизации, позволяют на качественно ином уровне – уровне реальной виртуальности – решать многие задачи, стоящие перед учебным заведением.

КемГИК в автоматизированной информационной системе «Единое информационное пространство в сфере культуры» (АИС ЕИПСК)

Деятельность вуза в АИС ЕИПСК регламентируют следующие официальные документы: Письмо Министерства культуры Российской Федерации № 223-01-39 ВА от 30 июня 2015 года и Приказ № 125/01.08-04 от 08.07.15 «Методические рекомендации по работе с автоматизированной информационной системой “Единое информационное пространство в сфере культуры”».

На основании этих документов нами создана страница вуза и ведется ежедневная работа по наполнению и корректировке информации. Это: создание виджетов, отслеживание статистики, управление своим контентом (местами, событиями, статьями); создание тегов; размещение баннеров в виде статичного блока; обработка контактных данных, заявок на событие, напоминание о событии, отзывы, сбор и обработка мнений пользователей о событии и мероприятии вуза; создание события в ЕИПСК; работа с разделом «Аудитория»; создание отчетов и др.

С ноября 2015 года по ноябрь 2016 года Кемеровским государственным институтом культуры в АИС была размещена информация о 184 мероприятиях вуза, среди которых публикации о 101 событии всероссийского и международного уровня и 83 регионального.

За этот же период информационные материалы КемГИК, опубликованные через АИС ЕИПСК, просмотрели свыше 20 000 человек со всей России.

КемГИК в Instagram

В январе 2016 года Кемеровский государственный институт культуры начал осваи-

вать новое социальное интернет пространство Instagram – бесплатного приложения для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети. А в феврале этого же года вуз стал осуществлять рассылку фотографий и видеоматериалов, отражающих деятельность вуза, осуществлять репост новостей и отмечать страницу Министерства культуры РФ в подписи к собственным постам в Instagram.

С февраля по ноябрь 2016 года на официальном аккаунте Министерства культуры РФ было размещено 164 фотографии с 19 крупными проектами вуза, а на официальном аккаунте КемГИК было опубликовано 367 фото- и видеоматериалов.

О повышении популярности КемГИК в Instagram говорит тот факт, что под официальным хэштегом #КемГИК студентами, выпускниками и сотрудниками вуза опубликовано 2060 фото, а количество подписчиков в социальной сети Instagram составило 412 человек (на 28.10.2016).

КемГИК в ВКонтакте, Facebook, Twitter

В новых экономических условиях благосостояние вуза все меньше зависит от государства и все больше от своих собственных усилий, умения создавать и продавать актуальные образовательные и творческие продукты. При этом постоянное увеличение проектных инициатив нашего образовательного учреждения является основанием для его активной интеграции в коммуникационный процесс не только на территориальном, всероссийском, но и на международном уровне.

Поэтому КемГИК приходится осваивать новые методы для привлечения потребителей. Модифицируются не только технологии потребления и производства информации в Интернет, но и формы сетевой активности. Находить нужных и интересных людей, налаживать и поддерживать с ними коммуникацию, расширять свой круг общения, стимулировать тем самым свое профессиональное и творческое развитие позволяют социальные сети.

Отдел по связям с общественностью и СМИ осуществляет создание, продвижение и сопровождение групп КемГИК в социальных сетях: ВКонтакте, Facebook, Twitter.

Все чаще ресурсами Интернета становятся не только тексты, но изображения, звук, видео,

веб-приложения. Все эти изменения естественным образом приводят к трансформации поведения людей в сети.

Для успешного продвижения образовательного и творческого продукта вуза, привлечения абитуриентов в группах КемГИК необходима целенаправленная и постоянная работа. Это:

- оформление группы (создание и обновление «шапки» и аватарки, создание меню, вкладок), наполнение интересным контентом;
- раскрутка группы, размещение рекламы в самой соцсети, а также в других сообществах;
- ежедневное выставление пресс-релизов, фотографий, 2–3 раза в день обновление статусов;
- ежедневный мониторинг участников групп: подтверждение предложения «дружбы» и ответы на сообщения пользователей, так как соцсети живут в онлайн-режиме;
- отслеживание комментариев под новостями в целях предотвращения нецензурной брани, текстов, не касающихся проблем учебного заведения, размещения противозаконных фотографий;
- привязка групп к сайту вуза и их техническое сопровождение;
- проведение исследования: количество участников, их интересы и предпочтения, уровень образования и т. д.);
- для привлечения подписчиков из других групп – распространение гостевых постов;
- контроль работы, мониторинг активности пользователей и корректировка стратегии;
- редактирование состава группы, поиск схожих групп и обмен ссылками;
- поиск новых подписчиков (школьников, учащихся учреждений СПО, школ искусств), групп по интересам (художники, музыканты, хореографы) и т. д.

Исходя из того, что особенностью образовательной среды является множественность субъектов, выступающих в качестве потребителей образовательных услуг, то эффективное управление внутренними и внешними коммуникациями происходит через их интеграцию и вовлечение в реализуемые мероприятия целевых групп ответственности [3]. Это повышает узнаваемость вуза, обеспечивает устойчивый спрос на творческие и образовательные услуги, устанавливает прочные партнерские взаимоотношения, обуславливает повышение значимости вузовских проектов.

Литература

1. Гендина Н. И., Колкова Н. И. Создание официальных сайтов учреждений культуры и образования: теория и практика: сб. науч. тр. – СПб.: Профессия, 2015. – С. 186–207.
2. Окушова Г. А., Бычкова М. Н., Гужова И. В. Позиционирование и продвижение томских университетов в коммуникативном пространстве Интернета. – Томск: ТГУ, 2014. – 142 с.
3. Черняк Е. Ф. Формирование университетской коммуникативной среды // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 16, ч. 2. – С. 168–172.

References

1. Gendina N.I., Kolkova N.I. *Sozdanie ofitsial'nykh saytov uchrezhdeniy kul'tury i obrazovaniya: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov [Creating official websites of institutions of culture and education: Theory and Practice. Collection of scientific works]*. St. Petersburg, Professiya Publ., 2015, pp. 186-207. (In Russ.).
2. Okushova G.A., Bychkova M.N., Guzhova I.V. *Pozitsionirovanie i prodvizhenie tomskikh universitetov v kommunikativnom prostranstve Interneta [Positioning and promotion of Tomsk universities in the communicative space of the Internet]*. Tomsk, TGU Publ., 2014. 142 p. (In Russ.).
3. Chernyak E.F. *Formirovanie universitetskoy kommunikativnoy sredy [Formation of the communicative environment]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 16, part 2, pp. 168-172. (In Russ.).

УДК 37.032.5

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

Бугрова Наталья Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: ametist23.28@mail.ru

В статье рассматривается проблема субъектного становления будущего педагога в период обучения в вузе как сущностного начала его профессиональной компетентности с точки зрения ценностно-смысловой оценки. Актуальность изучения обозначенной проблемы определяется тем, что в современной высшей школе, несмотря на огромное разнообразие педагогических средств, методов, приёмов обучения всё более остро встаёт вопрос их использования в соответствии с природой образования как ценности для личности. Всё более проблематичен вопрос «чему и зачем учить» в динамично изменяющейся реальности, в условиях эклектичности и неопределённости ценностных предпочтений современного молодого поколения.

Поэтому цель настоящей статьи изучить ключевые психолого-педагогические характеристики феномена субъектности и наметить возможные перспективы субъектно-личностного становления будущего педагога, исходя из ценностно-смысловых, онтологических, по сути, предпосылок этого становления. Субъектность рассматривается исходя из представления о личности как онтологической реальности. Отмечается необходимость перехода от субъектности, обращённой преимущественно «на себя» к пониманию субъектности, центрированной на Другом. Такой подход позволяет выявить наиболее глубинные смысловые основания субъектно-личностного становления будущего педагога. Речь идет о формировании у студента двух взаимосвязанных между собой качеств: способности быть участником реализации субъектно-творческого начала личности Другого и ответственности за качество реализации отношения к Другому. В этом плане подчёркивается важность переживания себя не только как субъекта деятельности, но и как субъекта жизненного пути, *со-бытийного* участника современного мира, обладающего не столько инновационным, сколько высоким эмоционально-ценностным потенциалом.

Ключевые слова: субъектность, субъективация, субъектно-личностное становление, субъектные преобразования, личность как онтологическая реальность, отношение.

VALUABLE AND SEMANTIC BASES FOR FORMING
THE SUBJECTIVITY OF A FUTURE TEACHER

Bugrova Natalya Anatolyevna, PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of Psychology and Pedagogy, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ametist23.28@mail.ru

The article considers the problem of subjective development of a future teacher in the training course at higher educational institution. The urgency of studying the problem is identified by the fact that at modern higher education, despite the huge variety of pedagogical tools, methods, models and technologies, increasingly the question arises on the nature of education and its aims. The question “what and why to teach” becomes more problematic in a rapidly changing reality, at eclecticism and uncertainty of young generation value preferences.

The aim of the article is to study axiological and ontological prerequisites for subjectivity formation, and outline the possible prospects based on these assumptions for subjective-personal development of a future teacher in the training course at higher educational institution. Subjectivity is considered, based on the idea of personality as ontological reality. The necessity for transiting from subjectivity, addressed primarily to “the self” for realizing subjectivity, centered on the other. This approach allows revealing the deep semantic basis for subjective-personal development of a future teacher. In this case the author considers the issue of forming two interrelated qualities for the student: the ability to implement personality subjective creativity of the Other and responsibility for the implementation relationship quality to the other. In this way, the author emphasizes the importance to have experience not only as a subject of activity, but also as a subject of a course of life; being a member of the modern world having not so much innovative how many high emotional and valuable potential.

Keywords: subjectivity, subjectivation, subjective-personal development, subject transformations, personality as an ontological reality, attitude.

Актуальность темы исследования становления субъектности будущего педагога в период обучения в вузе обусловлена, с одной стороны, потребностью подготовки конкурентноспособных, обладающих высоким инновационным потенциалом специалистов, с другой стороны, усилившейся в последнее время проблематизацией качества, ценностно-смысловых основ образования, а также культуры и государственной политики в целом.

Проблема субъекта и субъектности впервые была заявлена ещё в древнегреческой философии, впоследствии интенсивную разработку получила в экзистенциализме, персонализме, в работах философов постмодернистского направления. В психологии субъектно-деятельностная теория основательно разработана С. Л. Рубинштейном. Согласно этой теории, условием формирования и развития субъекта является деятельность. Субъект действует, преобразуя предмет в соответствии со своей целью, выступая в разном качестве ее осуществления, при котором изменяются и объект, и субъект. Личность не растворяется в деятельности, а посредством неё решает слож-

ные жизненные задачи и противоречия, определяет свои ценности, находит адекватные для себя способы самореализации [16].

Впоследствии проблема психологии субъекта стала одной из главных научных тем П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева, К. А. Абульхановой-Славской, Б. Ф. Ломова, В. В. Давыдова, А. В. Брушлинского, А. Г. Асмолова, В. И. Слободчикова, В. А. Петровского, В. Д. Шадрикова и других учёных. Так, К. А. Абульханова-Славская, развивая идеи С. Л. Рубинштейна, представила глубокий теоретический анализ понятия «субъект». Автор полагает, что это понятие относится не к источнику определенного вида деятельности, но обозначает качественно определенную детерминацию процессов на определенном уровне [1]. Для А. В. Брушлинского субъект – «это всеохватывающее, **наиболее** широкое понятие человека, обобщённо раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т. д.» [5, с. 22]. Субъектность рассматривается как системная целостность всех

сложнейших и противоречивых качеств субъекта, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств его сознания и бессознательного. В. И. Слободчиков отмечает, что субъектность человека по своему исходному основанию связана со способностью индивида превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. Сущностными свойствами этого процесса является способность человека управлять своими действиями, реально-практически преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий [17, с. 131].

Особое внимание уделим взглядам В. А. Петровского, у которого субъектность («я») рассматривается как определяющая характеристика личности. Идея неадаптивной активности и отраженной субъектности дала возможность учёному существенно переосмыслить феномен развития личности и выразить его в терминах самодвижения. Стремление субъекта к тотальной отражённости в таких сферах бытия человека, как его Жизнь (Витальность), Культура, Значимые другие, Я сам соотносится с его потребностью «существовать во всем» [14, с. 247]. Во взаимодействиях «виртуальный субъект» – «отраженный субъект» – «возвращенный субъект» человек выступает как личность свободная, целостная и развивающаяся. Смысл порождения себя как субъекта видится в том, чтобы, выходя за пределы себя, возвращаться к себе, объединяться с собою. При этом потребность «отражаться в другом», согласно В. А. Петровскому, соотносится с «потребностью персонализации» [14, с. 248–259].

В педагогике субъектность рассматривается, как правило, в плане её преобразования. Так, в подходе С. М. Годника объект-субъектные преобразования личности соотносятся с прохождением по ступеням общего и профессионального развития из звена в звено системы (макроуровень), а также с определением человека во всех ситуациях его личностного развития наряду с профессиональным (микроуровень). К существенным признакам субъекта учебно-воспитательного процесса автор относит: осознание и принятие цели, установки учебно-воспитательного процесса; освоение основных процедур интеллектуального труда; осуществление самовоспитания и самообразования; достижение высоких результатов в

учебно-познавательной деятельности; активность в выполнении функций социальной роли, в преодолении возникающих трудностей; удовлетворенность расширившимися интеллектуальными и профессиональными возможностями, перспективами роста и самоутверждения [7].

Н. М. Борытко субъектность студента рассматривает как состояние личностного и профессионального развития, выражающееся в его способности успешно адаптироваться к изменяющейся образовательной, социокультурной ситуации; в его потребности в проявлении активности, самостоятельности, в организации взаимодействия с преподавателем; в осознании им ответственности за создание условий своего развития. Сущностными признаками этого состояния являются готовность и способность: управлять своими действиями; моделировать, планировать способы деятельности, взаимодействия; реализовывать намеченные программы; контролировать ход и адекватно оценивать результаты своих действий, рефлексировать свою деятельность, взаимодействие. Развитие субъектности осуществляется в рамках структурированной системы педагогических факторов и условий. Обратим внимание на то, что автор соотносит субъектность с ценностно-деятельностным аспектом воспитания, подчёркивая важность включения онтологических оснований в понимание этого процесса: деятельность воспитателя воспринимается как ценностно-смысловое взаимодействие с целью решения экзистенциальных проблем воспитанника [4; 9; 10 и др.].

Проанализировав ряд подходов, мы установили, что в психологии и педагогике нет единого понимания субъекта и субъектности. Недостаточно, на наш взгляд, проработан ценностно-смысловой аспект становления субъектности. В большинстве рассмотренных концепций субъектность развёрнута преимущественно «на себя». При этом не ясно, *в чём смысл* расширения интеллектуальных и профессиональных возможностей, перспектив роста и самоутверждения и т. д. субъектности как таковой. Поэтому цель настоящей статьи на основе представленных выше психолого-педагогических характеристик феномена субъектности наметить возможные перспективы субъектно-личностного становления будущего педагога, исходя из ценностно-смысловых, онтологических, по сути, предпосылок этого становления.

Взяв за основу подход В. А. Петровского, субъектность будущего педагога будем рассматривать как определяющую характеристику его личности, как особое состояние его личностного становления. Здесь со всей очевидностью выступает момент нерасторжимой связи личности и субъектности, который, на наш взгляд, недостаточно отрефлексирован в современной педагогике в плане понимания личности, а также смысловых ориентиров её деятельности, поскольку предполагается, что формирование субъектной позиции опосредовано прежде всего деятельностью. В психолого-педагогических источниках часто встречаются такие конструкции, как «творческий потенциал личности», «разностороннее развитие личности», «гармоническая личность», «модель личности специалиста», «личностный компонент образовательного процесса». Это, безусловно, выражает гуманистическую направленность современного образования. Однако какая реальность стоит за понятием «личность» и, соответственно, в каком соотношении находятся «личность» и «субъектность» («субъект»)?

В работе «Человек над ситуацией» В. А. Петровский отмечает: «Порождая себя как субъект, индивид вместе с тем производит себя как личность». Поэтому ключевым определением личности, с точки зрения этого учёного, является самополагание как преодоление индивидом внутренних ограничений движения его деятельности. Личность начинается «с преодоления, с выхода за пределы приспособления, с надситуативной активности» [14, с. 202]. Далее автор пишет: «Личность – это человек-творец и вместе с тем человек-учитель. Личностное, то есть “человеческое в человеке”, определяется его способностью быть значимым другим для значимых других» [14, с. 250]. В таком понимании *личностное* можно рассматривать, с одной стороны, в качестве ценностно-смысловой основы, с другой стороны, в качестве своего рода перспективы развития субъектности. Это важно на самом начальном этапе взаимодействия в системе «преподаватель-студент (как будущий педагог)». Речь идет о рефлексии отношения, транслируемого преподавателем студенту: *к кому мы обращаемся, относимся? Кому предпосылаем учебную задачу – субъекту, личности, индивидуальности? Какое содержание мы вкладываем в эти понятия?*

В более ранних работах [6] мы подчёркивали особую ценность онтологического подхода к личности. Показательна в этом отношении концепция онтологического персонализма Хр. Яннараса. Здесь личность определяется как соотносённость и отношение и сама определяет соотносённость и отношение: «Отношение есть “видообразующий признак” личности, её дефиниция, её коренное отличие от понятия статичной индивидуальности» [19, с. 93–95]. Отношение как уникальный, неповторимый факт побуждает личность к активной обращённости во вне себя, «означает возможность превосходения своей природы, устремления к полноте и универсальности бытия, к упразднению его “частичности”» [19, с. 337].

Вполне уместно привести также идею выдающегося русского педагога и философа В. В. Зеньковского о «метафизической изначальности психики», где подчеркивается громадное гносеологическое значение понятия «индивидуальной причины». Для В. В. Зеньковского индивидуальность не «вариация внешних условий». Неся в себе субъектно-творческое начало – залог своей единственности и неповторимости, – она должна быть обоснована метафизически [11, с. 144]. Кроме того, по словам культуролога и философа Г. Н. Миненко, «Зеньковский, пожалуй, является единственным, кто обратил внимание на возможность и необходимость выстраивания педагогики на основе категорий свободы и бесконечности личности» [12, с. 102]. Искание Бесконечности трактуется В. В. Зеньковским как поиск человеком своего укоренения вне себя: «Человеческому духу невозможно успокоиться ни на чем конечном, само начало личности ... ищет бесконечного выражения своего» [8, с. 76].

Тема бесконечности личности возникает и у С. Л. Рубинштейна, а позже – в идее трансфинитного «Я» у В. А. Петровского. Один из важных моментов концепции С. Л. Рубинштейна – обретение в понимании человека бесконечности через усмотрение эквивалентности сторон «Человек-Мир». Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть непосредственно данная завершенность в себе. Актуальная бесконечность человека реализуется в наличном бытии в форме трансцендирования, то есть потенциальной бесконечности. Она имеет базой непосредственную связь челове-

ка с Миром как целым. По этому поводу А. С. Арсеньев выносит предположение о существовании заключенной в индивиде «бесконечной способности трансцендирования, перехода всех конечных границ во внешнем мире и в себе [2, с. 372]».

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что личность – это особое присутствие в Мире, «источник некоего мощного излучения» (В. А. Петровский), способный «взорвать» ситуацию, непрерывно выходя за собственные пределы. Ещё *до* включения в деятельность, *до* интеграции в систему социальных отношений, личность *уже есть* как «простая цельность» (М. Хайдеггер), как особый модус бытия. В этом смысле личность *над-*деятельна и *над-*ситуативна. Она не просто «формируется», «адаптируется», «отражает», но прежде всего открывается как *присутствие*, как возможность *быть напротив Другого*. Личность имманентно содержит в себе неотменяемый смысл и через этот смысл происходит установление конкретных социальных, профессиональных и других отношений. Следовательно, наиболее значимая способность личности – это *способность отношения*, способность потенциально быть условием существования и развития Другого в личностном плане: Я не просто что-то могу, не просто как-то поступаю, но *до* всякого действия Я *присутствую* в мире и фактом своего присутствия что-то значимое открываю и транслирую для Другого. Имманентно содержа в себе возможность отношения, Я могу так или иначе относиться к Другому и нести ответственность за свой выбор. Ответственность, таким образом, соотносится с тем, как Я распоряжусь *возможностью отношения*. Направленность на осознание факта *со-причастности, со-бытия*, глубинного смысла своего присутствия в Мире через отношение к Другому – это может стать ведущим смысловым приоритетом высшего образования.

В связи с этим также возникает вопрос о соотношении субъектно-личностного и профессионального развития. Нередко личностное и профессиональное становление рассматривают через союз «и» либо «наряду». Ранее мы встречали это у С. М. Годника, Н. М. Борытко. Также Ф. В. Шарипов отмечает: «Поскольку компетентностный подход напрямую связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания студента *не только в ка-*

честве будущего специалиста, профессионала своего дела, *но и как личности и члена социума*, он (подход) является гуманитарным в своей основе. Целью гуманитарного образования является *не только формирование* у студента *системы знаний, умений и навыков* в определённой сфере, *но и развитие всех его личностных качеств* (курсив и подчёркивание. – Н. Б.)» [18, с. 46]. С одной стороны, с этой позицией вполне можно согласиться, но, с другой стороны, даже на уровне высказывания, отделяя сферы профессионального и личностного становления, мы получаем некую абстракцию, *не-определённого* субъекта. Вновь возникают вопросы: что именно личностное становление добавляет к профессиональному; в какой сфере *преимущественно* происходит формирование субъектности – профессиональной или личностной?

Личностное становление – это, безусловно, не «побочный продукт» и не нечто отдельное по отношению к профессиональному становлению. Отделить человека как личность от человека как профессионала, на наш взгляд, невозможно. В контексте онтологического понимания личности ЗУНы, профессиональные качества, и даже субъектность – это то, через что личность являет своё *присутствие*, через что выявляется её ценность. Тогда образовательный процесс можно рассматривать как пространство самополагания личности, обретения первого серьёзного опыта претерпевания мира (хотя бы на уровне представлений). Следовательно, исходный момент – это построение *отношения*, отвечающего онтологической сущности личности, рефлексия с позиции самого студента этого ключевого отношения. Это также одно из важнейших условий формирования субъектности неимперативным путём, субъектности, обусловленной потребностным состоянием личности.

Такой подход, на наш взгляд, оправдан требованиями ГОС ВПО и профессиональных стандартов. Проанализировав требования Профессионального стандарта «Педагог» [15] к трудовым действиям и необходимым умениям специалиста по разделам «Обучение», «Воспитательная деятельность», «Развивающая деятельность», мы посчитали целесообразным классифицировать трудовые действия и умения как «адаптивные» и «проективные» в зависимости от их направленно-

сти. К числу адаптивных мы отнесли действия и умения, предполагающие некую нормативность, соответствие, в частности, такие как: «владение стандартизированными методами психодиагностики личностных характеристик и возрастных особенностей обучающихся», «разработка и реализация программ учебных дисциплин в рамках основной образовательной программы». К числу проективных отнесены действия и умения, цели которых до конца не определены и сориентированы на перспективу, на *возможное*. Сюда можно отнести «проектирование ситуаций и событий, развивающих эмоционально-ценностную сферу ребёнка», «проектирование психологически безопасной и комфортной образовательной среды», «проектирование и реализация воспитательных программ», «нахождение ценностного аспекта учебного знания и информации и обеспечение его понимания и переживания обучающимися», «развитие у обучающихся познавательной активности, самостоятельности, инициативы, творческих способностей, формирование гражданской позиции, способности к труду и жизни в условиях современного мира, формирование у обучающихся культуры здорового и безопасного образа жизни», «формирование и реализация программ универсальных учебных действий, образцов и ценностей социального поведения». Таким образом, адаптивные действия и умения реализуемы в первую очередь за счёт знаниевой составляющей профессиональной компетентности. Проектные действия и умения, помимо знаниевой составляющей, требуют наличия глубинной ценностно-смысловой установки по отношению к профессиональной педагогической деятельности. Такого рода умения невозможно реализовать на практике, если у самого субъекта деятельности не сформирована онтологическая, по сути, *способность отношения*, если не найдены смысловые ориентиры деятельности и отсутствует переживание своей *со-причастности* современному миру, в условиях которого необходимо обучить жить субъектно ещё не сформировавшуюся личность.

Безусловно, принятые в человеческом обществе социальные нормы и ценности создают определённые жизненные ориентиры для формирующейся личности. Но если мы отнесёмся к этому положению не формально, то «жизнь в условиях современного мира» – это не только способность

адаптироваться и принимать, но ещё и способность преодолевать и отказываться (в частности, от саморазрушения). Ведь нельзя не учитывать того, что в общественной жизни человек может утверждать себя и на негативных нормах и ценностях, что особенно актуально для современности. А. Г. Асмолов, в частности, указывает на опасности «зомбификации», «фанатизма», исходящие из специально разработанных культурных психотехнологий [3, с. 487]. Поэтому так важно для педагога осознавать тот факт, что Я как субъект профессиональной педагогической деятельности могу стать источником конструктивного развития субъектности Другого, равно как и источником её разрушения. Если же Я как субъект *безличностен* (по В. А. Петровскому), то моё присутствие вообще ничего не преобразует и не меняет в жизни Другого. В этом плане, на наш взгляд, качество личности педагога как «субъекта деятельности» неотделимо от качества его личности как «субъекта жизненного пути» (по С. Л. Рубинштейну, К. А. Абульхановой-Славской), а профессиональное развитие неотделимо от личностного. Как можно развивать эмоционально-ценностный потенциал обучающихся, помогать находить ценностный аспект учебного знания и социального поведения, если сам педагог как субъект не обладает этими качествами?

Таким образом, в Профессиональном стандарте «Педагог» имманентно заложены требования к профессионалу, не только владеющему знаниями, умениями, технологиями, но сопричастному, сопереживающему, *со-бытийному* участнику современного мира, обладающему не столько инновационным, сколько высоким эмоционально-ценностным потенциалом. Мы уже обратили внимание, какое большое значение среди действий и умений педагога имеет *проектирование*. Но, по большому счёту, проектировать – значит открывать *возможное* в личности Другого, приоткрывать её актуальную бесконечность, обладать способностью «быть напротив», быть личностно вовлечённым в процесс субъективации Другого. *Поэтому мы полагаем, что к сущностным характеристикам субъектности будущего педагога следует отнести такие взаимосвязанные между собой качества, как ответственность за качество реализации отношения к Другому как наиболее важную предпосылку*

субъективации и способность быть участником реализации субъектно-творческого начала личности Другого, который, будучи идеально представленным регулирует все реальные отношения личности здесь и сейчас. Следовательно, важнейшим ценностно-смысловым основанием становления субъектности будущего педагога является ориентация на Другого.

Мы полагаем, что материалом, «питающим» становление субъектности будущего педагога в представленном выше аспекте, является философско-психологическое знание. Приведём здесь мысль А. В. Брушлинского о том, что психология человека уже по самому предмету исследования и ведущим тенденциям развития призвана быть в авангарде гуманизма: «Всё более направленная на проблематику субъекта (личности) психологическая наука призвана помогать воспитанию не просто профессионала, а личности профессионала, его лучших психических свойств и качеств – духовности, мотивации, способностей, рефлексии и т. д.» [5, с. 50]. Имеется такое знание, где психология выступает как единая система и органично вписывается в общую единую картину мира, «подводит прочный фундамент духовности под развитие и преподавание всех научных дисциплин» (по А. В. Брушлинскому), а главное, имеет ценность для самого субъекта. Тогда философское знание приобретает значение ценностно-смысловых координат, прежде всего в части персонологической проблематики. Именно философский контекст позволяет выявить наиболее острые и болезненные вопросы ситуации че-

ловека, положительные и негативные тенденции развития всех сфер общественной жизни. Предполагается, что философско-психологическое познание необходимо ставит личность в ситуацию поиска смысла, своего контекста субъектности, создаёт ту желаемую вопросительность мышления, которая является основой развития личностно-профессионального потенциала субъекта, что особенно актуально для будущего педагога. И здесь, на наш взгляд, очень важно преодоление самим субъектом восприятия себя только с позиции *долженствования*. Эту мысль можно аргументировать, исходя из представления современных философов о ведущей в настоящее время роли категории «возможность» в понимании человека и общества – в сравнении с классическими категориями «необходимость» и «действительность» (см. [13]). В последние десятилетия усиливается процесс перемещения центра реальности в индивидуальное Я человеческой личности, личность полагается в основу открытия *возможного* в Бытии. Поэтому сегодня чрезвычайно важно переживание себя как субъекта пространства жизнедеятельности, субъекта жизненного пути, что мы уже отмечали. Важна та связь, о которой ещё в 50-х годах говорил С. Л. Рубинштейн: личность становится субъектом, достигая оптимального уровня развития своей человечности, этичности. Таким образом, современной педагогической практике необходим выход на глубинные онтологические ориентиры субъективации личности будущего педагога в обучении, профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. О субъекте психической деятельности. – М.: Наука, 1973. – 288 с.
2. Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности. – М.: Академия, 2001. – 592 с.
3. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл: Академия, 2007. – 528 с.
4. Борытко Н. М., Мацкайлова О. А. Воспитание субъектности студента как основа гуманитаризации профессионального образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://m.cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-subektnosti-studenta-kak-osnova-gumanitarizatsii-professionalnogo-obrazovaniya>.
5. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – М.: ИП РАН; СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
6. Бугрова Н. А. Концепт «целостность личности» как теоретико-методологическое основание интеграции философского и христианско-богословского персонологического дискурса: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств, 2011. – 200 с.
7. Годник С. М. Развитие субъектного потенциала личности – реальный гуманизм педагогической деятельности // Факторы и условия становления школьника и студента в качестве субъекта образовательного процесса: сб. ст. / под ред. С. М. Годника, В. И. Хлоповских. – Воронеж: ВГУ ВГИ МОСУ, 1999. – С. 4–12.

8. Зеньковский В. В. Проблема воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Школа-Пресс, 1996. – 272 с.
9. Заруба Н. А. Управление образованием: адаптивный подход // Научные труды SWorld. – 2012. – Т. 16, № 1. – С. 23–29.
10. Заруба Н. А. Актуальность адаптивного подхода к подготовке специалистов в условиях социальных трансформационных процессов российского общества // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 4 (29/1). – С. 109–115.
11. Летцев В. М. Личность как средоточие мировоззренческих исканий В. В. Зеньковского // Вопр. философии. – 2003. – № 12. – С. 140–146.
12. Миненко Г. Н. Духовная культура общества: содержание понятия // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 31. – С. 97–104.
13. Миненко Г. Н. Философия «человека возможного» в контексте формирования открытой культуры России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37/2. – С. 13–19.
14. Петровский В. А. Человек над ситуацией. – М.: Смысл, 2010. – 559 с.
15. Профессиональный стандарт «Педагог» [Электронный ресурс]. – URL: husain-off.ru/hg74now-05.html#04.
16. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
17. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
18. Шарипов Ф. В. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие. – Москва: Логос, 2012. – 446 с.
19. Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос: пер. с греч. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2005. – 480 с.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. *O sub"ekte psikhicheskoy deyatel'nosti [On the subject of mental activity]*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 288 p. (In Russ.).
2. Arsenyev A.S. *Filosofskie osnovaniya ponimaniya lichnosti [Philosophical bases for understanding personality]*. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 592 p. (In Russ.).
3. Asmolov A.G. *Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Psychology of Personality: cultural and historical understanding of human development]*. Moscow, Smysl Publ., Akademiya Publ., 2007. 528 p. (In Russ.).
4. Borytko N.M., Matskaylova O.A. *Vospitanie sub"ektnosti studenta kak osnova gumanitarizatsii professional'nogo obrazovaniya [Education student subjectivity as the basis of Gumanitarizatsii vocational education]* (In Russ.). Available at: <http://m.cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-subektnosti-studenta-kak-osnova-gumanitarizatsii-professionalnogo-obrazovaniya>.
5. Brushlinskiy A.V. *Psikhologiya sub"ekta [Subject Psychology]*. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 272 p. (In Russ.).
6. Bugrova N.A. *Kontsept "tselostnost' lichnosti" kak teoretiko-metodologicheskoe osnovanie integratsii filosofskogo i khristiansko-bogoslovskogo personologicheskogo diskursa: diss. kand. filos. nauk: 09.00.01 [Concept "personal integrity" as a theoretical and methodological wasps Considerations for Integration and Christian philosophical-theological discourse Personologicheskyy. Diss. PhD in philosophy: 09.00.01]*. Kemerovo, 2011. 200 p. (In Russ.).
7. Godnik S.M. *Razvitie sub"ektnogo potentsiala lichnosti – real'nyy gumanizm pedagogicheskoy deyatel'nosti [Development subjective potential of the person – a real humanism pedal pedagogical activities]. Faktory i usloviya stanovleniya shkol'nika i studenta v kachestve sub"ekta obrazovatel'nogo protsessa: sb. statey [Factors and conditions of formation of the student and the student as the subject of the educational process. Coll. Articles]*. Ed. S.M. Godnik, V.I. Khlopovskikh. Voronezh, VGU Publ., VGI MOSU Publ., 1999. pp. 4-12. (In Russ.).
8. Zenkovskiy V.V. *Problema vospitaniya v svete khristianskoy antropologii [Education problem in the light of Christian anthropology]*. Moscow, Shkola-Press Publ., 1996. 272 p. (In Russ.).
9. Zaruba N.A. *Upravlenie obrazovaniem: adaptivnyy podkhod [Education Management: Adaptive Approach]. Nauchnye trudy SWorld [Proceedings SWorld]*, 2012, vol. 16, no. 1, pp. 23-29. (In Russ.).
10. Zaruba N.A. *Aktual'nost' adaptivnogo podkhoda k podgotovke spetsialistov v usloviyakh sotsial'nykh transformatsionnykh protsessov rossiyskogo obshchestva [Relevance of adaptive approach to training specialists in the conditions of social transformation processes in Russian society]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no. 4 (29/1), pp. 109-115. (In Russ.).
11. Lettsev V.M. *Lichnost' kak sredotochie mirovozzrencheskikh iskaniy V.V. Zen'kovskogo [Personality as a center of philosophical quest V.V. Zenkovsky]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, 2003, no. 12, pp. 140-146. (In Russ.).

12. Minenko G.N. Dukhovnaya kul'tura obshchestva: sodержanie ponyatiya [Spiritual culture of society: the content of the concept]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 31, pp. 97-104. (In Russ.).
13. Minenko G.N. Filosofiya "cheloveka vozmozhnogo" v kontekste formirovaniya otkrytoy kul'tury Rossii [Philosophy of "human potential" in the context of the formation of the opening and culture of Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37/2, pp. 13-19. (In Russ.).
14. Petrovskiy V.A. *Chelovek nad situatsiyey [Man of the situation]*. Moscow, Smysl Publ., 2010. 559 p. (In Russ.).
15. *Professional'nyy standart "Pedagog" [Professional standards "Teacher"]*. (In Russ.). Available at: husain-off.ru/hg74now-05.html#04.
16. Rubinshteyn S.L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and consciousness. Man and the world]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 512 p. (In Russ.).
17. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti. ucheb. posobie dlya vuzov [Fundamentals of psychological anthropology. Psychology of Human: Introduction to Psychology subjectivity. Proc. manual for higher education]*. Moscow, Shkola-Press Publ., 1995. 384 p. (In Russ.).
18. Sharipov F.V. *Pedagogika i psikhologiya vysshey shkoly: uchebnoe posobie [Pedagogy and psychology of higher education. Proc. manual]*. Moscow, Logos Publ., 2011. 446 p. (In Russ.).
19. Yannaras Kh. *Izbrannoe: Lichnost' i Eros [Personality and Eros]*. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2005. 480 p. (In Russ.).

УДК 378:355

МЕТОД ПРОЕКТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ТВОРЧЕСКОМ ВУЗЕ

Борздун Вадим Николаевич, кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии, начальник управления информатизации, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: VadimNB@hotmail.com

Григоренко Наталья Николаевна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: Natalya_grigorenko@mail.ru

В статье освещается инновация по организации педагогической практики студентов творческих специальностей, состоящая из проведения очной недели погружения в метод проектов, включающая разработку со студентами портфолио проекта, который ими реализовывался на практике. Рассмотрена необходимость и возможность применения в рамках компетентного подхода методов проектов при организации и проведении производственной (педагогической) практики студентов. Дается анализ всех этапов реализации учебных проектов при прохождении студентами практики, включая педагогическое оценивание и рефлексию. Обосновывается специфика организации и проведения педагогической практики в творческом вузе. Актуализируется необходимость и возможность применения информационно-коммуникационных и интерактивных технологий и методов обучения в ходе подготовки и проведения производственной (педагогической) практики студентов вуза культуры и искусства. На примере компетенций, определенных по педагогической деятельности в Федеральном государственном образовательном стандарте по направлению подготовки 51.03.02 «Народная художественная культура», анализируется ход разработки студентами портфолио проекта, который в последующем реализуется на базе практики.

В статье представлены задачи, решаемые в ходе организации и проведения педагогической практики по методу проектов как студентами, так и педагогами (тьюторами). Определены особенности тью-

торского подхода в современной практике обучения (в различных системах – общего, дополнительного, профессионального образования) по дисциплинам художественно-творческой направленности.

Авторами представлены возможности педагогической оценки (объективной, субъектной) реализованных проектов как обучающимися на базе практики, так и самими студентами, проходящими производственную (педагогическую) практику, оценка руководителями с мест практики такой формы организации студенческой практики, а также конкретные результаты и отношение студентов к применению метода проекта в их непосредственной практической педагогической деятельности.

Ключевые слова: педагогическая практика, портфолио, метод проектов, учебный проект, информационно-коммуникационные технологии, педагогическая деятельность.

A METHOD OF PROJECTS IN THE PEDAGOGICAL PRACTICE ORGANIZATION AT THE CREATIVE UNIVERSITY

Borzduin Vadim Nikolaevich, PhD in Chemistry, Associate Professor, Associate Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Head of Information, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: VadimNB@hotmail.com

Grigorenko Natalya Nikolaevna, PhD in Philosophy, Department Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Natalya_grigorenko@mail.ru

The article highlights the innovation on organizing pedagogical practice for the students of creative specialties, consisting of a full-time week immersion into the project method, including the project portfolio development which was implemented by the students during the practice. The necessity and possibility for applying the project methods within the competence approach for organizing and carrying out the students' pedagogical practice is considered in the article. The authors provide the analysis for all stages of implementing educational projects during the students' practice, including pedagogical evaluation and reflection. Also the specificity of organizing and conducting the pedagogical practice at the higher educational institution of culture is proved. The authors actualize the necessity and possibility of using information and communication technologies and interactive teaching methods for preparing and conducting pedagogical practice of the students. On the example of the competencies defined by pedagogical activity in the Federal State Educational Standards on the training direction 51.03.02 "Folk Art Culture", the authors review the students' project portfolio development for further implementing on the basis of practices.

The article presents the problems solving within organizing and conducting pedagogical practice using the method of projects both by the students and the teachers (tutors). The features of tutor approach in the modern practice of teaching art and creative disciplines (for general, additional and vocational education) are defined.

The authors presented the possibility for educational evaluation (objective and subjective) of the projects implemented both by the pupils and the students doing pedagogical practice, assessment of the heads of practice, and also the results and students' attitude to implementing the project methods for their pedagogical activity.

Keywords: teaching practice, portfolio, project method, the training project, information and communications technology, educational activities.

Реализация комплексного подхода требует от отечественного образования системного решения проблем совершенствования качества обучения, обновления педагогических методик и технологий, а также способов контроля эффективности обучения. Одной из инновационных технологий

оценивания качества обучения и уровня сформированности компетенций обучающихся в современном образовательном учреждении является портфолио [4; 6–8] – один из инструментов, используемых для итогового оценивания продукта, получаемого в результате реализации учебного

проекта. Метод проектов – это способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, предложенной педагогом или выявленной обучающимися, которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом [5; 10; 11; 13]. Этот результат можно увидеть, осмыслить, применить в реальной практической деятельности. Решение проблемы предусматривает, с одной стороны, использование совокупности разнообразных методов и средств обучения, а с другой – необходимость интегрирования знаний, умений, применение знаний из различных областей науки, техники, технологии, творчества.

Работа по методу проектов предполагает не только наличие и осознание какой-то проблемы, но и процесс ее раскрытия, решения, что включает четкое планирование действий, наличие замысла или гипотезы решения этой проблемы, распределение (если имеется в виду групповая работа) ролей, то есть заданий для каждого участника при условии тесного взаимодействия. Тематика проектов может касаться какого-либо вопроса учебной программы с целью углубить знания отдельных обучающихся по этому вопросу, дифференцировать процесс обучения. Чаще, однако, темы проектов относятся к вопросу, актуальному для практической жизни и вместе с тем требующему привлечения знаний разных областей творческого мышления, исследовательских и практических навыков. Таким образом, достигается вполне естественная интеграция знаний.

Одной из главных целей метода проектов является обеспечение непосредственной реализации классического дидактического принципа полноценной связи обучения с практикой (реальной деятельностью).

В нашем вузе метод проектов используется педагогами в качестве основы учебных проектов и производственной (педагогической) практики студентов.

Как продолжение методик обучения должны использоваться формы контроля, позволяющие обучающемуся более четко осознать свои достижения и недоработки, скорректировать собственную активность, а преподавателю – направить деятельность в необходимое русло. Способы и методы оценивания подбираются в зависимости от подхода к определению результатов образо-

вания: обученность, образованность, компетентность, готовность учащегося [9]. Существуют разные подходы к определению структуры компетенций, в тоже время большая часть авторов выделяет когнитивную и личностную составляющие. Компетентностный подход создает условия для повышения эффективности взаимодействия всех участников образовательного процесса [3] и выступает основой для построения содержания и технологий реализации профессиональных компетенций.

Анализ литературных источников позволяет прийти к заключению, что стартовой точкой развития профессиональной компетентности как целевого образования выступает мотивационно-ценностное отношение личности, а полнота её реализации определяется наличием теоретических и практических знаний, умениями и опытом субъекта труда. Таким образом, профессиональная компетентность определяется как способ решения задач деятельности, опосредованный личностным отношением к делу [1; 12].

Формирующее и обобщающее оценивание опирается на заранее разработанную и предъявляемую обучающемуся систему критериев. Для оценивания в критериальном подходе часто используются критериальные таблицы – рубрикаторы, основными элементами которого являются: критерий – признак, основание, правило принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям (мере); показатель – обобщённая характеристика какого-либо объекта, процесса или его результата; индикатор – объект, отображающий изменения какого-либо параметра, в форме, наиболее удобной для непосредственного восприятия.

Объектом оценивания является не только обучающийся, но и педагог, а предметом оценивания – их учебная деятельность: приращение знаний и навыков обучающегося и приращение умения преподавателя (его профессиональный прирост) организовать учебную деятельность [2].

Инструменты оценивания могут иметь вид оценочных листов, контрольных списков или форм само- и взаимооценки. Данные инструменты применяются для оценивания продуктов образовательной деятельности обучающихся: презентаций, буклетов, ментальных карт, лент времени, опросных форм, аннотированных ката-

логов, онлайн-карт, сайтов, вики-страниц, блогов и т. д., например, в качестве критериев оценивания рассматриваются метапредметные результаты обучения – способы деятельности, использованные обучающимися в процессе работы над задачей (проектом).

Учебный проект с точки зрения обучающегося – это возможность делать что-то интересное самостоятельно или в группе, максимально используя свои возможности; это деятельность, позволяющая проявить себя, попробовать свои силы, приложить свои знания, принести пользу и показать публично достигнутый результат; это деятельность, направленная на решение интересной проблемы, сформулированной самим студентом в виде цели и задачи, когда результат этой деятельности – найденный способ решения проблемы – носит практический характер, имеет важное прикладное значение и, что весьма важно, интересен и значим для самих открывателей (то есть нахождение чего-то нового, неизвестного, что создает предпосылки внутренней мотивации для участия в этом проекте).

Развитие экономики постоянно ставит задачи совершенствования в организациях и учреждениях, занимающихся подготовкой и профессиональным становлением специалистов в любой области деятельности. Не исключением является и образование в сфере искусства и культуры. В современном творческом вузе происходят серьезные изменения и это – требование времени. Обновляется учебное оборудование, учебники и учебно-методические комплексы. Большое внимание уделяется образовательным технологиям, формирующим инициативность обучающихся, индивидуальным особенностям молодежи. В то же время содержание профессионального образования должно успевать за быстрыми изменениями реальной профессиональной действительности специалиста, сокращая разрыв между актуальными потребностями социокультурной сферы и качеством подготовки специалиста.

Рассмотрение требований Федерального государственного образовательного стандарта по направлениям:

- 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность»,
- 51.03.01 «Культурология»,
- 51.03.02 «Народная художественная культура»,

– в части компетенции осуществления педагогической деятельности, позволяет говорить об общих тенденциях. Например, рассмотрим требования из Федерального государственного образовательного стандарта по направлению подготовки 51.03.02 «Народная художественная культура», в части компетенции осуществления педагогической деятельности в процессе обучения в вузе студент формирует и демонстрирует следующие компетенции:

- способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7);
- способность к самостоятельному поиску, обработке, анализу и оценке профессиональной информации, приобретению новых знаний, используя современные образовательные и информационные технологии (ОПК-2);
- способность реализовывать актуальные задачи воспитания различных групп населения, развития духовно-нравственной культуры общества и национально-культурных отношений на материале и средствами народной художественной культуры (ПК-4);
- владение основными формами и методами этнокультурного образования, этнопедагогики, педагогического руководства коллективом народного творчества (ПК-5);
- способность принимать участие в формировании общего мирового научного, образовательного и культурно-информационного пространства, трансляции и сохранения в нем культурного наследия народов России, достижений в различных видах народного художественного творчества (ПК-6);
- способность участвовать в научно-методическом обеспечении деятельности коллективов народного художественного творчества, этнокультурных учреждений и организаций (ПК-10);
- способность участвовать в организационно-методическом обеспечении, подготовке и проведении фестивалей, конкурсов, смотров, праздников, мастер-классов, выставок народного художественного творчества, семинаров и конференций, посвященных народной художественной культуре (ПК-11);
- способность содействовать активному распространению в обществе информации о народной художественной культуре для повышения культурного уровня различных групп населения,

формирования у них духовно-нравственных ценностей и идеалов, повышения культуры межнационального общения, сохранения этнокультурной идентичности разных народов (ПК-15);

- способность принимать участие в деятельности российских и зарубежных этнокультурных центров, музеев, других учреждений культуры, издательств, образовательных, общественных организаций и движений по пропаганде культурного наследия народов России, достижений народного художественного творчества (ПК-16);

- способность участвовать в реализации научных, учебных, творческих программ в сфере народной художественной культуры, с активным использованием современных социальных, психолого-педагогических и информационных технологий, средств массовой информации (ПК-17).

Без сомнения, профессиональное развитие специалиста в сфере культуры и искусства невозможно без освоения информационно-коммуникационных технологий, которые на сегодняшний день являются основными технологиями во всех сферах деятельности человека, вместе с тем они самые быстро развивающиеся, самыми значительными по материальным, интеллектуальным и другим ресурсным вложениям человечества и в частности нашего государства.

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий в последние тридцать лет послужило катализатором к развитию сфер деятельности человека, основанных на использовании различной информации, к становлению информационного общества. Под информационным обществом следует понимать такое общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы – знаний. В информационном обществе изменятся не только производство, но и весь уклад жизни, система ценностей, возрастет значимость культурного досуга по отношению к материальным ценностям. По сравнению с индустриальным обществом, где все силы направлены на производство и потребление товаров, в информационном обществе производятся и потребляются в основном интеллект и знания, что приводит к увеличению доли умственного труда. Следо-

вательно, в настоящее время, совершающийся переход человечества в информационное общество предполагает модернизацию всех сфер деятельности человека, исходя из проблемных задач. При этом предполагается, что в информационном обществе информационно-коммуникационные технологии будут основными не только для специалистов, работающих в области, связанной с производством компьютеров или средств обработки информации, но и для любого гражданина.

В период перехода к информационному обществу необходимо подготовить человека к быстрому восприятию и обработке больших объемов информации, овладению им современными средствами, методами и технологией работы. Кроме того, новые условия работы порождают зависимость информированности одного человека от информации, приобретенной другими людьми. Поэтому уже недостаточно уметь самостоятельно осваивать и накапливать информацию, а надо учиться такой технологии работы с информацией, когда подготавливаются и принимаются решения на основе коллективного знания. Это говорит о том, что человек должен иметь определенный уровень культуры по обращению с информацией.

Исходя из вышеизложенного, компетентность специалиста в информационном обществе будет определяться, в первую очередь, его информационно-коммуникационной компетентностью. Поэтому одной из важнейших задач любого вуза (в частном случае – творческого) является развитие информационно-коммуникационной компетентности наряду со специальными предметными (профессиональными) компетентностями на основе информационно-коммуникационных технологий.

Предполагается, что на профессиональной (педагогической) практике студенты, изучающие педагогические аспекты организации работы детских коллективов (будь то фото-, видео- или театральная, хореографическая студия и т. д.) должны отрабатывать и демонстрировать компетенции, включающие в себя и применение современных педагогических технологий, и информационно-коммуникационных технологий. Соответственно, целями производственной (педагогической) практики являются: формирование профессиональной компетентности, необходимой для успешной пре-

подавательской деятельности в условиях современной информационной образовательной среды; практическое знакомство с профессиональной педагогической деятельностью, профессиональная и социальная адаптация будущих специалистов к работе в образовательных учреждениях и организациях по профилю их подготовки.

В Кемеровском государственном институте культуры (до сентября 2015 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств) опробована и внедрена инновация по организации профессиональной (педагогической) практики студентов по ФГОС ВПО по направлению подготовки 51.03.02 «Народная художественная культура», профили: «Руководство хореографическим коллективом» (институт хореографии), «Руководство студией декоративно-прикладного творчества» (институт визуальных искусств), «Руководство студией кино, фото- и видеотворчества» (институт визуальных искусств), «Руководство театральным коллективом» (институт театра) и др. (институт музыки). В течении производственной (педагогической) практики решаются следующие задачи (см. табл. 1):

- овладение навыками самостоятельного ведения воспитательно-образовательной работы: в области преподавания профильных дисциплин, в применении традиционных и инновационных технологий образования, в учебном процессе;
- совершенствование опыта проектирования образовательной среды для формирования профессионально значимых компетенций обучающихся;
- формирование компетенций и профессионально значимых качеств личности будущего педагога;
- совершенствование интеллектуальных способностей и коммуникативных умений в процессе педагогической деятельности;
- формирование навыков самовоспитания, самообразования, проектирования дальнейшего образовательного маршрута и профессиональной карьеры.

Данные задачи производственной (педагогической) практики соотносятся со следующими видами профессиональной деятельности: педагогической, методической, культурно-просветительской. Суть производственной (педагогической) практики состоит в следующем: перед на-

чалом практики со студентами разрабатывается портфолио проекта, который ими реализуется на практике.

Создание портфолио студентами осуществлялось в течение недели в сотрудничестве с тьюторами – преподавателями кафедр педагогики, психологии и др. Содержание деятельности студентов представляет собой интерактивную работу на лекциях, тренингах, семинарских занятиях и обязательное выполнение самостоятельной работы с предоставлением отчета в дистанционном режиме. Студенты создавали (с целью реализации их в учреждениях во время прохождения практики) учебные проекты для работы с обучающимися школьного (или студенческого) возраста в течение 2–3 недель (6–9 часов).

Тьюторы, в период погружения в проект, знакомили студентов с такими вопросами, как [2]: метод проектов, обучение с использованием метода проектов, планирование учебного проекта, организация совместной работы по проекту в сети, создание продуктов проектной деятельности обучающихся, оценивание продуктов проектной деятельности обучающихся, создание материалов по сопровождению и поддержке проектной деятельности.

Студенты участвовали в трех тренингах: «Использование возможностей социальных сервисов Интернета в образовательном процессе», «Метод проектов – современная педагогическая технология» и «Формирующее оценивание». Около 70 % времени, в течение данной недели, студенты, объединившись в группы из 2–3 человек, разрабатывали свои портфолио, используя информационно-коммуникационные технологии.

Защита состояла из двух этапов: первый – по окончании разработки портфолио, второй – по окончании практики.

Тьюторы, работая со студентами, готовили их к преподавательской (и тьюторской) деятельности во время практики для реализации с обучающимися учебных проектов. При этом происходило понимание того, что тьюторство – это иная идеология, выстроенная на иных ценностях и подходах, что влечет за собой необходимость освоения педагогом новой профессиональной роли, осмысления и осознания иной философии, философии индивидуализации образовательного процесса, практического освоения других технологий, в том числе и технологий открытого образования.

Таблица 1

МАТРИЦА

соответствия планируемых результатов обучения и планируемых результатов освоения основной образовательной программы

Планируемые результаты освоения ООП (формируемые компетенции)	Планируемые результаты производственной (педагогической) практики		
	Знания	Умения	Владения
способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7)	особенности строения мотивационной сферы учения личности; факторы, способствующие развитию мотивации и влияющие на повышение уровня профессиональной квалификации обучающихся	создавать условия для формирования положительной мотивации учения; самостоятельно овладевать совокупностью педагогических ценностей, технологий, творчества	способами мотивирования на систематическое повышение уровня профессиональной квалификации обучающихся
способность к самостоятельному поиску, обработке, анализу и оценке профессиональной информации, приобретению новых знаний, с использованием современных образовательных и информационных технологий (ОПК-2)	основные подходы к разработке индивидуально-ориентированных стратегий обучения и воспитания	разрабатывать индивидуально-ориентированные стратегии обучения и воспитания на материале и средствами народной художественной культуры	технологиями разработки индивидуально-ориентированных стратегий обучения и воспитания на материале и средствами народной художественной культуры
способность реализовывать актуальные задачи воспитания различных групп населения, развития духовно-нравственной культуры общества и национально-культурных отношений на материале и средствами народной художественной культуры (ПК-4)	современные теории воспитания; возможности воспитательной деятельности на материале и средствами народной художественной культуры; факторы, влияющие на эффективность учебно-воспитательного процесса	организовывать воспитание различных групп населения на материале и средствами народной художественной культуры; осуществлять педагогическое руководство; определять эффективность учебно-воспитательного процесса	технологиями и методами воспитания применительно к различным возрастным и социальным группам населения; методами работы, способствующими развитию духовно-нравственной культуры общества и национально-культурных отношений на материале и средствами народной художественной культуры; технологиями выявления эффективности учебно-воспитательного процесса
владение основными формами и методами этнокультурного образования, этнопедагогики, педагогического руководства коллективом народного творчества (ПК-5)	тенденции развития этнокультурного образования; этнические особенности воспитания и их определяющие факторы; специфику педагогического руководства студией кино-, фото- и видеотворчества	сбирать, обобщать и анализировать эмпирическую информацию об истории, современных явлениях и тенденциях развития народной художественной культуры	основными формами и методами этнокультурного образования, этнопедагогики; технологиями педагогического руководств

Планируемые результаты освоения ООП (формируемые компетенции)	Планируемые результаты производственной (педагогической) практики		
	Знания	Умения	Владения
способность принимать участие в формировании общего мирового научного, образовательного и культурно-информационного пространства, трансляции и сохранения в нем культурного наследия народов России, достигений в различных видах народного художественного творчества (ПК-6)	основные идеи личностно-ориентированного обучения и воспитания; особенности педагогического взаимодействия руководителя и участников творческого коллектива; содержание, формы, методы и виды контроля качества образования	выявлять и развивать художественно-творческие способности обучающихся; создавать благоприятные психолого-педагогические условия в образовательном процессе; оценивать качество образования в соответствии с требованиями образовательного процесса	технологиями обучения и воспитания на основе гуманно-личностной ориентации педагогического процесса; способами оценки результатов качества образования в соответствии с требованиями образовательного процесса
способность участвовать в научно-методическом обеспечении деятельности коллективов народного художественного творчества, этнокультурных учреждений и организаций (ПК-10)	сущность научно-методического обеспечения деятельности коллективов народного художественного творчества, этнокультурных учреждений и организаций	разрабатывать и внедрять инновационные методики организации и руководства	технологиями научно-методического обеспечения деятельности коллективов народного художественного творчества, этнокультурных учреждений и организаций
способность участвовать в организационно-методическом обеспечении, подготовке и проведении фестивалей, конкурсов, смотров, праздников, мастер-классов, выставок народного художественного творчества, семинаров и конференций, посвященных народной художественной культуре (ПК-11)	основные нормативные документы, регламентирующие содержание образования (ФЗ «Об образовании», «Концепция художественного образования в России» и др.)	организовывать и осуществлять программное и методическое обеспечение учебного процесса	технологиями программного и методического обеспечения учебного процесса
способность содействовать активному распространению в обществе информации о народной художественной культуре для повышения культурного уровня различных групп населения, формирования у них духовно-нравственных ценностей и идеалов, повышения культуры межнационального общения, сохранения этнокультурной идентичности разных народов (ПК-15)	специфику организации и планирования репетиционной, концертно-постановочной деятельности коллектива народного художественного творчества; факторы, влияющие на эффективность организации и планирования репетиционной и концертно-постановочной деятельности коллектива народного художественного творчества	разработать сценарий и осуществить постановку сценического действия; вести репетиционную работу; организовывать концертно-постановочную деятельность коллектива народного художественного творчества	методами организации и планирования репетиционной, концертно-постановочной деятельности коллектива народного художественного творчества; различными формами пропаганды их деятельности

Окончание таблицы 1

Планируемые результаты освоения ООП (формируемые компетенции)	Планируемые результаты производственной (педагогической) практики		
	Знания	Умения	Владения
способность принимать участие в деятельности российских и зарубежных этнокультурных центров, музеев, других учреждений культуры, издательств, образовательных, общественных организаций и движений по пропаганде культурного наследия народов России, достижений народного художественного творчества (ПК-16)	критерии оценки качества художественно-исполнительской деятельности участников коллективов народного художественного творчества; методические подходы к анализу произведения	творчески работать над художественным произведением, формировать художественный образ, применять различные методики художественного анализа	методами анализа художественных произведений; критериями оценки качества художественно-исполнительской деятельности участников коллективов народного художественного творчества
способность участвовать в реализации научных, учебных, творческих программ в сфере народной художественной культуры, с активным использованием современных социальных, психолого-педагогических и информационных технологий, средств массовой информации (ПК-17)	структуру учебно-воспитательного процесса; основные принципы системного подхода (целостность, иерархичность, структуризация, множественность и системность)	планировать и организовывать учебно-воспитательный процесс на основе системного подхода	основными методами системного подхода (синтез и анализ) в художественно-педагогической деятельности

В процессе прохождения производственной (педагогической) практики студентам создаются условия для освоения следующих направлений деятельности:

- ознакомление со структурой образовательного процесса и нормативными документами, регламентирующими ведение образовательной деятельности;

- формирование портфолио учебного проекта;

- ознакомление с организацией и проведением всех форм учебных занятий в соответствии с проектом;

- самостоятельная подготовка планов и конспектов занятий по учебным дисциплинам;

- подбор и анализ основной и дополнительной литературы в соответствии с тематикой и целями занятий;

- разработка рабочих учебных программ и методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса в образовательном учреждении на высоком научно-методическом уровне;

- методически грамотное проведение различных видов учебных занятий;

- осуществление научно-методического анализа проведенных занятий.

Программа производственной (педагогической) практики для каждого студента конкретизируется и дополняется в зависимости от научных, творческих и педагогических интересов студента. Организация производственной практики предусматривает использование: активных образовательных технологий (в форме: индивидуальных занятий и собеседований; интервью, беседы, наблюдения с целью сбора информации при выполнении заданий практики; анализа учебно-методических документов; вовлечения студентов в реализацию производственных процессов в образовательном учреждении), интерактивных методов (анализа конкретных производственных ситуаций; публичных выступлений при проведении мероприятий на базах практики; публичной защиты результатов прохождения практики) и инновационных технологий (метода проектов

при подготовке к проведению учебных проектов с обучающимися в базе практики).

Оценка работы каждого студента определяется по критериям оценивания портфолио с учетом качества выполненных студентом заданий, инициативы, степени заинтересованности в работе, дисциплинированности.

Во время проведения рефлексии (после заключительной защиты) студентами был отмечен ряд эффектов от применения метода проектов в своей деятельности, при работе с обучающимися.

В ходе реализации проекта были выполнены все запланированные задания и мероприятия. В результате получен вполне материальный продукт совместной творческой деятельности. С обучающимися на последнем занятии проведен торжественный просмотр результатов и анализ проделанной работы. Выяснилось, что учащим-

ся очень понравилась форма работы, которая нацелена на конкретный результат. К тому же она способствовала организации работы в коллективе, где каждый ребенок со своим темпераментом и характером нашёл место в общей творческой деятельности.

Студенты отметили, что такая форма организации практики для них была интересной и позволила открыть для себя много нового и познавательного, получить практический опыт преподавательской деятельности.

Педагоги, курирующие практику студентов в учреждениях, отметили у студентов-практикантов умение организовать занятие в деятельностной парадигме; работу в группах; работу обучающегося по индивидуальному маршруту и т. д., а также оценили степень сформированности компетенций.

Литература

1. Алдашева А. А. Профессиональная компетентность: понятие и структура // Вестн. Адыгей. гос. ун-та. Сер. 3: Педагогика и психология. – 2012. – № 4 (109). – С. 121–128.
2. Борздун В. Н., Дворовенко Н. Н., Жуланова В. П. и др. Внедрение технологии учебных проектов в образовательный процесс на первом этапе развития интернет-технологий: учеб.-метод. пособие. – Кемерово: КРИПКиПРО, 2010. – 178 с.
3. Волгина Н. Ю. Проблемы организации работы с одаренными студентами // Современные вопросы науки и образования – XXI век: сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. заоч. науч.-практ. конф. – 2012. – С. 32–33.
4. Гетман Н. А., Котенко Е. Н. Портфолио как современная технология оценивания учебных достижений студентов // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 2. – С. 22–28.
5. Дьюи Д. Образование и школа: «Мое педагогическое кредо» (отрывок). 1897 год / пер. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниной // Завуч. – 2003. – № 8. – С. 47–57.
6. Жгенти И. В. Дополнительное образование детей в России: прошлое, настоящее, будущее (историко-педагогический обзор) // Педагогика искусства. – 2014. – № 4. – С. 349–354.
7. Ключев Ю. В. Реализация программы учебной (ознакомительной) практики студентов, обучающихся по направлению подготовки 100400 «Туризм» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33. – С. 193–199.
8. Кондраченко Е. В. Портфолио как технология оценивания профессиональных компетенций студентов // Вестн. Марий. гос. ун-та. – 2014. – № 1 (13). – С. 176–180.
9. Корнев Д. В. Формирование профессиональной компетентности педагогов дополнительного образования // Человеческий капитал. – 2014. – № 7 (67). – С. 67–71.
10. Мылова И. Б., Челак Е. Н. Информатика в профильной школе: Пособие для учителя / под ред. проф. И. Ю. Алексашиной. – СПб.: Просвещение, 2006. – 159 с. – (Сер. «Профильное обучение»).
11. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов пед. вузов и системы повышения квалификации пед. кадров. – М.: Академия, 2001. – С. 234–237.
12. Чемяков В. П. Грейдинг: технология построения системы управления персоналом. – М.: Вершина, 2007. – 208 с.
13. Шацкий С. Т. Педагогические сочинения: в 4 т. / под ред. И. А. Каирова [и др.]; Акад. пед. наук РСФСР. – М.: Просвещение, 1962–1965. – Т. 4: [Статьи, доклады и выступления за 1931–1934 годы] / сост. Д. С. Бершадская. – 1965. – 328 с. – Указ. – С. 318–322. – Библиогр.: С. 323–326.

References

1. Aldasheva A.A. Professional'naya kompetentnost': ponyatie i struktura [Professional competence: concept and structure]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya [Herald of Adygeya State University. Series 3. Pedagogy and Psychology]*, 2012, no. 4 (109), pp.121-128. (In Russ.).
2. Borzdun V.N., Dvorovenko N.N., Zhulanova V.P. i dr. *Vnedrenie tekhnologii uchebnykh proektov v obrazovatel'nyy protsess na pervom etape razvitiya internet-tekhnologii: uchebno-metodicheskoe posobie [The introduction of technology training projects in the educational process in the first stage of development of Internet technology. Teaching aid]*. Kemerovo: KRIPKiPRO Publ, 2010. 178 p. (In Russ.).
3. Volgina N.Yu. Problemy organizatsii raboty s odarennyimi studentami [Problems of organization of work with gifted students]. *Sovremennye voprosy nauki i obrazovaniya – XXI vek: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Modern problems of science and education - XXI century. Sat. scientific tr. on the mat Lama International extramural scientific-practical conference]*, 2012, pp. 32-33. (In Russ.).
4. Getman N.A., Kotenko E.N. Portfolio kak sovremennaya tekhnologiya otsenivaniya uchebnykh dostizheniy studentov [Portfolio as a modern technology assessment of educational achievements of students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Russia in the Teacher Education]*, 2014, no. 2, pp. 22-28. (In Russ.).
5. Dyui D. Obrazovanie i shkola: "Moe pedagogicheskoe kredo" (otryvok). 1897 god [Education and School: "My pedagogic creed" (excerpt). 1897]. Transl. E.N. Gusinskiy, Y.I. Turchaninova. *Zavuch [The director of studies]*, 2003, no. 8, pp. 47-57. (In Russ.).
6. Zhgenti I.V. Dopolnitel'noe obrazovanie detey v Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee (istoriko-pedagogicheskiy obzor) [Additional education of children in Russia: Past, Present, Future (historical and pedagogical review)]. *Pedagogika iskusstva [Pedagogy art]*, 2014, no. 4, pp. 349-354. (In Russ.).
7. Klyuev Yu.V. Realizatsiya programmy uchebnoy (oznakomitel'noy) praktiki studentov, obuchayushchikhsya po napravleniyu podgotovki 100400 "Turizm" [The program curriculum (study) practice of students enrolled in the direction of training 100400 "Tourism"]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 33, pp. 193-199. (In Russ.).
8. Kondratenko E.V. Portfolio kak tekhnologiya otsenivaniya professional'nykh kompetentsiy studentov [Portfolio as a technology assessment of professional competencies of students]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald Mari State universiteta]*, 2014, no. 1 (13), pp. 176-180. (In Russ.).
9. Kornev D.V. Formirovanie professional'noy kompetentnosti pedagogov dopolnitel'nogo obrazovaniya [Formation of professional competence of teachers of additional education]. *Chelovecheskiy kapital [Human Capital]*, 2014, no. 7 (67), pp. 67-71. (In Russ.).
10. Mylova I.B., Chelak E.N. *Informatika v profil'noy shkole: posobie dlya uchitelya. Seriya "Profil'noe obuchenie" [Information at profile school: Teacher's Guide. Series "Profile education"]*. Ed. prof. I.Y. Aleksashina St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 2006. 159 p. (In Russ.).
11. Polat E.S. *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya: ucheb. posobie dlya studentov. ped. vuzov i sistemy povysh. kvalif. ped. kadrov [New pedagogical and information technologies in the education system. Textbook]*. Moscow, Akademiya Publ., 2001, pp. 234-237. (In Russ.).
12. Chemekov V.P. *Greyding: tekhnologiya postroeniya sistemy upravleniya personalom [Grading: the technology of building a system of personnel management]*. Moscow, Vershina Publ., 2007. 208 p. (In Russ.).
13. Shatskiy S.T. *Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical works]*. Ed. I.A. Kairova [i dr.]; *Akad. ped. nauk RSFSR. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1962–1965, vol. 4: [Stat'i, doklady i vystupleniya za 1931–1934 gody]*. Ed. D.S. Bershadskaya. 1965. 328 p. Ukaz.: pp. 318-322. Bibliogr.: pp. 323-326. (In Russ.).

Алфавитный указатель авторов**List of Authors in Alphabetical Order**

Басалаева О. Г.	76	Basalaeva O.G.	76
Белов В. Ф.	193	Belov V.F.	193
Борздун В. Н.	210	Borzdun V.N.	210
Бугрова Н. А.	202	Bugrova N.A.	202
Васильковская М. И.	152	Vasilkovskaya M.I.	152
Глушкова П. В.	61, 67	Glushkova P.V.	61, 67
Григоренко Н. Н.	210	Grigorenko N.N.	210
Зайцева Т. В.	159	Zaytseva T.V.	159
Кениспаев Ж. К.	40	Kenispaev Z.K.	40
Клюев Ю. В.	166	Klyuev Y.V.	166
Коргожа Н. С.	140	Korgozha N.S.	140
Лазарева М. В.	183	Lazareva M.V.	183
Латышев А. А.	13	Latyshev A.A.	13
Лесовиченко А. М.	81	Lesovichenko A.M.	81
Лукина Н. П.	76	Lukina N.P.	76
Манзырева Е. С.	33	Manzyreva E.S.	33
Миненко Г. Н.	13	Minenko G.N.	13
Монастыршина Ю. А.	107	Monastyrshina Y.A.	107
Морозов Н. М.	22	Morozov N.M.	22
Мухамедиева С. А.	166, 175	Mukhamedieva S.A.	166, 175
Прокопов В. Л.	134	Prokopov V.L.	134
Прокопова Н. Л.	134	Prokopova N.L.	134
Родионов С. Г.	61	Rodionov S.G.	61
Родионова Д. Д.	166	Rodionova D.D.	166
Синельникова О. В.	98	Sinelnikova O.V.	98
Слаутина Н. М.	183, 188	Slautina N.M.	183, 188
Тараненко Л. Г.	166	Taranenko L.G.	166
Татарина А. Д.	127	Tatarinova A.D.	127
Труевцева О. Н.	56	Truevtseva O.N.	56
Ульмасов Ф. А.	120	Ulmasov F.A.	120
Френк Г. Ю.	50	Frenk G.Y.	50
Черняк Е. Ф.	197	Chernyak E.F.	197
Чигарева Е. И.	90	Chigareva E.I.	90
Шикалева И. А.	46	Shikaleva I.A.	46
Юдин М. О.	67	Yudin M.O.	67
Юдина А. И.	146, 166	Yudina A.I.	146, 166

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemgu-ki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикаторм журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ,
БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).

E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ,
БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГИК, научное управление;
- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: <http://vestnik.kemguki.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Цена 505 рублей

Дата выхода номера в свет 15.02.2017

Подписано в печать 21.01.2016.

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 21.

Уч.-изд. л. 22,5. Усл. печ. л. 26,2

Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного института культуры:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Price 505 roubles

Issue released on February 15, 2017

Signed for print 21.01.2016.

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 21.

Author's sheets 22,5. Printer's sheets 26,2

Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
17 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru